

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1956

О КООПЕРАТИВНОМ ДВИЖЕНИИ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Б. ШИРЕНДЫБ

Действительный член Комитета наук МНР

Марксизм-ленинизм учит, что формы перехода к социализму, имея одну и ту же сущность, могут быть разными для различных стран в зависимости от конкретных исторических условий. В. И. Ленин еще до Великой Октябрьской социалистической революции предвидел, что при единстве и общности в главном переход к социализму различных стран будет не совсем одинаков, что каждая нация внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни¹. Эти ленинские положения, как отметил Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, полностью подтверждены опытом Советского Союза и стран народной демократии.

Монгольская Народная Республика, в отличие от СССР и некоторых стран народной демократии, совершает переход к социализму не от капитализма, а от феодализма. Это обусловлено особенностями социально-экономического развития страны в прошлом — господством докапиталистических отношений, отсутствием промышленности и крайней отсталостью экономики вообще, низким уровнем политической и культурной жизни. Вся история Монгольской Народной Республики убедительно подтверждает известные положения марксизма-ленинизма о возможности перехода таких отсталых стран при помощи передового социалистического государства к социализму, минуя капитализм.

Монгольская народная революция 1921 г. была антифеодальной и антиимпериалистической. Она совершилась под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, привела к образованию народно-демократического строя и открыла перед страной некапиталистический, т. е. социалистический путь развития. Монгольская народная революция в своем развитии имеет два этапа — общедемократический и социалистический.

С момента победы Народной революции вплоть до 1940 г., т. е. на общедемократическом этапе революции, трудящиеся Монголии под руководством МНРП, вооруженной учением марксизма-ленинизма, решили задачи уничтожения колониального и феодального гнета и обеспечили

¹ См. В. И. Ленин. Соч. т. 23, стр. 58.

14744
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

полную независимость страны. В этот период была ликвидирована экономическая база феодализма, в результате чего жизненный уровень аратов значительно повысился. поголовье скота выросло более чем вдвое. Промышленность, современные виды транспорта, банк и другие главные рычаги социалистического сектора, целиком заново созданные при помощи СССР, укреплялись и развивались под руководством народного государства. Были достигнуты большие успехи в области культуры и повышения благосостояния трудящихся.

В результате этих преобразований произошли коренные изменения в классовой структуре общества — был ликвидирован класс светских и духовных феодалов, окончательно вытеснен иностранный капитал, в стране появился рабочий класс. Народно-демократическая власть стала развиваться и укрепляться на основе союза рабочего класса и трудового аратства.

В Монгольской Народной Республике сложились следующие основные формы собственности на средства производства: государственная (общенародная), кооперативная (собственность кустарно-промышленной и потребительской кооперации) и частная собственность аратов-единоличников на скот и другое имущество. Соответственно этим формам собственности на средства производства, образовались два экономических сектора: социалистический (государственные и кооперативные предприятия) и сектор индивидуальных аратских хозяйств. Таким образом, примерно к 1940 г. завершился первый этап Монгольской народной революции — этап антифеодальный и антиимпериалистический и начался второй, социалистический, этап развития.

Второй этап народной революции характеризуется борьбой трудящихся за окончательное выкорчевывание остатков феодализма в экономике и в сознании людей, за развитие всех отраслей народного хозяйства и культуры, за неуклонное укрепление и рост социалистического сектора, за строительство основ социализма.

Эти задачи были сформулированы в программе МНРП, принятой в 1940 г. на X съезде. Согласно этой программе, осуществлялись задачи всемерного развития хозяйства страны — содействие со стороны государства широкому развитию и улучшению трудового хозяйства аратов, помощь со стороны государства добровольным коллективным объединениям трудящихся аратов, расширение сети машинно-сенокосных станций, развитие в стране животноводства и промышленности при ограничении и вытеснении капиталистических, эксплуататорских элементов.

Трудящиеся Монгольской Народной Республики под руководством МНРП, при все возрастающей помощи Советского Союза, увеличивая поголовье скота в индивидуальных аратских хозяйствах и добровольных аратских объединениях, достигли больших успехов в области экономики, на основе которых развивалась культура и укреплялся народно-демократический строй.

Объем промышленной продукции к концу 1954 г. по сравнению с 1946 г. составил 158,3%².

Общее поголовье скота страны за этот же период увеличилось на 1844 тыс.³

XII съезд МНРП единодушно отметил, что, «осуществляя генеральную линию партии, монгольский народ под руководством Монгольской народно-революционной партии и при братской помощи Советского Союза сделал новый шаг вперед в строительстве основ социализма». В своих

² «Сборник материалов XII съезда МНРП». Улан-Батор, 1955.

³ Там же.

директивах по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1952—1957 гг. съезд наметил большую программу строительства основ социализма.

Уровень промышленного производства за пятилетие повышается на 40%. С помощью Советского Союза развиваются новые важные отрасли промышленности — горнорудная, нефтяная и другие; расширяется топливно-энергетическая база национальной промышленности, осуществляется переоборудование и механизация ряда промышленных предприятий. В 1955 г. была введена в эксплуатацию новая железнодорожная линия, связывающая Улан-Батор с Москвой и Пекином. Эта трансмонгольская железнодорожная магистраль создает огромные возможности для развития всех отраслей народного хозяйства и культуры страны. Протяженность железных дорог МНР к 1955 г. увеличилась в 6 раз по сравнению с 1940 г.

Государственный план выпуска промышленной продукции, установленный на 1955 г., выполнен в целом по МНР на 104,6%, в том числе государственной промышленностью на 102,8%, кооперативной — на 110,9%. По сравнению с 1954 г. валовый выпуск продукции промышленности увеличился в 1955 г. на 15,5%. План перевозок пассажиров перевыполнен на 17,9%, в том числе по железной дороге — на 12,4%, автотранспорту — на 19,4%⁴.

Если созданный к 1940 г. социалистический сектор в области промышленности, транспорта и торговли развивался ускоренными темпами, то процесс социалистической переделки сельского хозяйства шел гораздо медленнее, ускорение темпов социалистических преобразований в области сельского хозяйства началось лишь тогда, когда для этого создались основные предпосылки и накопился известный опыт, т. е. по существу с начала второй пятилетки. Трудящимся МНР потребовалось примерно два десятилетия упорной борьбы за ликвидацию всех социально-экономических последствий господствовавшей до революции феодально-колониальной системы. Главным препятствием на пути экономического, политического и культурного развития страны являлись феодальные отношения, господствовавшие к моменту победы народной революции.

На всем протяжении революции одним из основных и в то же время самых сложных вопросов было правильное решение задач некапиталистического пути развития сельского хозяйства. Надо было освободить аратов от феодально-колониальной эксплуатации и повысить уровень благосостояния и культуры народных масс. Необходимо было полностью использовать возможности индивидуальных аратских хозяйств, проводя политику поддержки трудовых аратских хозяйств и ограничения эксплуататорских элементов, поощрять развитие простейшей формы кооперирования. В борьбе за проведение этой политики партии приходилось преодолевать большие трудности, вести решительную борьбу с правыми, «левыми» и различными контрреволюционными группами, выступавшими против генеральной линии партии, наметившей некапиталистический путь развития страны.

Партия и народное правительство последовательно осуществляли важнейшие социально-экономические мероприятия по ликвидации феодально-крепостнических отношений и гнета иностранного капитала. Еще в 1921—1924 гг. были ликвидированы крепостническая зависимость аратов, их долги иностранным фирмам, привилегии феодалов и старая феодальная налоговая система. Княжеские уделы, на которые делилась

⁴ Сообщение Госплана МНР об итогах выполнения народнохозяйственного плана за 1955 г. «Унэн», 19 февраля 1956 г.

вся территория дореволюционной Монголии, были упразднены. В стране было установлено новое административное районирование.

Конституция МНР, принятая в 1924 г., закрепив успехи в деле революционного преобразования страны, узаконила общенародную собственность на землю. Налоговая политика народного правительства, в соответствии с задачами народной революции на данном этапе, направлялась против определенных слоев эксплуататоров (светских и духовных феодалов и кулацких элементов) и на поддержку трудовых аратских хозяйств. Эта политика ярко выражалась, в частности, в законах Об едином налоге (1926 г.), О скотоводческом и земледельческом налоге (1932 г.), О налоге с монастырских хозяйств (1932 г.), а также в других законах и директивных документах, принятых в последующие годы. Наряду с этим, аратским хозяйствам оказывалась помощь путем бесплатного предоставления пастбищ, проведения ветеринарных мероприятий, а также льготного кредитования. В 1929—1932 гг. была осуществлена конфискация скота и имущества у светских и частично у духовных феодалов. Часть конфискованного у монастырских хозяйств скота была передана немущим ламам, которые ранее эксплуатировались в этих хозяйствах. Все эти мероприятия серьезно улучшили положение аратов. Основная масса аратского населения становилась середнячком.

Трудящиеся Монголии, отвергнув капиталистический путь развития и добившись под руководством МНРП и при помощи Советского Союза больших успехов в преодолении социально-экономической отсталости страны, постепенно начинают добровольно переходить от мелкого частнособственнического хозяйства к коллективному социалистическому хозяйству.

Идеи об организации коллективного хозяйства аратов были отражены в решениях III съезда МНРП и Первого Великого Хурала МНР, проходивших в 1924 г. Но еще в 1922—1923 гг. создаются государственные хозяйства в Харе, Кобдо и в других местах. В 1929 г. появляются простейшие виды кооперирования сельского хозяйства.

Однако при кооперировании встречались большие трудности и допускались серьезные ошибки. Как известно, правые уклонисты, выступая против генеральной линии партии, по существу отказывались от поддержки трудовых аратских хозяйств, от поощрения развития простейших форм объединения аратов. МНРП, решительно осуществляя свою генеральную линию, выработанную на основе марксистско-ленинского учения, разгромила правых оппортунистов. Партии приходилось также бороться против «левых» и контрреволюционных элементов, которые своими действиями задерживали кооперативное движение. «Левые» уклонисты под видом борьбы против правого уклона извращали политику партии, в частности вели наступление на зажиточные и середняцкие хозяйства трудового аратства, ставя их в один ряд с феодальными и кулацкими хозяйствами. Извращая политику партии, направленную на постепенное развитие простейшей формы кооперации, они в массовом масштабе создавали в 1930—1932 гг. слабые в организационном отношении «коммуны» и «колхозы». На самом деле эти так называемые коммуны и колхозы не имели ничего общего с социалистическим коллективным хозяйством.

Авантюристский курс «левых», проводившийся без учета условий и времени, противоречил принципам социалистического кооперирования и наносил огромный вред делу постепенного социалистического преобразования сельского хозяйства. Решительно ликвидировав эти левацкие загибы, МНРП возглавила борьбу трудящихся за окончательную ликвидацию патриархально-феодалных отношений, за развитие живот-

новодства в аратских хозяйствах, за развитие национальной промышленности и культуры в целях создания политических и экономических условий постепенного перехода на социалистический этап революции. Партия и правительство в тот период всемерно укрепляли потребительскую и кустарно-промысловую кооперацию. Эти виды кооперации помогли аратам освободиться от эксплуатации иностранным капиталом и местными спекулятивными элементами, убедиться в целесообразности кооперации.

Партия, наряду с проведением политики поддержки трудовых аратских хозяйств, поощряла развитие в сельском хозяйстве простейших форм кооперации на строго добровольных началах. Еще в 1932 г. Чрезвычайный пленум ЦК МНРП, разоблачив авантюристические действия «левых», указал на необходимость постепенного внедрения коллективной формы труда среди аратов. Однако гендуно-демидовская контрреволюционная группа под видом ликвидации последствий политики «левых», огульно распускала и те аратские объединения, которые были созданы на добровольных началах и могли развиваться дальше. Их действия искусственно сдерживали стремление аратов к объединению. Это порождало у известной части работников недооценку трудового объединения аратов.

С 1935 г. в отдельных районах страны стали создаваться аратские производственные объединения (АПО). В начальный период существования этих объединений араты вносили в общественное хозяйство незначительную часть своего скота. В общественном хозяйстве работали главным образом те члены объединения, которые либо не имели скота, либо имели его мало. Отдельные объединения занимались главным образом перевозкой грузов, заготовкой лесоматериалов и другими видами несельскохозяйственного производства. В организационном отношении они еще были слабы, не было устава, недостаточно внимания обращалось на укрепление общественного хозяйства и на внедрение социалистического принципа оплаты труда.

Партия и правительство всемерно поддерживали эти виды коллективного хозяйства. Постепенно производственные объединения стали развивать свою деятельность и в сфере сельскохозяйственного производства. X съезд МНРП подчеркнул огромное значение производственных объединений. Партия и правительство оказывали аратским сельскохозяйственным объединениям помощь в виде кредита, снабжения сельскохозяйственным инвентарем и укрепления их кадрами.

В целях усиления помощи трудовым аратским хозяйствам и возникавшим аратским производственным объединениям в 1937 г. с помощью Советского Союза было создано десять машинно-сенокосных станций, имеющих не только конные сенокосилки, но и тракторы. Позже на базе этих станций создавались государственные хозяйства, а станции развивались как конно-сенокосные (КСС). Число КСС было увеличено в 1945 г. до 23, а в 1950 г. — до 50.

Кооперативное движение постепенно развивалось. В 1945 г. было уже 99 аратских производственных объединений, а к 1950 г. их число увеличилось до 121. В 1954 г. число аратских производственных объединений достигло 160. К этому времени аратские производственные объединения значительно укрепились, развивалось их общественное хозяйство, внедрялось земледелие, выросли кадры. Так в борьбе партии за преодоление ошибок и трудностей родилась и укрепилась наиболее доступная для аратов форма кооперирования сельского хозяйства в виде аратских производственных объединений. В 1942 г. ЦК МНРП и Совет министров МНР утвердили примерный устав для аратских производственных объедине-

ний. Этот устав явился важным шагом вперед в деле укрепления и развития аратских производственных объединений. Аратское сельскохозяйственное объединение развивалось с учетом опыта колхозного строительства в Советском Союзе, в частности опыта советских восточных республик.

В 1953—1955 гг. партия и правительство осуществили ряд важных мероприятий в области сельского хозяйства. Были приняты новые законы о государственных поставках животноводческой продукции и скотоводческом налоге с аратских хозяйств. Было улучшено руководство кооперативным движением.

В постановлениях партии и правительства, в законодательных актах особое внимание уделялось поддержке трудовых аратских хозяйств, наряду с проведением политики ограничения и вытеснения эксплуататорских элементов, укреплению общественного хозяйства в производственных объединениях и пропаганде преимущества коллективного хозяйства перед мелкими индивидуальными аратскими хозяйствами.

XII съезд МНРП, определяя политику партии в области сельского хозяйства, подчеркнул: «Политика партии и правительства и впредь должна быть направлена на всемерную поддержку и подъем всех трудовых аратских хозяйств при одновременном развитии и укреплении социалистического сектора сельского хозяйства, а также на ограничение и вытеснение капиталистических, эксплуататорских элементов».

В проведении своей политики в худоне (сельских районах) наша партия опирается на беднейшее аратство, всемерно укрепляя союз с середняками, составляющими подавляющее большинство аратов. Исходя из того, что трудовые аратские хозяйства еще имеют большие возможности в развитии сельскохозяйственного производства, государство бесплатно предоставляет им пастбища и сенокосные угодья, оказывает помощь в виде долгосрочного и краткосрочного кредита, поставок конных сенокосилок и проведения ветеринарно-зоотехнических мероприятий.

В 1953—1954 гг. были повышены государственные заготовительные и закупочные цены и одновременно снижены цены на ряд товаров народного потребления, на конные сенокосилки и другой сельскохозяйственный инвентарь. Заготовительные цены на мясо были увеличены на 80%, на шерсть — от 90 до 100%, на молоко — на 33%.

Государство осуществляет экономическую связь между худоном и городом через торговлю. В. И. Ленин, имея в виду переходный период, писал: «... не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля»⁶.

Политика партии и правительства направлена на ограничение и постепенное вытеснение эксплуататорских элементов. Эта политика ярко выражена в принятом 20 марта 1954 г. законе о государственных поставках и в принятом 8 мая 1954 г. законе о скотоводческом налоге. Согласно этим законам, освобождаются от госпоставок мяса и молока аратские хозяйства, имеющие до 10 бодо⁶, а от скотоводческого налога освобождаются хозяйства, имеющие до 20 бодо. Нормы обложения госпоставками животноводческой продукции и исчисления скотоводческого налога установлены дифференцированно в зависимости от размеров хозяйства, повышаясь для высших групп хозяйств.

Политика партии и правительства способствует улучшению состояния бедняцко-середняцких хозяйств и ослаблению позиции кулацких эле-

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 132.

⁶ Бодо — условная единица учета скота. Бодо приравнивается 1 быку или 1 лошади, или 7 овцам, или 14 козам, или половине верблюда.

ментов.. Приведем сравнительные данные по трем группам хозяйств, которые по своему экономическому состоянию резко отличаются друг от друга (см. табл. 1).

Таблица 1

Группировка хозяйств по поголовью скота

Поголовье скота в хозяйстве	1952 г.		1955 г.	
	Число хозяйств (в %)	Поголовье скота (в %)	Число хозяйств (в %)	Поголовье скота (в %)
до 50	46	8,4	44,2	8,6
50—300	48,7	65,7	50,5	67,0
301 и более	5,3	25,9	5,3	24,4

Партия и правительство борются, с одной стороны, против нарушения принципа добровольности при объединении аратов, а с другой стороны — против недооценки необходимости руководить делом кооперирования. Партия, неустанно разъясняя трудовым аратам преимущества производственных объединений, проводит большую работу по укреплению и дальнейшему развитию АПО, госхозов и конно-сенокосных станций.

В марте 1955 г. ЦК МНРП и Совет министров МНР созвали первый съезд представителей аратских производственных объединений. Съезд обсудил задачи организационно-хозяйственного укрепления аратских производственных объединений. Съезд имел большое значение в деле обобщения опыта, развития и укрепления аратских производственных объединений, а также в деле пропаганды кооперативного движения. Съезд единодушно принял примерный устав сельскохозяйственных объединений (съезд переименовал аратское производственное объединение в сельскохозяйственное объединение — СХО).

В 1954 г. Совет министров МНР принял постановление об улучшении организации труда и порядка начисления трудодней. Этим решением установлена единая система организации и оплаты труда, в частности, примерная норма выработки по видам сельхозработ и их расценки. 25 марта 1955 г. ЦК МНРП и Совет министров МНР утвердили примерный устав сельскохозяйственного объединения. В основу примерного устава СХО были положены главные принципы организации сельскохозяйственной артели в Советском Союзе. В соответствии с примерным уставом, каждое СХО принимает свой устав.

Согласно примерному уставу, членом сельскохозяйственного объединения может быть всякий трудящийся, как мужчина, так и женщина, достигший шестнадцатилетнего возраста, независимо от национальности и вероисповедания. «В объединения не принимаются лица, эксплуатирующие чужой труд, спекулянты и другие эксплуататорские элементы, а также лица, лишенные избирательных прав по суду».

ЦК МНРП и Совет министров МНР 7 октября 1955 г. приняли развернутое решение об организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственных объединений. В решении намечены пути устранения недостатков, имевших место в деятельности СХО, определены на ближайшие годы задачи организационно-хозяйственного укрепления СХО. Решение обязывает партийные, государственные и сельскохозяйственные органы серьезно улучшить руководство сельскохозяйственными объединениями, постоянно укреплять общественную собственность, повышать уровень организации труда и наладить учет и отчетность в СХО.

Рост сельскохозяйственных объединений вызвал потребность в кадрах по различным специальностям. В 1955 — 1957 гг. намечено обучить несколько тысяч специалистов для работы в сельскохозяйственных объединениях и конно-сенокосных станциях. Только в 1956 г. Министерством животноводства будут подготовлены через краткосрочные курсы или курсы повышения квалификации свыше трех тысяч бухгалтеров, бригадиров, зоотехников, агротехников и специалистов других профилей. По решению ЦК МНРП и правительства организованы постоянно действующие годичные курсы по подготовке руководящих кадров СХО. В апреле 1956 г. состоялся выпуск первых 136 председателей СХО, подготовленных из числа работников партийного и государственного актива. Намечается подготовка через эти курсы необходимого количества руководящих кадров для сельскохозяйственных объединений.

Государство оказывает большую помощь сельскохозяйственным объединениям, предоставляет им льготы по скотоводческому налогу и поставкам сельскохозяйственных продуктов, снабжает их сенокосилками, граблями и другим сельскохозяйственным инвентарем, бесплатно оказывает им ветеринарную и зоотехническую помощь и навечно закрепляет за ними лучшие земельные угодия. Кредит для сельскохозяйственных объединений увеличивается в 1956 г. почти в два раза против 1955 г. В результате этих мероприятий создаются новые сельскохозяйственные объединения и укрепляются существующие.

По неполным данным на июнь 1956 г., в стране имелось 509 СХО, они объединяют свыше 60 тыс. человек. В них состоит 15% всех аратских хозяйств. Сельскохозяйственные объединения имеют около трех миллионов голов скота, или примерно 14% общего поголовья скота в стране. План прироста поголовья общественного скота в СХО, предусмотренный на 1955 г., перевыполнен на 55,9%. Причем прирост поголовья скота в сельскохозяйственных объединениях за счет собственного воспроизводства стада составляет 6,8%. Многие сельскохозяйственные объединения имеют от 10 до 20 тыс. голов скота.

Отчетные данные за 1954—1955 хозяйственные годы, взятые по 62 СХО, показывают, что доходы по этим объединениям выросли в 1955 г. в среднем в два раза против 1954 г., а денежная выплата по трудодням увеличилась почти на 50%.

Из года в год растет число лучших СХО. На основе правильной организации труда они добиваются все больших успехов в развитии общественного хозяйства. Объединение «Красный партизан» сомона Жавхлант Дзавханского аймака состоит из 267 хозяйств. Его общественное стадо насчитывает 17500 голов. Здесь построены теплые помещения для крупного рогатого скота, овец и коз. Объединение увеличило в 1955 г. заготовку сена против 1953 г. в 15 раз, получило значительно больше овощей, овса, ячменя, гороха и засилосовало 80 тонн кукурузы.

Рост общественного хозяйства объединения позволил увеличить доходы его членов. Если в 1953 г. объединение получило доход в 89 тыс. тугриков, а на трудодень было выдано по 3 тугрика, то в 1955 г. доход объединения увеличился до 510 тыс. тугриков, а денежная оплата трудодня составила 6 тугриков, не считая натуральной оплаты.

Благодаря укреплению общественного хозяйства повышается благосостояние членов объединения. Араты, не имевшие в прошлом скота, вступив в объединение, обзаводятся коровами, лошадьми и овцами.

Увеличились суммы, отпускаемые на культурно-просветительные мероприятия. Объединение имеет красный уголок, читальню, а также общественную столовую и пекарню.

Растут ряды передовиков сельскохозяйственных объединений. Пастух объединения «Их нухурул» в сомоне Тариалан Хубсугульского аймака Чойсурун в 1954 г. сохранил 9 телят от 9 коров, а в 1955 г. — 69 телят от 69 коров. Он получает высокую оплату за свой труд. До вступления в объединение Чойсурун не имел скота, а теперь у него 23 головы скота. Доярка объединения «Худулмур» Дадал сомона Хэнтэйского аймака Цевелма повысила удой молока в 1955 г. с каждой из закрепленных за ней коровы местной породы с 650 до 1000 литров.

Президиум Великого Народного Хурала указом от 29 ноября 1955 г. наградил орденами и медалями МНР 306 передовиков СХО, госхозов и КСС. Успехи передовиков в расширении общественного хозяйства, в увеличении его продукции, во внедрении достижений науки, в укреплении трудовой дисциплины свидетельствуют о росте социалистической сознательности членов объединений.

Сельскохозяйственные объединения неуклонно укрепляются и в организационном отношении. Опыт колхозного строительства в Советском Союзе в огромной степени облегчает разрешение задачи социалистического преобразования сельского хозяйства нашей страны. В практике сельскохозяйственных объединений творчески применяется опыт развития колхозного производства в Советском Союзе: формы организации и оплаты труда, распределения доходов и т. д.

Общественная собственность на средства производства является основой сельскохозяйственных объединений. Она создается первоначально из обобщественного скота и сельскохозяйственного инвентаря (плуг, сенокосилка, конные грабли, мельница). Рост общественной собственности СХО обеспечивается общественным трудом его членов.

Трудящиеся араты, сознавая великое значение организованного коллективного труда и огромное преимущество коллективного хозяйства перед мелким единоличным хозяйством, добровольно объединяются в сельскохозяйственное объединение, чтобы общими средствами производства и совместным организованным трудом построить общественное хозяйство, всемерно увеличивать общественное поголовье скота и повышать его продуктивность, развивать земледелие и другие отрасли хозяйства, повысить производительность труда и обеспечить тем самым постоянное повышение материального и культурного уровня жизни членов объединения.

Общественному хозяйству принадлежит решающая роль в доходах членов СХО. Однако они имеют также подсобное личное хозяйство, размеры которого определяются уставом СХО. Согласно примерному уставу, не обобществляются юрта и другое жилье, телега, сапи, комплект сбруи. Примерный устав допускает, чтобы члены объединения оставляли в личном пользовании по хангайской зоне до 100 голов (15 голов крупного рогатого скота, в том числе 5 коров, 10 лошадей, 5 верблюдов и 70 коз и овец); по гобийской зоне до 150 голов, в том числе: 20 верблюдов, 15 голов рогатого скота, 15 лошадей, 100 коз и овец. Фактически члены объединения, заинтересованные в росте общественного хозяйства и в участии в общественном труде, оставляют в своем пользовании самое необходимое количество скота, как правило, значительно уступающее предельной норме.

Существенная особенность кооперативного движения в МНР заключается в том, что оно развивается в условиях национализации земли. Земля, согласно Конституции Монгольской Народной Республики, является общенародной, государственной собственностью. Частная собственность на землю не допускается, запрещена купля-продажа земли. Исполнительное управление аймачного хурала депутатов трудящихся закрепляет в пользование за каждым сельхозобъединением лучшие паст-

бищные, пахотные, сенокосные и другие угодия и выдает земельную запись, в которой устанавливаются размеры и точные границы угодий, закрепленных за объединением. «Земля, закрепленная за объединением, не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче объединением в аренду».

В пользовании национализированной землей имеется ряд особенностей, вытекающих из специфики кочевого и полукочевого образа жизни сельского населения. Араты-скотоводы бесплатно пользуются пастбищами, сенокосными угодьями общегосударственной земли, но не имеют права частной собственности на нее, следовательно, на куплю и продажу. Вопросы о пастбищных и сенокосных угодьях регулируют на местах соответствующие исполнительные органы государственной власти. Государство отводит и закрепляет участки земли за общественными и государственными предприятиями, в частности за госхозами, КСС и СХО. Согласно закону о землепользовании, госхозы, СХО и КСС пользуются преимущественным правом на лучшие земельные угодия⁷. Но при этом строго соблюдаются права арат на трудовое пользование землей. Землеустроительные работы в госхозах СХО и КСС производятся при строгом учете перспективы развития СХО на территории данного сомона, а также потребности индивидуальных хозяйств в пастбищных и сенокосных угодьях.

В сельскохозяйственных объединениях доходы распределяются по социалистическому принципу — по количеству и качеству затраченного труда. Трудодень становится мерой оценки и формой учета количества и качества труда, затраченного членами СХО в общественном производстве. В трудодне все отчетливее отражается принцип сочетания личных интересов членов СХО и интересов общественных. Чем больше и добросовестнее работает член СХО в общественном хозяйстве, тем больше он получает.

Правлением объединения разрабатываются, а общим собранием членов объединения утверждаются нормы выработки и расценки каждой работы в трудоднях. Нормы выработки доступны любому добросовестно работающему члену объединения. Нормы учитывают состояние рабочего скота, машин и других орудий, почвы и т. д. Каждая работа, например, надой литры молока, настриг килограмма шерсти, вспашка гектара земли и т. п. оценивается в трудоднях в зависимости от сложности, трудности и важности работы для объединения.

Денежный и натуральный аванс выдается членам объединения в течение года в размере не более 50 % выработанного. Каждый трудоспособный член объединения обязан ежегодно выработать минимум 75 трудодней. В связи с укреплением СХО из года в год повышается активность участия членов объединений в общественном труде.

Чабан объединения «Замт» Центрального аймака Жамсаран в 1955 г. выработал 860 трудодней и получил 3 тыс. тугриков деньгами, 350 кг муки, 180 литров молока, а также мясо и овощи. Многие члены СХО «Улан партизан» Дзабханского аймака за 1954 г. получили по трудодням, кроме натуральной оплаты, от 2 до 6 тыс. тугриков.

Рост неделимого фонда является показателем укрепления и развития социалистической собственности СХО. По 62 обследованным объединениям на пополнение неделимого фонда в 1955 г. направлено в среднем на 20 % больше денежных средств, чем в 1954 г.

Делами объединения управляет общее собрание членов объединения, а в промежутках между собраниями — правление, избранное общим собранием. Правлением организуются производственные бригады:

⁷ См. Закон о землепользовании. «Сборник законов и основных постановлений правительства МНР». Улан-Батор, 1942, вып. 2, стр. 116.

а) животноводческие бригады на срок не менее двух лет; за каждой животноводческой бригадой по специальному акту закрепляются скот, корма, пастбища, постройки, инвентарь и рабочее тягло, необходимое для обслуживания скота;

б) полеводческие бригады на срок не менее двух лет; за каждой полеводческой бригадой закрепляются по специальному акту полевые участки, весь необходимый инвентарь, рабочий скот и хозяйственные постройки; работа распределяется между членами объединения непосредственно бригадиром, который обязан наилучшим образом использовать каждого члена своей бригады, строго учитывая его трудовую квалификацию, опыт и физическую силу.

Государство организует сеть государственных сельскохозяйственных хозяйств, призванных показать преимущества крупного социалистического производства. Наши госхозы — это крупные социалистические хозяйства, вооруженные современной техникой и призванные быть примером в деле социалистического преобразования сельского хозяйства. В настоящее время имеются 18 госхозов, а в 1956 г. организуются еще два новых госхоза.

В 1955 г. поголовье скота в госхозах составляло 212 тыс., а посевная площадь — 33,6 тыс. га. Количество скота в госхозах за этот год увеличилось на 25,4 %. Госхозы имеют в среднем по 12 тыс. голов скота, развивают зерновое хозяйство и другие отрасли земледелия, в зависимости от их направления.

Жаргалантуйский госхоз имеет 16,5 тыс. голов скота, его посевная площадь в 1956 г. составляет около 9 тыс. га. Госхоз располагает 46 тракторами, 27 комбайнами и большим количеством других сельхозмашин. Он имеет свиноводческую и птицеводческую фермы.

ЦК МНРП и Совет министров в решении об организационно-хозяйственном укреплении госхозов от 4 февраля 1955 г. указали на серьезные недостатки в их работе и наметили конкретные пути дальнейшего развития госхозов. Этим решением было определено основное отраслевое направление отдельных госхозов (животноводческое, зерновое, овоще-молочное). При этом было указано, что каждый госхоз должен иметь несколько подсобных отраслей.

Партия и правительство укрепляют госхозы кадрами, снабжают их сельскохозяйственной техникой. Госхозы становятся кузницей квалифицированных кадров социалистического сельского хозяйства — комбайнеров, трактористов, бригадиров, скотоводов, добывающих высоких производственных показателей. В 1956 г. будут подготовлены около 500 человек трактористов, комбайнеров, агротехников, зоотехников, механиков и других специалистов.

Государство, опираясь на поддержку могучего индустриального Советского Союза и на экономическое сотрудничество со странами народной демократии, оказывает техническую помощь сельскому хозяйству. Через машино-сенокосные станции государство помогает СХО и трудовым аратским хозяйствам в заготовке кормов на договорных началах. В 1955 г. в целом по республике было заготовлено сена на 39,6 % больше чем в 1954 г., в том числе по конно-сенокосным станциям — на 70,9 %, сельскохозяйственным объединениям — в три раза, аратским хозяйствам — на 25,4 %. Количество КСС увеличилось до 70. Развитие сельхозобъединений требует серьезного улучшения технической оснащенности КСС. В связи с этим ставится задача постепенного превращения КСС в более мощные предприятия путем снабжения их тракторами, комбайнами и другими машинами. С этой целью ведется подготовка к созданию в 1956—1957 гг. четырех крупных машино-животноводческих станций,

могущих оказать сельхозобъединениям многостороннюю техническую помощь.

Партия и правительство связывают задачу увеличения общественного поголовья скота СХО и госхозов с расширением посевов зерновых и зернофуражных культур. В 1956 г. посевная площадь увеличивается по сравнению с 1955 г.: по госхозам на 31%, по СХО — на 25%. При этом значительно расширяется посевная площадь под пшеницей, ячменем, овсом и кукурузой.

«В настоящее время ставится задача в ближайшие годы обеспечить преобладание удельного веса социалистического сектора в сельском хозяйстве»⁸.

Социалистический сектор в сельском хозяйстве становится огромной преобразующей силой не только в смысле примера и убеждения аратов, ведущих индивидуальное хозяйство, в преимуществе социалистического хозяйства, но и в смысле культурного преобразования худона.

Кооперативное движение аратов заметно активизировалось. Только в течение зимы этого года вновь организовано около 200 сельхозобъединений. Имеется ряд сомонов в Булганском, Баян-Хонгорском, Ара-Хангайском и Баян-Улэгэйском аймаках, где свыше 50% аратского населения охвачено сельскохозяйственными объединениями. В Богд сомоне Баян-Хонгорского аймака и в Ценгэлхайрхан сомоне Баян-Улэгэйского аймака свыше 70% аратского населения вступило в объединения.

Расширение социалистического сектора сельского хозяйства облегчает проведение зооветеринарных и агротехнических мероприятий, способствует улучшению культурного и бытового обслуживания аратов. Все госхозы и СХО радифицированы, все госхозы и ряд сельскохозяйственных объединений электрифицированы. Во многих объединениях появились поселки жилых домов. Это начинание поддерживается государством, которое кредитует строительство. Переход к оседлости становится все более необходимым по мере роста СХО. Социалистические преобразования сельского хозяйства МНР требуют правильно сочетать задачи кооперирования с постепенным разрешением проблемы оседлости.

Партия и правительство, направляя местные партийные и государственные органы на всемерное укрепление СХО, посылают в сельскохозяйственные объединения опытных товарищей, способных практически решать вопросы организации общественного хозяйства. Укрепление общественного хозяйства и повышение благосостояния и культурного уровня членов объединения на основе постоянного роста производства и улучшения организации труда — главное условие успешного развития СХО.

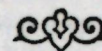
Не следует забывать, что отдельные враждебные элементы ведут борьбу против кооперативного движения, прежде всего против общественной собственности, против активного участия в общественном производстве и трудовой дисциплины. Партия постоянно повышает бдительность членов СХО и членов партии в отношении действий враждебных элементов, усиливает политико-воспитательную работу.

В 1955 г. декабрьский пленум ЦК МНРП, обсудив вопрос об улучшении руководства социалистическим сектором, указал, что задачей партийных организаций является целенаправленное руководство делом создания новых сельскохозяйственных объединений с тем, чтобы не пустить на самотек подъем кооперативного движения среди аратов-скотоводов.

⁸ Выступление Ю. Цеденбала на торжественном собрании, посвященном 10-летию со дня подписания Договора между СССР и МНР в Москве. «Унэн», 28 февраля 1956 г.

Это особенно необходимо сейчас, когда в отдельных районах в сельскохозяйственные объединения идут чуть ли не целыми сомонами и багами.

Воспитание членов объединений в духе социалистического отношения к общественной собственности, борьба против отсталых взглядов и настроений, чуждых социалистическим принципам, — это одна из важных задач, которую поставил в апреле 1956 г. пленум ЦК МНРП перед партийными организациями. Постоянное усовершенствование руководства сельскохозяйственными объединениями на основе творческого применения опыта колхозов Советского Союза и кооперативов стран народной демократии и обобщения опыта развития сельскохозяйственных объединений — залог успехов в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Монгольской Народной Республики.

РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В. Ф. КАСАТКИН

Китайская Народная Республика — многонациональное государство. Национальный вопрос занимает в жизни страны важное место.

Свержение реакционного режима Чан Кай-ши и создание независимого, подлинно единого демократического государства, основанного на принципах добровольного союза всех народностей, населяющих Китай, было необходимым условием решения национального вопроса. Национальный вопрос в Китае мог быть решен только при осуществлении задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Коммунистическая партия в борьбе за создание и укрепление единого фронта антиимпериалистических и антифеодальных сил, стремилась вовлечь в него все национальности, населяющие страну. Она поддерживала выступления национальных меньшинств против реакционного чанкайшистского режима и господства империализма в Китае. Коммунистическая партия указывала, что путь к освобождению национальностей страны лежит через объединение с революционным китайским народом в борьбе за создание единого демократического государства. В результате победы китайской революции и создания Китайской Народной Республики стало возможным коренное всестороннее решение национального вопроса.

* * *

По данным переписи 1953 г., китайцы (ханьжэнь) составляют 547 283 057, или 93,94%, а другие национальности — 35 320 360 человек, т. е. 6,06% населения континентального Китая¹. В Китае насчитывается более сорока различных национальностей, наиболее многочисленными из которых являются следующие десять: чжуан — 6,61 млн., уйгуры — 3,64, хуэй — 3,55, И — 3,25, тибетцы — 2,77, мяо — 2,51, маньчжуры — 2,41, бу-и — 1,24, корейцы — 1,12, монголы — 1,46 млн. Остальные, более мелкие национальности составляют 6,71 млн. человек².

Расселение некитайских национальностей имеет свои, возникшие в ходе исторического развития особенности. Народности Китая занимают периферийные районы — континентальные окраины страны. Западная половина Китая, включая Тибет, Цинхай, Синьцзян, большую часть Юньнани и западные районы прилегающих провинций, заселена

в основном национальными меньшинствами. Кроме того, они живут в провинциях Гуанси, Гуйчжоу, Гуандун — на юге страны и в провинциях Ганьсу, Гирин, Внутренней Монголии — на севере. Отдельные национальные районы имеются также и в других частях Китая. Некоторые национальности (маньчжуры, хуэй) рассеяны по всей стране. Ряд национальных меньшинств населяет труднодоступные горные районы (тибетцы, И, мяо, яо).

Среди национальностей имеют распространение языки тюркской, монгольской, тибето-бирманской, маньчжуро-тунгусской и других языковых семей. Выявлено более трех десятков различных национальных письменностей. Разнообразны религиозные верования народностей Китая. Около 8 млн. человек исповедуют ислам, имеются буддисты разных толков, в том числе ламаисты; у отдельных племен до последнего времени сохраняются первобытные верования — тотемизм и шаманизм.

Уровень социально-экономического развития национальностей Китая также весьма различен. Лю Шао-ци в докладе о проекте Конституции Китайской Народной Республики указывал: «По фактическому положению в некоторых районах нашей страны, населенных национальными меньшинствами, в настоящее время существует феодальная и даже более отсталые по сравнению с феодальной формы собственности»³. Накануне освобождения страны у большинства малых народностей господствовали феодальные отношения или пережитки феодализма, а у некоторых из них еще существовали сильные пережитки патриархально-родовых отношений и рабства. В национальных районах страны уровень развития производительных сил был чрезвычайно низким, и современной промышленности не было. Экономический строй национальных окраин у одной и той же национальности отличается наличием разных экономических укладов. Народности Китая имеют свою специфику либо в языке, либо в экономике, либо в обычаях, и это определяет необходимость изучения конкретного положения каждой национальности и конкретного подхода к решению проблем развития каждой из них.

* * *

Решение национального вопроса на современном этапе развития Китайской Народной Республики означает ликвидацию экономической и культурной отсталости малых народов страны с тем, чтобы они могли постепенно при помощи китайского народа от докапиталистических отношений перейти к социализму. Общая программа Народного политического консультативного совета Китая — первый конституционный документ Китайской Народной Республики — провозгласила в 1949 г. равноправие всех народов Китая. В Конституции КНР, принятой в сентябре 1954 г., говорится: «Китайская Народная Республика есть единое многонациональное государство.

Все национальности равноправны. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей.

Все национальности пользуются свободой применения и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих прав и обычаев.

Во всех районах, где национальные меньшинства живут компактно, осуществляется районная автономия. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики.

³ «Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей» (в дальнейшем — «Материалы...»). М., Изд-во «Правда», 1954, стр. 59.

¹ 人民日报. «Жэньминьжибао», 1 ноября 1954 г.

² Там же.

Конституция закрепила те серьезные успехи в решении национального вопроса, которые были достигнуты в течение пяти лет, прошедших с момента образования Китайской Народной Республики. Лю Шао-пи следующим образом охарактеризовал их в докладе о проекте Конституции: «С образованием Китайской Народной Республики была ликвидирована система национального гнета, между всеми национальностями нашей страны установлены новые отношения равноправия, дружбы и взаимной помощи, во всех районах национальных меньшинств началось постепенное развиваться политическое, экономическое и культурное строительство, постепенно улучшается жизнь народа. Наша страна уже превратилась в великую семью свободных и равноправных народов»⁴.

Конкретизируя принцип равноправия, статья 86 Конституции устанавливает право всех граждан Китайской Народной Республики старше 18 лет избирать и быть избранными, независимо от национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образования, имущественного положения и оседлости.

В 1954 г. во Всекитайское и местные собрания народных представителей были избраны тысячи депутатов от всех национальностей страны. В высшем законодательном органе КНР — Всекитайском собрании народных представителей — насчитывается 170 депутатов, представляющих 29 национальностей Китая⁵. Избирательный закон предоставил национальным меньшинствам значительные преимущества при выборах во Всекитайское собрание народных представителей первого созыва. Один депутат от национальных меньшинств избирается примерно от 230 тыс. человек, тогда как один депутат от китайского населения от 500 тыс.

Представители национальностей составляют основной контингент депутатов в собраниях народных представителей в национальных районах. Например, в Синьцзянской Уйгурской автономной области в собрание народных представителей было избрано казахов, уйгуров, монголов и других некитайских национальностей около 90% общего числа депутатов. Органы власти, образуемые в национальных районах, состоят главным образом из лиц местных народностей.

Коммунистическая партия и правительство Китайской Народной Республики неустанно следят за тем, чтобы права малых народностей не нарушались. Нарушение национального равноправия или притеснение национальностей рассматривается как одно из самых тяжких преступлений. Ведется последовательная борьба с пережитками идеологии великокитайского шовинизма, а также борьба по преодолению идеологии узкого национализма.

Большое внимание уделяется делу ликвидации национальной розни между самими народностями страны. За прошедшие годы были урегулированы тысячи межнациональных и межплеменных конфликтов и распри, тянувшихся часто десятилетиями. Это имело большое значение для установления в национальных районах мирной обстановки и налаживания добрососедских отношений между различными национальностями и племенами.

Народности Китая теперь свободно пользуются своими родными языками и письменностью. Так, уйгуры, казахи, монголы, тибетцы, корейцы и другие национальности уже печатают официальные документы на своих родных языках.

Конституцией КНР всем народам Китая гарантирована свобода ве-

⁴ «Материалы...», стр. 50.

⁵ 人民手册 《Жэньминьшюэцэ», 1955. Изд. «Дарунбао», стр. 34; «China reconstructs», 1955, № 3.

роисповедания. В Китае свободно действуют различные (мусульманские, буддистские и др.) религиозные союзы и общества. Государство не вмешивается в религиозные дела. Национальности страны пользуются свободой сохранения или изменения своих обычаев, жизненного уклада и традиций. Вредные пережитки в жизни народностей устраиваются не административными приказами, а лишь после проведения разъяснительной работы и согласия местного населения.

Конституция Китайской Народной Республики обеспечивает национальным меньшинствам право на труд, отдых, образование.

* * *

При провозглашении Китайской Народной Республики основным принципом решения национального вопроса был принят принцип местной национальной автономии. В Общей программе Народного политического консультативного совета Китая указывалось: «В районах, где большинство населения составляют национальные меньшинства, необходимо осуществить местную национальную автономию и, в зависимости от количества населения и величины района, учредить органы национального самоуправления». В феврале 1952 г. в «Общем положении об осуществлении местной автономии национальностей» были определены методы и формы проведения в жизнь принципа национальной автономии.

Принцип местной автономии национальных меньшинств закреплён в Конституции Китайской Народной Республики. Лю Шао-пи указывал в речи о проекте Конституции КНР: «После образования КНР все национальности нашей страны были освобождены из-под империалистического гнета, однако империалисты попрежнему все свои помыслы безрассудно направляют к тому, чтобы разобщить различные национальности нашей страны и посредством этого добиться своей цели — вновь поработить их»⁶.

Принцип автономии национальных меньшинств, даёт возможность создать равноправное объединение всех народов в рамках единого государства, обеспечивает национальным меньшинствам помощь и защиту великого китайского народа от посягательств империалистов. Он позволяет преодолеть существовавшую ранее территориальную и административную раздробленность страны.

В сложных и многообразных условиях национальных районов Китайской Народной Республики осуществление местной автономии оказалось наиболее целесообразной политикой и потому, что она имеет в виду быстрое развитие областей с особыми хозяйственными и бытовыми условиями, национальным составом населения.

Местная автономия позволяет установить наиболее гибкие и демократические отношения между органами самоуправления и центральной властью. В Китайской Народной Республике органы самоуправления национальных автономных районов имеют широкие права и самостоятельность в решении вопросов местного значения. Помимо осуществления общих функций государственных органов на местах, они имеют право, в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями местного населения, разрабатывать положения об автономии и «отдельно действующие положения», ведать финансами в данной местности, создавать отряды общественной безопасности и т. д. Органы самоуправления играют важную роль в определении методов, с помощью которых можно своевременно — не отставая и не забегая вперед — и безболезненно провести преобразования в формах и объеме, наиболее соот-

⁶ «Материалы...», стр. 52.

ветствующих особенностям жизни населения данной местности. При исполнении своих функций они пользуются языками местного населения. Формы самоуправления определяются в соответствии с желанием большинства той национальности, которая осуществляет местную автономию. Местная автономия дает возможность национальностям самим «управлять своими внутренними делами и стать хозяевами своего положения».

Автономное строительство в Китайской Народной Республике ведется на основе территориально-национального принципа, т. е. на основе учета условий расселения национальных меньшинств. Вместе с тем обращается внимание на то, чтобы максимально соблюсти интересы экономического развития данного национального района с учетом исторически сложившихся хозяйственного профиля и экономических связей. Поэтому в состав автономных единиц включаются и местности с инонациональным населением.

В Китайской Народной Республике существует несколько типов автономных единиц. Крупнейшими являются автономные области (районы).

Автономная область Внутренней Монголии образована еще до провозглашения КНР в мае 1947 г. и в настоящее время занимает площадь примерно в 1 млн. кв. км. В области живет более шести миллионов человек, в том числе около одного миллиона монголов⁷.

Синьцзянская Уйгурская автономная область образована в сентябре 1955 г. на территории бывшей провинции Синьцзян. Эта автономная область занимает примерно одну шестую часть территории всего Китая, население насчитывает около пяти миллионов человек. Уйгуры составляют 75% всего населения.

В конце апреля 1956 г. был создан Подготовительный комитет по образованию Тибетского автономного района⁸.

Автономные округа являются промежуточной единицей между автономной областью и автономным уездом. Крупнейший в КНР по количеству населения автономный округ национальности чжуан расположен в северо-западной части провинции Гуанси. Площадь округа — около 110 тыс. кв. км, население — более восьми миллионов человек, в том числе чжуан — 80% всего населения⁹.

В Китайской Народной Республике имеются автономные районы более или менее однородные по национальному составу и многонациональные автономные районы. Разновидностью последнего типа является автономный район, внутри которого создаются меньшие автономные единицы. Многонациональные автономные районы образованы главным образом в Юго-Западном Китае, где наблюдается наибольшая национальная чересполосица.

Кроме автономных уездов, округов и областей было создано несколько сот автономных единиц в масштабе района (цуй — 區) и волости с населением иногда в несколько тысяч человек.

В последнее время наиболее крупные автономные районы (цуй) со значительным населением и более или менее развитым хозяйством преобразуются в автономные уезды. Более мелкие автономные районы преобразуются в национальные волости, или же в них создаются органы власти обычного типа, в которых национальные меньшинства имеют свое представительство. Население национальной волости составляет в среднем несколько тысяч человек; в такую волость входит одна или несколько деревень. В тех районах, где не китайское население малочисленно и рас-

⁷ «Народный Китай», 1955, № 10.

⁸ 光明日報 «Гуанминжибао», 23 апреля 1956 г.

⁹ «Жэньминьжибао», 9 декабря 1953 г.

сеяно, в составе местных органов власти имеются комиссии по делам национальностей, которые защищают интересы малых народностей.

В национальных районах страны образовано более 75 автономных областей, округов и уездов. Подавляющее большинство национальных меньшинств, живущих компактно, уже осуществили самоуправление. В ближайшие один-два года намечается полностью закончить проведение автономии во всех остальных национальных районах¹⁰.

* * *

Проблема государственного строительства в национальных и автономных районах Китайской Народной Республики в основном уже разрешена. В области же социально-экономических преобразований национальных районов конструктивная работа проходит сравнительно медленными темпами. Если в местностях с китайским населением аграрная реформа в основном была закончена к концу 1952 г., то в национальных районах в это время ее проведение, как правило, только начиналось. Только в 1954—1955 гг. наиболее крупные национальности — уйгуры, корейцы, хуэй, чжуан, маньчжуры и частично некоторые другие закончили аграрные преобразования. Аграрная реформа проведена и в некоторых районах Юго-Западного Китая, населенных мяо, яо, тибетцами, И, тай и другими национальностями. В общей сложности аграрной реформой охвачены экономически более развитые сельскохозяйственные районы, в которых живет большинство не китайского населения страны. По данным китайской прессы, население этих районов составляет примерно 30 млн. человек¹¹.

В Тибете и некоторых других национальных районах аграрная реформа пока не проводилась. Однако в таких районах осуществляются мероприятия по уничтожению различных вредных пережитков и традиций.

Какие основные условия принимались во внимание при подготовке к проведению аграрной реформы в национальных районах?

В своих выводах делегация Центрального народного правительства, знакомявшаяся в 1951 г. с положением в национальных районах Центрально-Южного Китая, считала возможным проводить аграрную реформу, если имеются следующие главные условия: а) классовая дифференциация ясно выражена; б) отчетливо определены требования широких крестьянских масс; в) имеются кадры из коренной национальности, или осуществлена местная автономия, или же создано национальное демократическое объединенное правительство¹².

Обязательный учет местных социально-экономических особенностей, выявляемых с помощью консультаций и совещаний с представителями различных кругов и влиятельными деятелями национальных меньшинств предшествует проведению каких-либо преобразований, намеченных в данном национальном районе. При осуществлении аграрных преобразований учитываются профиль и развитие хозяйства отдельных районов. В Синьцзяне, в районах, где земледелие является главным занятием населения, аграрные преобразования имели наиболее глубокий и революционный характер. Здесь вся собственность помещиков, включая землю, рабочий скот, сельскохозяйственные орудия, хозяйственные и жилые постройки, распределялась среди неимущих и средних слоев крестьянства. В полуме-

¹⁰ «Народный Китай», 1955, № 10, стр. 30: «Гуанминжибао», 22 июня 1956 г.

¹¹ «Жэньминьшэньбао», 1955, стр. 253.

¹² 民族政策文獻編. 北京, («Сборник документов по национальной политике»). Пекин, 1953, стр. 57—58.

младельческих полускотоводческих районах при осуществлении аграрной реформы учитывались интересы скотоводов, и преобразования имели меньший размах и глубину.

В Синьцзяне, а также в некоторых других национальных районах, где мусульманская церковь является крупным землевладельцем, местное правительство, учитывая религиозные интересы мусульманского населения и руководствуясь статьей третьей закона об аграрной реформе¹³, оставило в неприкосновенности земли, принадлежащие религиозным учреждениям. Лица духовного звания получали землю наравне с крестьянами. В Северо-Западном Китае и других районах национальных меньшинств, населенных мусульманами, буддистами, ламаистами, земли мечетей, кумирен, храмов и монастырей при желании местного населения также не распределялись.

В автономном районе национальностей тай и цзинпо аграрной реформой, проводившейся в 1955 г., не затрагивались земли, принадлежащие храмам. Не распределялись земли, необходимые национальным меньшинствам в связи с их национальными традициями и обычаями¹⁴.

Своеобразие аграрных преобразований в национальных районах Юго-Западного и Центрально-Южного Китая вытекало из того факта, что большинство народностей живет в горных районах, где площадь пригодной под обработку земли весьма ограничена. Например, в горных местностях живет более 70% некитайского населения Юго-Западного Китая. В ходе земельных преобразований проводилось переселение части жителей горных местностей в равнинные районы на земли, конфискованные у помещиков.

В отдельных национальных районах был положен конец не только феодально-помещичьей собственности на землю, но и их монополии на воду. В Синьцзяне, например, источники воды и оросительные сооружения общественного значения были национализированы, был установлен новый порядок орошения крестьянских полей и пользования арыками, выработанный с учетом интересов всего трудящегося населения.

В тех национальных районах Китайской Народной Республики, в которых главной отраслью народного хозяйства является скотоводство, аграрная реформа не проводилась. Здесь, принимая во внимание специфику скотоводческого хозяйства, коммунистическая партия и правительство осуществляли курс на постепенную ликвидацию прав и привилегий феодалов и уничтожение крепостнических методов эксплуатации рядовых скотоводов крупными владельцами скота и представителями торгово-ростовщического капитала. Так, в Синьцзянской Уйгурской автономной области политика, проводимая в скотоводческих районах, преследует цель «добиться ликвидации особых феодальных прав путем соблюдения выгоды пастухов и владельцев скота»¹⁵. В скотоводческих районах Внутренней Монголии, Цинхая и Синьцзяна раздел скота и пастбищ не производился. Основной задачей преобразований, проводимых в этих районах, является ликвидация пережитков феодальных отношений, охрана прав пастухов, наряду с сохранением заинтересованности скотовладельцев в быстрейшем росте поголовья. Была отменена старая система оплаты труда пастухов, основанная часто на личной зависимости их от крупных собственников скота. Новая система

¹³ В статье 3-ей закона об аграрной реформе говорится: «Земли, принадлежащие мечетям, при согласии на это местного мусульманского населения, могут быть сохранены за ними полностью или частично». См. «Законодательные акты КНР», 1952, стр. 128.

¹⁴ «Гуанминжибао», 13 января 1956 г.

¹⁵ 新華日報 «Синьцзянжибао», 9 августа 1952 г.

предусматривает при найме пастуха заключение трудового соглашения, в котором устанавливается справедливый размер заработной платы. Во Внутренней Монголии были ликвидированы преимущественные права феодалов на пастбища. В Синьцзяне установлено равноправие скотоводов в выпасе скота и пользовании пастбищами. Образованы комитеты, регулирующие пользование пастбищами. Эта политика партии и правительства имела результатом освобождение трудящихся-скотоводов от пут феодальной и полуфеодальной эксплуатации, создала основу для развития производительных сил в скотоводстве. Она имела также серьезное политическое значение.

Аграрная реформа дала крестьянству национальных районов землю, сельскохозяйственные орудия, рабочий скот, а в некоторых районах и воду для орошения. Так, в Кашгарском округе Синьцзянской Уйгурской автономной области распределение земли после аграрной реформы коренным образом изменилось в пользу трудящихся слоев уйгурского крестьянства, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (в процентах ко всей обрабатываемой земле)¹⁶:

	До реформы	После реформы
Батраки и бедняки	19	41
Середняки	38	45
Помещики	42	1
Остальные	1	13
Всего	100	100

Из приведенных цифр видно, что более чем в два раза увеличился земельный фонд у неимущих слоев крестьянства. Увеличилось количество земли и у середняков. В то же время помещики потеряли почти всю свою землю.

В результате аграрной реформы в национальных районах ликвидирована зависимость трудящихся от помещиков. Политическая активность крестьян поднялась на небывало высокую ступень.

Социально-экономические преобразования, в особенности аграрная реформа, подготовили почву для развития производительных сил в земледельческих районах национальных окраин. Аграрная реформа создала условия для перехода сельского хозяйства национальных районов на путь кооперирования.

Однако, как ни велико значение аграрной реформы в развитии хозяйства национальных районов, тот быстрый подъем сельскохозяйственного производства на новую ступень, который имеет место в этих районах, неотделим от других мероприятий народного государства. К ним относятся ирригационное строительство, завоз в национальные районы большого количества сельскохозяйственных орудий, распространение передовых методов земледелия, внедрение новых высокоурожайных сортов семян сельскохозяйственных культур, организация ветеринарной помощи и заготовок кормов для скота на зимний период и т. д.

Социально-экономические преобразования в совокупности с этими мероприятиями обеспечили быстрое восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства в национальных районах. В Синьцзянской Уйгурской автономной области валовой сбор основных сельскохозяйственных культур за последние годы увеличился более чем в полтора раза.

¹⁶ «China reconstructs», 1953, № 3, стр. 31.

В автономном районе Сишуйанбаньна национальности тай сбор чая почти в четыре раза превысил уровень 1952 г.¹⁷ Китайская печать отмечает также подъем рисоводства в автономном районе чжуан, плодоводства в южных частях Китая, шелководства в Синьцзяне, производства тунгового масла в районах, населенных мяо, расширение кокосовых плантаций на острове Хайнань, развитие земледелия и овощеводства в Тибете. В целом сельскохозяйственное производство в национальных районах достигло наивысшего довоенного уровня еще в 1953 г., в ряде же районов этот уровень был значительно превзойден¹⁸.

В национальных районах успешно развивается также скотоводство. Во Внутренней Монголии, например, поголовье скота за 1947—1954 гг. более чем удвоилось¹⁹. В Синьцзяне в 1955 г. скота было в полтора раза больше, чем в 1949 г.²⁰

Крестьяне национальных районов вступили на путь кооперирования. В ряде районов, где аграрная реформа закончилась относительно давно, кооперативное движение достигло широкого размаха. Так, в корейском автономном районе Яньбянь более 82% всех крестьянских семей вошло в кооперативы высшего типа. Свыше половины всех кооперативов многонациональны: они объединяют корейцев, китайцев, маньчжур и хуэй. В автономном районе Внутренней Монголии образовано около 1700 многонациональных кооперативов. Бригадами взаимопомощи охвачено примерно 40% всех скотоводческих хозяйств²¹. В Синьцзянской Уйгурской автономной области в начале 1956 г. насчитывалось более 8500 сельскохозяйственных производственных кооперативов, в которых состояло свыше 45% всех крестьянских хозяйств, а в конце марта в кооперативах начального типа состояло уже свыше 90% всех крестьянских хозяйств²². Кооперативы создаются и в скотоводческих районах.

Кооперирование в национальных районах, как и аграрные преобразования, проводится с учетом местных условий, обычаев и традиций. Используются те методы и формы коллективного труда, которые приняты у местного населения.

* * *

За прошедшие годы в национальных районах получила значительное развитие промышленность, связанная с переработкой сельскохозяйственного сырья: мукомольное, хлопкоочистительное, сахарное производство, появились предприятия по переработке фруктов и т. д.

В скотоводческих районах увеличилось число шерстмоек, маслобойных заводов, дубильных и обувных предприятий, было восстановлено и развилось шубное производство, ковроделение и кошмовальение и т. д.

Важнейшей целью в области промышленного развития национальных окраин в период первой пятилетки является разведка природных богатств этих районов. В последнее время во многих из национальных районов были открыты богатые месторождения таких ценных видов сырья, как нефть, уголь, железная руда, цветные металлы и т. д.

В ряде национальных районов были построены промышленные предприятия современного типа, в том числе горной и тяжелой промышленности. В этом отношении благоприятные условия сложились в Синьцзян-

ской Уйгурской автономной области. В течение 1950—1955 гг. в этой области был сооружен ряд предприятий. В их числе металлургический, механический, авторемонтный заводы, тепловая электростанция, гидроэлектростанция, цементный завод, сернокислотный завод, угольные копи. Легкая промышленность представлена текстильным комбинатом и шелкомотальной фабрикой. Развивается горнодобывающая и нефтяная промышленность. В целом валовая продукция промышленности в стоимостном выражении в 1955 г. выросла в 20 раз против 1949 г.²³

Постепенно растет промышленность во Внутренней Монголии. Здесь построено и реконструировано свыше 200 различных предприятий. В 1953 г. общая стоимость промышленной продукции увеличилась против 1950 г. в 6 раз²⁴.

К концу первой пятилетки и во второй пятилетке будет перебазирована часть промышленных предприятий из приморских районов в глубинные районы Китая. На базе открытых месторождений полезных ископаемых намечено построить новые промышленные предприятия, что совершенно изменит хозяйственный облик большинства национальных районов.

В результате промышленного развития во Внутренней Монголии численность рабочих и служащих возросла в 4 раза²⁵. В Синьцзяне в 1954 г. насчитывалось около 80 тыс. рабочих и служащих, или почти в 2,5 раза больше, чем в 1952 г. При этом уйгуры, казахи и другие национальности составляли примерно половину всех рабочих. Таким образом, в национальных районах начал формироваться национальный рабочий класс.

Расширилось в национальных районах страны кустарное производство. Этому способствовал подъем сельского хозяйства, улучшение условий сбыта товаров традиционного кустарного промысла и забота государства о развитии кустарного и ремесленного производства.

Необходимой предпосылкой успешного хозяйственного и культурного развития национальных районов является дорожное строительство. Из крупнейших новостроек следует прежде всего назвать Сикан-Тибетское шоссе, протяженностью 2200 км, связавшее столицу Тибета — Лхассу с восточными районами страны. Цинхай-Тибетское шоссе длиной 2100 км дало Тибету связь с северо-западными районами Китая. От Лхассы до Синьни и далее до Ланьчжоу возможно теперь движение на автомашинах. В течение последних лет были построены железные дороги Чуцзин—Чэнду на Юго-Западе, Цзинин—Эрлян во Внутренней Монголии, закончен участок железной дороги Ланьчжоу—Урумчи—Алма-Ата протяженностью около 700 км²⁶.

Восстановление и строительство дорог внесло оживление в экономическую и культурную жизнь народностей Китая. Оно способствовало, в частности, развитию промышленности и торговли на окраинах Китая.

Значительный подъем переживает торговля в национальных районах. Здесь возникла система государственных торговых органов: торговых баз, закупочных и обменных пунктов и магазинов. В скотоводческих районах применительно к условиям жизни кочевого населения были созданы передвижные торговые организации, занимающиеся продажей товаров первой необходимости и закупкой у местного населения сырья. Кроме государственной, большое развитие получила кооперативная торговля.

¹⁷ «Гуанминжибао», 10 февраля 1956 г.

¹⁸ «Жэньминьжибао», 28 августа 1954 г.

¹⁹ «Daily News Release», 11 января 1955 г.

²⁰ «Жэньминьжибао», 1 октября 1955 г. и 30 июня 1956 г.

²¹ «Гуанминжибао», 11 февраля 1956 г.

²² «Жэньминьжибао», 6 февраля и 30 июня 1956 г.

²³ «Народный Китай», 1956, № 10, стр. 18.

²⁴ «Народный Китай», 1955, № 10, стр. 19.

²⁵ Там же.

²⁶ «Жэньминьжибао», 1 января 1956 г.

В результате ликвидации «ножниц» между ценами на промышленные товары и ценами на сырье, цены на продукцию, производимую в национальных районах Китая, повысились в среднем в четыре-пять раз по сравнению с периодом до освобождения страны²⁷.

Вырос товарооборот в национальных районах. Так, в 1955 г. объем закупок продукции в национальных районах и объем сбыта более чем в 8 раз превышали уровень 1951 г.²⁸ Расширился ассортимент товаров, завозимых в национальные районы из внутреннего Китая. Торговля превратилась в важный рычаг подъема хозяйства национальных окраин и повышения благосостояния народов страны.

В 1956 г. в национальных районах КНР, как и по всему Китаю, развернулось социалистическое преобразование частной промышленности и торговли. В Синьцзянской Уйгурской автономной области, автономной области Внутренней Монголии частные торговые и промышленные предприятия преобразованы в государственно-частные и кооперативные предприятия.

В период 1950—1955 гг. произошли коренные изменения в постановке здравоохранения. Правительство обратило особое внимание на борьбу против эпидемических, социальных и венерических болезней. Проведение профилактических мероприятий явилось важнейшим звеном в ликвидации в национальных районах массовых заболеваний населения.

Правительство и коммунистическая партия проявляют большую заботу о народном просвещении в национальных районах. Была создана сеть начальных и средних школ. Например, в автономной области Внутренней Монголии сейчас насчитывается в десять раз больше начальных школ, чем в 1947 г. Открылось более 40 средних школ, специальных учебных заведений, готовящих кадры для промышленности, лесного дела, сельского хозяйства, приращивания и медицины. В средних учебных заведениях в настоящее время обучается в 13 раз больше учащихся, чем в 1949 г. Большая работа осуществляется по ликвидации неграмотности взрослого населения национальных районов. Заботясь о просвещении кочевников, государство организовало передвижные школы в Тибете и Цинхэе, в степных районах Внутренней Монголии и некоторых районах Синьцзяна.

Преподавание в национальных районах ведется, как правило, на языках местного населения.

Серьезные достижения имеются в подготовке кадровых работников из различных народностей. В КНР имеется семь институтов национальностей, в том числе Центральный институт в Пекине. Около 8000 человек, уже окончивших эти институты, направлены на работу в национальные районы. В институтах, школах кадров и на различных курсах подготовлено более 200 тыс. работников, главным образом с политическим образованием²⁹. Они стали организующей силой национального строительства. В настоящее время особое внимание уделяется подготовке национальных кадров технического и экономического профиля.

Энергичная работа в области просвещения и образования уже дала свои плоды. В ряде национальных районов страны заметно повысился уровень грамотности населения, что проявилось в увеличении спроса на печатные издания. В стране выходит 21 газета и 26 журналов на национальных языках. В Пекине и на местах созданы издательства, выпускающие литературу на национальных языках. Проводится радиовещание

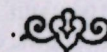
на монгольском, уйгурском, казахском, корейском, тибетском, мяо, чжуан и других языках. Начата кинофикация национальных районов. Период расцвета переживает искусство национальных меньшинств. Многие произведения народного искусства малых народов стали известны далеко за пределами района, где они возникли.

* * *

Под руководством коммунистической партии и с помощью правительства малые народности Китайской Народной Республики добились больших успехов в области государственного, хозяйственного и культурного строительства.

Впервые за всю многовековую историю Китай стал подлинно единым государством, основанным на принципах дружбы, равенства, сотрудничества и взаимной помощи всех народов, населяющих страну. Благодаря политике коммунистической партии в национальном вопросе, выработанной на основе творческого применения принципов марксизма-ленинизма и опыта Советского Союза к конкретным условиям Китайской Народной Республики, была решена первая сторона национального вопроса — установлено правовое равенство всех народов Китая. На основе трудового подъема народных масс и благодаря братской помощи великого китайского народа в национальных районах началась ликвидация исторически сложившейся хозяйственной и культурной отсталости малых народов страны.

В подавляющем большинстве национальных районов уже проведены демократические преобразования. В ближайшие один-два года намечается завершить эти преобразования во всех остальных национальных районах. Во многих национальных районах развернулись социалистические преобразования, проводимые в соответствии с особенностями экономического положения и культуры малых народов. Методы и время проведения социалистических преобразований определяются самими национальными меньшинствами. Социалистическое развитие национальных окраин — ключ к ликвидации фактического неравноправия и отсталости малых национальностей Китая, ключ к окончательному и всестороннему решению национального вопроса в Китайской Народной Республике, имеющему большое международное значение. Опыт Китайской Народной Республики сыграет значительную роль при решении национальных проблем в других странах Востока.

²⁷ «Народный Китай», 1955, № 10, стр. 18.

²⁸ 大公报 «Дагунбао», 16 мая 1956 г.

²⁹ «Гуанминжибао», 22 июня 1956 г.

ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ

М. И. РУВИНШТЕЙН

В феврале 1956 г. Плановая комиссия Республики Индии опубликовала проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства. В этом проекте одной из главных задач второго пятилетнего плана Индии поставлено ускорение темпов увеличения производственного потенциала страны с тем, чтобы обеспечить возможность еще более ускоренного развития народного хозяйства в последующие пятилетки. В проекте плана отмечается, что «такая страна, как Индия, поздно начинающая процесс индустриализации, должна за относительно короткий срок пройти путь развития, занявшего период жизни многих поколений в странах, которые начали этот процесс раньше»¹.

В связи с этим в плане указывается, что для обеспечения непрерывного развития экономики необходимо не только увеличивать продукцию, но и в еще больших и во все нарастающих размерах расширять саму способность производить, т. е. обеспечить преимущественный рост производства средств производства, внедрение новой техники и подготовку квалифицированных кадров.

Индустриализация Индии. Как подчеркивается в проекте плана, быстрая индустриализация с основным упором на развитие тяжелой промышленности является сердцевинной второго пятилетнего плана. Проект намечает первоочередное развитие машиностроения, черной и цветной металлургии, добычи угля, цементной, основной химической и других важнейших отраслей тяжелой промышленности. Проект отмечает, что, несмотря на ограниченность финансовых и других ресурсов, критерием расширения вышеуказанных отраслей должны быть не только текущие нужды, но и учет нарастающих потребностей в продукции тяжелой промышленности по мере того, как экономика страны будет все более развиваться.

Основным орудием планового воздействия государства на развитие экономики страны в условиях современной Индии являются государственные капиталовложения. Поэтому особый интерес представляют изменения в направлении и объеме капиталовложений государства в различные отрасли народного хозяйства во втором пятилетнем плане по сравнению с первым пятилетним планом (см. табл. 1).

¹ «Second Five Year Plan. A Draft Outline. Government of India. Planning Commission». New Delhi, 1956, p. 6. Отдельные изменения в цифрах, внесенные в результате обсуждения плана в парламенте Индии, выделены курсивом.

Таблица 1

Государственные капиталовложения по первому и второму пятилетним планам

Объект капиталовложений	Первый пятилетний план (намечен)		Второй пятилетний план	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%
Сельское хозяйство и «проекты общинного развития»	3720	16	5650	12
Орошение и борьба с наводнениями	3950	17	4580	9
Электрификация	2660	11	4400	9
Крупная промышленность и горное дело*	1490	6	6910	15
Кустарная промышленность и ремесло	300	1	2000	4
Железные дороги	2680	12	9000	19
Шоссе и автотранспорт	1460	6	2650	6
Морской и речной транспорт	580	2	1000	2
Связь и воздушный транспорт	840	4	1190	2
Народное образование	1690	7	3200	7
Здравоохранение (включая водоснабжение и санитарно)	1400	6	2670	6
Улучшение положения беднейших слоев («неприкасаемых» и др.)	390	1	1490	3
Жилищное строительство	630	3	1200	2
Помощь беженцам	1360	6	900	2
Разные	410	2	1160	2
Всего	23560	100	48000	100

* Капиталовложения на производство железнодорожного оборудования и средств связи включены в графы «Железные дороги» и «Связь и воздушный транспорт».

Этот проект распределения капиталовложений, хотя и изменен в сравнении с опубликованными в прошлом году рекомендациями проф. П. Ч. Махаланобиса², весьма отчетливо выявляет курс на индустриализацию Индии во второй пятилетке. При этом надо учесть, что в течение первой пятилетки из намеченных капиталовложений в крупную промышленность и горное дело в сумме 1490 млн. фактически было израсходовано лишь 750 млн. рупий. Направляемые в эти отрасли во втором пятилетии ассигнования — примерно 7 млрд. рупий — превосходят действительные вложения первой пятилетки в 9 раз. На промышленность, горное дело и транспорт в первом пятилетии намечалось использовать только $\frac{1}{3}$ общих капиталовложений, а во втором пятилетии — $\frac{1}{2}$, а вместе с электрификацией — почти $\frac{3}{5}$ всех капиталовложений.

Государственные капиталовложения в промышленности почти целиком направляются на развитие тяжелой промышленности, т. е. на производство средств производства. Примерно половина этих капиталовложений (3,6 млрд. рупий) предназначена на сооружение трех государственных металлургических заводов с производственной мощностью примерно в 1 млн. тонн стали в год каждый. Завод в Бхилаи (штат Мадхья Прадеш) строится с помощью Советского союза³. Завод в Роуркела (штат

² См. «Вопросы экономики», 1955, № 10, стр. 119.

³ По предложению советских организаций мощность завода в Бхилаи может быть повышена до 1,3 млн. тонн стали в год с перспективой дальнейшего расширения.

Орисса) сооружают западногерманские фирмы Крупп и Демаг. Третий металлургический завод, о сооружении которого правительство Индии закончило переговоры с английским металлургическим консорциумом, будет построен в Дургануре (штат Западная Бенгалия). Кроме того, план намечает расширить до 100 тыс. тонн в год производство стали на небольшом государственном заводе в штате Майсур.

В области тяжелого машиностроения план предусматривает сооружение сталелитейного, кузнечного и механического цехов при Читтаранджанском паровозостроительном заводе. Запланировано строительство большого завода тяжелого электрооборудования, который уже в конце второй пятилетки должен производить крупные трансформаторы, электромоторы для промышленности и железных дорог, а в начале третьего пятилетия начать производство мощных гидротурбин и генераторов. Государственный завод металлообрабатывающих станков в Бангалуре, вступивший в действие в 1955 г., значительно расширяется. На нем будет организовано производство, кроме токарных, также сверлильных, фрезерных и других станков. Паровозостроительный завод в Читтаранджане должен быть расширен с тем, чтобы он производил до 200 локомотивов в год. Намечено также расширение государственного электротехнического завода в Бангалуре, верфи в Висакхапатнаме, вагоностроительного завода в Перамбуре (близ Мадраса).

Учитывая недостаточность угольных ресурсов в Южной Индии, план предусматривает сооружение крупного комплексного предприятия по добыче и переработке бурых углей в Нейвели (штат Мадрас) мощностью в 3,2 млн. тонн бурых углей в год. В этот комбинат войдут электростанция мощностью в 211 тыс. квт, завод по производству буроугольных брикетов мощностью в 700 тыс. тонн в год, завод азотных удобрений мощностью в 70 тыс. тонн (в пересчете на чистый азот).

Помимо азотного завода в Нейвели план предусматривает сооружение еще двух крупных заводов азотных удобрений. Один из них проектируется построить рядом с металлургическим заводом в Роуркела. Он будет использовать содержащийся в коксовом газе водород и азот, поступающий с установок, которые будут производить кислород для плавки конверторной стали. Другой завод азотных удобрений будет действовать в Нангале на основе получения электролитического водорода в комбинации с производством тяжелой воды (7—10 тонн в год). Ввод в строй этих трех заводов вместе с расширением существующего завода в Синдри должны обеспечить к концу второй пятилетки производство более 300 тыс. тонн азотных удобрений (в пересчете на чистый азот).

Намечается расширение построенных в первом пятилетии заводов телефонной аппаратуры, кабелей, научных приборов, завода ДДТ. Ряд новых предприятий предполагается построить за счет бюджетов отдельных штатов. В их число входят завод в Дургануре по производству кокса, химических побочных продуктов и коксового газа, который будет передаваться по газопроводу в Калькутту. Штат Майсур намечает сооружение заводов электроизоляторов и трансформаторов, штат Бихар собирается строить суперфосфатный завод, штат Андхра — бумажную фабрику, Хайдарабад — инструментальный завод и т. д.

Созданная правительством Национальная корпорация промышленного развития исследует вопрос о сооружении во второй пятилетке анилино-красочных и других химических предприятий, алюминиевого завода и об организации производства экскаваторов, котлов для электростанций, прокатного и другого оборудования для предприятий черной и цветной металлургии.

В отличие от рекомендаций проф. П. Ч. Махаланобиса, в которых

развитие тяжелой промышленности страны предлагалось сосредоточить главным образом в государственном секторе, новый проект плана включает предположения о крупных капиталовложениях частного сектора в промышленность, в том числе в производство средств производства. Из намеченной в плане общей суммы частных капиталовложений в промышленность в размере 6,2 млрд. рупий 3,9 млрд. рупий предназначаются для тяжелой промышленности, в том числе 1,15 млрд. рупий на расширение производственной мощности заводов Тата в Джамшедпуре и заводов в Борнпуре (под Асансолом) с 1,25 до 2,3 млн. тонн стали в год. Предполагается также, что частный капитал расширит производство машин для хлопчатобумажной, джутовой, сахарной, бумажной, цементной промышленности, выпуск электромоторов и трансформаторов и приступит к производству машин для чайной промышленности, сельскохозяйственных и дорожных машин. Производство в Индии машин предполагается увеличить (по стоимости) в 5—6 раз.

В химической промышленности частный капитал, как намечается, в четыре раза увеличит производство кальцинированной и каустической соды, значительно расширит производственные мощности по фосфорным удобрениям, анилиновым красителям, серной кислоте, производству вискозы и штапельного волокна. В 1957 г. американская фирма закончит строительство третьего нефтеперерабатывающего завода в Висакхапатнаме. Значительное расширение мощностей исключительно путем частных капиталовложений намечено в цементной промышленности

Таблица 2

Рост производства основных видов промышленной продукции по второму пятилетнему плану

Вид продукции	Единица измерения	Годы	
		1955/56 г.	1960/61 г.
Сталь	тыс. тонн	1300	4300
Ферромарганец	тыс. тонн	28	160
Уголь	тыс. тонн	36800	60000
Железная руда	тыс. тонн	4310	12500
Алюминий	тыс. тонн	7,5	25
Паровозы	единиц	170	400
Автомобили	единиц	23000	57000
Велосипеды	тыс.	500	1250
Электромоторы	тыс. л. с.	240	600
Судостроение	тыс. рег. тонн	50	90
Серная кислота	тыс. тонн	160	450
Каустическая сода	тыс. тонн	35	120
Кальцинированная сода	тыс. тонн	80	250
Азотные удобрения (в чистом азоте)	тыс. тонн	76	320
Фосфорные удобрения (в пересчете на P ₂ O ₅)	тыс. тонн	35	120
Цемент	тыс. тонн	4800	13000
Огнеупоры	тыс. тонн	260	800
Переработка нефти	тыс. тонн	2500	3800
Бумага и картон	тыс. тонн	180	350
Газетная бумага	тыс. тонн	10	60
Дизели	тыс. л. с.	100	205
Хлопчатобумажные ткани	млн. ярдов	5200	8500
Сахар	тыс. тонн	1700	2300

(с 5 до 13 млн. тонн в год), в алюминиевой, автомобильной и в некоторых других отраслях промышленности. В целом из капиталовложений частного сектора около 70% направляются, согласно плану, в отрасли производства средств производства, а 30% — на расширение производства предметов потребления — главным образом в текстильную, сахарную, бумажную, фармацевтическую промышленность. Около 1,5 млрд. рупий намечается затратить на замену и модернизацию старого оборудования частных предприятий.

Электрификация. Электрификация рассматривается в проекте плана как одно из важнейших условий промышленного развития страны. К началу первого пятилетнего плана общая установленная мощность электростанций Индии составляла 2,3 млн. квт. Около половины электростанций (по мощности) было собственностью частных (главным образом иностранных) монополий, снабжавших электроэнергией большие города; менее четверти электростанций контролировалось государством; а остальные электростанции действовали при частных промышленных предприятиях.

В течение 1951—1956 гг. установленная мощность электростанций увеличилась на 1,1 млн. квт и достигла 3,4 млн. квт. При этом доля государственного сектора возросла с 0,6 до 1,4 млн. квт. За тот же период производство электроэнергии в Индии на душу населения увеличилось с 14 до 25 квт-ч. Однако оно еще в десятки и сотни раз отстает от производства электроэнергии на душу населения в экономически развитых странах. Число электрифицированных городов и деревень к концу 1955 г. достигло 6500 против 3687 в 1951 г.

По оценкам плановой комиссии, установленная мощность электростанций должна в течение предстоящих десяти лет нарастать в среднем на 20% в год и в 1966 г. составить около 15 млн. квт. К концу 1961 г. она достигнет 6,9 млн. квт, т. е. увеличится на 3,5 млн. квт. Из этого прироста около 3 млн. квт приходится на государственный сектор, 200 тыс. квт — на частные городские электростанции и 300 тыс. квт на электростанции при промышленных предприятиях. В государственном секторе основную часть прироста электромоощностей — 2,1 млн. квт — дают гидроэлектростанции и 800 тыс. квт — тепловые электростанции. Всего второй пятилетний план предусматривает строительство или существенное расширение 42 крупных электростанций, в том числе 23 гидроэлектростанций и 19 тепловых станций. Производство электроэнергии на душу населения увеличится с 25 до 50 квт-ч в год, т. е. вдвое. Сооружение 35 тыс. миль высоковольтных электропередач почти удвоит их сеть.

Производство электроэнергии в Индии, составлявшее к 1951 г. 6,6 млрд. квт-ч, а в 1955/56 г. — около 11 млрд. квт-ч, в 1961 г. достигнет 22 млрд. квт-ч. Главным потребителем электроэнергии (около 72% всего производства) будет промышленность. Намечается обеспечить электроэнергией 80—90% небольших городков, являющихся центрами сельских районов, и приступить к работам по электрификации сельского хозяйства, опираясь при этом на поддержку кооперации и организаций «общинных проектов» и «службы национального развития». В связи с преобладанием гидроэлектростанций, электрификация Индии неразрывно связана с задачами комплексного использования рек, устройством оросительных систем и борьбой с наводнениями. Поэтому продолжаются большие гидрологические исследования индийских рек и другие исследовательские работы. Намечается создание специального энергетического института.

Развитие транспорта и средств связи. Расходы на развитие транспорта и средств связи составляют около 14 млрд. рупий, или 29% всех го-

сударственных капиталовложений по второму пятилетнему плану. Проект плана объясняет столь высокий удельный вес этих затрат тем, что вся система транспорта и связи, созданная в Индии англичанами в интересах собственной торговли и управления страной (т. е. для обеспечения колониального господства), должна получить новую ориентацию — на обслуживание нужд промышленного развития страны. Это относится прежде всего к железнодорожному транспорту, имеющему огромное значение для всей экономики Индии.

Железнодорожная сеть Индии, находящаяся в руках государства, имеет протяженность в 35 тыс. миль. Подвижной состав железных дорог к началу осуществления первого пятилетнего плана состоял из 8200 локомотивов, 19 тыс. пассажирских и 222 тыс. товарных вагонов. За годы первого пятилетнего плана железные дороги получили 1609 локомотивов, 4837 пассажирских и 61 773 товарных вагонов. Часть их пошла на замену совершенно изношенного подвижного состава. За годы первой пятилетки было построено 380 миль новых железных дорог, начата электрификация пригородного движения Калькутты.

Во втором пятилетнем плане, в связи со значительным ростом промышленности, предусматривается увеличение грузооборота железных дорог с 120 до 180 млн. тонн в год, т. е. на 50%. Предполагается построить 850 миль новых железнодорожных линий, абсолютно необходимых в связи со строительством металлургических комбинатов, угольных шахт и других предприятий тяжелой индустрии. Намечается ввести в строй 2258 новых локомотивов, 107 247 товарных и 11 364 пассажирских вагонов, из них значительная часть предназначается опять-таки для замены чрезмерно изношенных и устаревших. Будут осуществлены большие работы по реконструкции пути, расширению станционных устройств, электрификации наиболее грузонапряженных участков (протяжением около 800 миль) и внедрению тепловозной тяги на участках в 1293 мили. Вводится также автоматическая сигнализация и ряд других усовершенствований. Капиталовложения в реконструкцию железных дорог составят за пятилетие 9 млрд. рупий.

В строительстве шоссеиных дорог и развитие автотранспорта намечается вложить 2,7 млрд. рупий. К 1961 г. предполагается на $\frac{2}{3}$ выполнить так называемый Нагпурский двадцатилетний план дорожного строительства, по которому каждая деревня должна отстоять не более чем на пять миль от шоссеиной дороги. Только штаты должны соорудить за пятилетие дороги с твердым покрытием протяженностью в 8—9 тыс. миль.

Морской транспорт Индии в течение 1956—1961 гг. расширит свой тоннаж с 600 до 900 тыс. регистровых брутто тонн. Однако и в конце второй пятилетки удельный вес заморских торговых перевозок на индийских судах будет составлять лишь около 15%. Еще более отстающим является речной транспорт Индии, развитие которого систематически тормозилось английскими колонизаторами в целях устранения конкуренции с принадлежавшими им железными дорогами. Во втором пятилетнем плане предусматриваются работы по улучшению условий судоходства в верхнем течении Ганга, на реках в штате Ассам и других. Будут проводиться дноуглубительные работы, укрепление берегов, расширение портов и т. д. Существенно расширяется гражданский воздушный транспорт, национализированный в 1953 г.

В области связи намечено увеличить число почтовых отделений с 53 до 73 тыс., телефонов — с 260 до 450 тыс. Значительно расширяется сеть радиовещательных станций и увеличивается количество передач на всех языках Индии. В деревнях должно быть установлено около 72 тыс. общественных радиоприемников с громкоговорителями.

Развитие сельского хозяйства. Проект второго пятилетнего плана намечает следующее увеличение важнейших видов сельскохозяйственной продукции:

Таблица 3

Вид продукции	Единица измерения	Продукция 1955/56 г. (оценка)	План 1960/61 в.	Абсолютный прирост продукции	% прироста
Зерновые и бобовые	млн. тонн	65,0	75,0	10,0	15,4
Масличные	млн. тонн	5,5	7,0	1,5	27,3
Сахарный тростник (в переводе на сахар-сырец)	млн. тонн	5,8	7,4	1,6	27,6
Хлопок	млн. кип	4,2	5,5	1,3	31,0
Джут	млн. кип	4,0	5,0	1,0	25,0

Прирост продукции зерновых и бобовых культур на 10 млн. тонн предполагается осуществить при помощи следующих главных мероприятий: 2,4 млн. тонн — в результате введения в эксплуатацию крупных ирригационных сооружений; 1,8 млн. тонн — посредством введения небольших оросительных сооружений (артезианских колодцев и др.); 2,5 млн. тонн — в результате использования удобрений; 1 млн. тонн — путем распространения сортовых высокоурожайных семян, 0,8 млн. тонн — в результате распашки целинных земель и 1,5 млн. тонн — на основе улучшения агротехники.

Площадь орошаемых земель должна быть увеличена на 21 млн. акров, в том числе 9 млн. акров за счет использования небольших ирригационных сооружений. Потребление азотных удобрений (в пересчете на сульфат аммония) должно увеличиться в 3 раза — с 610 тыс. до 1,8 млн. тонн в год. Значительное развитие должен получить так называемый японский метод выращивания риса, соединяющий ряд усовершенствованных, хотя и несложных агротехнических приемов и значительно повышающий урожайность. В связи с расширением площадей под хлопчатником в районах орошаемых земель план намечает значительное увеличение продукции длинноволокнистого хлопка. Существенно расширяются плантации и увеличиваются сборы чая, кофе и каучука.

Большое внимание план уделяет развитию животноводства, которое находится в Индии в крайне запущенном состоянии. Достаточно отметить, что Индия, которой принадлежит первое место в мире по поголовью крупного рогатого скота (по переписи 1951 г. около 200 млн. голов), занимает одно из последних мест по потреблению молока и мяса на душу населения. Ввиду небольших масштабов работ по выведению новых пород скота, затрудняемых запрещением в ряде штатов убоя коров, а, главное, острой нехватки кормов, продуктивность животноводства является крайне низкой. Второй пятилетний план предусматривает значительное расширение ветеринарного обслуживания, проведение мероприятий по улучшению пород скота, создание сбытовых молочных кооперативов и государственно-частных животноводческих ферм вблизи больших городов по типу существующей фермы Аарей близ Бомбея.

Значительные средства ассигнуются на мероприятия по борьбе с эрозией почвы, а также на развитие лесонасаждений и лесного хозяйства. Леса занимают в настоящее время около 22% всей площади страны, и большая часть их принадлежит государству. По решению правитель-

ства проводится программа мероприятий по значительному расширению площади лесов, улучшению пород деревьев и т. д.

План намечает программу научных исследований в разных отраслях сельского хозяйства и ориентирует на усиление координации этих исследований и ускорение практического использования их результатов: применения лучших гибридных сортов семян, новых методов борьбы с болезнями растений, рационального использования навоза и минеральных удобрений, расширения кормовых ресурсов, особенно концентрированных кормов. Помимо имеющихся сельскохозяйственных институтов и опытных станций намечается создать национальный исследовательский институт молочного хозяйства. За пятилетие будет подготовлено около 4500 агрономов и 5000 ветеринаров.

Особый раздел второго пятилетнего плана посвящен так называемым общинным проектам и национальной службе развития. Обе эти организации, отличающиеся друг от друга лишь масштабами соответствующих мероприятий и затрат, ставят своей задачей повышение материального и культурного уровня сельского населения путем комплексных мероприятий по улучшению агротехники, строительству мелких ирригационных сооружений, сельских дорог и т. д., проведению санитарных мероприятий и благоустройству деревни, развитию народного образования, созданию кооперативов, предоставлению крестьянам в кредит минеральных удобрений, улучшенных семян и т. п.

Эти мероприятия осуществляются через так называемые блоки развития, каждый из которых охватывает в среднем по 100 деревень с населением около 66 тыс. человек. К 1956 г. имелось уже около 700 таких «блоков развития» и 500 вдвое меньших по объему мероприятий и по затратам «блоков службы национального развития». Эти 1200 блоков охватывали 123 тыс. деревень с населением около 80 млн. человек.

Расходы на мероприятия, проводимые организациями «общинных проектов» и «службы национального развития» осуществляются следующим образом: половина ассигнуется по государственному бюджету и половина должна поступать от крестьян, главным образом в виде бесплатного труда на связанных с этими проектами строительных работах. Однако в первом пятилетии трудовой вклад населения в осуществление этих проектов составил примерно 60% от государственных затрат. Второй пятилетний план намечает охватить всю страну «блоками службы национального развития». Особый упор в деятельности организаций «общинных проектов» во втором пятилетии предлагается сделать на: 1) развитие в деревне разных видов кустарной промышленности, что увеличит занятость сельского населения, 2) развитие кооперации разных видов, 3) усиление культурно-просветительной работы среди женщин и молодежи, 4) улучшение положения кочевых племен.

К концу первой пятилетки в системе «общинных проектов» было занято 84 тыс. человек, в том числе врачи и акушерки, агрономы и ветеринары, инженеры и механики, учителя, бухгалтера и т. д. К 1961 г. численность этого персонала должна увеличиться на 200 тыс. человек. В связи с этим предусматривается значительное расширение специальных центров подготовки квалифицированных работников для «общинных проектов». Создаются 95 сельскохозяйственных техникумов, 26 опытных центров развития кустарной промышленности и другие учебные заведения.

Несомненно, что организации «общинных проектов» во многих районах Индии проводят большую и полезную работу, особенно в области санитарии, просвещения, осуществления простейших агротехнических мероприятий. В то же время, как отмечает индийская печать, их основными не-

достатками являются: 1) отсутствие связи с осуществлением давно назревших социально-экономических преобразований в индийской деревне, прежде всего с решительным и последовательным проведением аграрных реформ и устранением многочисленных феодальных пережитков; 2) отсутствие организованного участия представителей всех слоев сельского населения в руководстве организации «общинных проектов» и «службы национального развития»; это нередко приводит к тому, что, как отмечалось в парламенте Индии, льготные условия кредита, минеральные удобрения и другие блага предоставляются организациями «общинных проектов» главным образом богатым землевладельцам.

Аграрные реформы. Вопросу об аграрной реформе в проекте плана посвящена особая глава. В этой главе признается, что аграрные реформы имеют решающее значение для развития сельского хозяйства Индии и что до сих пор в этом отношении сделано еще очень мало.

В некоторых штатах, где проведены законы об аграрных реформах, ликвидированы права посредников-арендаторов, сдающих землю в субаренду непосредственному производителю, несколько сокращена множественность видов аренды, кое-где установлен максимальный размер земельного участка, покупаемого частным лицом. Однако, как заявляется в проекте плана: «Положения законодательства о земельной реформе не были выполнены в таком объеме, как надеялись, вследствие недостаточной активности администрации и слабости организации в деревне» (стр. 74). Почти ничего не было сделано по предоставлению земли безземельным крестьянам, созданию сельскохозяйственных кооперативов и т. д.

В то же время мероприятия в этой области, намечаемые во втором пятилетнем плане, отличаются крайней неопределенностью и робостью. В проекте плана есть ссылка на то, что летом 1955 г. при Плановой комиссии Индии создан консультативный комитет по вопросам аграрных реформ, который образовал четыре подкомитета и разрабатывает соответствующие рекомендации. Пока же проект плана ограничивается самыми общими пожеланиями о том, чтобы существующее в штатах законодательство было пересмотрено, что «желательно» прекратить выселение помещиками арендаторов и субарендаторов, «кроме случаев неплата арендной платы или плохого использования земли» (стр. 78), что в принципе рекомендуется установить максимальный размер не только для вновь приобретаемых, но и для существующих земельных владений. Как сообщает индийская печать всех направлений, длительные разговоры о максимальном размере земельных владений без конкретных мероприятий в этой области приводят к тому, что помещики осуществляют фиктивный раздел своих поместий между многочисленными родственниками и подставными лицами, проводя при этом массовый сгон арендаторов с земли. Медленная ликвидация феодальных пережитков в индийской деревне мешает развитию производительных сил сельского хозяйства и расширению внутреннего рынка, необходимых для быстрого подъема всего народного хозяйства страны.

Развитие кооперации. Проект второго пятилетнего плана подчеркивает, что характер развития экономики Индии, особенно в области сельского хозяйства, открывает большие перспективы для развития всех видов кооперации. Основными видами кооперативной деятельности в ближайшие годы должны быть: организация сельскохозяйственного кредита, сбыта и первичной обработки сельскохозяйственных продуктов, кооперативное ведение производства, расширение потребительской кооперации, кооперирование ремесленников и развитие строительных кооперативов.

Программа развития кредитной кооперации соответствует предложе-

ниям, содержащимся в «Обзоре сельскохозяйственного кредита» (1955 г.) Резервного банка Индии. По данным «Обзора» в настоящее время имеется более 30 тыс. сельскохозяйственных кредитных обществ с 5,8 млн. членов. Удельный вес обществ в общем объеме кредита, получаемого крестьянами, составляет лишь около 5%. Другие виды кооперации развиты еще слабее.

Существующие кооперативы находятся большей частью под руководством помещиков и ростовщиков. Премьер-министр Индии Дж. Неру заявил в январе 1956 г.: «Я не сомневаюсь, что наша система кооперативов помогает только более состоятельным людям; вместо того, чтобы поощрять бедняков, она обескураживает их. Требуется время, чтобы охватить бедняков, и вместе с тем эта система, очевидно, не привлекает бедняка, у которого нет средств. Кооперативная система должна помогать бедняку и поощрять его. Я считаю, что развитие кооперативной системы имеет важное и существенное значение»⁴.

Программа развития кооперации, разработанная при участии центрального правительства, правительств штатов и Резервного банка Индии, намечает создать во втором пятилетии 12 тыс. кооперативных кредитных обществ, 1700 сбытовых обществ, 36 сахарных заводов, 77 хлопкоочистительных и 112 других кооперативных предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, около 8 тыс. складов и элеваторов. Программе производственного кооперирования крестьян, как признается в проекте плана, пока не было уделено достаточного внимания, и этот вопрос должен быть разработан в дальнейшем.

На заседании Плановой комиссии Индии в начале 1956 г. было заслушано сообщение китайских экономистов о развитии производственных кооперативов в китайской деревне, которое, как отмечала индийская печать, произвело большое впечатление. Плановая комиссия Индии решила направить своих представителей в Китайскую Народную Республику для подробного изучения на месте вопросов кооперирования сельского хозяйства в Китае.

Кустарная промышленность. Проект плана в области развития кустарной промышленности основывается на выводах и предложениях специального комитета по сельской и мелкой промышленности, образованного при Плановой комиссии Индии. Предложения этого комитета исходят главным образом из задачи всемерно использовать развитие кустарной промышленности для смягчения безработицы и создания рассеянных по всей стране децентрализованных очагов производства. С этой целью разработаны программы систематической поддержки мелкой и кустарной промышленности путем финансовой помощи, технического руководства, организации исследовательской работы и подготовки кадров, снабжения сырьем и сбыта готовой продукции. Расходы на эти цели на 1956—1961 гг. определены в сумме 2 млрд. рупий против 312 млн. рупий по первому пятилетнему плану. Подавляющая часть этих расходов направляется в различные отрасли кустарной текстильной промышленности (главным образом хлопчатобумажной). Значительно меньшие средства предназначены для таких отраслей сельских кустарных промыслов, как, например, ручная очистка риса, изготовление растительных масел, кустарное производство неочищенного сахара (гура), различных изделий из волокна кокосовых орехов (койр), производство глиняной посуды, изделий из дерева и пр.

⁴ Речь 7 января 1956 г. на заседании Постоянного комитета Совета национального развития. «Hindustan standard», 8 января 1956 г.

В отношении хлопчатобумажной и некоторых других отраслей промышленности проект плана исходит из возможности, в случае если это будет признано экономически целесообразным, ограничивать расширение продукции соответствующей отрасли фабрично-заводской промышленности и устанавливать специальные акцизные сборы с единицы ее продукции в пользу поддерживаемой таким путем кустарной промышленности. Эти установочки, частично применявшиеся уже в период осуществления первого пятилетнего плана, вызвали сильнейшее сопротивление владельцев хлопчатобумажных фабрик, заявлявших, что это приводит к искусственному удорожанию продукции для потребителей и сокращению рынка. Сторонники акцизных сборов справедливо отмечают, что сами текстильные фабриканты широко используют для развития своего производства и получения высоких прибылей такие мероприятия, как установление высоких пошлин на импортные товары и налоговые льготы. Острая полемика по этому вопросу продолжается и в настоящее время. Особое значение план придает широкому использованию усовершенствованной ручной прялки, изобретенной одним крестьянином из Южной Индии и получившей, по его имени, название Амбар чаркха. Эта прялка с двумя веретенами дает пряжу хорошего качества и легко изготавливается и ремонтируется в примитивных деревенских мастерских.

Авторы плана обращают особое внимание на кооперирование кустарей как по линии кооперативного снабжения сырьем и сбыта продукции, так и по линии производственной кооперации. В плане подчеркивается, что только в случае широчайшего развития кооперации кустарная промышленность сможет целесообразно использовать финансовую поддержку и научно-техническую помощь государства и повысить квалификацию кустарей.

Финансирование второго пятилетнего плана. Значительное увеличение государственных капиталовложений в народное хозяйство страны ставит большие и трудные задачи в отношении финансирования плана. План намечает следующие основные источники финансирования 48-миллиардных расходов центрального правительства и штатов за пятилетие: 3,5 млрд. рупий предполагается получить на основе существующих налогов; 4,5 млрд. — путем введения добавочных налогов; 1,5 млрд. составят доходы железных дорог; 2,5 млрд. поступят из страховых фондов; 7 млрд. рассчитывают получить путем внутренних займов и 5 млрд. — от вкладов в сберегательные кассы и других сбережений. Все это покрывает лишь половину намеченных расходов. Из остающихся 24 млрд. рупий планом намечается покрыть 12 млрд. — путем так называемого дефицитного финансирования, т. е. эмиссии бумажных денег. По мнению ряда индийских экономистов, в условиях развивающейся экономики эмиссия в таких размерах, т. е. примерно на 2—2,5 млрд. рупий в год, может быть осуществлена без опасности инфляции. 8 млрд. рупий намечается покрыть за счет иностранных кредитов и помощи. Источник поступления остальных 4 млрд. рупий в плане не указан.

Как видно из вышеизложенного, финансирование плана является напряженным. Налоговое обложение должно повыситься с 7% до 9—10% национального дохода страны, причем проект плана не дает ясной картины, с каких слоев населения предполагается получить эти дополнительные налоги. В связи с этим прогрессивная печать Индии указывает, что проект плана не учитывает громадных потенциальных источников финансирования плана. К ним относятся, например, сокращение вывоза за границу огромных прибылей иностранных монополий; сокращение доходов верхушки буржуазии и бывших князей и изъятие имеющихся у них излишков средств путем принудительных займов; сокращение или

приостановка на несколько лет платежей крупным помещикам в качестве компенсации за земли, которых они лишились при проведении аграрных реформ; сокращение огромных паразитических доходов ростовщиков и спекулянтов.

Некоторые индийские экономисты считают, что решительные мероприятия по мобилизации этих потенциальных ресурсов могли бы не только обеспечить покрытие расходов, предусмотренных вторым пятилетним планом, но и значительно повысить намечаемый в плане удельный вес капиталовложений в национальном доходе страны. По этим вопросам в индийской экономической печати и в настоящее время продолжается весьма острая полемика.

Одним из мероприятий, направленных к мобилизации народных сбережений в целях осуществления крупных капиталовложений по второму пятилетнему плану, является проводимая в настоящее время национализация дела страхования жизни. Активы обществ страхования жизни, действующих в Индии (как индийских, так и иностранных), составляют примерно 3,8 млрд. рупий, и они приносят ежегодно около 120 млн. рупий чистого дохода. Этот доход может быть значительно повышен, если расширить число лиц, охваченных страхованием.

Проект плана уделяет особое внимание расчетам на значительное увеличение иностранных кредитов и помощи. Это связано прежде всего с тем, что для выполнения плана, главным образом для расширения тяжелой промышленности, необходимо значительно увеличить импорт, в особенности машин и оборудования, а также стали, проката, отдельных цветных металлов и других видов сырья. В проекте указывается, что импорт машин и оборудования за второе пятилетие составит 13,5 млрд. рупий. Импорт стали и проката должен ежегодно (кроме 1961 г.) составлять 1,5—1,6 млн. тонн. В случае неблагоприятных муссонов (т. е. засухи) может возникнуть необходимость в значительном импорте зерновых.

В связи с неопределенностью расчетов на иностранную помощь, планом намечается ряд мероприятий по сокращению пассивности платежного баланса, с одной стороны, путем ограничения импорта потребительских товаров, особенно предметов роскоши и, с другой стороны, путем увеличения экспорта. Расширение экспорта намечается как по линии традиционных видов вывозимых из Индии товаров — джутовых и хлопчатобумажных тканей, марганцевой и железной руд, чая, масличных и т. д., так и по линии новых видов продукции, в частности швейных машин, велосипедов, электрических вентиляторов. Однако значительное увеличение индийского экспорта в капиталистические страны наталкивается на ожесточенную конкуренцию и таможенные преграды и находится в сильнейшей зависимости от резких колебаний цен на мировых рынках. В связи с этим большое значение для экономического развития Индии имеют (об этом в проекте плана упоминается лишь мельком) новые формы экономического сотрудничества Индии с Советским Союзом и странами народной демократии. Так, например, по соглашению о строительстве металлургического завода в Бхилае, погашение крупного кредита, предоставляемого Советским Союзом (только оборудования будет поставлено на общую сумму в 553 млн. рупий), будет производиться в индийской национальной валюте. Точно так же импорт из Советского Союза прочего оборудования, стального проката и т. д. будет оплачиваться индийскими товарами и не потребует затрат иностранной валюты. Само собой понятно, что развитие такого экономического сотрудничества может значительно облегчить выполнение второго пятилетнего плана и укрепление независимой национальной экономики Индии.

Занятость во втором пятилетнем плане. В плане отмечается, что в течение 1951—1956 гг. безработица в Индии возросла и что планы экономического развития, чтобы иметь необходимую поддержку народных масс, должны ставить одной из своих основных целей увеличение занятости. При составлении второго пятилетнего плана стремились учесть, во-первых, наличие в настоящее время большого числа полностью безработных как в городах, так и в сельских местностях; во-вторых, прирост работоспособного населения, который в течение ближайших пяти лет составит около 2 млн. человек в год, и, в-третьих, неполную занятость многомиллионных масс трудящихся в деревне и городских кустарей.

По самым приблизительным расчетам, намеченное вторым пятилетним планом расширение производства и капитального строительства может увеличить число занятых на 8 млн. человек, в том числе на 2,1 млн. — в строительстве, 860 тыс. — в промышленности и горном деле, 450 тыс. — в кустарной промышленности, 250 тыс. — на железных дорогах, 430 тыс. — на государственной службе, на 260 тыс. в системе народного образования и т. д. Таким образом, проблема безработицы, если прирост работоспособного населения составит 10 млн. человек, и к 1961 г. будет еще весьма острой. Возможности расширения занятости в сельском хозяйстве планом не учитываются. Для ликвидации безработицы среди интеллигенции предполагается в течение пятилетия предоставить работу примерно 2 млн. человек со средним и высшим образованием. План намечает для этого некоторые мероприятия, но признает их недостаточность.

В плане указывается, что «несмотря на большие усилия, предусмотренные планом, общий масштаб безработицы в течение второго пятилетнего плана может быть того же порядка, что и в настоящее время» (стр. 46).

Здравоохранение. На развитие здравоохранения в 1956—1961 гг. выделяется 2,67 млрд. против 1,31 млрд. рупий по первому пятилетнему плану. 400 млн. рупий из этой суммы предназначены для расширения больницы с 10 тыс. больниц с общим числом коек около 125 тыс. в 1955/56 г. до 12 600 больниц с числом коек около 155 тыс. к 1961 г. Большое внимание уделяется расширению медицинской помощи в сельских районах. В первую очередь будут созданы по линии организации «общинных проектов» и «службы национального развития» более 3 тыс. специальных «ячеек здравоохранения», которые должны проводить как лечебную, так и профилактическую работу. Ряд таких медицинских ячеек в деревне намереваются создать также правительства штатов. Для обеспечения кадрами сети медицинских учреждений число врачей намечено увеличить с 70 тыс. приблизительно до 90 тыс. Для этого расширяются 28 существующих и создается 6 новых медицинских колледжей. Учреждается также Всендийский институт медицинских наук. В Индии ощущается весьма острая нехватка среднего медицинского персонала. Поэтому будет значительно расширена подготовка фельдшеров, акушеров, фармацевтов, зубных врачей, санитарных инспекторов.

В Индии уже начали осуществляться предусмотренные в первом пятилетнем плане эффективные мероприятия по борьбе с инфекционными заболеваниями, в особенности с малярией, филариазисом, туберкулезом, проказой и венерическими болезнями. В 1956—1961 гг. эти мероприятия будут осуществляться в еще больших масштабах. На их проведение ассигнуется 550 млн. рупий. В частности, для борьбы с малярией создается 200 станций, обслуживающих по миллиону человек каждая. Проводится широкая противотуберкулезная вакцинация населения. В центрах распространения проказы создаются лепрозории, диагностические пункты, организуется исследовательский институт по проказе. Большие средства ассигнуются на улучшение водоснабжения. Значительную работу пред-

стоит провести в области охраны материнства и младенчества. Создаются 2 100 женских и детских консультаций, четыре центра подготовки врачей-педиатров и среднего медицинского персонала. Широко разворачивается работа по санитарному просвещению населения.

Жилищное строительство. Городское население Индии быстро увеличивается: в 1951 г. оно составляло 62 млн., т. е. возросло на 16,3 млн. по сравнению с 1941 г. По приблизительной оценке, к 1961 г. население городов увеличится еще на 33%. Между тем уже в 1951 г. в городах не хватало около 2,5 млн. жилищ.

Второй пятилетний план намечает широко развернуть строительство дешевых жилищ министерствами по делам беженцев, обороны, железных дорог и труда, а также правительствами штатов. Однако большая часть жилой площади будет выстроена частными лицами и кооперативами, которым государство предоставит дешевые участки земли, кредит, техническую помощь и, отчасти, строительные материалы и стандартные детали. Государство предоставит строительным кооперативам субсидии в размере до 25% стоимости строительства. В больших городах предполагается осуществлять работы по ликвидации трущоб и планированию новой застройки. Однако в плане признается, что в связи с ростом городского населения жилищный вопрос еще более усложнится.

Подъем жизненного уровня беднейших слоев населения. План уделяет место особым мероприятиям по подъему жизненного уровня так называемых отсталых слоев населения, куда проект относит 52,1 млн. человек из «неприкасаемых» и других низших каст, 19 млн. так называемых кочевых и лесных племен и 4,2 млн. человек из племен, которые колонизаторы называли «преступными» (главным образом бродячие племена).

На подъем жизненного уровня этих слоев населения в 1956—1961 гг. ассигнуется 900 млн. рупий, главным образом на улучшение сельского хозяйства, устройство школ и больниц, кооперативов, сооружение колодезей, подготовку медицинского персонала, учителей и т. д.

В плане отмечается, что ликвидация «неприкасаемости» зависит от общего экономического и социального развития страны, особенно сельских районов, и связана главным образом с предоставлением работы членам «низших» каст. Вместе с тем предусматривается ряд специальных образовательных и пропагандистских мероприятий, строительство клубов, жилищ, выпуск соответствующих кинофильмов, плакатов и т. п.

Народное образование. В Конституции Республики Индии ставится задача — в течение десяти лет осуществить бесплатное обязательное начальное образование для всех детей в возрасте до 14 лет. К 1956 г. в начальных школах могли обучаться лишь 50% детей в возрасте от 6 до 11 лет. В возрасте от 11 до 14 лет училось 17% детей, а с 14 до 17 лет — только 9%, причем девочки составляли лишь одну шестую общего числа учащихся этого возраста. Большое число детей, особенно в сельских районах, оставляют школу после двух-трех лет учебы.

В 1956—1961 гг. на развитие народного образования ассигнуется 3,2 млрд. рупий, в том числе на начальное обучение 826 млн., на среднюю школу — 667 млн., на высшее образование (университетское) — 669 млн., на профессиональное обучение — 493 млн. рупий.

К 1961 г. начальные школы смогут посещать 60% детей в возрасте 6—11 лет и 19% детей в возрасте 11—14 лет. Число учащихся в этих возрастных группах вырастет более чем на 7,5 млн. Должно быть создано свыше 75 тыс. новых школ, подготовлено большое число учителей. Провозглашенный конституцией принцип обязательного бесплатного обучения для всех детей до 14 лет предполагается осуществить к концу третьей пятилетки. Но уже к 1961 г. каждая деревня с населением в 500 человек

и более должна иметь школу. План отмечает, что следует повысить заработную плату учителей, находящихся в настоящее время в очень трудном положении.

В плане подчеркивается необходимость расширить подготовку техников, мастеров, квалифицированных рабочих и различных специалистов со средним образованием для промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и т. д. Это имеет для Индии особое значение, так как до сих пор главной задачей среднего и высшего образования была общеобразовательная подготовка (английский язык, история и т. д.). В то же время не давалось достаточных знаний и навыков для практической работы.

В последние годы значительно увеличилось число студентов в университетах и колледжах. К 1956 г. оно достигло 720 тыс. против 420 тыс. в 1951 г. Однако с дипломом оканчивают лишь 58 тыс. в год. По второму пятилетнему плану предполагается сосредоточить усилия на улучшении качества высшего образования и усиления его связи с практикой. Особое внимание уделяется высшему техническому образованию. Будут расширены некоторые существующие высшие технические учебные заведения (политехнический институт в Дели, технологический в Кхарагпуре, близ Калькутты). Поставлена задача — создать три технологических института в северном, западном и южном районах страны, институты горного дела и прикладной геологии в Дханбаде (Дамодарская долина), полиграфический институт и ряд других высших технических учебных заведений.

Выпуск инженеров намечается увеличить с 3 600 в 1955 г. до 6 000 в 1960 г. Особенно расширяется подготовка и выпуск инженеров по разным отраслям строительства, машиностроения, электротехники, горного дела, связи. Большое значение в этом отношении имеет создание с помощью Советского Союза крупного технологического института в Бомбее, который, по сообщениям индийской печати, должен быть «одним из лучших в мире».

Развитие науки. За годы независимости в Индии была создана сеть государственных научно-исследовательских институтов (большая часть называемых «национальными лабораториями»), оснащенных современным оборудованием и обладающих ценными кадрами крупных индийских ученых и способной научной молодежи. Наиболее важными из этих институтов являются: Национальная физическая лаборатория в Дели; Национальная химическая лаборатория в Пунае; Исследовательский институт топлива в Джилгоре (Дамодарская долина); Центральный институт технологии пищевой промышленности в Майсуре; Центральный исследовательский институт стекла и керамики в Калькутте; Национальная металлургическая лаборатория в Дхамшедпуре; Центральный исследовательский дорожный институт в Дели; Центральный исследовательский фармацевтический институт в Лакнау; Исследовательский электрохимический институт в Карайккуди; Исследовательский кожевенный институт в Мадрасе; Исследовательский строительный институт в Рурки.

В 1956 г. созданы также Исследовательский институт по электронике в Пилани, Исследовательский институт соли в Бхавнагаре и Национальный ботанический сад в Лакнау. Деятельность этих научно-исследовательских учреждений объединяется Советом научных и промышленных исследований, входящим в Министерство науки и природных ресурсов.

Второй пятилетний план ставит основной задачей в этой области расширение и укрепление существующих научных институтов, установление более тесной связи с производством и задачами развития национальной экономики. Придается большое значение созданной в 1954 г. Национальной исследовательской корпорации развития, задачей которой является

опытная проверка и использование в общественных интересах результатов исследований и изобретений, сделанных в государственных институтах и лабораториях.

Большое внимание во втором пятилетнем плане уделяется развитию исследований проблем атомной энергии и ее использования в мирных целях. Эти исследования проводятся в Бомбейском институте фундаментальных научных исследований имени Тата, руководимом известным индийским физиком Хоми Баба, в институте ядерной физики Калькуттского университета, основанном недавно умершим физиком депутатом парламента Мегиадам Саха, и в некоторых других институтах. Недавно введен в действие первый в Индии атомный реактор, где будут получать радиоизотопы для биологических, медицинских и промышленных исследований. Осуществляется подготовка специалистов в области атомной энергетики. Второй реактор войдет в действие в 1957 г. В Тромбее (близ Бомбея) сооружается завод для извлечения тория и урана. В ряде районов проводятся геологические исследования на уран и торий. Близ Бхакра-Нагальской гидроэлектростанции проектируется построить завод тяжелой воды, комбинированный с производством азотных удобрений. Все эти работы планируются и руководятся специальным департаментом по атомной энергии при правительстве Индии.

Во втором пятилетнем плане намечается создать несколько новых научно-исследовательских институтов, в том числе Центральный машиностроительный институт и Музей науки и промышленности в Калькутте. В ведение Совета по научным и промышленным исследованиям предлагается передать центральные лаборатории штата Хайдарабад и Индийский институт медицинских исследований в Калькутте. Намечается также учреждение национальной биологической исследовательской лаборатории, института исследования пустынь и центрального геофизического института. Имеется в виду также организация исследовательского энергетического института, центра авиационных исследований, лабораторий газовых турбин, по использованию энергии ветра, исследованиям ионосферы и микрофизики облаков, изучению лекарственных растений, биологических станций для изучения морей и пресноводных бассейнов и физики океанов, проведение работ по созданию национального атласа, ботанических и зоологических обзоров Индии. Большое значение придается начавшимся работам по устройству в деревнях небольших научных лабораторий, главным образом агротехнических, а также изучающих местные хозяйственные проблемы.

Директор Индийского статистического института проф. П. Ч. Махаланобис, выступая в Калькутте в апреле 1956 г., дал следующую оценку основных задач второго пятилетнего плана Индии: «Неизбежно приходится прийти к заключению о необходимости для Индии во все большей мере использовать машины, если мы хотим повысить уровень жизни населения страны. Поэтому в течение ближайших лет стратегия экономического планирования в Индии должна заключаться в увеличении капиталовложений в основные отрасли тяжелой промышленности, главным образом в металлургическую промышленность. Поскольку Индия обладает огромными месторождениями богатейшей железной руды, нет оснований думать, что она не сможет в течение нескольких лет создать свою собственную тяжелую промышленность».

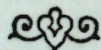
Обе нынешние главные проблемы Индии — нищета и безработица — могут быть разрешены только путем расширения производства, что связано с расширением применения машин... В нашей стране уже начато производство самолетов и сооружение столь сложных вещей, как атомные реакторы. Поскольку современная цивилизация сделала возможным в течение

нескольких лет добиться такого успеха в области техники и науки, для которого в иных условиях потребовалось бы целое столетие, нет основания сомневаться в том, что Индия сможет создать свою тяжелую промышленность в приемлемый срок...

Экономическая стратегия Индии должна быть направлена главным образом на увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность, что поможет стране справиться с безработицей. Индия не может позволить себе вкладывать капитал одинаково как в тяжелую промышленность, так и в предприятия, выпускающие товары широкого потребления. В переходный период, когда должна будет создаваться тяжелая промышленность, расширение производства товаров широкого потребления будет в основном предоставлено кустарям и ремесленникам⁵.

Советский народ глубоко сочувствует усилиям индийского народа, освободившегося от гнета колонизаторов и вступившего на путь укрепления экономической независимости и промышленного прогресса. Советский народ на собственном опыте убедился, какое решающее значение имеет индустриализация и, особенно, создание собственной тяжелой промышленности для обеспечения независимости, для достижения быстрых темпов развития всего народного хозяйства страны и подъема жизненного уровня народных масс.

Советский Союз, как заявил первый заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян в своем выступлении в Дели в марте 1956 г., с большим сочувствием относится к усилиям правительства и народа Индии, направленным на создание и развитие национальной экономики, в частности тяжелой промышленности — основы укрепления национальной независимости. Советский народ считает, что чем быстрее Индия залечит раны, нанесенные ей колониализмом, тем успешнее она будет двигаться вперед по пути промышленного прогресса, по пути создания экономически независимого государства.

БОРЬБА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

БЭЗИЛ ДЭВИДСОН *

Дикое место до появления белого человека, кровавые распри между племенами, никакой гарантии безопасности, бескультурье и полнейшее отсутствие цивилизации — так обычно изображали южную часть Африки наши европейские историки империалистической эпохи. Почти все белые, живущие в Африке, и удивительно большое количество их вне ее по сей день верят, что так оно и было.

И если у ученых теперь появляются горькие сомнения в этом, и если иные даже готовы заявить, что нарисованная выше картина не соответствует истине, нужно проделать огромную работу, чтобы создать иное представление, правдивое представление об Африке до прихода европейцев. Для сегодняшней колониальной Африки археология — такая же новая наука, какой она была для Британской Индии 50 лет тому назад.

И все же мы продвинулись настолько далеко по пути к научной оценке прошлого Африки, что можем сказать с некоторой долей уверенности, чего стоят империалистические мифы о «варварстве африканцев».

Это удобное оправдание превосходства европейцев начинает терять силу даже в глазах тех, кто нуждается в нем больше всего. Точно так же, как невозможно больше отрицать тот факт, что художественные изделия из терракоты, найденные в районе Ифе, и бронзовые изделия, обнаруженные в Бенине, в нынешней Южной Нигерии, были сделаны руками аборигенов, нельзя продолжать отрицать и безусловно африканское происхождение замечательной древней цивилизации, остатки которой обнаружены на Южном плато, где сейчас расположены Северная и Южная Родезия и в Южно-Африканской провинции Трансвааль.

Европейцам, живущим в Южной Африке, эти факты пришлось не по вкусу. Они стараются их игнорировать или предать забвению.

Научные исследования, которые предпринимались для того, чтобы выявить прошлое Южной Африки, всегда страдали от нехватки средств. Ценные документы, относящиеся к тому времени, когда португальцы и другие европейцы впервые вступили в соприкосновение с местным населением, не публикуются и остаются неизученными. (Правда, Институт Родса—Ливингстона в Родезии сейчас кое-что делает в этом направлении.) Важные проекты для археологических работ либо еще не начаты, либо еще не завершены. И в связи с тем, что представители господствующей в Южной

* Автор этой статьи — известный английский публицист, специалист по колониальным проблемам. Им написано много статей и несколько книг, в частности «Отчет о Южной Африке», «Пробуждение Африки», «Утро Китая» и др. Статья дается в переводе А. Летиева. — *Ред.*

⁵ «Amrita Bazar Patrica», 4 апреля.

Африке европейской идеологии придают такое значение сохранению и укреплению мифа о дикости африканцев нам, возможно, придется ждать до тех пор, пока великодушная инициатива зарубежных ученых не приведет к серьезному расширению горизонтов африканской истории.

Во всяком случае, со времени опубликования чрезвычайно важного доклада 1935 г. о древнем поселении в Мапунгубве (Северный Трансвааль), в Южной Африке появилось очень мало новых сведений о жизни африканцев до прихода европейцев. Мы все еще ждем полной публикации этого в высшей степени важного документа. Мы все еще ждем полного изучения в свете современных знаний существующих португальских архивов. Частично они были опубликованы и обработаны Тилем полвека тому назад, отдельные их крохи подбирались другими учеными, но никогда этим документам не уделяли в полной мере того внимания, которого они, бесспорно, заслуживают.

Трудно, конечно, ожидать от правительства д-ра Салазара и полностью подчиненного ему академического аппарата разрешения на пользование богатыми архивами, которые собраны в Португалии. Пока что важно обрабатывать документы, находящиеся в пределах досягаемого.

При всех этих ограничениях, мы можем утверждать, что африканцы, жившие в южной части континента (в особенности в тех районах, где сейчас расположены обе Родезии, Мозамбик и Трансвааль), несомненно, имели свою цивилизацию. Ее ранние стадии мы можем проследить в глубине веков вплоть до начала VII в. н. э.; более поздние были обнаружены (и впоследствии уничтожены) португальцами в XVII в.

Мы знаем, что представителям этой цивилизации был известен сравнительно передовой способ обработки металлов, что они вели торговлю с портами на Индийском океане по крайней мере за 500 лет до того, как первые европейские корабли стали бороздить его волны.

Об этом нам говорят китайские, индийские и арабские письменные источники, а также результаты тщательного изучения предметов, найденных при раскопках древних поселений. В Мапунгубве, например, южно-африканские археологи нашли в 1934 г. китайские керамические изделия времен сунской династии. В Зимбабве, к северу от реки Лимпопо, на территории современной Южной Родезии, было также найдено множество керамических изделий китайского происхождения. Недавние раскопки на месте древнего арабского поселения на восточном побережье к северу от порта Момбаса доказывают, что цивилизация, сложившаяся в районе Зимбабве, была связана со странами, расположенными к востоку от Великих африканских озер. Она существовала очень долго, была поразительно устойчивой, но вовсе не застывшей. Короче, это была цивилизация в полном смысле слова.

Говоря о политическом положении и партиях современной Южной Африки, невозможно обойтись без такого введения. Ведь почти всем европейским политикам и партиям Южной Африки свойственно отрицать существование африканской цивилизации до прихода европейцев. Единственное исключение в этом смысле — ныне запрещенная Коммунистическая партия Южной Африки, а также либерально-левая группа, объединенная вокруг Конгресса народов Южно-Африканского Союза и газет «Эдванс» и «Файтинг ток».

Такое отрицание было и является идеологической базой для оправдания расизма. Оно наложило существенный отпечаток на все теории европейских ученых, интересующихся политическими проблемами и социальными сдвигами в стране. Эта упорная пропаганда, несомненно, помогла европейцам подорвать веру африканцев в возможности их роста и развития.

Исторический экскурс важен еще и потому, что он позволяет понять сущность главного конфликта, который развивался в Южной Африке с момента высадки голландцев в 1652 г. (или даже с тех пор, как португальский мореплаватель Васко да Гама впервые обогнул мыс Доброй Надежды в 1497 г.). Какой бы сложной и многогранной ни была история колонизации страны, сущность главного конфликта не менялась. То был конфликт между завоевателями и завоеванными, между имущими и обездоленными, между европейцами и африканцами.

Именно этот конфликт привел к ограблению и закабалению первыми голландскими поселенцами народов, живших неподалеку от Капского мыса. Именно он привел к тому, что голландцы грабили, уничтожали, покорили или изгнали организованные народы банту, жившие на берегах реки Грейт Фиш и за ней. Именно потому, что и тем и другим была нужна земля и дешевая рабочая сила для обработки этой земли, буры и англичане объединились в конце XIX в. для того, чтобы загнать коренное население Южной Африки в так называемые «резерваты», взвалить на него тяжелое налоговое бремя, вынудившее его искать заработок на фермах и шахтах, принадлежавших белым, разработать отвратительную систему набора рабочей силы, лишить коренное население самых элементарных человеческих прав, создать на базе этого рабства или полурабства современную теорию «африканского варварства и европейской опеки», и произвести на свет божий нынешнюю Южную Африку.

К XVII столетию португальцы фактически покончили с древней цивилизацией Зимбабве. Поселенцы и исследователи, которые нахлынули туда к этому времени, ничего не знали о прошлом страны и еще меньше интересовались им. Когда в начале второй половины XIX в. фермеры-буры наткнулись на удивительные руины Зимбабве, то рассказы об этом встречались с удивлением и презрением, и эти руины приписывались таинственным «белым с Севера», а то и арабам. Понадобились годы исследований и кропотливого труда, чтобы доказать африканское происхождение этих руин.

К концу XIX в. процесс разорения и закабаления всех народов, живущих южнее реки Лимпопо, и некоторых более северных народов, был почти завершен. Империализм обрушился на них, как саранча, от которой нет спасения. Люди были не только разорены. У них отняли все, что порождает человеческое достоинство и уважение людей. Их низвели до крайнего унижения. С ними обращались как с дикарями.

Даже в детском возрасте сын европейца мог командовать «туземцами» своего отца. Африканцев стали называть «взрослыми детьми». Было объявлено, что они абсолютно безразличны к деньгам, что они не желают работать на европейских хозяев (и даже на самих себя), что они не способны достигнуть «европейского уровня развития». И был сделан вывод: задача европейцев — учить туземцев уму-разуму, заставить их работать, коли они не хотят работать по доброй воле.

Выступая в парламенте Капской колонии в поддержку своего дитя — неизвестного закона Глена Грея, направленного на практическое осуществление этой цели и обеспечение европейцев свежим притоком дешевой рабочей силы для ферм и шахт, — архимпериалист Сесиль Родс говорил: «Вы выводите их (африканцев. — Б. Д.) из состояния безделья и лени. Вы научите их уважать труд и заставите их внести свой вклад в дело процветания государства...».

Дабы была достигнута сия великодушная и филантропическая цель закон облагал каждого «здорового африканца» десятишиллинговым «рабочим налогом», если он не мог доказать, что три месяца в году «работал за пределами местожительства». Но вся соль закона Глена Грея и ему

подобных заключена в следующих словах того же Родса: «Если закон заставит этих людей работать, это приведет к удешевлению рабочей силы в стране».

Иными словами, на то и существуют африканцы, чтобы европейцам жилось как можно лучше. Вот ключ к решению южноафриканской «проблемы»! Тот, кто забудет об этом, никогда не поймет истории страны. Для него останутся неясными причины ужасных «кафрских войн», в которых африканские народы пытались отстоять свои владения и свою независимость. Он не поймет, почему европейцы стали контролировать каждый шаг африканца — сначала с помощью оружия, потом с помощью загона. Он не поймет, зачем были созданы «туземные резерваты» и почему европейцы богаты, а африканцы живут в нищете. История Южной Африки после прихода европейцев — это история грабежа.

Африканским народам удалось выжить, несмотря на то, что они были обездолены и поработены. Африканцы — плодородный народ. Но условия их жизни настолько ужасны, что естественный прирост населения невелик. На основании тщательных медицинских исследований установлено, что по крайней мере половина всех африканских детей в Южной Африке умирает в возрасте до 16 лет (процент смертности среди детей индийцев Южной Африки едва ли ниже, а возможно, и выше). Коренное население Южной Африки увеличивается несколько медленнее, чем европейское; впрочем, это не мешает европейцам считать, что их «захлестывает туземная волна».

Важно одно: коренному населению удалось выжить. Теперь оно насчитывает не менее девяти миллионов человек (более точными сведениями мы не располагаем, ибо официальные данные о рождаемости африканцев не публикуются). К «неевропейскому населению» следует добавить 350 тысяч индийцев и около миллиона цветных. Европейское население насчитывает около двух с половиной миллионов.

Африканцы выжили. Теперь они могут оценить свои возможности и перспективы радикальных изменений, которые открылись перед ними. Последние годы принесли с собой невиданно быстрый выход на арену политической деятельности широчайших масс африканцев, индийцев и цветных народов. А ведь раньше эти люди, задавленные гнетом и нуждой, вовсе не занимались политической деятельностью и, быть может, успели потерять всякую надежду на лучшую жизнь.

До сих пор считалось допустимым говорить о политической жизни Южной Африки, ограничиваясь только упоминанием о неевропейском населении. Сегодня это уже невозможно. С тех пор как после второй мировой войны в Южной Африке к власти пришла партия националистов, наиболее характерной чертой является не усиление расовой дискриминации, а начало массового участия неевропейцев в политической борьбе.

Прежде чем перейти к этому вопросу, следует более детально разобраться в политике европейцев. Верно, что распри между европейцами не оказывают серьезного влияния на политику Южной Африки. Тем не менее они очень серьезно сказались на развитии партий и заслуживают специального рассмотрения.

Англия окончательно закрепила за собой Капскую провинцию в конце наполеоновских войн. Для англичан, как и для их предшественников — голландцев, Капская колония имела ценность лишь постольку, поскольку она обеспечивала их удобной стоянкой судов, курсирующих между Европой и портами Индийского океана. Колонисты, осевшие у мыса Доброй Надежды, знали, что к северу от их маленького поселения тянутся бескрайние просторы. Но сначала никто и не помышлял об освоении

и даже исследовании этих земель. И только когда англичане стали противодействовать рабовладельческим методам голландцев, это заставило последних продвигаться в северные земли. Формальная отмена работорговли (1830 г.), прибытие английских миссионеров, которые выступали против рабства и пользовались влиянием в правительственных кругах, и усиление давления английской администрации — это все заставило голландских поселенцев отправиться на широкие северные равнины — искать «свободу от британского гнета». Около 10 тыс. поселенцев пустились в путь, в фактически неисследованную страну, лежащую к северу и северо-востоку от реки Грейт Фиш, в поисках новой земли и новых рабов.

Этот поход стали прославлять бурские историки. «Грейт трэк» — великое переселение — рассматривается ныне как событие, положившее начало «бурской нации». Верно, что голландские поселенцы ушли на земли, которые они закрепили за собой, и впоследствии образовали бурскую, или африкандерскую, или южноафриканскую (но ни в коем случае не просто голландскую) национальную общину. Но верно и то, что их винтовки довольно легко обеспечивали им превосходство над местными племенами.

Между бурской общиной, или африкандерской нацией, и англичанами, которые все больше укрепляли свои имперские позиции, всегда велась борьба. Бурские фермеры считали, что страна принадлежит им, и говорили, что англичане украли ее у них, забывая при этом, что сами они тоже украли страну у африканцев.

Буры во многом отличались от англичан. Они были последовательными кальвинистами, а англичане издевались над их религиозными предрассудками. Они довольствовались обработкой земли самыми примитивными методами, используя в значительной степени труд рабов и полурабов, а англичане, следуя своим империалистическим планам, гнались прежде всего за полезными ископаемыми, важными для экспорта.

На рубеже двух веков конфликт между англичанами и бурами вылился в англо-бурскую войну. Англичане вторглись в маленькие бурские республики — Трансвааль и Свободное Оранжевое Государство, — и в конце концов раздавили их. Последующие годы были годами непрочной британской гегемонии. Так было до 1910 г., когда успешные переговоры между английскими и бурскими лидерами (имперское правительство, с одной стороны, и главным образом Смэтс — с другой) увенчались созданием Южно-Африканского Союза, объединившего четыре провинции — Капскую, Наталь, Трансвааль и Свободное Оранжевое Государство.

Впоследствии была достигнута договоренность, что премьер-министром Южной Африки всегда будет африкандер. Сильная личность Яна Смэтса, который сначала сражался против англичан, а потом добивался соглашения с ними, наложила существенный отпечаток на последующие события.

Согласие между обеими белыми общинами не шло дальше определенной черты. И буры, и англичане были едины в вопросе об их «расовом превосходстве» над «туземцами». И те и другие были в равной степени пренебрежительны к решимости отстаивать это превосходство. Но за этой чертой согласие кончалось: в то время как англичане захватили все важные экономические позиции (открытие месторождений золота и алмазов в Трансваале явилось, кстати сказать, главной причиной захвата бурских республик), буры так и остались фермерами.

Шли годы. Поселки вокруг шахт становились городами. Обедневшие буры все чаще бросали фермы и шли в города в поисках работы. Они-то и составили ядро нецветного пролетариата Южно-Африканского Союза.

Этот рабочий класс вел упорную борьбу против владельцев золотых

приписок и алмазных россыпей, за повышение заработной платы, за признание профсоюзов, за свободу слова и собраний. (Впоследствии, однако, он оказался весьма сильно зараженным расистской идеологией эксплуатирующих классов.) Рабочие смело, часто просто самоотверженно, боролись за удовлетворение своих требований. Но их лидеры, пришедшие к руководству рабочим движением после 1910 г., не хотели понять, что интересы африканских рабочих, которых становилось все больше в городах и на шахтах, ничем не отличались от интересов рабочих-европейцев. Тут лидеры шли на компромисс с хозяевами и, конечно, проигрывали.

Политическая коалиция англичан и буров, возникшая после принятия закона об образовании Южно-Африканского Союза, получила известность как южноафриканская партия. Буры, принимавшие участие в войне, вышли из нее и сформировали свою собственную националистическую партию. Лейбористская партия Южной Африки, которая к тому времени полностью перешла на позиции расизма, была третьим, довольно слабым, членом этого политического триумvirата. После экономического кризиса 1929 г., который ударил по экономике Южной Африки так же, как по любой другой капиталистической экономике, южноафриканская и националистическая партии слились и образовали объединенную партию. Именно тогда Даниэль Малан и некоторые его приверженцы — буры — откололись от объединенной партии и создали обновленную националистическую партию.

Эта партия сразу же зарекомендовала себя как сторонница крайних мер. Она не допускала и мысли о компромиссе с африканцами и индийцами, которые все более настойчиво требовали предоставления им элементарных человеческих прав. Она была против вступления Южной Африки в войну, и многие ее лидеры (в том числе и один из министров нынешнего южноафриканского правительства) были открытыми сторонниками нацистов и уповали на их победу. До того как стал ясен исход войны, даже сам д-р Малан оценивал перспективы победы нацистов с таким чувством, которое, право же, выходило за пределы простой симпатии. «Чудесное будущее ожидает африкандеров, — заявил он в начале войны. — Для Германии будет важно симпатизирующее ей правительство... Националистическая партия сможет выполнить эту роль».

Г-н Эрик Лоу, получивший впоследствии широкую известность как представитель Южно-Африканского Союза в ООН, в июле 1940 г. сделал заявление, в котором, в частности, говорилось: «Генерал Сметс должен дать дорогу националистическому правительству, и на следующий же день мы начнем переговоры о мире с Германией и Италией».

Г-н Бен Шуман, впоследствии министр труда, а также автор закона, направленного на ликвидацию профсоюзов, заявил 5 ноября 1940 г. в Блэмфонтейне, что «от победы Германии зависит судьба всей африкандерской нации». Эти люди надеялись воспользоваться победой Германии не для того, чтобы сбросить бремя британского империализма, которое было им в тягость. То были открытые высказывания людей, глубоко убежденных в том, что осуществление гитлеровской идеи о мировом господстве — это именно то, чего им пока не хватает для спокойной жизни.

Тем не менее Сметс и объединенная партия удерживали власть вплоть до 1948 г., когда всеобщие выборы принесли победу обновленной партии националистов. Последняя получила большинство в парламенте, хотя за нее и голосовало меньшинство избирателей. С тех пор националисты все время усиливали свое влияние на избирателей-европейцев, т. е. фактически на всех избирателей. В настоящее время у другой основной европейской партии — объединенной — почти нет шансов одолеть националистов.

В еще более незавидном положении находятся лейбористы. Недавно сформированная либеральная партия объединяет вокруг себя лишь небольшую группу людей доброй воли, чья добрая воля, впрочем, еще не означает их готовности признавать равноправие всех народов, населяющих Южную Африку.

Причина политической слабости европейцев, не являющихся членами националистической партии и даже считающих ее своим заклятым врагом, чрезвычайно проста: почти все европейцы согласны с главным тезисом националистов о незыблемости господства белого человека над черным.

Разумеется, у этих партий имеются значительные расхождения в вопросе о методах и тактике. В отличие от националистической, объединенная партия, возможно, желает несколько ослабить те завищенные до отказа гайки, которые причиняют угнетенным неевропейцам наибольшие страдания. Она не хотела бы лишать права голоса цветное население Капской провинции, хотя в 1936 г., не задумываясь, лишила этого права проживающих там африканцев. Она хотела бы проводить несколько менее реакционную политику по отношению к неевропейским профсоюзам (что не мешает ей поддерживать шахтовладельцев, которые препятствуют организации профсоюзов среди горняков-неевропейцев). Она была бы не прочь отменить некоторые наиболее дикие проявления расовой дискриминации, например, закон, запрещающий небелым студентам-медикам производить вскрытие трупа или анатомические исследования в том случае, если умерший был белым. Она могла бы пойти на отмену некоторых ограничений, на которые на каждом шагу наталкиваются индийцы. Она почти наверняка согласилась бы с тем, что индийцы, живущие в Южной Африке, имеют право остаться в стране, где они родились либо обрели вторую родину.

Таковы расхождения между националистической и объединенной партиями. Но ни одно из них не влияет на позицию объединенной партии. Почти все ее члены считают, что вопрос об основательной и быстрой демократизации Южной Африки, т. е. о предоставлении африканцам, индийцам и цветному населению равноправия, совершенно исключен и сейчас и в будущем.

А это, естественно, дает националистам возможность искусно маневрировать, дает им большие преимущества в борьбе против объединенной партии. У европейцев, охваченных расистским безумием, этим порождением страха и невежества, не хватает времени для размышлений или трезвой оценки положения. Если белые противники националистов и видят в них своих врагов, то «других» (т. е. африканцев. — Прим. пер.) они считают еще более опасными врагами. Когда нужно было выбирать между союзом с националистами и союзом с «другими», они всегда предпочитали первое.

Отдельные личности играют тут определенную роль, впрочем, не очень большую. Сметсу довольно долго удавалось вести Южную Африку по пути «умеренного расизма». Ныне произошло размежевание: по одну сторону стоят самоуверенные лидеры националистов типа Малана (отойшедшего недавно от политической деятельности), Стрейдома, Денгеса, Шумана и других, по другую — объединенная партия с ее робкими сторонниками «умеренного расизма» вроде Страусса, Вилле де-Граафа и Оппенгеймера.

Знакомство с экономическим положением страны дает возможность еще глубже вникнуть в сущность этой «дилеммы белого человека». Расизм служит опорой для фермеров-националистов, ибо обеспечивает им приток дешевой рабочей силы. Но он нужен и шахтовладельцам и промыш-

ленщикам, которые в конечном счете держат в своих руках объединенную партию. Золотые прииски Рэнда зависят от постоянного притока сезонной рабочей силы; в год требуется примерно 300 тыс. рабочих. В то время как последние пятьдесят лет владельцы приисков исправно получали высокие прибыли, реальная заработная плата африканских горняков все время понижалась. Предоставление африканцам или индийцам Наталя демократических прав было бы прямым посягательством на «право неограниченной прибыли», которое золотопромышленники — решительные сторонники объединенной партии считают своей привилегией.

Интересы тех, кто занимается добычей золота и алмазов, переплелись сейчас с интересами тех, кто добывает уран. Но добыча урана не является чисто внутренним делом Южно-Африканского Союза. Она контролируется Лондоном и Вашингтоном, а не Преторией. Это в значительной мере объясняет, почему английское и американское правительства отказываются занять твердую позицию в отношении Южной Африки в Организации Объединенных Наций.

Крупный финансовый капитал, который контролирует горнодобывающую промышленность Южной Африки, смог бы очень быстро сделать то, чего не может добиться объединенная партия, а именно: заставить партию националистов отказаться от ее человеконенавистнической политики. Несомненно, однако, что такой вариант абсолютно исключен.

Вот почему объединенная партия лишь беспомощно взирала на то, как правительство Малана (а теперь Стрейдома) принимало и проводило через парламент многочисленные законы и постановления для того, чтобы еще больше закабалить и без того угнетенных неевропейцев. В последние годы мир стал свидетелем того, как южноафриканское законодательство отходит от сматсовских норм «умеренного расизма» и превращается в систему утонченной жестокости, которую сам Гитлер вряд ли мог бы усовершенствовать.

Каждый честный сторонник равенства между расами объявляется коммунистом, а коммунисты стоят вне закона. Так называемый закон о подавлении коммунизма подвергает остракизму каждого, коммунист он или нет, — кто пытается облегчить страдания, причиняемые бешеным расизмом. Судьи разработали целую систему «определения коммунизма», которая на деле имеет целью «объявлять коммунистом» всякого, кто выступает за изменение существующих порядков. А коль скоро человек «объявлен коммунистом», его можно уволить, оштрафовать, посадить в тюрьму или подвергнуть любому другому наказанию.

Существует закон, направленный на подрыв профсоюзного движения, в особенности среди небелых рабочих. Вступил в силу и другой закон, преграждающий африканцам путь к такому образованию, которое доступно белым. Наиболее трагично, и одновременно парадоксально, то, что раньше африканцы все же могли получать среднее образование, а небольшая часть — даже университетское.

На базе существовавшей ранее экономической и социальной дискриминации африканцев националисты воздвигли новую, всеохватывающую систему расовой дискриминации.

Правда, апологеты расизма твердят, что политика «апартеида», или «обособления», в действительности является гуманной. Нужно-де создать условия, в которых все расовые группы смогут развиваться своим путем, не смещиваясь друг с другом. Но тот, кто размышляет над южноафриканской действительностью, не может принять это утверждение всерьез. Если необходимо полное расовое размежевание — и социально-имущественное, т. е. кастовое, и географическое — и если белые и небелые должны жить порознь, кто же тогда будет добывать золото и алмазы? Кто бу-

дет обрабатывать поля, принадлежащие белым? Кто будет смотреть за домом белого человека, кормить и обувать детей белого человека, мыть на кухне посуду? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы стал ясным ответ. Можно смело сказать, что ни один белый южноафриканский предприниматель не имеет ни малейшего желания отказываться от услуг своих чернокожих работников. Апартеид — это просто синоним преследования людей по расовому признаку.

Но является ли положение безнадежным? Прийти к такому заключению — значит игнорировать здравый смысл и инициативу африканцев, цветного населения и индийцев. Это значит забывать, например, о семенах, брошенных в землю Южной Африки рукою Ганди. Это значит отрицать способность африканцев восстановить свое бывшее величие. Нет, африканцев, индийцев и цветное население нельзя сбрасывать со счетов.

Я не собираюсь пересказывать всю богатую событиями историю борьбы африканцев и индийцев против расизма. Сейчас речь идет только о той новой фазе, в которую вступила эта борьба в последнее время. В 1951 г. совместными усилиями Африканского национального конгресса и Индийского конгресса Южно-Африканского Союза была подготовлена общенациональная кампания пассивного сопротивления расистским законам. В ее подготовке участвовала и часть цветного населения. Среди них не было согласия: одни выступали против расизма, другие придерживались лозунга «вместе с белыми», уповав на то, что это поможет им хоть немного ослабить расистский гнет.

Кампания развернулась в 1952 г., ее результаты были весьма внушительными. Тысячи добровольцев из числа африканцев, индийцев и цветного населения — мужчин и женщин — демонстративно нарушали то или иное постановление, закрепленное бесчисленными низкими расистскими законами, которые превращают жизнь людей, не принадлежащих к правящей касте, в истинный кошмар. Около восьми тысяч человек было арестовано и посажено в тюрьму. Их преступление заключалось в том, что они садились в парке на скамейку, предназначенную «только для европейцев», или звонили из телефонной будки с надписью «только для белых», или например, ехали в купе, отведенном «только для европейцев».

Новая волна надежды и уверенности всколыхнула все небелое население страны. Европейцы, конечно, перепугались. Паника часто была их первой реакцией на политические трудности. Националисты вовсе не были огорчены возможностью использовать такую «цветную революцию» как предлог для принятия новой серии репрессивных законов. Описывая эти события, я позволю себе процитировать свою собственную статью, написанную в июне 1953 г. после второго кратковременного путешествия в Южную Африку.

«В глазах небольшой группы белых, готовых преградить путь поднимающейся волне расизма, и уж, конечно, в глазах всех небелых южноафриканские законы заимствованы непосредственно из «Майн Кампф». По закону о подавлении коммунизма признается виновным каждый, кто содействует достижению одной из «целей коммунизма», определенных следующим образом: «содействие любому изменению существующего положения в политической, социальной или экономической области путем организации беспорядков, волнений или путем незаконных действий, либо путем попустительства такого рода действиям». Вдумайтесь в это определение и вы поймете, что его авторы легко могут подвести под него кого угодно.

Как утверждают южноафриканские адвокаты, ярлык такого «коммунизма» приклеивают любой группе людей, против чего-либо протестующих — скажем, идущих по улице без специального пропуска. Принимая

во внимание атмосферу беззакония, царящую в судах, не приходится удивляться, что этих людей могут признать виновными, даже если их только подозревают в том, что они шли по улице без пропуска.

Такое обвинение в коммунизме можно предъявить, чего доброго, и самому правительству: оно ведь тоже изменяет существующие порядки, проводя закон, исключая цветных граждан из общих с белыми списков избирателей! Этому закону воспротивился впоследствии апелляционный суд.

Как правило, небелых лидеров можно увидеть, лишь нарушив закон; пригласив их к себе, вы можете тем самым дать возможность блюстителям закона истолковать вашу встречу как «собрание». Большинству лидеров запрещено посещать любое собрание, а право толкования понятия «собрание» предоставлено судье, который обычно является ярым расистом. Такие африканские деятели, как Уолтер Сисулу, не могут зайти в магазин или парикмахерскую, когда там много народа, не подвергаясь опасности ареста. А это означает, что их могут схватить в любой момент, который полиция сочтет подходящим.

Но все это — сущие пустяки в сравнении с законами, принятыми в феврале 1953 г. Закон о дополнениях к уголовному кодексу и закон об общественной безопасности были направлены против успешно развивавшегося движения пассивного сопротивления расовой дискриминации, которое возглавили Африканский национальный конгресс и Индийский конгресс Южно-Африканского Союза. Эти законы довели диктатуру расистов до той черты, которую до сих пор переступал только Гитлер.

Закон об общественной безопасности дает правительству право в любое время объявлять чрезвычайное положение в стране или на части ее территории и принимать чрезвычайные меры, если того потребует ситуация.

Чтобы понять смысл закона о дополнениях к уголовному кодексу, нужно ознакомиться с ним подробнее. Две главных его статьи заслуживают того, чтобы привести их полностью:

«1. Всякий раз, когда кто-либо обвиняется в нарушении закона, которое, как это доказано, совершено путем выражения протеста, или путем оказания поддержки любой кампании против любого закона или любой кампании, имеющей целью отмену либо изменение любого закона, или направленной на изменение либо ограничение условий, при которых эти законы применяются, — суд приговаривает обвиняемого, даже в том случае, если приговор противоречит другим имеющимся законоположениям, к следующей мере наказания: а) штрафу до 300 ф. ст., б) или к тюремному заключению до трех лет, в) или к порке (число ударов не должно превышать десяти), г) или к штрафу и тюремному заключению одновременно, д) или к штрафу и порке одновременно, е) или к тюремному заключению и порке одновременно».

Но это еще не все. Предположим, что вы только предлагаете протестовать против расистских законов о пропусках и им подобных. Тогда о вас позаботится следующая статья:

«2. Тот, кто каким бы то ни было образом советует, поощряет, подстрекает, приказывает, помогает или толкает любое другое лицо или лиц на нарушение закона путем выражения протеста против закона или путем оказания поддержки кампании, направленной против закона, и так далее, и тому подобное», будет приговорен к наказанию, названному в статье первой, с той разницей, что сумма штрафа может возрасти до 500 ф. ст., а продолжительность тюремного заключения — до пяти лет. Что касается порки, то и в данном случае число ударов плетью великодушно ограничено одним десятком. Согласно статье второй виновным признается также и тот, «кто просит, соглашается принять, принимает, получает,

предлагает или дает любые деньги или предметы, предназначенные для поддержки любой кампании или любого движения протеста, влекущих за собой нарушение закона».

Ясно, что неукоснительное соблюдение этих законоположений повлекло бы за собой прекращение всякой политической деятельности. Излишне говорить, что они не соблюдаются со всей строгостью, да этого никогда и не собирались делать. Под действие этих законов не подпадают те белые, которые считаются избавленными от угрозы заражения «протуземными идеями». Эти законоположения включены в свод законов лишь для того, чтобы «легализовать» всевозможные репрессии. Такие репрессии пригодятся расистам впоследствии, чтобы образумить африканцев — как рядовых, так и лидеров, а также индийцев, цветное население и горсточку смельчаков — европейцев, связавших с ними свою судьбу.

В Южной Африке демократии не будет до тех пор, пока подобные законы будут иметь силу. А их поддерживают объединенная и, тем более, националистическая партия, т. е. фактически подавляющее большинство белого населения. До тех пор, пока эти законы будут оставаться в силе, к Южной Африке можно применять слова, сказанные великим бразильцем Луисом Карлосом Престесом о его родине: «Решение бразильской проблемы немыслимо в рамках существующего в стране законодательства».

Кампания пассивного сопротивления 1952 г. была всего лишь эпизодом разворачивающейся борьбы небелого населения за свободу и равенство. Все же это был очень важный эпизод. В ходе кампании впервые сотрудничество между африканцами, индийцами и цветным населением достигло невиданного уровня. Она вовлекла в русло сознательной политической деятельности тысячи и тысячи людей, которые до этого времени оставались в стороне от нее. Тем самым были заложены основы успеха в будущем.

О духе этой кампании можно судить хотя бы по декларации, опубликованной Африканским национальным конгрессом в 1951 г. (к ней присоединились также Индийский конгресс Южно-Африканского Союза и часть цветного населения):

«Все люди, независимо от их национальности и цвета кожи, избравшие местом жительства Южную Африку и верящие в принципы демократии и равенства между людьми, являются южноафриканцами. Все южноафриканцы имеют право на свободную жизнь в условиях самого полного равенства... Борьба, которую ведут национальные организации неевропейского населения, направлена не против какой-либо расы или национальной группы. Это — борьба против несправедливых законов, которые увековечивают бремя гнета и нищеты, взваленные на широкие народные массы. Это — борьба за изменение условий жизни, и она восстановит человеческое достоинство и равенство, она принесет свободу каждому жителю Южной Африки».

А вот другой документ, принятый в том же году. Это — не имеющая ничего общего с понятием о цивилизации декларация Совета голландской реформистской церкви Южной Африки, входящей в африкандерскую общину и поставляющей наиболее фанатичных националистов, включая самого д-ра Малана. Она гласит:

«Говорить о том, будто воля неевропейцев, живущих в нашем отечестве, грубо попирается, ибо они лишены такой привилегии, как участие в выборах, значит говорить „вздор“».

Напротив, говорится в декларации, право голоса — «привилегия только тех достигших совершеннолетия людей, которые способны осуществлять его с сознанием ответственности перед богом. Поскольку туземец не отвечает таким требованиям, он не способен пользоваться этим правом должным образом».

Несмотря на политику репрессий, лидеры и активисты организаций неевропейского населения не сдали своих позиций и даже временно не ослабили свою деятельность. Лутули, Котане, Даду, Качалиа и другие африканские и индийские лидеры стоят ныне во главе растущего движения сопротивления расизму, являющемуся составной частью системы империалистического гнета. В борьбе за спасение Южной Африки эти люди рассчитывают в основном на собственные силы. Надеются они — и не без основания — и на растущее содействие белых южноафриканских граждан, еще не окончательно ослепленных расизмом. Они рассчитывают также на развитие взаимопонимания и на действия великих демократических стран, которые помогут усилить их собственную борьбу за мир и равенство.

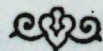
Анализ деятельности организаций, созданных неевропейцами, показывает их силу — настоящую и потенциальную; сейчас они гораздо сильнее, чем несколько лет назад. Им обеспечена эффективная и растущая поддержка со стороны промышленных рабочих. Они вовлекают в свои ряды торговцев, представителей интеллигенции, служащих из числа индийцев и африканцев. Эти организации уже вооружены богатым опытом политической борьбы, накопленным многими тысячами африканцев, индийцев и цветного населения. И хотя помощь, которую оказывают им европейцы, пока очень незначительна, она все-таки возрастает. Конгресс народов Южно-Африканского Союза, который всечески поддерживают национальные организации неевропейского населения, начинает получать поддержку и небольших групп европейцев, которые понимают, что у них только один выбор: демократия или катастрофа.

Будущее покажет, какие формы примет борьба. Однако уже теперь ясно, что в конечном счете — это не только борьба против расизма партии националистов. Одновременно это борьба против расизма империалистических хозяев.

Чтобы дать возможность полного и свободного развития всем народам Южной Африки, независимо от того, африканцы ли они, европейцы, цветные или индийцы, нужно будет не только заменить существующее ныне законодательство демократическим. Нужно будет также положить конец той политике, которую проводит международный финансовый и промышленный капитал, контролирующий и эксплуатирующий природные богатства этой замечательной страны.

Если бы природные богатства Южной Африки не расхищались международным капиталом, страна смогла бы быстро залечить свои раны и объявить войну нищете, в которой живет большинство ее населения.

Вот почему борьба за демократию неевропейского населения Южной Африки и его союзников среди южноафриканских европейцев ведется не только против расизма. Она неизбежно ведется и против империализма, ее цель — национальное освобождение.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКИХ И ИНДИЙСКИХ БАНКОВ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ

Важной частью общей проблемы специфики развития капитализма в Индии является вопрос об особенностях становления и деятельности английских и индийских банков в Индии. Если первые развились в результате порабощения и эксплуатации страны британским капиталом и являлись одним из орудий этой эксплуатации, то вторые возникли как одно из проявлений развития капитализма внутри колониальной страны.

Развитие экономических взаимоотношений между Англией и Индией по сути дела состояло в процессе подчинения и эксплуатации капиталистической страной страны феодальной. В ходе этой эксплуатации порабощенная страна включалась сначала в мировой капиталистический рынок и на следующем этапе — в систему мирового капиталистического хозяйства. Процесс «поглощения» индийской экономики мировым капиталистическим хозяйством занял значительный исторический промежуток времени, в течение которого происходили серьезные изменения в развитии как английского капитализма, организатора этого «включения», так и в индийской экономике. В Индии в этот период феодальный строй подрывается, хотя феодально-помещичья эксплуатация сохраняется, растут товарно-денежные отношения, происходит процесс разорения непосредственных производителей, складываются предпосылки для развития капитализма.

Важным орудием эксплуатации и вовлечения Индии в капиталистическую систему мирового хозяйства явились английские банковские институты в Индии.

Английская банковская система в Индии имеет длительную историю. В первый период эксплуатации Индии, когда ограбление страны являлось одним из основных источников первоначального накопления капитала для английской буржуазии, Ост-Индская компания главным образом сама осуществляла финансирование своих «торговых» операций. Выжимание из завоеванных областей Индии посредством земельного налога, военных контрибуций или ростовщических процентов огромных материальных ценностей создавало для Компании возможность финансировать ее торговлю.

Уже в этот период английские колонизаторы широко использовали местный торгово-ростовщический капитал. Задолго до появления англичан в порах феодального общества Индии развились торговый и ростовщический капиталы. Торговцы и ростовщики вели значительную торговлю

как в самой стране, так и за ее пределами. Они финансировали войны индийских феодальных властителей; брали на откуп сбор государственных налогов в отдельных провинциях; кредитовали мелких феодалов и ремесленников. По всей стране были разбросаны конторы местных ростовщиков-банкиров, или, как их называли в Индии, шроффов. Некоторые из них имели колоссальные богатства и пользовались значительным влиянием. Особенно славился своими огромными богатствами возникший в начале XVIII в. ростовщический дом Джагат сетхов, т. е. «всемирных банкиров».

В процессе порабощения страны английские колонизаторы широко использовали индийских ростовщиков и банкиров. Но вместе с тем они ограничили ряд их операций (размен иностранной валюты, откупа, кредитование казны)¹.

К концу XVIII в. возникает, в первую очередь в Калькутте, ряд английских торгово-посреднических домов. Эти фирмы осуществляли крупные торговые операции, сами финансировали свои операции, а зачастую кредитовали и других. Со временем торгово-посреднические дома Калькутты к своим другим коммерческим операциям прибавили еще банковское дело. Было вполне естественно, что эти «торговые князья Индии» занялись и этим делом; так как «они являлись агентами всех гражданских и военных учреждений (английского колониального аппарата. — А. Л.), плантаторов и торговцев, разбросанных по Верхним провинциям», и с наибольшей выгодой использовали помещенные у них вклады².

Многие крупные коммерческие дома англичан имели собственные банковские отделения, а некоторые даже образовали отдельные банки. Так, например, в 1770 г. фирма «Александр энд Ко» основала первый английский банк «Хиндустан банк», у фирмы «Макинтош энд Ко» имелся «Коммерциал банк», у фирмы «Пальмер энд Ко» — «Калькутта банк». Эти банковские организации, имевшие широкие и прочные связи с местным торгово-ростовщическим капиталом, принимали вклады главным образом от чиновников Компании, выдавали авансы и даже выпускали бумажные деньги. Однако их деятельность сосредоточивалась главным образом в крупных приморских городах. Связь с глубинными районами страны они осуществляли через посредство местных торговцев и ростовщиков.

После ликвидации в 1813 г. монополии Ост-Индской компании на ведение торговли с Индией экспорт английских промышленных товаров стал быстро увеличиваться. Наступил период колониальной эксплуатации Индии в интересах английской промышленной буржуазии. Английские фабриканты стремились превратить Индию в рынок сбыта и в источник сырья для английской промышленности. Увеличение ввоза британских промышленных товаров, выкачка индийского сырья, а также перевод в Англию все увеличивающейся дани приводили к росту расчетных операций между Британией и Индией. Потребность (для английских колонизаторов) в образовании банков по кредитованию внешней торговли с каждым годом все больше возрастала. Однако Ост-Индская компания и связанные с ней крупные торговые дома, особенно усилившиеся после 1813 г., обладали еще достаточной мощностью, чтобы удержать за собой монополию в области финансирования внешней торговли, хотя серьезные банкротства посреднических домов в 1829—1832 гг. значительно сократили кредитование внешней торговли. После этих банкротств необходимость в создании новых банков для усиления колониальной эксплуатации еще более возросла.

¹ D. S. Savkar. Joint-stock banking in India. Bombay, 1938, p. 12—13.

² H. Sinha. Early European banking in India with some reflections on present conditions. London, 1927, p. 3.

Первым английским частным банком, пробившим брешь в монополии Ост-Индской компании и торгово-посреднических домов на кредитование внешней торговли, был «Ориентал банкинг корпорейшн». Этот банк образовался в 1842 г. и просуществовал до 1884 г. В 1853 г. открываются два новых банка по кредитованию внешней торговли: «Чартерд банк оф Индия, Острелия энд Чайна» и «Чартерд банк оф Эйша» (в дальнейшем «Меркантайл банк оф Индия, Ландон энд Чайна»).

Как отмечал А. Бастер, крупный знаток английских колониальных банков, эти так называемые разменные, или валютные, банки «со дня их образования составляли компактную и однородную группу. Между ними самими, а также с английскими банками, действующими внутри Англии, существовала система обширных связей, при которой одни и те же лица входили в состав совета директоров различных банков, не говоря уже об их коммерческих связях и коммерческом происхождении³. Старые посреднические дома, которые раньше мешали возникновению этих банков, видя в них своих конкурентов, затем изменили отношение к ним. Начался быстрый процесс сращивания английских торгово-посреднических домов и разменных банков.

Для финансирования операций по продвижению английских товаров вглубь страны, для кредитования крупных компраторов, с помощью которых можно было бы получить экспортируемое сырье, нужно было создать новые банки с функциями, отличными от функций разменных банков. В 1809 г. происходит реорганизация «Банк оф Бенгал» (возникшего еще в 1806 г. и связанного с Ост-Индской компанией). В 1840 и 1843 гг. открываются «Президенси банк оф Бомбей» и «Президенси банк оф Мадрас», образованные по тому же принципу, что и «Банк оф Бенгал⁴. Деятельность банков президентств сводилась в основном к кредитованию оптовой внутренней торговли, выгодной англичанам, и финансовой помощи колониальным властям; в 1852 г. этим полугосударственным банкам было разрешено выдавать авансы под залог акций некоторых железнодорожных компаний.

Кроме этих банков, в период с 1833 по 1854 г. внутри страны возникло около двадцати небольших английских частных банков: «Агра энд Юнайтэд Сервисис банк», «Норз-Вестерн банк оф Индия», «Дели банкинг корпорейшн», «Канпур банк» и другие⁵. Эти банки в основном обслуживали английских торговцев и чиновников.

Эксплуатация Индии английскими колонизаторами выражалась в изъятии продукта прибавочного труда индийских крестьян и ремесленников. Такая эксплуатация предполагала как условие достаточно развитое общественное разделение труда. Если в период эксплуатации страны методами первоначального накопления чужеземные захватчики получали часть прибавочного продукта в денежной или товарной форме главным образом внеэкономическим путем, то с наступлением периода эксплуатации Индии английским промышленным капиталом непрерывным условием присвоения прибавочного продукта становится предварительная реализация индийского сырья за пределами страны и сбыт английских товаров внутри Индии. Это означало складывание нового вида общественного разделения труда между индийской деревней и английским городом.

В этот период возникают и новые экономические институты, способствовавшие движению товаров между Индией и Англией. Колониальное порабощение привело к установлению экономических связей между этими

³ A. Baster. The Imperial banks. London, 1929, p. 120.

⁴ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 26.

⁵ B. R. Rau. Present-day banking in India. Calcutta, 1930, p. 163, 165—166.

странами не на основе равенства и взаимной выгоды, а на основе насилия и принуждения, на основе превращения индийской экономики в аграрно-сырьевой придаток Англии.

С наступлением эпохи империализма процесс уродливого разделения труда между этими двумя странами значительно ускорился и приобрел благодаря экспорту капитала новое качество. Распространение английского капитализма вширь приводило не только к насаждению в Индии иностранного капиталистического предпринимательства в промышленности, но и к появлению современных капиталистических организаций в сфере обращения. Именно такими организациями и стали насажденные английские банки. Необходимость в этих финансовых институтах, являвшихся обособившейся частью британского банковского капитала, возникла из потребностей развития английского капитализма. Но возможность их создания в Индии определялась внутренним развитием последней, в первую очередь сравнительно широким развитием товарно-денежных отношений и выросшим на этой основе сильным индийским торгово-ростовщическим капиталом.

Процесс втягивания Индии в капиталистическую систему мирового хозяйства, который мог происходить только в форме товарно-денежных операций, осуществлялся главным образом через сферу обращения. Финансовые институты, созданные английским капиталом, действовали в основном на стыках экономики полуфеодальной Индии и экономики империалистической Англии и других капиталистических стран. Эти институты являлись торговым и банковским посредником и одновременно барьером (если дело шло о неанглийских товарах) во внешней торговле Индии. Вглубь индийской сферы обращения английские банки стали проникать лишь в эпоху монополистического капитализма. В эту эпоху в Индии происходили важные социально-экономические сдвиги, в известной мере вызываемые действиями самого иностранного капитала. «Империализм, — подчеркивал В. И. Ленин, — вечно *сно* а порождает капитализм (из натурального хозяйства колоний и отсталых стран), снова порождает переходы от мелкого капитализма к крупному, от слабого товарообмена к развитому и т. д. и т. п.»⁶.

Одним из важнейших экономических орудий эксплуатации индийских трудящихся финансовым капиталом Сити в эпоху империализма стали английские колониальные банки. Сама система колониальных банков в Индии развилась и окончательно сложилась именно в эпоху империализма, хотя предпосылки — в виде отдельных банковских институтов — были созданы в предшествующий период.

Создание английских колониальных банков явилось одним из конкретных результатов экспорта британских капиталов в Индию. Однако экспортируемые через эти банки капиталы в основном функционировали в сфере обращения, направлялись главным образом на кредитование торгово-посреднических операций. Вложение английского капитала в сферу производства в Индии осуществлялось не с помощью банков, а через управляющие агентства. Таким образом, существовало несколько каналов экспорта капитала в Индию с достаточно четким разделением функций.

В период империализма ясно обрисовалось также и разграничение функций отдельных групп английских банков в Индии. Одна группа — банки, действовавшие внутри страны, к которым главным образом принадлежали полугосударственные банки президентств. В этих банках хранились государственные вклады, а директора назначались колониальной администрацией. Банки президентств занимались кредитованием внутреннего това-

⁶ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 83.

рооборота в той мере, в какой это было выгодно английским монополиям, исполняли поручения колониальных властей по приему и выплате денег, имели право выпускать банкноты. В 1876 г. английские колониальные власти отказались от права назначать директоров и продали имевшиеся у них акции. Кроме того, власти перестали держать в этих банках все свои средства⁷. Но банки президентств остались под контролем английского капитала и попрежнему исполняли финансовые поручения колониальных властей. С 1870 по 1900 гг. капитал этих банков увеличился с 36,2 до 56 млн. рупий, а частные депозиты — с 64 до 128,8 млн. рупий⁸.

Однако операции президентских и акционерных банков территориально ограничивались небольшими районами. Еще в начале XX в., за исключением Калькутты, Бомбея и Мадраса, остальные города были связаны между собой через местных банкиров-ростовщиков. В финансировании внутренней торговли и промышленности местные банкиры и ростовщики играли более важную роль, чем банки президентств или местные акционерные банки.

Главная задача английских банков, действовавших внутри страны, состояла в проталкивании английских промышленных изделий и в выкачке индийского сырья, т. е., по существу, в усилении эксплуатации индийских трудящихся через сферу обращения. Для осуществления этой задачи банки широко использовали местный торгово-ростовщический капитал, который действовал в полуфеодальной деревне. «Сельскохозяйственного производителя, деревенского ремесленника и мелкого торговца, — говорилось в отчете Индийской промышленной комиссии, — финансирует махаджан (ростовщик. — А. Л.), деятельность которого не ограничивается предоставлением займов. Часто он выступает в качестве покупателя местных продуктов и продавца иностранных товаров. Махаджан или использует свой собственный капитал, или получает помощь от более крупного представителя его же класса. Последний обычно ведет в крупных размерах деловые операции с банками»⁹. Укрепление связей английских банкиров с местными ростовщиками усиливало заинтересованность финансистов Англии в расширении торгово-ростовщических операций и сохранении феодальных пережитков в индийской деревне.

Монополистами в финансировании внешней торговли Индии с конца XIX в. стали английские разменные банки¹⁰. Разменные банки имели свои главные конторы вне Индии, в основном в Лондоне. Колониальные разменные банки находились в руках финансовой олигархии Великобритании. Финансовые магнаты Англии господствовали как в управляющих агентствах, так и в английских банках в Индии. О быстром развитии разменных банков в конце XIX в. свидетельствуют следующие данные: с 1870 по 1900 гг. число этих банков возросло с 3 до 8, их капитал с 2,2 до 15,8 млн. ф. ст., депозиты, полученные вне Индии, — с 2,7 до 54,3 млн. ф. ст., и депозиты, полученные в Индии, — с 5,2 до 105 млн. рупий¹¹. Величина их капитала увеличилась в 7 раз, величина депозитов, полученных вне Индии и в ней, — в 20 раз.

Связь разменных банков с лондонским денежным рынком являлась одной из причин их монопольного положения в кредитной системе Ин-

⁷ G. B. Jathar and S. G. Beri. Indian economics, vol. II. Oxford university press, 1937, p. 447.

⁸ A. Baster. Указ. соч., стр. 175.

⁹ «The Indian industrial commission 1916—1918», vol. I. Calcutta, 1918, p. 177.

¹⁰ «The Indian central banking enquiry commission» (в дальнейшем — ICBC), vol. I. Calcutta, 1931, p. 29.

¹¹ A. Baster. Указ. соч., стр. 175. В то время фунт стерлингов равнялся десяти рупиям.

дин, особенно в кредитовании внешней торговли. Разменные банки цепко держались за свои привилегии и всеми силами стремились не допустить появления конкурентов¹².

Стремление к получению наивысших прибылей — вот что лежало в основе деятельности английских банков. Здесь особенно важно привести указание В. И. Ленина о том, что «И производство заведомо неорганизованное капиталистически: мелкие ремесленники, крестьяне, мелкие производители хлопка в колониях и проч. и проч. подпали под зависимость банков и вообще финансового капитала»¹³.

Колонизаторы создали такую систему банков, которая препятствовала образованию в Индии единой развитой кредитной системы и мешала быстрому развитию индийского капитализма. Нагляднейшим примером тому служат разменные банки. «Разменные банки, — пишет Бастер, — образуют относительно обособленную и бесконтрольную часть индийской банковской системы. Их деятельность крайне специализирована, что приводит к такой аномалии, когда экспортер пользуется лучшей финансовой поддержкой, чем производитель. Разменные банки привлекают индийские депозиты, но в деловой сезон вследствие своей узкой специализации переводят все полученные деньги в портовые города, в то время как они очень нужны в глубинных районах»¹⁴.

Разменные банки, прекрасно осведомленные о состоянии индийской экономики (хотя сами сведений о своей деятельности не обнародовали)¹⁵, при малейшей неуверенности в местных финансах переводили свои капиталы из рупий в фунты стерлингов. Это вызывало резкие изменения в количестве денег, находящегося в обращении. Разменные банки, опираясь на прочный денежный рынок Лондона, были мало заинтересованы в организации капиталистического кредита в Индии.

Разменные банки были мощным средством борьбы английских империалистов с монополиями других держав. Эти банки своей политикой мешали развитию торговли между Индией и неугодными английским монополиям странами. Так, банки устанавливали чрезмерно высокие разменные ставки для определенных валют. Бенгальский экономист, хорошо знавший банковские операции, Б. Гхош писал: «Курс обмена других валют, кроме фунта стерлингов, часто настолько высок, что иногда выгоднее покупать эту валюту через лондонский рынок, а не в Индии. Например, доллары, купленные в Лондоне, обходятся дешевле, чем если бы их прямо купили в Индии, хотя здесь принимается во внимание стоимость перевода этих средств»¹⁶.

Тем не менее уже накануне первой мировой войны в Индии имелись отделения неанглийских разменных банков: немецкого «Дейче Азиатисхе банк», французского «Котуар насьональ», японских «Йокогама спеси банк» и «Банк оф Тайван», американского «Интернейшнл банкинг корпорейшн», «Русско-Азиатского банка» и двух голландских банков¹⁷.

¹² «В настоящее время, — писал Кейнс в 1913 г., — по всей вероятности, очень трудно основать новый разменный банк за исключением того случая, когда ему будет предоставлена поддержка со стороны какого-либо важного финансового дома, уже имеющего сильные позиции в Индии». *M. Keynes. Indian currency and finance. London. 1913, p. 238.*

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 138.

¹⁴ A. Baster. Указ. соч., стр. 194.

¹⁵ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 55.

¹⁶ B. Ghose. A study of Indian money market. London, 1943, p. 90.

¹⁷ D. S. Savkar. Указ. соч. стр. 54. «Котуар Насьональ» начал действовать в Индии с 1862 г.; «Йокогама спеси банк» — с 1894 г.; «Сумитомо банк» — с 1916 г.; «Банк оф Тайван» — с 1917 г.; «Мицун банк» — с 1924 г.; «Интернейшнл банкинг корпорейшн» — с 1903 г.; «Нидерландс Индия коммершил банк» — с 1863 г.; B. R. Rau. Указ. соч., стр. 132—133.

Появление иностранных банков в Индии отражало растущие противоречия между империалистическими державами в борьбе за рынки сбыта, за источники сырья, за место приложения капитала¹⁸.

* * *

Развитие капитализма в Индии, порожденное в первую очередь внутренними причинами, начинается со второй половины XIX в. Одним из проявлений индийского предпринимательства было образование акционерных банков, принадлежавших индийским банкирам. Но в то же время колониальный гнет, господство феодальных пережитков в деревне сдерживали развитие национального капитала, которому с самого начала пришлось бороться за право на существование. Для индийских банков с момента их образования было характерно как наличие сильных связей, так и серьезных противоречий с английскими монополиями.

Крупные современные индийские банки возникли или в конце XIX в. — «Пенджаб кейпил банк» (1895) и «Банк оф Барода» (1897) или в 1906—1913 гг. Еще до первой мировой войны были созданы такие банки, как «Банк оф Индия» (1906), «Индия банк» (1907), «Сентрэл банк оф Индия» (1911), «Банк оф Майсур» (1913) и другие крупнейшие национальные банки. Увеличение внутренней торговли и движение Свадешти привели к созданию значительного числа акционерных банков после 1906 г.¹⁹.

Индийские банки, в отличие от английских разменных банков, получали депозиты в различных внутренних районах страны. «Разменные банки важны главным образом в Бомбее и Калькутте, в то время как «Банк оф Индия» и особенно «Сентрэл банк оф Индия» черпают свои фонды из многих других центров»²⁰. О соотношении сил индийских и английских банков в известной степени можно судить по размерам депозитов. В 1913 г. на долю банков президентств приходилось 44% всех депозитов, на долю разменных банков — 32%, местным акционерным банкам оставалось — 24%²¹. На практике английские банки в Индии обладали еще большей силой благодаря своей связи с банками Англии, с управляющими агентствами, с колониальными властями, с правительством Англии.

В период первой мировой войны происходили массовые банкротства индийских банков. За пять лет, 1913—1918 гг., обанкротилось 95 банков с выплаченным капиталом почти в 18 млн. рупий, что превысило половину выплаченного капитала всех местных банков²². При этом на долю пяти крупных банков из числа обанкротившихся пришлось 11,8 млн. рупий.

Организованные по европейскому образцу национальные акционерные банки являлись лишь одной из составных частей кредитно-денежной системы страны. Сильные феодальные пережитки в деревне, недостаточное развитие капитализма и общая экономическая отсталость Индии, порожденная империалистическим гнетом, находили свое выражение, в частности, в преобладании низших, раннекапиталистических форм кредитно-денежных операций. Даже накануне второй мировой войны из 2500 индийских го-

¹⁸ «Изменения в направлении внешней торговли Индии, важные позиции, завоеванные в этой торговле некоторыми иностранными державами... стимулировали открытие иностранными банками своих отделений в Индии». G. B. Jathar and S. G. Beri. Указ. соч., т. II стр. 452.

¹⁹ P. A. Wadia and G. W. Joshi. Money and money market in India. London, p. 346.

²⁰ B. Ghose. Указ. соч., стр. 194.

²¹ «Indian year book 1930». Bombay, p. 682, 684, 686.

²² D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 61.

родов только 400 имели конторы акционерных банков, «а в других местах жители сельских районов, торговцы, кугцы и мелкие предприниматели в отношении банковских операций в основном зависят от туземных банкиров и ростовщиков, удовлетворяющих... 90% потребностей страны в кредите»²³. Крупные банкирские ростовщические дома имели многочисленные конторы по всей стране. Особенно широко раскинули свои сети по Индии ростовщики, принадлежащие к торговой общине марварии. Члены этой общины оказывали друг другу всевозможную поддержку. На юге Индии действовали ростовщики из касты четти. Их операции далеко выходили за пределы страны.

Однако по мере развития капитализма происходили серьезные сдвиги в деятельности этих частных местных банкиров. Важной особенностью развития индийского капитализма, если брать сферу денежно-кредитных операций, было перерастание крупных частных банковских контор, принадлежащих местным банкирам-ростовщикам (шроффам), в современный банк. Примером старой ростовщической фирмы, которая приобрела черты современного банка, связанного с капиталистическим производством, является крупнейший банкирский дом Абирчанда, принадлежавший марварийскому семейству Дага. «Под названием «Рай Бахадур Бансилал Абирчанд» существует единственный местный банк провинции (речь идет о Центральные провинциях. — А. Л.). В ней он имеет 8 отделений, а за ее пределами — 17. Хотя эта фирма и не зарегистрирована, она ведет дело по методам современных европейских банков и даже применяет чеки. Отличие фирмы от акционерных банков заключается в том, что она сочетает торговые операции с банковским делом и предоставляет авансы под залог недвижимости. Клиентура этой фирмы состоит из деловых кругов, лиц, занятых операциями с хлопком, зерном, сахаром, золотом и серебром, из мелких торговцев, земледельцев, мелких промышленников и ремесленников. Среди ее вкладчиков можно найти государственных служащих, лиц свободных профессий и т. д. Иногда она получает в качестве депозитов благотворительные фонды. Уровень заемного процента колеблется от 6 до 12. В зависимости от срока вклада процент на него колеблется от 4 до 6»²⁴. В дальнейшем владельцы этой фирмы основали крупный акционерный банк.

Рост товарно-денежных отношений вызвал в конце XIX — начале XX в. образование так называемых кооперативных банков или обществ. Эти банки предоставляли ссуды под высокие проценты (11—18%). Депозиты в этих кооперативных кредитных банках в основном принадлежали землевладельцам, торговцам и особенно часто адвокатам²⁵.

Кредитные операции кооперативных банков объективно способствовали усилению процесса разложения крестьянства. Эти капиталистические «кооперативы» в ряде операций являлись посредниками английского финансового капитала, как и обычные торговцы и ростовщики. Однако рост их числа свидетельствовал также о развитии (хотя и уродливом) капитализма в стране и обострении противоречий в колониальной экономике.

²³ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 173—174.

²⁴ «Central Provinces provincial banking enquiry committee». Vol. I. Nagpur, 1930, p. 95.

²⁵ «Мое личное знание центральных банков (кооперативных. — А. Л.) южного Бихара, — говорил один крупный чиновник, — дает возможность заявить, что практически директорат всех этих центральных банков состоит главным образом из местных адвокатов, основная цель которых заключается в том, чтобы получить как можно больше прибыли на вложенный капитал. Они абсолютно не проявляют ни малейшей заинтересованности в том, чтобы улучшить положение производителей». «The Bihar and Orissa provincial banking enquiry committee». Patna, 1930, vol. II. Evidence, p. 195.

Другим порождением развития капитализма явились так называемые заемные конторы, особенно распространенные в Бенгалии. В начале 30-х годов насчитывалось до тысячи таких контор, основанных, как правило, адвокатами. Эти конторы принимали вклады и предоставляли займы главным образом клиентам адвокатов — владельцев контор под залог земли. Доходы этих денежных капиталистов складывались по преимуществу из отчислений от земельной ренты²⁶. Разновидностью бенгальских заемных контор являются так называемые нидхи, которые возникли во второй половине XIX в. в президентстве Мадрас. Их капитал в 1929 г. определялся в 40 млн. рупий²⁷.

Низовой базой всех денежно-кредитных капиталистических институтов продолжали оставаться торговцы и ростовщики, раскинувшие свои сети по всей стране и захватившие в них десятки миллионов крестьян, мелких товаропроизводителей-ремесленников, рабочих, мелких и средних капиталистов-предпринимателей, часть помещиков и представителей свободных профессий. По подсчетам индийского специалиста Л. Джайна, занимавшегося исследованием деятельности индийского торгово-ростовщического капитала, в конце 20-х годов ростовщики получали в год 1700 млн. рупий доходов (при средней величине процента в 20%)²⁸. Нужно учесть, что ростовщики как правило получали также огромные прибыли от торговли.

Своеобразие путей образования индийских банковских институтов отражало одну из особенностей становления капитализма в Индии. Крупные индийские акционерные банки возникли не на основе достаточно полного развития индийского промышленного капитала, а развивались в результате расширения товарных и кредитных операций, связанных с деятельностью торгово-ростовщического капитала, который развивался главным образом на базе эксплуатации английским капиталом индийского крестьянства, задавленного феодально-помещичьим гнетом. Образование индийских банков происходило своеобразными путями и в значительной мере отличалось от этапов развития аналогичных кредитных институтов в Западной Европе.

Становление национальных акционерных банков было очень противоречивым процессом. Они были вызваны к жизни развитием капитализма и ростом богатства верхушки имущих классов в условиях усиления эксплуатации страны английским финансовым капиталом.

Важным видом деятельности индийских банков были операции с ценными государственными бумагами. Приобретая крупные пакеты этих бумаг (облигации и т. п.), банки объективно оказывали финансовую поддержку колониальным властям. Индийские акционерные банки, особенно в начале своей деятельности, являлись как бы связующим звеном между английским финансовым капиталом и местными торговцами и ростовщиками. Только таким путем местные банки получали возможность осуществлять свое «первоначальное накопление капитала».

«В отношении экспортерской торговли, — писала банковская комиссия, — движение продукта из деревни в районный центр, где расположен рынок, финансируется заимствованиями, ростовщиками, туземными банками и банкирами и кооперативными обществами. «Империял банк оф Индия» и индийские акционерные банки также оказывают помощь в финансировании деревни, так как они одалживают деньги в районном центре под залог това-

²⁶ B. R. Rau. Указ. соч., стр. 377.

²⁷ L. C. Jain. The monetary problems of India. London, 1933, p. 67.

²⁸ L. C. Jain. Indigenous banking in India. London, 1929, p. 139.

ров, находящихся на складах у комиссионных агентов и экспортных фирм. Комиссионные агенты и экспортные фирмы в свою очередь кредитуют деревенских производителей под залог контрактов о поставке в определенный срок определенного продукта. На этой стадии разменные банки не принимают прямого участия в кредитовании движения продукта. Но когда продукт транспортируется из районного центра в экспортные порты, разменные банки, наряду с «Империял банк оф Индия» и индийскими акционерными банками, принимают участие в финансировании движения товаров. Местные банки и некоторые из разменных банков предоставляют авансы под залог товара, находящегося на складе. Разменные банки, как правило, кредитуют только те фирмы, которые занимаются экспортными операциями. В районном центре экспортеры обычно производят пересылку продукта через шроффа, который финансирует платежи и получает комиссионные в размере от 0,5 до 0,25% стоимости товара. Реализуя векселя, выставленные на фирму экспортера и подписанные ее представителем, шрофф снова получает денежную наличность. Эти векселя... покупаются «Империял банк оф Индия», местными и разменными банками, и, таким образом, шрофф снова получает фонды для дальнейших операций»²⁹.

По мере развития общественного разделения труда внутри Индии, с ростом внутреннего товарооборота усилилась тенденция индийских банков к расширению операций по кредитованию внутренней индийской торговли при одновременном относительном сокращении финансирования операций по обращению экспортных и импортных товаров. Это выражалось стремлением местных банков к самостоятельному развитию. Хотя характер некоторых банковских операций претерпевал изменения, источником прибылей банков попрежнему был прибавочный продукт непосредственных производителей.

Между производителем и потребителем важнейших видов продукции сельского хозяйства существовала длинная цепь посредников. По некоторым данным доля, получаемая производителями в цене продукта, колебалась от 42 до 74% продажной цены определенных сельскохозяйственных продуктов. От 26 до 58% всей стоимости продукта попадало в сейфы железнодорожных компаний и различных торговцев-посредников³⁰. Однако на самом деле эти цифры далеко не точно показывают ограбление производителей купцами-посредниками и другими эксплуататорами. Различные торговые посредники урывали огромную часть прибавочного труда непосредственных производителей-крестьян, покупая их товары по низким ценам и продавая промышленные изделия по высоким ценам. Значительная доля прибылей посредников попадала в карманы английских финансистов. Одним только банкам доставалось обычно до 25% посреднических прибылей. Посредничество приносило колоссальные доходы английскому «Империял банк оф Индия».

«Империял банк оф Индия» был образован 27 января 1921 г. путем слияния банков президентств и за пять лет открыл 100 новых отделений³¹.

²⁹ ICWES, vol. I, p. 319—320.

Как видно из фактического материала Банковского комитета по Бихару и Ориссе, связь английского финансового капитала с индийским торгово-ростовщическим капиталом осуществлялась следующим образом: «Банки в Калькутте и Бомбее финансируют импортные и экспортные фирмы, комиссионные дома и дельцов, занятых внутренней торговлей. Полученными таким образом деньгами последние, в свою очередь, кредитуют провинциальных шроффов и ростовщиков, которые в то же время являются и торговцами. Большая часть операций с шеллаком, слюдой, джутом, углем, одеждой, солью и бензином в нашей провинции финансируется именно этим способом». «The Bihar and Orissa provincial banking enquiry committee», vol. I, p. 200.

³⁰ K. R. Kulkarni. Agricultural marketing in India. Bombay, 1951, p. 138.

³¹ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 136.

Путем слияния банков президентств связанные с ними английские финансисты стремились не допустить появления в Индии новых как английских, так и особенно неанглийских банков-конкурентов³². Новый банк не стал действительным центром банковской системы. Он, в частности, не получил права выпуска банкнот и не затронул монополии разменных банков по кредитованию внешней торговли. «Империял банк оф Индия» был связан с колониальными властями и выполнял их поручения по приему различных платежей. В 1935 г. из 973 млн. рупий его активов 442 млн. были вложены в государственные бумаги³³. Английские монополисты специально позаботились о том, чтобы банк не мог кредитовать индийскую фабричную промышленность. С этой целью займы предоставлялись на срок не свыше шести месяцев, а выдача аванса под залог промышленных акций или недвижимости была запрещена (формально последнее ограничение было отменено в 1939 г., но одновременно были введены новые ограничения)³⁴. Предоставление кредита для текущих нужд промышленности также ограничивалось, а за предоставленные в кредит суммы взимался высокий процент³⁵.

Банк кредитовал торговлю такими сельскохозяйственными культурами, в которых были заинтересованы английские монополисты. Например, в Бенгалии банк выдавал авансы торговцам под залог запасов джута. Местные купцы, торгующие джутом, выставляли векселя на своих калькуттских покупателей. Эти векселя учитывались в отделениях банка, расположенных в различных джутопроизводящих центрах провинции. Как явствует из отчета контролера по денежному обращению в Индии «за 1928/29 г., в период с 1926/27 по 1928/29 гг., деньги, полученные через посредство «Империял банк», соответственно составляли 26,1, 30,4 и 33,6% общей ежегодной стоимости урожая джута»³⁶. Производство чая, находившееся под полным контролем английского капитала, финансировалось «Империял банк оф Индия» еще в большей степени. Важным источником получения прибылей для банка являлось присвоение части прибавочного продукта мелких товаропроизводителей-ремесленников и прибавочной стоимости у мелких капиталистов-предпринимателей. Так, например, «Империял банк» предоставил в 1940 г. ткачам в г. Шолапуре, крупном центре ручного ткачества, займы на 150 тыс. рупий³⁷.

Кредитно-денежная система Индии была весьма неоднородна и разнотипна. Между отдельными «звеньями» этой системы существовала определенная связь и взаимозависимость при относительной самостоятельности отдельных ее частей. Следует особенно подчеркнуть, что упомянутые связи осуществлялись через ожесточенную конкурентную борьбу между различными кредитно-банковскими институтами. «У нас в стране, — заявил основатель крупнейшего индийского банка «Сентрал банк оф Индия» Почкханавала, — имеются шроффы, ростовщики, иностранные разменные банки, имперский банк и локальные индийские банки, все они заботятся только о себе и уничтожают друг друга, когда и где это только возможно»³⁸.

После первой мировой войны усилившееся развитие индийского капитализма все больше наталкивалось на препятствия, порожденные колониальным положением страны. Противоречия между английскими моно-

³² B. R. Rau. Указ. соч., стр. 32.

³³ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 98.

³⁴ Там же, стр. 192.

³⁵ Там же, стр. 193—194.

³⁶ «The Bengal provincial banking enquiry committee», vol. I. Calcutta, 1930, p. 42.

³⁷ R. Kakade. A socio-economic survey of weaving communities in Sholapur. Poona, 1947, p. 54.

³⁸ «Commerce», 7 апреля 1934 г.

полониями и индийской буржуазией имели тенденцию увеличиваться, что отражалось и на деятельности индийских банков. Британские банки все сильнее ущемляли интересы своих индийских конкурентов. Бенгальский банковский комитет отмечал, что индийские акционерные банки «могут заниматься лишь тем, что остается от деятельности «Империял банк оф Индия» и разменных банков, причем как первый, так и последние в состоянии привлекать депозиты по более низкой ставке, чем акционерные банки... Их главной деятельностью в настоящий момент является учет хунди (вексель местных банкиров-ростовщиков.—А. Л.), предоставление кредита наличными, предоставление займов под залог всевозможных ценных бумаг. Изредка предоставляют авансы и под залог запасов сельскохозяйственных продуктов»³⁹. Английские банки и торговые фирмы потеснили старые кредитные конторы шроффов и в кредитовании торговли. Это видно на примере той же Бенгалии⁴⁰.

Английские банки проводили по отношению к местным банкам дискриминационную политику. По требованию ассоциации английских банков они отказывали им в предоставлении кредита; затрудняли доступ в расчетные палаты⁴¹ и тем самым усложняли деятельность местных банков; препятствовали расширению сети отделений индийских акционерных банков и т. д.

Условия, в которых находились индийские банки, в значительной степени объясняют, почему так часто происходили банкротства местных банков. За время первой мировой войны обанкротилось несколько десятков индийских акционерных банков, а с 1922 по 1931 г. — 154 банка с капиталом в 60 млн. рупий. Английские монополисты использовали свои банки для укрепления позиций не только в банковском деле, но и в торговле, в страховом деле и в промышленности. Банковская комиссия писала о политике «Империял банк»: «Это общее убеждение, что банк более свободно кредитует европейские компании, чем индийские, и что несколько индийских компаний, получивших эту поддержку, имели неприятные переживания. Было высказано предположение, что в то время как английские фирмы получают более полную помощь от банка, индийские — небольшую, которой не хватает на их нужды»⁴². Характерный пример дискриминации приводит индийский банкир. «Когда в 1923 г. я основал «Андхра банк» (в г. Масулипатаме.—А. Л.), представитель «Империял банк» запретил местным торговцам приобретать акции нового банка и тем более — становиться его директорами, управляющими, секретарями или членами совета директоров, не говоря уже о ведении деловых операций с новым банком... Мы должны были бороться за каждый шаг на своем пути»⁴³.

Засилье английских банков, особенно монополия последних по финансированию внешней торговли страны, вызывало все большее недовольство местных банкиров. Банковская комиссия следующим образом излагает жалобы индийских предпринимателей на английские разменные банки: «а) доля индийцев по внешней торговле Индии, согласно данным индийской торговой палаты в Калькутте, составляет менее 15%. Это приводит,

³⁹ «The Bengal provincial banking enquiry committee», vol. I, p. 43.

⁴⁰ «Раньше вся внутренняя торговля, — сообщалось в отчете Бенгальского банковского комитета в 1929/30 г., — финансировалась имп. (шроффами.—А. Л.), но, согласно показаниям Индийской торговой палаты, мы находим, что деловые операции в размере 20 млн. рупий из общей суммы в 460 млн. рупий перешли в руки «Империял банк» и 220 млн. рупий — в руки самих торговцев; считается, что оставшиеся 220 млн. рупий финансируются в настоящее время туземными банкирами». Там же, стр. 186.

⁴¹ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 34; B. R. Rau. Указ. соч., стр. 147.

⁴² ICBC, vol. I, p. 271—272.

⁴³ «Hindustan times», 13 апреля 1955 г.

как они утверждают, к потере для Индии огромной суммы в виде комиссионных, вознаграждения маклерам и страховых премий, выплачиваемых неиндийцам. Считается, что это преобладание неиндийского элемента во внешней торговле Индии происходит потому, что неиндийские разменные банки предоставляют колоссальные возможности для лиц своей национальности, действующих в Индии; б) в настоящее время в деле финансирования внешней торговли разменные банки являются почти монополистами. Имеется только два-три индийских акционерных банка, которые немного занимаются этим делом, но почти все оно находится в руках неиндийских банков»⁴⁴.

Индийская буржуазия была недовольна и тем, что даже от перво-классных индийских импортных фирм для получения кредита требовалось помещение у разменных банков депозитов на сумму, равную 10—15% стоимости товаров, на которые предоставляется кредит. В то же время от европейских фирм не требовали помещения таких депозитов⁴⁵. Подобная политика затрудняла деятельность индийских фирм, снижала их конкурентоспособность и усиливала позиции как английских разменных банков, так и иностранных торговых фирм.

Используя свое монопольное положение, разменные банки принуждали своих клиентов страховать товары в английских страховых обществах. В результате такой политики со стороны разменных банков, Индия ежегодно выплачивала за границу от 20 до 30 млн. рупий в виде прибылей иностранных страховых компаний⁴⁶.

Зачастую разменные банки заключали между собой особые соглашения «об общем уровне процента». Это еще более увеличивало размер получаемой ими прибыли. Особенно показательно, что английские финансисты получали колоссальные доходы не в результате применения своего собственного капитала, а преимущественно в результате использования тех депозитов, которые были получены в самой Индии, т. е. богатели на чужом капитале. Более того, часть капитала, полученного от индийских вкладчиков, разменные банки использовали для финансирования английской торговли в других странах Востока. Таким образом, при недостатке капитала внутри страны английские финансисты употребляли индийский капитал для эксплуатации индийского и других народов, а основные барыши присваивали себе.

По подсчетам индийских экономистов в начале 20-х годов сумма, равная примерно 2,5% от 6 млрд. рупий внешнеторгового оборота, или 150 млн. рупий, в виде всевозможных комиссионных доставались иностранным банкам, которые полностью монополизировали кредитование внешней торговли⁴⁷.

Не удивительно, что иностранные разменные банки выплачивали огромные дивиденды: так в период между двумя мировыми войнами «Гонгконг энд Шанхай банкинг корпорейшн» — на простые акции ежегодно в течение десяти лет выдавала 64-процентный дивиденд, и в течение семи лет — приблизительно 50-процентный; «Нейшнл банк оф Индия» — в этот период регулярно выплачивал 20-процентный дивиденд⁴⁸.

Монополия английских финансистов в сфере кредитования внешней торговли вызывала все большее возмущение у индийских банкиров, которые

⁴⁴ ICBC, vol. I, p. 322.

⁴⁵ Там же, стр. 327.

⁴⁶ Там же, стр. 327.

⁴⁷ См. K. Shah and C. Khambata. Wealth and taxable capacity of India. Bombay, 1924, p. 232.

⁴⁸ M. Gopal. The theory of excess profit taxation. (With particular reference to India). Mysore. 1947, p. 104.

требовали ликвидации этой монополии. Индийские банкиры понимали, что «без проведения некоторых жестких мер эта деятельность (кредитование внешней торговли.—А. Л.) всегда останется закрытой для местных банков»⁴⁹. Далее индийский банкир, которому принадлежит это высказывание, многозначительно добавил, что указанная «проблема, возможно, лучше всего будет решена при национальном правительстве, которое, естественно, будет защищать интересы национальных институтов»⁵⁰.

Колониальное положение страны и засилье феодальных пережитков в сельском хозяйстве не только сдерживали развитие местных банков, но и резко ограничивали сферу их деятельности. Кредитование торговых операций оставалось главным занятием индийских банков, но сам характер этих операций стал меняться. С каждым годом увеличивался удельный вес кредитования торговли, связанной с внутренним товарооборотом, за счет снижения доли кредитования ввоза иностранных изделий и вывоза индийского сырья.

Кредитование главной отрасли индийской экономики, сельского хозяйства, занимало в операциях акционерных банков очень небольшое место. Это объяснялось, по мнению индийских экономистов, сильной раздробленностью и небольшими размерами земельных участков, отсутствием ценного залога у крестьян⁵¹. Хотя надо отметить, что «Империял банк» и некоторые другие банки («Берар банк») предоставляли кредиты помещикам⁵².

Связь банков с промышленностью была слабой. Правда, они кредитовали в некоторой степени операции, связанные с реализацией фабричных товаров и закупкой сырья, однако даже краткосрочные кредиты предоставлялись не очень часто и в недостаточном размере. Недаром комиссия, обследовавшая состояние индийской промышленности и в значительной мере состоявшая из представителей местного крупного капитала, заявила в своем отчете в 1918 г., что отсутствие развитой банковской системы «является одной из основных трудностей на пути развития индийской промышленности»⁵³. Особенно плохо обстояло дело с долгосрочным кредитованием промышленности. Последнее фактически отсутствовало. Крупные индийские капиталисты заявляли, что «банки в Индии не представляют средств для основного капитала промышленности, хотя нет никаких причин, чтобы эти средства не предоставлялись бы им из выплаченного капитала и резервов банков, если предлагается необходимый залог»⁵⁴. Особенно трудно было получить кредит владельцам небольших предприятий (рисоочистительные фабрики, маслобойные, мыловаренные заводы, предприятия по изготовлению трикотажных изделий и др.).

После первой мировой войны у крупных индийских банков появляется тенденция к усилению связи с промышленностью: Более того, в это время появляются даже отдельные банки, стремившиеся заняться долгосрочным кредитованием промышленных компаний. Так, промышленный банк «Тата индастриэл банк» стал заниматься долгосрочным кредитованием промышленности, а также валютными операциями. Несмотря на то, что он принадлежал крупнейшему концерну Тата, он не мог долго существовать без поддержки других банков. Английские банки эту поддержку ему не оказали, и в 1923 г. он был принужден прекратить свои операции и

слиться с «Сентрал банк оф Индия». Почти все индийские банки, — писали индийские экономисты Вадиа и Джоши, — финансируют торговлю и только один банк.... «Тата индастриэл банк» пытался финансировать промышленность, но был вынужден оставить это дело и заняться финансированием торговли»⁵⁵. Та же судьба постигла и другой банк — «Калькутта индастриэл банк», решивший предоставлять долгосрочный кредит промышленности.

Конкуренция английских банков приводила к частым банкротствам и обычных коммерческих индийских банков. С 1919 по 1925 г. обанкротилось 84 банка с выплаченным капиталом в 51 млн. рупий⁵⁶, а с 1926 по 1934 г. — 163 с выплаченным капиталом в 11,1 млн. рупий⁵⁷. Однако, несмотря на все препятствия, развитие капитализма вело к увеличению числа индийских банков. За период с 1921 по 1929 г. количество этих банков (с акционерным капиталом от 100 тыс. рупий и выше) увеличилось с 65 до 170, а размер депозитов с 8 до 11 млрд. рупий.

Депозиты «Империял банк» в этот период возросли лишь с 660 до 880 млн. рупий⁵⁸. Число разменных банков за период с 1919 по 1922 г. возросло с 11 до 18 и в последующие годы оставалось стабильным. Эти 18 иностранных банков имели в 1934 г. 90 отделений в стране (Бирма тогда входила в состав Индии). Большинство отделений разменных банков находилось в портах, а также в крупных городах внутри страны, через которые проходили импортные или экспортные товары. Финансирование индийской внешней торговли осуществляли в основном пять разменных банков. Остальные 13 банков были представлены в Индии своими отделениями и агентствами и осуществляли главную часть своих операций вне ее⁵⁹. Таким образом, из приведенных выше данных видно, что английские банки, в первую очередь «Империял банк оф Индия» и разменные банки, продолжали занимать ключевые позиции в крупной кредитно-денежной системе в стране, но одновременно наметилась тенденция к более быстрому развитию индийских банков.

К середине 30-х годов, чтобы попрежнему осуществлять контроль в сфере обращения Индии, английским финансистам необходимо было образовать подобие центрального банковского института.

В 1934 г. был издан закон об образовании «Резерв банк оф Индия», а в 1935 г. банк начал функционировать. Новый банк стал выполнять поручения колониальной администрации, хранил государственные средства, ведал делами, связанными с государственным долгом и выпуском новых займов. Банк получил монопольное право на эмиссию банкнот.

«Резерв банк оф Индия» являлся центральным банком. Банк кредитовал торговлю и в некоторой мере сельское хозяйство. Банк являлся держателем текущих счетов крупнейших банков страны. В их число входили банки, имевшие свыше 500 тыс. рупий собственного капитала. Таким образом, «Резерв банк оф Индия» был связан с совершенно различными типами банков: здесь и разменные банки, и «Империял банк оф Индия», и местные акционерные банки. Каждый такой банк должен был держать в нем 5% от своих обязательств до востребования и 2% от срочных обязательств.

«Резерв банк оф Индия» являлся акционерным банком, но фактически находился под контролем колониальных властей, которые назначали во-

⁴⁹ «Commerce», 7 апреля 1934 г.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 181—182.

⁵² Там же, стр. 183—184.

⁵³ «Indian industrial commission, 1916—1918», vol. I, p. 181.

⁵⁴ ICBC, vol. I, p. 269.

⁵⁵ P. A. Wadia and G. N. Joshi. Wealth of India. London, 1925 p. 391.

⁵⁶ D. S. Savkar. Указ. соч., стр. 80.

⁵⁷ Там же, стр. 87.

⁵⁸ «Nalanda year book 1946/47», p. 279.

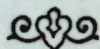
⁵⁹ «Commerce», 13 октября 1934 г.

семь членов центрального совета директоров из шестнадцати. Никакое изменение в уставе банка невозможно было произвести без согласия вице-короля. «Резерв банк оф Индия» по-новому привязывал индийскую рупию к английскому фунту стерлингов. Создание банка усиливало контроль над индийскими акционерными банками, но отнюдь не над английскими разменными банками. И, наконец, «Резерв банк оф Индия» дал в руки финансовой олигархии Великобритании мощное средство для ограбления индийского народа — массовую эмиссию бумажных денег.

Таким образом, британские банки, действовавшие в Индии, являлись выгодной сферой приложения английского капитала, важным орудием эксплуатации страны английским финансовым капиталом в качестве источника сырья и рынка сбыта. Английские банки являлись центром, от которого тянулись нити к торговому и торгово-ростовщическому капиталу, имевшему своих представителей в сотнях тысяч индийских деревень и опутывавшему своими сетями десятки миллионов индийских крестьян и ремесленников. Главными источниками сверхприбылей английских банкиров было присвоение результатов труда индийских крестьян, ремесленников и рабочих; урывание части доходов местной буржуазии еще больше увеличивало их прибыли.

Появление и развитие индийских банков и прочих местных кредитно-денежных институтов было результатом других процессов, происходивших в индийской экономике, прежде всего развития товарно-денежных отношений и капитализма. Несмотря на то, что в своей деятельности эти банки должны были приспособляться к колониальной действительности и в значительной мере способствовали эксплуатации Индии английскими финансистами, появление этих банков порождалось внутренним экономическим развитием Индии и содействовало дальнейшему росту капитализма в стране. По мере развития капитализма в Индии возрастала борьба местной национальной буржуазии за подрыв монополии английских банков в сфере крупных кредитно-денежных операций, борьба за более доступный и дешевый кредит. Все это было проявлением усиливавшихся противоречий между английским и индийским капиталом в области кредита.

Местные банки вызывались к жизни такими процессами в индийской экономике, которые вступали в непримиримое противоречие с господством иностранного капитала. Противоречие между возрастающей потребностью в самостоятельном экономическом, политическом и культурном развитии страны и колониальным гнетом увеличивалось.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИНДИЙСКИЙ ПАТРИОТ И ДЕМОКРАТ БАЛ ГАНГАДХАР ТИЛАК

(К столетию со дня рождения)

И. М. РЕЙСНЕР

В июле 1956 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося борца за освобождение Индии, демократа и мыслителя Бала Гангадхара Тилака. Вся многогранная общественно-политическая деятельность Тилака, начиная с 70-х годов прошлого столетия и вплоть до его смерти в 1920 г., неразрывно связана с индийским национально-освободительным движением.

Выходец из знатного брахманского рода, разорившегося после завоевания Махараштры английской Ост-Индской компанией, Бал Гангадхар Тилак родился 23 июля 1856 г. в Ратнагири и получил высшее филологическое и юридическое образование в Пуне. Еще на студенческой скамье любимыми героями молодого Тилака стали Гарibaldi и Мадзини. Незадолго до окончания колледжа Тилак и его друг Агаркар поклялись отдать все силы служению родине и не принимать каких-либо назначений в колониальный правительственный аппарат, что в ту пору было пределом мечтаний индийской молодежи, получившей образование. Тилак твердо следовал по намеченному пути. Вместе с несколькими друзьями он создает в Пуне независимую среднюю школу, где преподавание было пронизано патриотическим духом, а в 1880 г. основывает журнал «Махратта» и газету «Кесари» («Лев»), вскоре ставшие наиболее популярными органами национальных кругов Западной Индии. Тилак принимает активное участие в деятельности основанного в 1885 г. Всеиндийского Национального конгресса, а также в работе просветительной организации «Сарваджаник сабха», созданной в Пуне крупным ученым-экономистом и одним из лидеров махратских националистов — Махадевом Говиндом Ранаде. В 80-е годы прошлого столетия формируются основные черты мирозерцания Тилака и его политическое кредо. Постепенно он приходит к отрицанию тезиса «умеренных» националистов, что усвоение Индией западного образования, приобщение ее к английской буржуазной культуре и проведение отдельных, в первую очередь бытовых реформ, сами по себе способны вывести страну на путь независимого развития и подготовить ее к самоуправлению. Тилак пришел к убеждению, что никакое существенное улучшение положения индийцев в условиях британского колониального господства невозможно, ибо колониализм является основным препятствием на пути прогресса Индии. Тилак не был принципиальным противником бытовых реформ, но вполне основательно полагал, что

проведение подобных реформ в колониальной стране создаст благодарную почву для расширения вмешательства британской бюрократии в дела индийского общества, что может только усилить внутреннюю рознь и подорвать крепнущее национальное единство Индии и ее борьбу за свое освобождение. Придя к выводу о примате политической борьбы над просветительской деятельностью, Тилак пришел к заключению, что так называемые образованные классы, приобщившиеся к современной культуре, сами по себе бессильны, если они не получают действенной поддержки народа. Отсюда и родилась идея апелляции к массам, их объединения и организации под национальным знаменем, что Тилак и стремился осуществить в своей последующей общественно-политической деятельности. Политическая эволюция Тилака неминуемо привела к глубоким принципиальным разностям с «умеренными», предпочитавшими апеллировать не к народным массам, а к колониальным властям и общественному мнению метрополии. В 90-х годах эти разногласия привели к открытому разрыву Тилака со старым руководством «Сарваджаник Сабха». Умеренные были в 1895 г. вытеснены из этой организации, и она перешла под нераздельный контроль Тилака и его единомышленников.

Последующее десятилетие (1895—1905), явившееся временем практической проверки идей Тилака, составляет новый этап его деятельности, когда он и его последователи перешли к открытой борьбе с колониальным режимом и на деле взялись за решение основной задачи — расширения рамок этой борьбы и вовлечения в нее народных масс.

Стремление Тилака и «крайних» (так стали называть представителей демократического крыла национально-освободительного движения) пробудить политическое сознание масс и вовлечь их в антиимпериалистическую борьбу имело внутренне противоречивый характер, поскольку «крайние» стремились не придавать этой борьбе классовый характер. Основными средствами апелляции индийских демократов к массам, помимо самой национальной идеи, стали религиозные чувства и патриотические традиции, обращение к памяти и примеру героев махратского народа, выдающихся борцов за независимость. Особое значение приобрели организованные Тилаком впервые в 1895 г., а затем продолжавшиеся ежегодно массовые праздники в честь Шиваджи, вождя махратского народа в борьбе против чужеземного господства Моголов и основателя независимого махратского государства. На этих празднествах и собраниях в честь Шиваджи Тилак и его единомышленники призывали присутствовавших следовать примеру Шиваджи и в борьбе «против воров и грабителей, забравшихся в наш дом, не останавливаясь перед нарушением английских законов». Особое беспокойство колониальных властей вызывала сеть организованных «крайними» спортивных обществ, где физическая подготовка сочеталась с политическим воспитанием. Наконец, индийские мелкобуржуазные националисты, не ограничиваясь печатной пропагандой, несли пламенный призыв к борьбе за возрождение величия и независимости родины в хижины махратских крестьян, в фабричные кварталы Бомбея и других промышленных центров страны.

В условиях роста массового брожения в конце 90-х годов и учащения стихийных антиимпериалистических выступлений в разных частях Индии английские власти решили пресечь политическую деятельность Тилака, приобретавшую все более опасный для колониального режима характер. В 1897 г. Тилак был арестован и предан суду. Он обвинялся в том, что возбуждал враждебность к существующей власти. Суд приговорил Тилака к шести годам тюремного заключения. В тюремной камере Тилак продолжал свою научную работу в области древней истории Индии. Книга Тилака «Орион» была посвящена вопросу о датировке Вед и получила

признание индийских и зарубежных ученых. Несколько выдающихся английских санскритологов во главе с Максом Мюлером начали кампанию за смягчение приговора Тилаку. В самой Индии кампания за освобождение Тилака приобрела широкий размах. В результате срок тюремного заключения Тилака был сокращен до полутора лет. Новый этап его политической деятельности был непосредственно связан с революционным подъемом 1905—1908 гг. в Индии.

Революционный подъем этих лет в Индии был подготовлен общей международной обстановкой (влияние первой русской революции и пробуждение Азии) и процессами, происходившими в самой стране: наступлением империализма, усилением колониальной эксплуатации и гнета, а также ускорением темпов развития национального капитализма, ростом национального самосознания и всенародного недовольства деспотическим военно-полицейским режимом. Наступление империализма на Индию ярко проявилось в годы правления вице-короля Керзона (1899—1906). Экономические и политические мероприятия Керзона были направлены на всестороннее расширение эксплуатации Индии как аграрно-сырьевого придатка метрополии; на усиление военно-полицейского аппарата колониального государства и беспощадное подавление национального движения. Валютная реформа, проведенная на рубеже XIX и XX вв., прикрепила индийскую рупию к фунту стерлингов и установила новый курс обмена рупии на фунт стерлингов, который облегчил экспорт английских капиталов и товаров в Индию и тем самым затормозил развитие местной фабричной промышленности. Пересмотр горного законодательства имел целью облегчить английским концессионерам эксплуатацию ископаемых богатств страны. Дальнейшее бурное развитие железнодорожного строительства, служившего выгодной сферой приложения иностранного капитала, увеличивало кабальную зависимость Индии от Англии, закрепляло господствующее положение английских промышленных товаров на индийском рынке и облегчало британскому империализму колониальную агрессию против соседних стран Азии (Афганистан, Иран, Тибет, Таиланд).

Громадные издержки, связанные с этой агрессией, взваливались на индийского налогоплательщика — нищего и голодного крестьянина — и вели к дальнейшей милитаризации бюджета англо-индийского правительства. Индийская национальная буржуазия и интеллигенция трезво оценивали империалистическую, враждебную Индии сущность политики Керзона. Один из выдающихся представителей либеральной буржуазии — Гопал Кришна Гокхале писал: «Для Керзона Индия являлась страной, где англичанам на вечные времена должна принадлежать монополия власти. Дело индийцев — повиноваться и святотатство с их стороны иметь какие-либо другие надежды и чаяния¹. Наши военные расходы, — отмечал Гокхале, — почти что удвоились за последние 20 лет, увеличившись с 17,9 кроров рупий в 1884/85 г. до 32,6 кроров рупий в 1905/6 г. (крупнее 10.000 000). Это означает, указывал Гокхале, что ресурсы Индии бесцеремонно используются во имя соперничества с европейскими державами в целях захвата азиатских стран².

Керзоновский бюджет 1905 г. с особенной яркостью отражал грабительский и паразитический характер английского колониального режима: «Наш чистый налоговый доход достигает около 44 млн. ф. ст. Почти половину съедает армия. Платежи Индии Англии, исключая военные расходы, поглощают около трети бюджета. Эти две статьи расходов составляют

¹ G. K. Gokhale. Speeches. Madras, 1920, p. 681.

² Там же, стр. 387—388.

34 млн. ф. ст. из общей суммы 44 млн. ф. ст. Наконец, еще 3 млн. ф. ст. уходило на оплату европейских чиновников гражданской службы. Это оставляет лишь около 7 млн. ф. ст. в распоряжении правительства для удовлетворения остальных нужд³. Непосредственным следствием этого хладнокровного и высоко организованного колониального грабежа были массовые голодовки и их спутники — эпидемии холеры и чумы, уносившие миллионы жертв. Так, в результате голода 1900 г. население Бомбейского президентства уменьшилось на 3 млн. человек, а Центральных провинций на 832 тыс. человек⁴. Колониальные власти сократили и без того ничтожные суммы на оказание помощи голодающим.

Рост общего недовольства и возмущения хозяйничанием британского империализма в Индии вызвали также мероприятия Керзона, направленные на усиление расовой дискриминации в отношении индийцев, и дальнейшее ограничение их прав. Колониальные власти предприняли настоящее гонение индийцев, состоявших на государственной службе, заменяя их англичанами и англо-индийцами (происходившими от смешанных браков). Реформа образования, проведенная в эти годы, усиливала правительственный контроль над высшей школой, закрыв ее двери всем индийцам, кроме наиболее состоятельных. Это, по мысли Керзона, должно было нанести решительный удар «крамоле», главным носителем которой английская бюрократия считала мало обеспеченные слои индийской интеллигенции, обреченные на безработицу в условиях экономической неразвитости Индии и недопущения индийцев на ответственные и хорошо оплачиваемые места на государственной службе⁵. Колониальные власти также урезали права калькуттского муниципалитета, где индийцы составляли большинство.

Однако каплей, переполнившей чашу терпения, был раздел Бенгалии на две провинции 16 октября 1906 г. Разделяя Бенгалию, английские империалисты преследовали цель национального раздробления бенгальцев, одного из передовых народов Индии. Вместе с тем раздел давал колониальным властям широкие возможности для разжигания религиозной розни между бенгальцами-индусами и бенгальцами-мусульманами, поскольку во вновь созданной провинции Восточной Бенгалии мусульмане составляли большинство. Наконец, под флагом защиты мусульманского крестьянства Восточной Бенгалии от притеснений индусских помещиков-заминдаров империалисты готовились отменить «Акт постоянного заминдарства», гарантировавший помещикам твердую ставку земельного налога, и повысить этот налог в интересах колониального государства. После раздела Бенгалии и начался, под непосредственным влиянием первой русской революции, революционный подъем в Индии.

Руководившая освободительной борьбой индийская национальная буржуазия не была однородна по своему составу. В ее среде уже с конца XIX в. происходила острая политическая борьба по вопросу как о целях национального движения, так и о методах, которыми эти цели могут быть достигнуты. Политическая программа «умеренных» исходила из сохранения на длительный срок колониального господства англичан над Индией и ограничивалась требованием проведения частичных и постепенных реформ с помощью и при содействии колониальных властей. Эта программа выражала

³ G. K. Gokhale. Указ. соч., стр. 699.

⁴ C. Y. O'Donnel. Failure of Lord Curzon. 3 ed. London, 1903, p. 8—9.

⁵ В 1885 г. из 2357 высших должностей индийцы занимали только 188. См. «Report of the 4th Indian National Congress». Allahabad, 1888, p. 42.

В дальнейшем это соотношение изменилось в сторону еще большего преобладания английского элемента.

интересы крупной индийской национальной буржуазии, тесно связанной с английским капиталом. Тесные экономические связи с империализмом сковывали индийскую буржуазию, в первую очередь наиболее богатую и влиятельную ее прослойку, политически представленную «умеренными». Она вкладывала значительную часть своих накоплений в английские государственные займы и в покупку сертификатов сберегательных касс, а значит, была материально заинтересована в устойчивости англо-индийского правительства. Крупным источником ее доходов оставалась компраторская торговля, являвшаяся важным звеном в системе колониальной эксплуатации. Стесненная в своем промышленном предпринимательстве, она широко использовала свои капиталы в ростовщических операциях, участвуя таким образом в полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Широкие связи местной буржуазии с землевладением и с классом помещиков питали ее заинтересованность в сохранении помещичьего землевладения и господства феодальных пережитков в деревне. А важнейшей гарантией помещичьей монополии на землю в Индии, конечно, являлось британское господство. Для достижения своей заветной цели (постепенное приобщение имущих классов Индии к политической власти) «умеренные» избегали апеллировать к народным массам и ограничивались представлением просьб и петиций вице-королю и английскому правительству в надежде на осуществление предложенных ими реформ.

Несмотря на ограниченность политической программы «умеренных», их деятельность оказывала влияние на пробуждение национального самосознания масс. Протесты Национального конгресса против расовой дискриминации имели общедемократическое значение и находили широкий отклик в стране. Выступая против национального гнета, «умеренные» будили патриотические чувства индийцев, подготавливали идеологические предпосылки освободительной борьбы. Им также принадлежит заслуга в разоблачении и дискредитации колониального режима, раскрытия самого механизма колониальной эксплуатации. Замечательные экономические исследования Ромеша Чандра Датта, Махачандра Говинда Ранаде и в особенности Дадабхай Наороджи сорвали покров «цивилизаторской миссии» и пресловутого «бремени белого человека», о чем столь много и охотно разглажывали колонизаторы, оправдывая свое господство над Индией. Труды индийских экономистов установили, что нищета и отсталость Индии являются прямым следствием столетней эксплуатации страны англичанами. И хотя эти индийские ученые сами не делали вывода о необходимости свержения господства поработителей и даже субъективно оставались законопослушными подданными колониальной власти, это не меняет объективно-революционного значения их работ.

Нельзя не согласиться с Джавахарлалом Неру в его характеристике индийской буржуазии и ее роли в освободительной борьбе в конце XIX — начале XX вв., хотя в этой оценке скрадывается различие между либеральным течением индийского буржуазного национализма и демократическим крылом, возглавляемым Тилаком. Неру пишет, что «этот класс — буржуазия — чувствовал себя скованным и ограниченным в действиях. Он хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства против этого владычества, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее и овладеть ею, вытеснив англичан. Наша буржуазия в слишком большой степени была порождением этой самой системы, чтобы бросить ей вызов и добиваться ее уничтожения»⁶.

⁶ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 55.

В годы, предшествующие революционному подъему 1905—1908 гг. в Индии, «бунтарский дух» стал охватывать даже индийских либералов. Сдавленная железной рукой керзоновской реакции, испытывавшая на собственном горьком опыте, что ее лояльность и верноподданнические петиции не подвинули ее ни на шаг по пути желанных реформ и что колониальная власть отбирает даже те жалкие уступки, которые были сделаны во времена Риппона и Дафферина, либеральная буржуазия перед лицом экономического наступления английского финансового капитала на Индию и жестокой политической реакции стала более активно участвовать в национально-освободительном движении. Известную роль в этом повороте сыграл также раздел Бенгалии, вызвавший серьезное недовольство бенгальских заминдаров, связанных с «умеренными» элементами местной буржуазии. Но главной причиной активизации индийских либералов было политическое пробуждение масс в годы революционного подъема 1905—1908 гг. и обострение противоречий с империализмом самой буржуазии, заинтересованной в освоении внутреннего рынка. Богатейший индийский промышленник, председатель ассоциации бомбейских фабрикантов Виталдас Дамодар Тхакерси призывал членов этой организации «обращать большее внимание на внутренний рынок для развития нашей промышленности и все меньше на иностранный рынок»⁷. Эта программа возмещала обострение конкурентной борьбы с Ланкаширом за индийский рынок. Она объясняла, почему движение свадеши и кампании бойкота английских товаров встретила поддержку со стороны крупной индийской буржуазии, хотя она с самого начала стремилась ослабить политическую направленность этого движения и выгодно использовать его как своего рода замену таможенного протекционизма. В отличие от индийских либералов, Тилак и его последователи открыто признавали, что колониальное порабощение Индии является величайшим злом и главным препятствием для развития индийской национальной экономики и культуры. В статье, опубликованной в газете «Кесари» 9 июля 1908 г., Тилак дал следующую оценку английскому завоеванию Индии и губительным последствиям чужеземного господства: «Английское правление открыто представляет чужеземное господство... Не удовлетворяясь тем, они (колонизаторы. — И. Р.) удерживают власть в своих руках, они также стремятся насильственно и несправедливо владеть торговлей и промышленностью Индии или разорить их. Добившись этого, им по крайней мере следовало не обременять народ чрезмерными налогами, на самом деле, как видно, произошло как раз наоборот. Короче говоря, сварадж (государственная самостоятельность), хотя и старого (т. е. феодального) типа, потеряна, торговля разорена, промышленность разорена, слава пришла к концу, богатство исчезло, мужество отказало. Отсутствует современное образование, нет прав, нет уважения к общественному мнению, нет процветания и довольства, зато бедность, голод и высасывание богатства (колонизаторами. — И. Р.) постоянно мучают нас. И если кто-нибудь предпринимает посильную попытку приподнять голову нации, эту голову тотчас придавливает паровой каток британской власти, носителя тирании и произвола»⁸. Признавая главной исторической задачей освобождение Индии от цепей колониального рабства, Тилак, в отличие от «умеренных», считал (в период революционного подъема 1905—1908 гг.) бесполезными и даже вредными частичные реформы, проводимые при содействии и с согласия колонизаторов, и смело выдвигал цель захвата политической вла-

сти, примат политической борьбы. «Только одно лекарство может излечить народы Индии, — писал он, — это лекарство — политическая власть. Ее нам надо взять в свои руки. Без нее индийская промышленность не будет развиваться, без нее мы не сможем дать нашей молодежи действительно нужное ей образование. Не разрешив предварительно вопроса о политической власти мы не сможем обеспечить ни социальных реформ, ни материального благосостояния народа». Если «умеренные» пришли к принятию требования государственной самостоятельности Индии (сварадж) только после провала своей политики верноподданнических протестов и просьб, с одной стороны, а с другой — под влиянием массового революционного подъема в стране, то Тилак еще в 90-х годах прошлого столетия поставил задачу завоевания индийцами политической власти.

Характерной чертой демократического направления индийского национального движения, возглавляемого Б. Г. Тилаком, была апелляция к массам и ясное понимание, что без вовлечения их в освободительную борьбу победа над силами империализма невозможна. Если это положение и не было отчетливо сформулировано Тилаком, то оно пронизывало весь предшествующий период его деятельности. Газета «Кесари» и журнал «Маратха», где из года в год разоблачались колониальный гнет и произвол, подвигали читателя к пониманию необходимости устранения всей системы; национальные средние и высшие учебные заведения готовили кадры патриотов, будущих руководителей освободительной борьбы; устраивались массовые праздники в честь национальных героев Махараштры, чей пример беззаветного патриотизма и преданности народу будил массы на борьбу против колониальных хозяев. Привлеченный колониальными властями к суду, Тилак гордо заявил на судебном процессе в июле 1908 г. в Бомбее, что газета «Кесари» со дня ее рождения в 1880 г. защищала дело народа. Взгляды, которые содержатся в инкриминируемых ему обвинениях статей, являются взглядами, которые он постоянно защищал в течение 28 лет (т. е. с 1880 г. — И. Р.)⁹. Тилак и его последователи, используя всякую возможность легальной политической деятельности, не осуждали насильственных методов борьбы, но, трезво оценивая соотношение сил, считали, что почва для восстания против англичан еще не подготовлена. Революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии и вся эпоха пробуждения Азии обогатили Тилака новым опытом, расширили его кругозор, превратили его из лидера «крайних» Махараштры в признанного вождя демократического крыла общендийского национально-освободительного движения.

Вопрос о классовой основе демократического крыла индийского национально-освободительного движения (Тилак и его последователи) вызывает разногласия среди советских историков и не являлся до сих пор предметом специального исследования. По нашему мнению «крайние» представляли мелкобуржуазных демократов или, по терминологии Д. Неру, низшую прослойку «среднего класса». В отличие от крупной национальной буржуазии, осознавшей свои противоречия с рабочим классом и трудящимися, «крайние» не отделяют себя от народа, не видят каких-либо классовых различий в его среде. Для них также характерны элементы народничества — по их представлению, ликвидация колониальной эксплуатации Индии рисовалась как ликвидация всякой эксплуатации вообще, хотя по существу они наиболее решительно и последовательно выступали за самостоятельное раз-

⁷ См. «Times of India», 11 апреля 1908 г.

⁸ АВПР, Среднеазиатский стол, д. 947, л. 76.

⁹ И. М. Рейснер. Очерки классовой борьбы в Индии. М., 1932, стр. 153.

¹⁰ См. отчет о судебном процессе Тилака, опубликованный в «Times of India», 25 июля 1908 г.

витие своего индийского капитализма. Именно меньшая экономическая связанность мелкой буржуазии с империализмом, двойственная ее природа как собственника и трудящегося в одном лице и то обстоятельство, что она подвергалась несравненно более суровому гнету колонизаторов, чем крупная, а последствия конкуренции иностранных товаров были для нее более тяжелыми и разорительными, чем для крупных индийских фабрикантов и заводчиков, объясняют нам, что если крупная индийская буржуазия боролась за свободу предпринимательской деятельности и увеличение своих прибылей, то для мелкой буржуазии дело шло о самом ее существовании. Идеологами демократического крыла национального движения выступала национальная интеллигенция. Если по своему социальному происхождению она и включала множество выходцев из мелкопоместной среды (особенно в Бенгалии), то по своему социальному положению низших служащих, клерков, плохо обеспеченных лиц свободных профессий эти люди принадлежали к той же мелкой буржуазии. Мелкобуржуазная индийская интеллигенция самым непосредственным образом испытывала колониальный гнет в наиболее грубой форме расовой дискриминации и поэтому являлась весьма активным борцом за равенство и ликвидацию привилегированного положения англичан. Наконец, увлечение «крайних» индивидуальным террором также свидетельствует об их мелкобуржуазной природе. Таким образом, Тилак и его последователи выступили решительными борцами против колониального господства, за самостоятельное политическое, экономическое и культурное развитие Индии, представляя интересы не только национальной буржуазии, но и всего народа.

Характерной чертой, резко отличавшей события 1905—1907 гг. в Индии от предшествовавшего этапа национально-освободительного движения, явилось участие широких народных масс, впервые пробудившихся к сознательной политической борьбе за освобождение от колониального господства и за демократические права¹¹. Непосредственное участие широких масс рабочих и городской мелкой буржуазии и в меньшей степени крестьянства придало национально-освободительному движению боевой, наступательный характер, расширило его рамки, выдвинуло на первое место массовые формы борьбы: бойкот английских текстильных товаров, пикетирование лавок и магазинов, в которых продавались эти товары, митинги, многотысячные шествия, уличные демонстрации и, наконец, своеобразные политические забастовки (так называемые харталы), во время которых прекращалась работа на фабриках и заводах, закрывались базары и лавки, конторы и биржи, что вызывало временный паралич всей деловой деятельности. Это имело место не только в Бомбее в июле 1908 г., но и во многих других городах Индии. Женщины, прежде стоявшие в стороне от политической жизни, стали активными участницами национально-освободительного движения. Большую роль играла учащаяся молодежь — от школьников старших классов до студентов колледжей и высших учебных заведений.

Сильно выросло значение повременной печати, в особенности газет, выходивших на индийских языках. Наибольшей популярностью пользовались газета Тилака «Кесари», а также «Амрита Базар патрика» и «Ягунтар», стоявшие на позициях решительной борьбы против колониализма. Широко практиковалась читка вслух этих газет на улицах и

¹¹ Не ставя своей задачей подробное описание революционного подъема 1905—1908 гг. в Индии, мы кратко касаемся этих событий в свете тех новых задач, которые встали перед руководителями национально-освободительного движения.

площадях. Такие читки собирали множество неграмотных слушателей, горевших желанием узнать последние политические новости. Именно развернутая политическая агитация и использование прессы на местных языках содействовали росту влияния «крайних» и Тилака, хотя они оставались в меньшинстве в Конгрессе. Между тем в массовой освободительной борьбе, в движении бойкота, в гневных народных демонстрациях против раздела Бенгалии антиимпериалистическое единство индийцев, рост их национального сознания находили новое и реальное воплощение. Повсеместно отмечалось участие в движении членов самых различных каст, в том числе «неприкасаемых». Подметальщики, а по роду занятий они могли быть только из «неприкасаемых», объявили в феврале 1908 г. политическую забастовку в Тутикорине в знак солидарности с народными антиимпериалистическими выступлениями в этом городе. Унаследованные от средневековья традиционные деления по касте и религии начали отступать на второй план перед крепнущей национальной консолидацией индийцев, хотя этот новый национализм нередко проявлялся в старой, религиозной форме. Так, раздел Бенгалии вызвал массовый протест бенгальцев, уже осознавших себя единой нацией. Протест нередко принимал религиозную форму: поста, траура, демонстративных массовых омовений в священном для индусов Ганге и т. д., но решающий факт, что в огне антиимпериалистической борьбы росло и крепло национальное самосознание индийцев, не подлежит никаким сомнениям. На митингах и в прокламациях все чаще звучало обращение «братья-индийцы», без различия религии и касты. В одном из своих выступлений лидер пенджабских националистов Лала Ладжпат Рай с восторгом приветствовал «пробуждение национального самосознания индийцев», отмечая, что «если раньше за Индией признавали только географическое единство, то теперь она обретает свое подлинное единство и начинает занимать свое место среди других наций мира». Характеризуя происходящие перемены, последователь Тилака — Р. Рой говорил на митинге в Калькутте: «Народ проснулся и никто уже не сможет подавить национальную жизнь Индии»¹². Сам Тилак в эти годы не сможет подавить национальную жизнь Индии¹³. Сам Тилак в эти годы указывал, что в результате подъема освободительной борьбы «сын в виде нации родился в Индии», что оформление нации в Индии стало совершившимся фактом¹⁴, имея в виду, что индийцы уже в качестве угнетенной нации противопоставляют себя колонизаторам и требуют политических прав. Тилак также отмечает, что у индийцев укрепились чувства национального достоинства и гордости¹⁵.

Массовый характер освободительного движения и укрепление национального самосознания индийцев внушали страх колонизаторам, что не ускользнуло от царских чиновников российского консульства в Бомбее, внимательно наблюдавших за развитием событий: «Правительственные круги еще не потеряли надежды привлечь индийцев на свою сторону различными политическими уступками по отношению к самоуправлению, но частные лица упали духом и прямо заявляют, что по истечении 50 лет англичан больше не будет в Индии»¹⁶.

Национально-освободительному движению 1905—1908 гг. были свойственны свои слабые стороны. Важнейшей из этих слабостей был значительный разрыв между острым и всеобщим недовольством чужеземным господством, наличием огромного горячего материала, подготовленного

¹² АВВР, Среднеазиатский стол, д. 947, 73.

¹³ Там же, л. 76.

¹⁴ Там же, л. 73.

¹⁵ Там же, стр. 67. Указанные сроки будущего освобождения Индии не намного разошлись с действительностью. Не прошло и полувека (1947 г.), как английским колонизаторам пришлось навсегда убраться из Индии.

столетием колониальной эксплуатации, гнета и деспотизма, готовностью народа к борьбе, с одной стороны, а с другой — чрезвычайно слабой организованностью масс, почти полным отсутствием у них опыта политической борьбы и сколько-нибудь ясных представлений о том, каким образом может быть завоевана желанная свобода. Между тем революционный подъем в стране нарастал. События мая 1907 г. в Равалпинди, а затем весной и летом 1908 г. на юге Индии (в Тинневелли, Тутикорине и Тривандраме) свидетельствовали, что в ходе национально-освободительного движения массы революционизировались, что они более не ограничивались бойкотом и другими ненасильственными формами борьбы, и всеобщее недовольство перерастало в местные восстания. Важно отметить, что в этих выступлениях наряду с мелкой буржуазией принимал активное участие пролетариат, а в Равалпинди и крестьянство.

Под влиянием английских репрессий, сочетаемых с обещанием некоторых уступок буржуазно-помещичьей верхушке, с одной стороны, обострением классовой борьбы и ростом революционных массовых антиимпериалистических выступлений в Пенджабе (Равалпинди) и на юге Индии (Тинневелли и Тутикорин), с другой, происходит размежевание в лагере национально-освободительного движения. Еще в середине 1907 г. начинается открытый переход оппозиционных помещичьих слоев на сторону колонизаторов. Бенгальские заминдари, еще недавно активно участвовавшие в движении за воссоединение Бенгалии, за сварадж и свадеши, декларируют свою лояльность и преданность английской власти. Князья не только предлагают послать в помощь англичанам свои войска, но сами применяют репрессивные меры против национально-освободительного движения (например, высылка агитаторов махараджей Кашмира и Дхамму за пределы княжества). Заколебалась и крупная национальная буржуазия, что нашло отражение в политике индийских либералов (так называемые «умеренные»). Если и раньше «умеренные» относились к массовому движению с опаской и стремились ограничить кампанию свадеши узкоэкономическими целями, лишив ее политической направленности, то в условиях дальнейшего революционного подъема они отступились от решений съезда Национального конгресса 1906 г. в Калькутте, санкционировавших бойкот и требование свараджа, «такого же, как в самоуправляющихся доминионах и самой метрополии».

На 23 съезде Национального конгресса, состоявшемся в Сурате 27 декабря 1907 г., произошел открытый раскол между «умеренными» и «крайними». Последние, оказавшиеся в меньшинстве (на Суратском съезде они имели около трети голосов), были вынуждены покинуть конгресс и образовали отдельную партию националистов во главе с Б. Г. Тилаком. Инициаторами раскола были «умеренные»¹⁶. Хотя к этому времени «крайние» завоевали преобладающее влияние в стране, их представительство в конгрессе не отражало этого факта. Пользуясь своим большинством, «умеренные» отвергли предложение об избрании Тилака президентом Конгресса, хотя он безусловно был самым популярным вождем национально-освободительного движения. Затем было провалено компромиссное предложение об избрании Ладжпата Рай, формально принадлежавшего к числу «умеренных».

¹⁶ «Крайними» были буквально изгнаны с заседания съезда «умеренными», вызвавшими себе в помощь английскую полицию. В дальнейшем на заседании съезда допускались лишь те делегаты, которые лично подписали новое кредо конгресса: «что все реформы должны быть осуществлены конституционными методами и что существующая система управления должна явиться основой всех будущих реформ». См. отчет о съезде в Сурате. «Times of India», 4 января 1908 г.

Но суть разногласий была гораздо глубже. Выступая уже после раскола на учредительном собрании партии националистов, Б. Г. Тилак заявил, что он «настаивал, чтобы в основу резолюции были положены решения прошлогоднего съезда конгресса в Калькутте» (сварадж, свадеши, бойкот, национальное образование). Он напомнил присутствующим, что в прошлом году на Калькуттском съезде Конгресса под председательством Дадабхай Наороджи были приняты известные решения, но некоторые лица, присутствовавшие на нынешнем съезде, стремились отступить от указанных решений. Ни сам Тилак, ни его последователи не требовали в этом году внесения каких-либо новых принципов в конституцию Конгресса. Они (Тилак и его друзья) только требовали, чтобы Конгресс не отступал с позиции, занятой им в прошлом году на съезде в Калькутте¹⁷. Далее лидер «крайних» остановился на характеристике более общих причин разногласий с «умеренными». «Некоторые люди, может быть, вполне искренне убеждены, что неразумно переступать известные границы в эти дни репрессий. Что же касается его (Тилака) мнения, то он считает, что репрессии содействуют росту национального чувства. В Индии в настоящее время существуют две школы политической мысли. Одна школа полагает, что продвижение вперед должно совершаться при сочувствии и помощи со стороны правительства. Другая школа возникла сравнительно недавно и придерживается диаметрально противоположных взглядов¹⁸. Конкретные отступления «умеренных» от калькуттских решений имели весьма важный характер. Во-первых, вместо определения свараджа как «в самоуправляющихся доминионах и самой метрополии» в Сурате было принято решение достичь «колониального самоуправления», а значит сохранения Индии как колонии в составе Британской империи. Во-вторых, новое кредо Конгресса ограничивало борьбу «конституционными методами», а следовательно, исключало бойкот и другие формы массовых движений. В-третьих, это кредо делало основной упор не на борьбу с колониальной властью, а на сотрудничество с ней в проведении реформ, обещанных статс-секретарем по делам Индии Морли и вице-королем Минто. Именно это имела в виду формулировка, что «существующая система управления должна явиться основой всех будущих реформ». Что касается «крайних», то их ближайшими задачами нашли ясное выражение в резолюции, принятой, по предложению Тилака, на учредительном собрании новой партии. В резолюции говорилось не только о расширении бойкота, но и о начале кампании более решительного сопротивления колониальным властям.

О том, какое содержание вкладывалось в эту кампанию сопротивления, наглядно свидетельствует речь Бенин Чандра Пала, видного единомышленника Тилака, на митинге в Калькутте, где присутствовала главным образом учащаяся молодежь. Согласно отчету, опубликованному 8 июня 1907 г. в газете, «Таймс оф Индия», оратор призывал слушателей не обращать внимания на декреты и постановления правительства. Во власти правительства, продолжал Б. Г. Пал, «принимать законы, но от народа зависит повиноваться или не повиноваться этим законам. Сотням и тысячам из числа молодежи следует отпираться в округа, объявленные на чрезвычайном положении¹⁹, созывать политические митинги и пропо-

¹⁷ См. «Times of India», 4 января 1908 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ К этому времени значительная часть Индии была объявлена колонизаторами на «чрезвычайном положении». В угрожаемых районах были размещены дополнительные отряды войск и полиции, запрещалась политическая деятельность. Вице-королевский ординанс специально запрещал учащимся и преподавателям правительственных учебных заведений участие в национально-освободительном движении.

ведовать принципы свадеши и бойкот. Надо бойкотировать все правительственные учреждения и учебные заведения, ибо нелепо, что детям нельзя учиться политике. Пусть ученики покинут правительственные колледжи и обучаются в национальных колледжах. Путь свадеши не легкий, а тяжелый, но народу следует действовать так, чтобы принудить правительство считаться с ним»²⁰.

По существу тактика, предложенная Тилаком, предусматривала не только расширение бойкота, но организацию массовой кампании гражданского сопротивления существующей власти путем открытого, хотя и ненасильственного нарушения английских законов, в первую очередь тех репрессивных законов, которые были приняты в целях подавления национально-освободительного движения. В этом отношении Тилак явился предшественником Ганди, который применил после первой мировой войны тактику массового ненасильственного гражданского сопротивления, или несотрудничество, как основное средство завоевания независимости. Сам Тилак в эти годы стоял на той точке зрения, что мирные методы борьбы являются в существующих условиях наиболее эффективными. Такие методы Тилак объединял общим названием «пассивное сопротивление». В своей статье «Несчастье родины», напечатанной в «Кесари» 12 мая 1908 г. (мы пользуемся английским переводом, появившимся в газете «Таймс оф Индия» за 27 июня 1908 г.), Тилак снова вернулся к вопросу о двух течениях в индийском национальном движении и путях завоевания свободы: «Некоторые полагают, что эта цель может быть достигнута путем просьб, обращенных к опьяненной властью белой бюрократии или подачей петиций правительству Англии, которое осуществляет контроль над ней. Другие считают это маловероятным, и они пришли к убеждению, что необходимо действовать в согласии с поговоркой «рот не откроется, пока не будет зажат нос». Желанная цель не будет достигнута, пока не удастся вставить палку в колеса администрации нынешних правителей. Мнение этой партии (националистов.—И. Р.) и их цели должны быть ясно выражены и могут быть достигнуты, следуя путем *пассивного сопротивления*»²¹ (курсив мой.—И. Р.). Но в отличие от Ганди ненасилие не было для Тилака религиозной догмой и не сопровождалось отказом от признания других форм борьбы. Счастливым соединением огромный революционный темперамент с трезвым и холодным умом, Тилак исходил из предпочтительности ненасильственных, или мирных, форм борьбы в конкретных условиях, существовавших в тогдашней Индии. Он придавал весьма важное значение наличию в руках колонизаторов современно организованной и хорошо вооруженной армии, в то время как индийцы не имели огнестрельного оружия даже для защиты от диких зверей. Тилак, может быть, преувеличивал значение военного момента, что видно из его ошибочной оценки опыта русской революции 1905—1907 гг. Ее неудачу он был склонен объяснить превосходством вооруженных сил, находившихся в распоряжении царского правительства²². Что же касается Индии, то здесь система полицейского

²⁰ См. «Times of India», июнь 1907 г.

²¹ «Times of India», 27 июля 1908 г. Обращает внимание эзоповский язык Тилака и крайняя осторожность в выражениях, что вызывалось тяжелыми условиями индийской подцензурной печати и суровыми преследованиями патристических газет. Достаточно привести один пример. Рамчандра Нараяна Мандлик, редактор махратского журнала «Вихари», был осужден на два года тюрьмы только за напечатание перевода вольнолюбивых стихов итальянского патриота Джузеппе Мадзини.

²² В своей статье «Секрет бомбы», опубликованной в газете «Кесари», Тилак писал: «Современная наука дала правящему классу новое оружие для подавления революции — современную армию. Только по этой причине революционные планы русских подданных потерпели неудачу в 1905—1906 гг.»

контроля над ввозом и продажей оружия была доведена до высокого совершенства. В связи с июльскими событиями 1908 г. в Бомбее, где в течение шести дней продолжалась всеобщая политическая стачка и шли непрерывные столкновения рабочих с войсками и полицией, донесение российского консульства в Бомбее сообщает: «За время продолжавшихся беспорядков ни у одного индуса не оказалось огнестрельного оружия или бомбы... Этот факт доказывает бдительное надзирание полиции над ввозом и продажей оружия...»²³. Сам Тилак обвинял колонизаторов в том, что, разоружив индийцев, они как бы кастрировали нацию. Далее он говорит, что «мужество нации было уничтожено посредством «Армс акта» (закон, запрещавший индийцам иметь оружие), для того чтобы власть, осуществляемая даже мелкими чиновниками, не встретила сопротивления и таким образом себялюбивая администрация могла беспрепятственно управлять, не предоставляя подданным прав свараджа»²⁴.

Не только огромное военное превосходство колонизаторов побуждало Тилака пока что отдавать предпочтение «пассивному сопротивлению», т. е. ненасильственным формам борьбы. В своей оценке положения в Индии он высказал твердое убеждение, что «это время революции в Индии еще не началось, но наступит в дальнейшем»²⁵. Что Тилак принимал революцию, считая ее неизбежной и необходимой, ясно вытекает из предшествующего раздела той же статьи: «Возникло противоречие между национальным характером Индии и западными институтами. (подразумевается колониальное господство англичан.—И. Р.) и приближается время действия, когда необходимо разрешить это противоречие, установив гармонию, это действие — революция»²⁶. В другой статье Тилака, опубликованной в «Кесари» 12 мая 1908 г., прямо указывается на пример английской революции 1649 г. как радикального средства завоевания Индией свараджа²⁷. Выдающийся индийский патриот и демократ совершенно недвусмысленно признает, что революция является закономерным разрешением противоречий между Индией и ее угнетателями. Тилак пропагандировал не только опыт английской революции 1649 г., в своих статьях этого времени он неоднократно ссылается на пример русской революции, революций во Франции и Германии. Какой разительный контраст с индийскими либералами, которые всячески охаживали славную революционную борьбу европейских народов! Тилак выступал в годы пробуждения Азии как буреизвестник грядущей индийской революции. В этом мы видим важный показатель идейной эволюции взглядов индийского демократа и патриота по сравнению с его политической деятельностью в 80—90-х годах XIX в.

Тилак не был одинок в своем убеждении, что только насильственная борьба в конечном счете покончит с британским господством над Индией. Подобные взгляды, порой в более откровенной форме, также выражали органы национальной печати, примыкавшей к «крайним».

²³ АВПР. Среднеазиатский стол, д. 947, л. 67.

²⁴ Статья Тилака «Эти лекарства не надолго» опубликована в «Кесари» 9 июня 1908 г. Цит. по англ. пер. из «Times of India» 27 июня 1908 г.

²⁵ Цит. статью Тилака «Действительное значение бомбы», «Кесари», 26 мая 1908 г. по русс. пер. из донесений российского консульства в Бомбее. АВПР, Среднеазиатский стол, д. 947, л. 73.

²⁶ В беседе с английским журналистом Невинсоном Тилак на вопрос об его отношении к восстанию ответил: «Неорганизованные, безоружные, мы не имеем шансов на успех в попытке стряхнуть сейчас английское правительство. Все это можно отложить до отдаленного будущего». H. Nevinson. New spirit in India. London, 1908, p. 72.

²⁷ Цит. статью Тилака, опубликованную в «Кесари» 12 мая 1908 г. по русс. пер. из донесений российского консульства в Бомбее. АВПР, Среднеазиатский стол, д. 947, л. 69.

В этом отношении большой интерес представляет статья, опубликованная 16 сентября 1907 г. в махратском журнале «Вихари». «В настоящее время, — говорит автор статьи, — главный вопрос заключается в том, как достигнуть независимости». Подвергнув уничтожающей критике «мудрствующую бездеятельность» индийских либералов с их петициями, просьбами и представлениями, автор характеризует современное политическое положение в стране: «Народ сейчас убедился в том, что для достижения этой цели (независимости) необходимо применить более острое оружие. В соответствии с этим в течение последних двух лет народ обратил свое внимание на свадеши, бойкот, национальное образование и на аналогичные вещи как на средства, которые во всяком случае более действенны, чем петиции и просьбы. Само нынешнее отношение к ним правительства свидетельствует о мощи этих средств. Тем не менее и они не суть истинное, фактически высшее средство достижения независимости. Наиболее действенным средством достижения независимости является «меч» (т. е. революционное насилие)²⁸.

Выдвигая в перспективе насильственное свержение колониального режима, статья в журнале «Вихари» не считала, что в Индии уже созрели необходимые предпосылки для всеобщего восстания. «Перед тем как обнажить меч, — указывается в статье, — необходимо продумать, что правильно и что неправильно, надо тщательно взвесить относительную силу и слабость борющихся лагерей, надо, чтобы вся нация была полностью захвачена мыслями о независимости». К восстанию надо готовиться, и оно может быть успешным в условиях, когда борьба против колониализма приобретает всенародный характер, — таков вывод, который можно сделать из этого важного документа, отражающего позиции Тилака и его последователей по вопросу о вооруженном восстании. Статья в «Вихари» заканчивается высказыванием большого принципиального значения: «Однако нет сомнения, что в конечном счете меч должен быть обнажен». Как уже указывалось, эти положения перекликаются с мнением самого Тилака, что в Индии время революции еще не наступило: Тилак несравненно более трезво и реально оценивал политическое положение в Индии, чем те из его последователей, вроде Аджит Синга, которые призывали народ к немедленному восстанию, наивно представляя себе, что стоит индийцам захотеть и колониальный режим будет сметен.

Однако и Тилак недопонимал значения революционных действий политически организованных масс и переоценивал значение индивидуального террора. Оставаясь сыном своего класса и своей эпохи, он не понимал, что грядущая общенациональная или общенародная революция против колониального режима, которую он ждал и которую он приветствовал, может победить лишь при условии участия в ней широких масс индийского народа и прежде всего классов, кровно заинтересованных в ее совершении. Тилак и его последователи апеллировали к рабочим и крестьянам, поднимая их на борьбу под общедемократическими лозунгами завоевания свадаки и перехода власти из рук чужеземной бюрократии в руки представителей индийского народа. В этом и заключалась их большая революционная заслуга перед родиной.

Но, считая действия индийских террористов важным показателем и проявлением приближающейся революции, Тилак не замечал, что для подготовки этой революции несравненно более важное значение имеет организация революционных масс рабочих и крестьян, которые и в Равальпинди, и на юге Индии наглядно продемонстрировали свою готов-

ность перейти к высшим формам насильственной борьбы против чужеземных угнетателей. Действительно, прочная и наиболее эффективная организация рабочих и крестьян, являвшихся основными движущими силами этих антиимпериалистических выступлений, могла быть достигнута при сочетании борьбы за общенациональные требования (свадаки и свадеши) с классовой борьбой за непосредственные интересы трудящихся и эксплуатируемых.

Именно сочетание забастовок фабричных рабочих с их антиимпериалистическими выступлениями и такие формы борьбы, специфически присущие пролетариату, как политические забастовки, выявили гигантские революционные возможности пролетариата. Но и «крайние», вовлекая рабочих в движение за общенациональные требования, мало сделали для развития и укрепления их классовых организаций, для развития их классового сознания, да и не ставили себе такой задачи. В этом мы видим проявление буржуазной ограниченности этих индийских мелкобуржуазных патриотов и демократов, видимо, считавших, что независимость Индии будет тем легче достигнута, чем меньше будут обнаруживаться классовые противоречия в индийском обществе.

Характерно, что ни в одной из своих работ Тилак не обобщил опыта насильственной массовой антиимпериалистической борьбы в Равальпинди и на юге Индии, а также июльских событий 1908 г. в Бомбее. В подготовке индийской революции великий индийский демократ уделял несравненно большее внимание военной стороне вопроса и деятельности индийских террористов. О том, что Тилак активно подготовлял вооруженное восстание против английского господства, свидетельствуют документы Архива внешней политики России²⁹.

Вопрос об отношении Тилака к индивидуальному террору занимает большое место в его статьях и высказываниях в период революционного подъема 1905—1908 гг. Здесь мы хотели остановиться на некоторых противоречиях во взглядах Тилака по этому вопросу.

Он, конечно, прав, считая индийских террористов патриотами, борцами за свадаки, а их деятельность — формой протеста против английского деспотизма и свирепых репрессий колониальных властей. Нельзя не согласиться с Тилаком, что индивидуальный террор не является средством освобождения Индии, ибо на смену одному уничтоженному бюрократу придут другие, и аппарат английского управления не будет подорван.

Но лидеру демократического крыла индийского национально-освободительного движения была чужда постановка вопроса о вреде индивидуального террора для развития и организации революционной самостоятельности масс, что терроризм отвлекает многих лучших патриотов Индии от руководящего участия в массовой борьбе, более того, изолирует их от народа. Тилак считал, что даже такие неэффективные средства борьбы, как индивидуальный террор, лучше, чем пассивность и сохранение рабской покорности англичанам. В некоторых своих высказываниях Тилак преувеличивает роль индийских, да и не только индийских, террористов, в частности приписывая бомбе решающее значение в достижениях революционного движения в России.

Как уже отмечалось, после отхода «умеренных» от массовой антиимпериалистической борьбы и основания Тилаком новой партии националистов, его революционная деятельность приобрела большую целеустрем-

²⁸ Цит. по работе А. И. Левковского «Движение свадеши в 1905—1908 гг.», стр. 154—155.

²⁹ См. Донесение старшего советника российского консульства в Бомбее Клемма от 7/20—1 1906 г. АВВР, Среднеазиатский стол, д. 937, л. 10.

ленность и размах. Колониальные хозяева Индии не замедлили насильственно пресечь ее.

Касаясь правительственных репрессий против национально-освободительного движения Индии, биограф Тилака — Келкар отмечает: «Никакая кампания репрессий не могла считаться завершенной, если она не распространялась на Тилака, признанного вождя новой партии»³⁰. Тилак был арестован и в июле 1908 г. предстал перед Высшим судом в Бомбее по обвинению в антиправительственной агитации и подстрекательстве к мятежу.

На суде Тилак держался гордо и мужественно, отстаивал право народов Индии бороться за свое освобождение теми же методами, которые применили русские во время революции 1905—1907 гг. Его шестидневная защитительная речь явилась грозным обвинением и разоблачением колониального режима.

Подтасовав, как и во время процесса 1897 г., состав присяжных и обеспечив среди них большинство англичан, колониальные власти действовали наверняка. Голосами присяжных англичан против присяжных индийцев Тилаку был вынесен обвинительный вердикт, и он был осужден судом на шесть лет каторжных работ.

Ответом на судебную расправу с Тилаком явилось массовое движение протеста, охватившее ряд городов Индии (Пуна, Мадрас и др.). Это движение достигло своей высшей точки в революционных событиях 23—28 июля 1908 г. в Бомбее. Уже с 13 июля, дня начала процесса над Тилаком, в Бомбее началось забастовочное движение и гневные уличные демонстрации в поддержку Тилака. Развиваясь, забастовочное движение переросло 23 июля во всеобщую политическую забастовку протеста 100 тыс. бомбейских пролетариев против расправы над Тилаком.

Забастовку поддержало городское население (включая мелкую и среднюю буржуазию); она сопровождалась общим прекращением (харталом) всей деловой жизни Бомбея. Попытки полиции и регулярных войск сломить рабочих, несмотря на свирепое применение огнестрельного оружия, не увенчались успехом. Безоружные рабочие отвечали на пули градом камней и в ряде кровавых уличных столкновений проявили замечательную стойкость, солидарность и умение использовать преимущества местности.

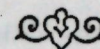
Организаторами этого движения были националисты, сторонники и последователи Тилака. С самого начала бомбейских событий было принято решение ответить одним днем всеобщей забастовки и хартала на каждый год каторги, предстоящей Тилаку. И действительно, забастовка по истечении шести дней была организованно прекращена. Рабочие и население Бомбея не добились освобождения Тилака. Но свидетельством силы движения протеста было смягчение приговора — каторжные работы были заменены тюремным заключением.

Выдающееся значение революционных событий июля 1908 г. в Бомбее было отмечено В. И. Лениным: «Но за *своих* писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долговременную ссылку, причем запрос, сделанный на днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до

³⁰ N. S. Kelkar. Landmarks in Lokamanya's life. Madras, 1924, p. 144.

сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!»³¹.

Великая прогрессивная историческая роль Тилака заключается прежде всего в том, что он первым среди индийских патриотов поднял знамя независимости Индии и призвал народ к борьбе за национальную свободу, за завоевание власти и переход ее из рук всемогущей английской бюрократии к представителям народа. В качестве самоотверженного борца за общенациональные и общедемократические требования Тилак справедливо заслужил авторитет и признание народного вождя. Советская общественность вместе с народами Индии, ныне сбросившими оковы колониального рабства, отмечает сотую годовщину со дня рождения этого великого индийского патриота и демократа.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 161.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЫМА ЦЯНЯ

(2100 лет со дня рождения)*

Л. И. ДУМАН

Замечательный ученый-энциклопедист древнего Китая и первый китайский историк Сыма Цянь справедливо назван «отцом китайской истории». Вклад Сыма Цяня в сокровищницу китайской культуры огромен, значение ученого выходит далеко за пределы его родины — Китая. Сыма Цянь занимает почетное место среди общепризнанных корифеев мировой науки и культуры.

Жизнь Сыма Цяня (родился в 145 г. до н. э.) протекала в бурное время, насыщенное большими внутренними и внешними политическими событиями. Это был период расцвета деспотии Первой, или Западной, Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.). Внутри страны проводилась политика, направленная на укрепление центральной власти и ослабление экономической и политической мощи князей — владетелей крупных уделов. Император У-ди (140—87), опираясь на конфуцианство, ставшее при нем официальным господствующим учением, идеологической основой китайского феодализма, железной рукой устранял все, что мешало усилению императорской власти.

Конфуцианские идеи священности особы императора, управлявшего якобы по повелению неба, их проповедь беспрекословной покорности народа власти имущим, оправдание классового неравенства и насилия — все это как нельзя лучше соответствовало интересам Ханьской династии и всего господствовавшего класса феодалов.

На внешнеполитической арене в этот период шла борьба за расширение территории Китая, за освоение великого шелкового пути, по которому из Китая на Запад — на территорию нынешних советских среднеазиатских республик — вывозились китайские товары, в том числе высококачественный шелк. Путь этот проходил через современную провинцию Ганьсу и Синьцзянский уйгурский автономный район. Китайскому народу пришлось вести упорную борьбу с гуннами, решительный удар по которым был нанесен в царствование У-ди, при жизни Сыма Цяня. Гунны подвергали опустошению обжитые далекие земли на севере, уводили население в плен, превращали его в рабов. Они захватили китайскую территорию, входящую в современную провинцию Шаньси, и угрожали иногда даже

столице Чанъань (ныне Сиань, провинция Шэньси), препятствовали Китаю вести широкую торговлю с западом по сухопутью. Все это определило упорную и длительную борьбу с гуннами, которая продолжалась в течение тридцати лет и закончилась к концу II в. до н. э. разгромом гуннов и вытеснением их с севера и северо-запада страны (ныне Ордос, провинция Ганьсу). Это открыло Китаю путь на запад. Последующие победоносные походы китайских войск в бассейн р. Тарим (108 г. до н. э.), а затем в Давань (ныне Фергана) закрепили позиции Ханьской империи в Восточном Туркестане, тогда называвшемся «Западным Краем» («Си-юй»).

В царствование У-ди были подчинены также мелкие независимые княжества и племена на юге, юго-западе и востоке, на территории современных провинций Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Сычуань, Гуйчжоу и Юньнань. Некоторые из них еще в III в. до н. э. были подвластны Китаю, а затем освободились. К концу II в. до н. э. их вновь покорили. Почти одновременно с этим (108 г. до н. э.) было покорено государство Чаосян, находившееся в северной части Кореи.

Войны, проводившиеся У-ди, легли тяжелым бременем на плечи народа, усилив и без того тягостный гнет феодальной эксплуатации новыми налогами, которые взимались даже с детей трехлетнего возраста. Еще более тяжелыми стали государственные повинности, в особенности повинности по перевозке продовольствия и снаряжения для войск.

Десятки и сотни тысяч людей отрывались от земли и угонялись на строительство дорог, постройку новых участков Великой китайской стены, крепостей. Крестьянство разорялось и нищало и, естественно, попадало в тяжелую кабалу к торговцам и ростовщикам.

Великий историк, объективно оценивавший окружающую его действительность, несколькими штрихами нарисовал положение в стране: «В то время как [средства] у местных властей совершенно истощились, богатые купцы и крупные торговцы накапливали богатства и заставляли работать на себя бедных... В руках солеваров и плавивших железо скапливалось много золота... Простой народ оказался в тяжелом положении»¹.

К концу царствования У-ди на этой почве резко обострились классовые противоречия. На феодальную эксплуатацию и произвол властей крестьянство отвечало восстаниями, подавляемыми с беспрецедентной жестокостью.

В такой политической обстановке протекала жизнь и деятельность Сыма Цяня. Несомненно, эти условия отразились на его мировоззрении и творчестве.

Детство Сыма Цяня провел в деревне, к югу от горы Лушань («Ворота дракона»), в уезде Ханьчэн — нынешней провинции Шэньси. Сыма Цянь с детства был приучен к труду — он пас скот, помогал в полевых работах и одновременно упорно учился. Десятилетним мальчиком он знал наизусть древних классиков. Переехав к отцу в столицу, он продолжает свое образование под руководством известных ученых того времени.

Род Сыма Цяня древний и в далеком прошлом знатный — из него вышли правители княжеств, полководцы, военные теоретики, придворные астрономы и историографы. Отец Сыма Цяня — Сыма Тань — был образованнейшим человеком своей эпохи, известным ученым. Около трех десятилетий он служил при императорском дворе в должности тай-ши-лина (астронома, историографа). Сыма Тань оказал огромное влияние на воспитание

* Доклад, прочитанный 22 декабря 1955 г. на торжественном заседании, организованном секцией востоковедения Всесоюзного общества культурной связи с границей и Институтом востоковедения Академии наук СССР.

¹ 司馬遷, 史記 Сыма Цянь. Шичзи («Исторические записки» — в дальнейшем Шичзи), т. 1, гл. 30, 1934, стр. 119.

своего сына: он привил ему любовь к науке и к упорному труду, заботился о приобретении им обширных знаний.

В 126 г. до н. э., когда Сыма Цянь было двадцать лет, он отправился в далекое путешествие, продолжавшееся около трех лет. За это время Сыма Цянь пересек страну с северо-запада на восток, побывал на юге и оттуда вернулся в столицу Чанъань. Поездка дала очень много будущему историку. Сыма Цянь посетил места, где в далеком и недавнем прошлом происходили крупные исторические события. Память об этих событиях сохранилась в устных преданиях, литературных источниках и старинных реликвиях. Сыма Цянь изучал памятники старины, записывал народные сказания, легенды, изучал древние рукописи, знакомился с жизнью и бытом народа. Эта поездка, как и неоднократные его путешествия в последующее время, помогли ему понять многие явления общественно-политической и экономической жизни прошлого и настоящего. Живое общение с народом укрепило в Сыма Цяне любовь к народу и помогло ему понять его нужды.

После возвращения из первого путешествия Сыма Цянь был назначен на должность в столичной администрации (лан-чжун). Но он не долго оставался в столице. Пытливый ум и любознательность толкали Сыма Цяня на новые путешествия. Этому способствовала и служба, обязывавшая его осуществлять инспекцию на периферии. Сыма Цянь совершил еще ряд поездок, иногда в качестве лица, сопровождающего императора У-ди. Впоследствии, когда Сыма Цянь приступил к написанию истории Китая, знакомство с жизнью страны помогло ему создать выдающийся труд.

В 111—110 гг. до н. э. Сыма Цянь совершил поездку на юго-запад, где незадолго до этого на вновь присоединенных землях было установлено китайское административное управление. В его задачу входила проверка деятельности этих административных органов.

Великий историк посетил юго-западные районы, где находились древние царства Ба и Шу (современ. провинция Сычуань), а также мало известную тогда территорию, составляющую ныне часть провинции Юньнань и познакомился с жизнью и бытом местных племен. Там Сыма Цянь получил обильный материал, который позволил ему сопоставить два мира — феодальный Китай с его древней цивилизацией и мир, где царили патриархальные родовые отношения. Это путешествие дало ученому много материалов для специального раздела о «юго-западных племенах» в его истории Китая.

Сыма Цянь совершил также поездку на север, где наблюдал постройку Великой китайской стены. Это грандиозное сооружение, созданное руками рабов и крепостных, навело Сыма Цяня на грустные размышления о судьбе народа, о его тяжелом труде. «Я проезжал по северной границе, возвращался по прямой дороге, видел башни Великой стены, построенной циньским генералом Мын Тянем. Рыли горы, засыпали ущелья, прокладывали прямой путь. Поистине, дешево ценили труд народа!», — писал Сыма Цянь впоследствии².

В 110 г., вернувшись из далекого путешествия, Сыма Цянь застал своего отца умирающим. Прощаясь с сыном, Сыма Тань завещал ему продолжать дело их предков — стать историком и написать труд по истории страны, о котором он мечтал всю жизнь. Отец передал сыну собранные им для истории Китая документы и материалы. Сыма Цянь дал клятву умирающему отцу, что выполнит его волю.

В 108 г. Сыма Цянь был назначен на должность тай-ши-лина, которую раньше занимал его отец. В обязанности тай-ши-лина входило не только

составление придворной хроники, но главным образом занятия по астрономии и астрологии. Сыма Цянь был величайшим энциклопедистом своего времени. Обладая обширными познаниями в области различных наук — истории, математики, астрономии и географии, он с успехом применял свои знания на новом поприще. Сыма Цянь составил «Трактат о небесных светилах», в котором дано описание карты звездного неба, 98 созвездий, включающих 360 звезд³. В 104 г. он принял участие в начатой до него, но не завершённой работе по реформе календаря и успешно закончил ее. В то же время Сыма Цянь продолжал работу по созданию исторического труда, прославившего его в веках.

В 98 г. до н. э. эта работа была неожиданно прервана — Сыма Цянь, по приказу У-ди, был незаслуженно брошен в застенки, его жизни угрожала опасность. Внешним поводом к немилости со стороны императора послужило смелое выступление Сыма Цяня в защиту генерала Ли Лина, попавшего в плен к гуннам и несправедливо обвиненного в измене. Мужественное выступление Сыма Цяня было продиктовано желанием защитить оклеветанного храброго и честного полководца, сражавшегося до последних сил.

Сыма Цяню угрожала смертная казнь, но дело было не в защите Ли Лина. Его использовали в качестве предлога для того, чтобы убрать с дороги неугодного придворной клике Сыма Цяня, независимого и смелого, не боявшегося сказать правду в лицо, даже если она была не по душе власти имущим. По словам одного из комментаторов «Истории Первой Хань» — Вэй Хуна, Сыма Цянь вызвал гнев своего царствующего современника У-ди тем, что, как стало известно последнему, Сыма Цянь в одной из написанных им глав своего незаконченного сочинения непочтительно отозвался о деятельности императоров Цзин-ди и самого У-ди. Сыма Цянь приговорили к смертной казни, которая была заменена кастрацией. Приговор был приведен в исполнение. Сыма Цянь глубоко переживал унижение и бесчестье, которым он подвергся. В течение длительного времени его не покидали думы о своем позоре. «Когда я дома у себя, — писал Сыма Цянь примерно в конце 93 г. своему знакомому Жэнь Аню, — становился не по себе, как будто что-то потерял. Попробую пойти, куда иду, не знаю. Как вспомню о позоре, весь я потом обливаюсь и мокрой становится одежда»⁴.

Но Сыма Цянь был человеком непреклонной воли, беззаветно преданным науке. Цель его жизни — создание грандиозного труда по истории страны — еще не была достигнута, и он продолжает бороться за ее осуществление. «И я имел желание, — писал он, — исследовать все то, что [существует] между небом и людьми, проникнуть в сущность изменений с глубокой древности до наших дней и высказать [об этом] мнение свое. Но черновик мой не был завершен, когда несчастье меня постигло. Я сожалел, что дело не закончил. Вот почему мучительное наказание без гнева, недовольства перенес. [Теперь] действительно я книгу эту написал, ее я спрятал на горе известной. Я передал ее достойным людям и в городе [столице] ее распространил. Итак, я заплатил сторицей за прежний свой позор. Хотя б десятки тысяч раз меня казнили, не стал бы каяться и сожалеть»⁵.

По выходе из тюрьмы, примерно в 96 г. до н. э., Сыма Цянь был назначен на должность чжун-шу-лина (правителя императорской канцелярии).

² 錢偉長, 我國史上的科學發明

Цянь Вэй-чан. Научные изобретения в истории нашей страны. Пекин, «Чжунгоцин-нинь», 1953, стр. 34.

⁴ 前漢書 «История Первой Хань», т. 1, гл. 62, 1934, стр. 513.

⁵ Там же.

Повидимому, должность эта была важной. Чжун-шу-лин осуществлял наблюдение за всеми докладами трону и выполнением императорских указов.

Как сообщает «История Первой Хань», Сыма Цянь, занимая новую должность, пользовался большим уважением и авторитетом⁶. И в этот последний период своей деятельности Сыма Цянь приходилось неоднократно выезжать из столицы, сопровождая императора У-ди в далекие путешествия. Одновременно он продолжал работу над «Историческими записками», вчерне законченными к 93 г. до н. э., как это видно из письма Сыма Цяня к Жэнь Анью. К сожалению, подробные данные о последних годах жизни великого историка отсутствуют. Неизвестна также и дата его смерти. Повидимому, он умер в 87 г. или в 86 г. до н. э.

Оставленные Сыма Цянем «Исторические записки» («Шицзи») стали известны не сразу после его смерти. Сыма Цянь, опасаясь за судьбу своего труда, незадолго до смерти принял меры к сохранению его от У-ди и дворцовой клики. Намек на это имеется в цитированном письме к Жэнь Анью.

Лишь позднее, в период царствования Сюань-ди (73—49 гг. до н. э.), благодаря внуку Сыма Цяня — Ян Хуэю стало известно о существовании «Исторических записок».

Труд Сыма Цяня состоял из пяти разделов, как об этом он сам говорит в последней главе. В ней он указывает, что написал 12 глав — «Основных записей» («Бэнь цзи»), 10 глав хронологических таблиц («Бяо»), 8 глав трактатов или описаний («Шу»), 30 глав «Наследственные дома» («Шицзя») и 70 глав биографий или жизнеописаний («Лечжуань»)⁷.

Всего в труде Сыма Цяня, по его словам, было 130 глав, 526 500 иероглифов⁸.

«Исторические записки» охватывают огромный период истории Китая — свыше двух тысяч лет, примерно от середины III тысячелетия до н. э. и почти до конца царствования У-ди (140—87), т. е. до 90 гг. I в. до н. э.

Поистине, такого грандиозного исторического труда не было ни до Сыма Цяня, ни после него. Лишь через тысячу с лишним лет, в XI в. н. э., в Китае было написано произведение, охватывающее по времени почти такой же период, но оно значительно отличалось от труда Сыма Цяня по композиции и содержанию.

До Сыма Цяня истории как науки в Китае не существовало, были лишь зачатки ее. В историко-литературных памятниках, написанных до «Исторических записок», не было строго продуманной систематизации фактов. В большинстве своем эти книги представляют своеобразные своды исторических материалов и краткие хроники событий.

Сыма Цянь заложил основы исторической науки древнего Китая. Он применил в своих исследованиях так называемый биографический метод освещения событий. Новшеством были и композиция произведения, систематизация фактических данных, наличие богатейшего материала, включение сравнительно обширных экономических данных. Наконец, новым по существу была оценка исторических событий, тех или иных исторических деятелей. Следует сказать, что труд Сыма Цяня «Исторические записки» имел огромное значение не только для изучения древней истории Китая, — в нем впервые приведены весьма ценные данные о народах, населявших территории современных Кореи, Монголии и Средней Азии.

В «Исторических записках» в основу положен не хронологический принцип, а более сложный — комплексный, причем особое внимание

⁶ «История Первой Хань», стр. 512.

⁷ «Шицзи», гл. 130, стр. 280.

⁸ Там же.

Сыма Цянь уделял деятельности личности, ее роли в истории. Биографический метод освещения истории совмещается в его труде с хронологическим и, можно сказать, с тематическим. Об этом свидетельствуют деление на отделы или разделы, тесно связанные и дополняющие друг друга, а также размещение материалов.

Первый по порядку, но не по значению, раздел — это «Бэнь цзи» («Основные записки»), посвященный жизнеописаниям императоров. Но в главах этого раздела показана не столько личная жизнь правителей, она дается весьма кратко, сколько политическая жизнь страны при том или ином императоре. События освещаются здесь в кратком, протокольном виде, в хронологическом порядке — год за годом, месяц за месяцем: По существу, это летописи, общий фон исторических событий, рассматриваемых более подробно в других разделах. Сыма Цянь так определяет цель «Основных записей»: «В деяниях царей [найти] подъем — начало, исследовать конец, увидеть процветание, рассмотреть упадок»⁹. Ясно, что Сыма Цянь интересовала не жизнь царей — он стремился исследовать исторический процесс, а не отдельные события. Это, пожалуй, самое существенное, что отличает великого историка от его предшественников.

В разделе «Шицзя» («Наследственные дома», или «Наследственная знать»), четвертом в труде Сыма Цяня, даны описания как отдельных представителей наследственной знати, игравших значительную роль в истории страны, так и отдельных царств или княжеств. История последних прослеживается иногда на протяжении столетий. В этом разделе помещены также биографии древнего философа Конфуция и вождя крестьянского восстания III в. до н. э. Чэнь Шэ, хотя они и не принадлежали к наследственной знати. Повидимому, включение их жизнеописания в раздел «Шицзя» объясняется тем, что они играли огромную роль в общественной жизни древнего Китая. Поставив рядом наследственных князей и вождя крестьянских повстанцев, Сыма Цянь сделал смелый шаг. Это было вызовом господствующему классу. Следует отметить, что, по почину Сыма Цяня, в дальнейшем во все династийные истории включались биографии руководителей крестьянских движений. Благодаря этому мы имеем весьма важные материалы для изучения крестьянских движений в Китае в эпоху феодализма. В этом также несомненная заслуга Сыма Цяня.

Последний раздел «Исторических записок» едва ли не самый интересный и значительный — это «Лечжуань» («Биографии, или жизнеописания»). По количеству глав он самый большой. «Лечжуань» — это не только биографии знаменитых людей и исторических деятелей; здесь дано и описание племен и народов, с которыми Китай имел связи. Мы находим в этом разделе данные о гуицах, о народах Кореи, о юго-западных, восточных и южных племенах, о народах Средней Азии (кангюйцах, усунях, даюэцзи и других). Биографии помещены в основном в хронологическом порядке, но последние двадцать глав жизнеописаний группируются преимущественно по тематическому принципу, без хронологической последовательности. Здесь приводятся описания племен и народностей, связанных с Китаем, биографии «послушных чиновников», конфуцианцев, «жестокых чиновников», «странствующих воинов» (рыцарей), «льстецов и подхалимов», «скользких говорунов» (придворных софистов), «торгующих и производящих» и других. Кроме этих групп, в «Исторических записках» представлены биографии военачальников, теоретиков военного искусства, дипломатов, философов, поэтов и знаменитых медиков.

Следовательно, Сыма Цянь впервые вводит в качестве объекта изучения и субъекта истории простых людей, в том числе и тех, кто выступал

⁹ «Шицзи», гл. 130, стр. 281.

против господствовавшего класса феодалов, возглавляя народные восстания, или тех, кто в одиночку вел борьбу против царей.

При оценке личности Сыма Цяня не придавал значения происхождению. Решающую роль, с его точки зрения, играли моральные качества, значимость и общественно полезная деятельность того или иного лица. Он часто отдавал предпочтение людям мудрым — выходцам из простого народа — перед царями.

Кратко резюмируя в последней главе своего труда содержание разделов Сыма Цянь указывает, что в «Жизнеописания» он включил тех, кто «честь поддерживал, ... заслугами своими прославлен в Поднебесной»¹⁰.

«Хронологические таблицы» («Бяо»), как и «Жизнеописания» («Лечжуань»), были впервые введены в исторические сочинения Сыма Цянем. Он проделал огромную работу при составлении таких таблиц, так как ему пришлось проанализировать много исторических документов, критически пересмотреть их и устранить противоречия в хронологии, так часто встречающиеся в древних китайских источниках.

Одним из первых по значению в «Исторических записках» является раздел «Шу» — «Трактаты», или «Описания». Восемь глав этого раздела посвящены ирригации и экономическим вопросам и описанию этикета, музыки, законов, календаря, астрономии и астрологии, обрядов жертвоприношения. Последние две главы этого раздела (об ирригации и об уравнении), как и 129 глава «Лечжуаней» («о торгующих и производящих»), показывают, что Сыма Цянь придавал немалое значение вопросам экономики в жизни общества.

В эпоху, когда жил великий историк, обострение классовых противоречий нашло свое отражение и в идеологической борьбе. Как было уже сказано, конфуцианство в эпоху Первой Хань было господствующей официальной идеологией. Все другие учения объявлялись ложными и еретическими. Общественно-политические взгляды Сыма Цяня с точки зрения господствующей идеологии также считались ложными, тем более, что Сыма Цянь в своем труде подвергал критике конфуцианство. Этим объясняются нападки на него со стороны более поздних историков-конфуцианцев, в частности историка Бань Бяо (3—54 гг. н. э.), отца составителя «Истории Первой Хань».

Для Сыма Цяня как историка и бытописателя характерны объективность и правдивость. Это делает особенно ценными его выводы. «Исторические записки» не были официальной историей, хотя и были написаны придворным историографом. В этом их особенность. Сыма Цянь в значительной степени сумел избежать конфуцианской тенденциозности в оценке и освещении событий, свойственной как его предшественникам, так и жившим после него официальным историкам феодальной эпохи, произведения которых пронизаны конфуцианской идеологией и моралью.

Бань Бяо обвинял Сыма Цяня в том, что тот пренебрежительно относился к конфуцианству и с уважением к даосизму, игнорировал конфуцианские принципы гуманности, чести и долга¹¹. Но, повидимому, самое главное зло Бань Бяо видел в том, что Сыма Цянь возвеличивал простой народ; «... Говоря о «рыцарях», он (Сыма Цянь — Л. Д.) приписывает тех, кто верен долгу, и возвеличивает заслуги простонародья. В этом его (Сыма Цяня — Л. Д.) большой порок, подрывающий Путь совершен-

ования человека [Дао]. Вот почему он подвергся тяжкому наказанию»¹².

Одной из характерных черт творчества Сыма Цяня является его народность. Очень часто он выражает свое восхищение перед простым человеком, одетым в «холощевую одежду». Простой человек пользовался уважением Сыма Цяня, если он обладал высокими моральными качествами. Великий историк не осуждал повстанцев и их вождя Чань Шэ. Он понимал нужды народа.

Конфуцианцы не могли простить Сыма Цяню его панегирика «рыцарям», выходцам из простого народа. Это и вызвало гнев Бань Бяо. Сыма Цянь говорил, что эти «рыцари» по своим высоким моральным качествам не только не уступают ученым и вельможам, но даже превосходят их.

Отмечая, что конфуцианцы и последователи древнего философа Мо Ди (V—IV вв. до н. э.) поносят «рыцарей», не пишут о них, Сыма Цянь выражает сожаление, что «рыцари» — выходцы из народа, остались в неизвестности»¹³.

Не могли простить Сыма Цяню и его защиту софистов, выступавших под видом шутов, в лице которых он видел талантливых представителей своего народа.

Сыма Цянь, конечно, не пренебрегал такими принципами, как гуманность, долг и честь, в чем его обвинил Бань Бяо. Но он резко расходился с идеалистами-конфуцианцами в трактовке существа морально-этических отношений. Он не расценивал их как некую всеобщую норму поведения, якобы одинаковую для всех. Это видно из следующих обличительных слов, заимствованных им у древнего китайского философа Чжуан-цзы и приведенных в «Шипзи»: «Кто украдет крючок, тот смертной казни будет предан, кто царство украдет, правителем [хоу] он станет...»¹⁴.

В его труде впервые в древней китайской историографии, если не считать экономического трактата Гуань-цзы, уделяется большое внимание экономическим вопросам.

Особенно интересно для нас, как Сыма Цянь представлял себе экономическое развитие общества. Для Сыма Цяня характерно еще не вполне осознанное и выдвинутое в порядке догадки представление об объективной закономерности исторического процесса, о том, что этот процесс происходит без вмешательства божественной силы или неба. Сыма Цянь высказывает мысль, весьма близкую к тому, что развивающиеся товарно-денежные отношения, сложившееся разделение труда не зависят от регулирующей деятельности органов государственной власти. Эта мысль ярко выражена им в предисловии к главе «О торгующих и производящих» («Хочики легжуань»):

«От пахаря народ зависит в пище..., ремесленник (все вещи) создает ему, купец распространяет их. Как может тут случиться, чтобы правительство вмешалось с поученьем, приказом или ограничением?»¹⁵.

Сыма Цянь понимал, что общество беспрерывно развивается и что с его развитием изменяются отношения между людьми. Он критикует Мо Ди, который призывал установить такие же порядки и законы, какие существовали при первобытно-общинном строе — во времена легендарных Яо и Шуня. Сыма Цянь по этому поводу замечает: «Однако в разные времена

¹⁰ «Шипзи», гл. 130, стр. 281.

¹¹ «История Первой Хань», гл. 70-а, стр. 783.

¹² «История Первой Хань», гл. 70-а, стр. 783.

¹³ «Шипзи», гл. 124, стр. 269.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, гл. 129, стр. 276.

люди живут по-разному. Мир изменяется, а вместе с ним изменяется и жизнь»¹⁶.

В мировоззрении Сыма Цяня можно проследить элементы стихийной диалектики. Он часто высказывает мысль, что явления — в обществе или в природе — развиваясь и достигая предела, перерастают в свою противоположность. В главе «Жизнеописание скользких говорунов» он передает эту мысль словами придворного софиста, который в беседе с князем покупает последнего: «Поэтому скажу: когда вино достигло предела, тогда разврат приходит, когда мирские удовольствия подходят к пределу, тогда наступает тоска. Все дела кончаются так...»¹⁷

Сыма Цянь часто приводит в своем труде термин «бянь», что значит «изменение», «превращение», причем под ним он имеет в виду процесс изменения явлений, переход от упадка к подъему, затем от подъема к упадку, взаимосвязанные изменения. Так, при анализе экономического положения страны он показывает этот процесс изменения. Вначале Сыма Цянь дает характеристику первого периода господства династии Хань, когда страна только что вышла из войны и оказалась в тяжелом положении, затем был принят ряд мер, и жизнь постепенно наладилась, а ко времени У-ди положение резко изменилось. Нарисовав картину изобилия, Сыма Цянь тут же показывает, как назревает переход к противоположному явлению:

«В то время нити [закона] ослабли, и народ богател. Излишества тех, кто обладал богатством, переходили через край. Сельские богачи — те, что захватывали землю, бесчинствовали в деревнях. Члены царской фамилии, имевшие землю гуны, сановники и военная знать соперничали в расточительности и излишествах. Они присваивали привилегии императора в отношении жилищ, экипажей и одежды, не зная никакой меры. И вот вещи доходят до своего расцвета [апогея] и наступает упадок. В этом, конечно, суть превращений [изменений]»¹⁸.

Таким образом, Сыма Цянь рассматривал общественно-историческое развитие как процесс постоянных изменений. В главе 30 («Трактат об уравнивании»), как и в главе о «Скользких говорунах», он также старается показать, что явление, достигнув предела, перерастает в свою противоположность, — расцвет сменяется упадком. Следовательно, по Сыма Цяню, историческое развитие проходит своеобразными циклами, причем каждый цикл состоит из периода процветания и сопровождающего его периода упадка. Эти взгляды роднят Сыма Цяня с материалистом древнего Китая Ван Чунем (I в. н. э.), который в своих «Критических рассуждениях» («Луньхэн») писал: «В каждой эпохе есть [период] расцвета и [период] упадка... Есть природа, есть культура, есть упадок, есть расцвет; это так не только в наше время, так же было и в древности»¹⁹.

Интересны рассуждения Сыма Цяня о деньгах и товарах, о зависимости между ними. Рассказав о широких размерах частной тайной выплавки монеты в империи Хань, Сыма Цянь отмечает: «Денег стало больше, и они обесценивались, товаров стало меньше, и они вздорожали»²⁰.

В главах «Исторических записок» по экономическим вопросам мы находим много рассуждений, свидетельствующих о том, что великий китайский историк ставил вопрос о влиянии экономических процессов на общественную жизнь. Можно сказать, что он впервые в Китае с такой пол-

нотой ввел в историческое исследование экономические материалы и сделал по ним обобщения. Это дало толчок к изучению экономических явлений китайскими историками более поздних времен: в дальнейшем в династийных историях, в основном построенных по схеме «Исторических записок», вводился отдел, посвященный экономике, — «Шихочжи» («Описание товаров и продовольствия»).

Сыма Цянь в своем историческом труде в ярких красках нарисовал социальное неравенство, бедствия безземельных крестьян, их голод, тяжелые повинности, выматывавшие силы народа, и в то же время роскошь и излишества феодальной знати, богатство купцов, крупных солеваров и плавщиков металла. Он понимал, что где богатство, там сила и власть, что деньги могут спасти и от тяжелых наказаний за преступления. Ему принадлежит крылатая фраза: «Кто тысячью золотых обладает, тот на площади не умирает»²¹.

Но Сыма Цянь был сыном своего класса. И этим объясняется то, что дальше констатации социального неравенства он не пошел. Этим можно объяснить и противоречивость мировоззрения Сыма Цяня, его непоследовательность, наличие у него идеалистических представлений по ряду вопросов.

Представляя общественное развитие в виде замкнутых циклов, Сыма Цянь заходит в тупик. Это ошибочное представление об историческом процессе выражено им в следующих словах: «Путь [правления] трех царей [древности] подобен движению по кругу: конец и вновь — начало»²².

Таких противоречий у Сыма Цяня много, и они свидетельствуют об ограниченности его наивно-материалистических представлений. Но Сыма Цянь, со всеми своими недостатками, был личностью незаурядной.

Сыма Цянь — не только историк, он и художник слова, блестящий стилист и по праву считается одним из родоначальников изящной повествовательной литературы.

«Жизнеописания» «Исторических записок» представляют собой подлинные шедевры литературного творчества. Это своеобразные исторические новеллы. Исторические события передаются здесь художественными средствами и по содержанию и по форме. Это рассказы о жизни, в которых иногда реальное переплетается с художественным вымыслом. Сюда вошли народные предания; поэтические и эпические сказания, выдержки из литературных текстов. Стиль «Жизнеописаний» — ритмическая проза. Заключение — послесловия Сыма Цяня во всех разделах, а также предисловия к некоторым главам его большого труда представляют собой блестящие образцы литературного мастерства. Они помещаются во всех хрестоматиях. Речь Сыма Цяня в «Жизнеописаниях», послесловиях и предисловиях насыщена художественными образами, эпическими сказаниями, народными пословицами и поговорками, и в то же время она предельно лаконична.

Сыма Цянь оказал огромное влияние на развитие китайской историографии и прозаической литературы. Об этом свидетельствуют прежде всего прямые подражания историческому методу Сыма Цяня со стороны тех историков, которые занимались составлением династийных историй вплоть до XX в. О влиянии и значении Сыма Цяня как историка и мастера художественного слова свидетельствуют неоднократные переиздания «Исторических записок» (в Китае насчитывается 60 изданий), а также включение во все литературные хрестоматии образцов творчества Сыма Цяня.

¹⁶ «Шипцзи», гл. 130, стр. 279.

¹⁷ Там же, гл. 126, стр. 270.

¹⁸ Там же, гл. 30, стр. 119.

¹⁹ А. А. Петров. Ван Чунь. Древнекитайский материалист и просветитель. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 93.

²⁰ «Шипцзи», гл. 30, стр. 119.

²¹ «Шипцзи», гл. 129, стр. 276.

²² Там же, гл. 8, стр. 37.

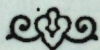
Большая комментаторская литература, многочисленные исследования, посвященные «Историческим запискам», жизни и творчеству Сыма Цяня, появлялись не только в Китае, но и в Японии. Следует сказать, что труд Сыма Цяня и последующие династийные истории оказали большое влияние на развитие японской историографии и прозаической литературы.

Сыма Цянь приобрел широкую известность и в научных, востоковедных кругах России и Западной Европы; ему по праву принадлежит почетное место среди гениальнейших представителей не только китайской, но и мировой культуры.

В нашей стране Сыма Цянь издавна пользуется заслуженным вниманием. Крупнейший русский синолог Н. Я. Бичурин еще в середине XIX в. впервые познакомил общественность России с «Историческими записками», сделав перевод некоторых глав, которые он включил в свой замечательный труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Незабываемый труд Сыма Цяня широко используется советскими учеными в исследованиях по древней истории Китая. Текст «Шицзи» преподается в университетах для студентов-китаистов.

Академик В. М. Алексеев сделал ряд переводов из «Шицзи» (находятся в печати). Издательство художественной литературы выпустило в свет избранные произведения Сыма Цяня — часть «Лечжуаней». Творчество великого историка и художника слова становится достоянием не только узкого круга ученых, но и широких читательских масс Советского Союза.

Советские люди с чувством глубокого уважения отмечают славную дату рождения великого сына дружественного нам китайского народа, внесшего огромный вклад в мировую культуру.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ В СССР*

А. К. БОРОВКОВ

Многие народы СССР за последние два десятилетия приняли русский алфавит в качестве основы для создания национальных письменностей. В процессе развития этих письменностей накопился разносторонний опыт, на основании которого можно сделать известные выводы и в необходимых случаях предложить некоторые изменения и поправки.

В современных условиях письменность должна удовлетворять многим требованиям: обеспечивать определенные педагогические нужды для выработки навыков чтения и письма, представлять максимальные удобства для использования сложной полиграфической техники и иметь необходимые художественные достоинства.

Русская гражданская азбука, разработанная по приказу Петра I на базе славянского кирилловского письма, оказалась в высшей степени приспособленной для русского языка. Известный французский лингвист Ж. Вандриес с большим основанием отдает предпочтение алфавитам не латинского, а греческого происхождения, составленным «с редкой точностью людьми, обладавшими очень четким чувством фонетических оттенков и передававшими оттенки произношения с редкой проницательностью». По словам Ж. Вандриеса, «славянский алфавит Кирилла и Мефодия — настоящий шедевр»¹.

Действительно, славянское кирилловское письмо и усовершенствованный на его почве русский алфавит представляют замечательный образец тонкого понимания общеславянской и русской фонетической системы. В русском языке значительно больше фонематически различных звуков, чем букв в алфавите. Экономия в буквах достигнута рациональным обозначением противоположных по твердости и мягкости согласных. Русские согласные *п, б, м, ф, в, т, д, с, з, н, р, л* представляют собой два ряда фонематически совершенно самостоятельных звуков, твердых и соответствующих мягких (сравните примеры, где мягкость согласных обозначена черточкой сверху справа: *п'ал'цы* и *пал'цы*, *р'аб'* и *раб*, *м'ал'* и *мал*, *в'ол'* и *вол*, *с'ес'* и *бес*, *шар'* и *шар*, *с'ад'* и *сад*, *угол'* и *угол* и т. п.).

Между тем в русском алфавите для твердых и мягких согласных нет особых букв: твердые и мягкие согласные различаются с помощью: 1) глас-

* Публикуя настоящую статью, редакция просит читателей высказать свои соображения по поднятому А. К. Боровкову вопросу.

¹ Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 296.

ных, условно обозначающих твердое (гласные *о, а, у, ы*) и мягкое (гласные *е, и*) произношение предшествующих согласных, 2) йотированных гласных (*ѐ, ю, я*), которые, следуя после согласных, также условно указывают на мягкость предшествующих согласных, например *рад* и *ряд*, *нос* и *нёс*, *лук* и *люк* и т. п. и 3) знака мягкости согласных, например *вес* и *весь*, *шесть* и *шесть*, *цеп* и *цепь*, *угол* и *уголь*, *банка* и *банька* и т. п.

Русские согласные *к, г, х* в определенных положениях могут быть твердыми и мягкими, но фонематического значения эти различия не имеют, поэтому в письме они никак не обозначаются. С другой стороны, русские *ц, ш, ж* всегда твердые, а *ч* и *щ*, наоборот, всегда мягкие. Знак мягкости после этих согласных служит для обозначения некоторых чисто грамматических различий: женского рода существительных, например *печь* (ср. *меч*), *рожь* (ср. *нож*), *тушь* (ср. *душ*), *вещь* (ср. *леиц*), формы инфинитива, например *беречь средства*, *лечь спать*, повелительной формы глагола, например *режь*, *плачь* и т. п. и форм второго лица единственного числа глагола настоящего и будущего времени, например *бродишь*, *лечишь*, *дашь*, *походишь*.

Русские гласные *а, о, е* в безударных слогах редуцируются и отличаются в качественном и в количественном отношении от *а, о, е* в ударных слогах. В письме эти различия никак не отражаются, правописание учитывает здесь не фонетические, а этимологические и морфологические основания².

Русский алфавит является общим с алфавитами ряда славянских народов — украинским, белорусским, болгарским и сербским. Современный болгарский алфавит ничем принципиально не отличается от русского, если не считать того, что в болгарском меньшее количество знаков (отсутствуют *ы* и *э*). В украинском и белорусском, напротив, имеются некоторые знаки, которых нет в русском: в белорусском *і* (вместо *и*), *ў* (губногубное *в*) и диграмы *дж* и *дз*, в украинском *ї*, *є* и *і* (произносятся *йи*) и те же диграмы *дж* и *дз*.

Принципиальные отличия имеют место в сербском алфавите. Современный сербский алфавит был реформирован в начале прошлого столетия известным писателем Вуком Стефановичем Караджичем. Он основывался на сугубо фонетическом принципе; из сербского алфавита были исключены *ѝ, љ, џ, њ, ѣ, ѵ* (ижица), *і*, йотированные гласные *ѧ, ѧ, ѧ* (*ѧе*) и, наконец, *ѧ*, поскольку из латинского алфавита был заимствован *ј*. Йотированные гласные стали изображаться соответственно *ја, ју, је, јо*, а *ѧ* также через *ј*, например, *бој* 'бой', *битва*, *пој* 'пение' и т. п. Вместе с тем сербский алфавит был дополнен двумя лигатурами — *љ* и *њ* для мягких *л* и *н*, двумя новыми знаками — *ђ* и *ћ* для мягких *д* и *т* и особым знаком *џ* для обозначения, преимущественно в заимствованных словах, аффрикаты *дж*.

Все такого рода видоизменения общего алфавита на почве родственных славянских языков представляют не только исторический, но и чисто практический интерес, когда речь идет о приспособлении того же алфавита и для других, неславянских языков.

В 1924 г., когда встал вопрос о приспособлении латинского алфавита к тюркским языкам, различные проекты тюркских алфавитов были обсуждены на заседаниях Радловского кружка при Музее антропологии и этнографии Академии наук под председательством акад. В. В. Бартольда и Лингвистической секции Неофилологического общества при Ленинградском университете под председательством проф. Л. В. Щербы. Тогда же для подведения итогов дискуссий и разработки сводного проекта

применения латинского алфавита для тюркских языков была образована комиссия из специалистов-тюркологов под председательством Л. В. Щербы. Комиссия исходила «из латинского алфавита, как уже принятого соответствующими заинтересованными организациями», но признавала, что латинский алфавит в научном отношении не имеет каких-либо преимуществ перед русским в качестве базы общего для всех тюркских народов алфавита³.

Первоначально латинский алфавит был принят в Азербайджане. Одновременно в тюркоязычных республиках и областях были образованы комитеты нового тюркского алфавита (НТА), деятельность которых по разработке алфавитов, пропаганде и внедрению латинизированной письменности координировалась Центральным Комитетом нового тюркского алфавита (ЦК НТА). Через ряд лет унифицированный тюркский алфавит на латинской основе, с большими или меньшими видоизменениями был использован и другими, нетюркскими, народами.

Однако впоследствии предпочтение было отдано русскому алфавиту, который, располагая большим количеством знаков, чем латинский, представляет лучшие возможности для применения к другим языкам и, кроме того, имеет ряд преимуществ в техническом и педагогическом отношении.

* * *

Удобство алфавита определяется прежде всего и главным образом его соответствием фонетической системе, полным отображением в знаках-буквах всех гласных и согласных звуков-фонем данного языка. Вместе с тем алфавит коренным образом отличается от научной фонетической транскрипции, цель которой — пофонемная передача всего звукового состава данного языка, с учетом каждого самостоятельного звука в отдельности. С точки зрения фонетической транскрипции, русские твердые и мягкие согласные, например, представляются самостоятельными фонемами, что фиксируется и в письме (ср. *пар* и *пар'*, *вол* и *в'ол*, *пыл* и *пыл'*, *вес* и *вес'* и т. д.). Русские гласные, прежде всего *о, а, е*, под ударением и в безударном положении также принципиально различаются по своему характеру, в литературном произношении гласный *о*, например, в безударных слогах вообще не встречается, это явление отображается и транскрипцией. Алфавит же, как основа общенациональной письменности, складывается во взаимодействии с орфографией и может учитывать, наряду с фонетической системой языка, его морфологические особенности, факты исторического словообразования и этимологические соображения.

Вопросы, возникающие в связи с применением русского алфавита к неславянским языкам, исходя из практической целесообразности, следует ограничить определенными рамками. Тюркские, монгольские и некоторые иранские языки составляют ту группу языков, на почве которых уже накоплен большой опыт применения русской графики. Следовательно, вопросы письменности на этих языках и должны интересовать нас в первую очередь.

Опыт показал, что задача использования русского алфавита и восполнения недостающих знаков для обозначения специфических звуков, отсутствующих в русском языке, решалась с помощью различных приемов. Надо было решить также вопрос об отношении к системе русской письменности, прежде всего об унификации правописания йотированных гласных

³ Сводный протокол совещания по вопросу о приспособлении латинского алфавита к тюркским языкам. 1-е приложение к протоколу X заседания ОИФ Российской Академии наук от 23 июля 1924 г. (к § 239), стр. 43—44.

² Ср. А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1951, стр. 24—30.

(е, ё, ю, я), знаков мягкости согласных (ь), разделительности (ъ) и т. д. Параллельное изучение в школе родного и русского языков, большое число заимствований из русского языка и через его посредство из других языков неизбежно требовали решения этого вопроса. В большинстве своем при составлении национальных алфавитов учитывались особенности русской графической системы, исключение составляет алфавит курдов Армении, построенный на сугубо фонетической основе (ср. курдск. *стант'-сия* — 'станция', *лект'-сия* — 'лекция', *гектар* — 'гектар', *ийул* — 'июль', *сентябр* — 'сентябрь', *премьер* — 'премьер' и т. д.).

В этом, в конечном счете, заключается существо проблемы. Желание изучать русский язык и возрастающее значение международной научной и технической терминологии естественно вызывают отрицательную реакцию против упрощенного фонетизма. В киргизском языке, например, разговорные формы — *багон*, *бакзал*, *пыжадал*, *пыраксыја*, *буит*, *памылыја*, *пакултет*, *пермё*, *пыромт* и т. п. уступили место литературным — 'вагон', 'вокзал', 'феодал', 'фракция', 'пункт', 'фамилия', 'факультет', 'ферма', 'фронт' и т. д. Все это усложняет орфографию в национальных языках, увеличивает количество этимологических написаний, в известной мере вынуждает вводить новые знаки для звуков, которые прежде были необычными в языке.

Вернемся к алфавиту. В кумыкском и первоначально в каракалпакском русский алфавит был принят без изъятий, не были введены также новые буквы и диакритические знаки. В кумыкском алфавите для обозначения мягких гласных переднего ряда были приняты диграммы *оь* и *уь* (где мягкий знак символизирует мягкость гласных *о* и *у*), с другой стороны, для глубоко заднеязычных *к*, *г*, *ң* были приняты диграммы *кэ*, *гэ*, *нэз* (где твердый знак символизирует твердость соответствующих кумыкских согласных) и, наконец, для обозначения глухого гортанного спиранта *х* была введена диграмма *гъ*, например, *гъарп* — 'буква', *гъали* — 'теперь' (ср. узб. *харф*, *хали*; азерб. *харф* и т. п.).

В каракалпакском алфавите, до его частичной реформы, употреблялись те же диграммы *кэ*, *гэ*, позднее были введены буквы с диакритическими знаками *к̣*, *г̣*, *ң̣*, гласные же переднего ряда и сейчас условно обозначаются путем подстановки мягкого знака в конце слога, например: *ушъ жузъ* (*уш̣ жуз̣* или *джъз̣*)⁴ 'триста', *оъ* (*о̣*) 'свой', *созъ* (*с̣о̣з̣*) 'слово', *шопъ* (*ш̣о̣п̣*) 'трава', *ортъ* (*о̣рт̣*) 'пожар', *тортъ* (*т̣о̣рт̣*) 'четыре', *бозъ* (*б̣о̣з̣*) 'бязь', *тупъ* (*т̣у̣п̣*) 'дно', *тусъ* (*т̣у̣с̣*) 'сон', *жунъ* (*ж̣у̣н̣*, *дж̣у̣н̣*) 'шерсть', *мартъ* (*м̣а̣рт̣*) 'мужественный', *батъ* (*б̣а̣т̣*) 'дуриной, скверный', *мась* (*м̣а̣с̣*) 'пьяный', *шахаръ* (*ш̣а̣х̣а̣р̣*) 'город', *арьман* (*а̣р̣м̣а̣н̣*) 'мечта, цель' и т. д. Вместе с тем в двухсложных и многосложных основах характер гласных первых слогов определяется гласными последующих слогов: гласные первых слогов производятся соответственно как передние, если за ними следуют гласные переднего ряда, например: *суйген* (*с̣у̣й̣г̣е̣н̣*) 'любимый', *уакен* (*у̣а̣к̣е̣н̣*) 'большой', *озиниң* (*о̣з̣и̣н̣и̣ң̣*) 'своего', *тосек* (*т̣о̣с̣е̣к̣*) 'постель', *адэт* (*а̣д̣е̣т̣*) 'обычай', *нарсе* (*н̣а̣р̣с̣е̣*) 'вещь' и т. п.

Исключение составляют основы, заключающие в начале или конце слога *г*, *к* или глубокозаднеязычные *ч*, *к̣*. В первом случае (*г*, *к*) гласные произносятся всегда как гласные переднего ряда, во втором случае (*ч*, *к̣*) — как гласные заднего ряда, например, *кол* (*к̣о̣л̣*) 'озеро', *коз* (*к̣о̣з̣*) 'глаза', *корпе* (*к̣о̣р̣п̣е̣*) 'одеяло', *гуз* (*г̣у̣з̣*) 'осень', *кун* (*к̣у̣н̣*) 'день', *кун* (*к̣у̣н̣*) 'сила', *гул* (*г̣у̣л̣*) 'цветок', *жук* (*ж̣у̣к̣*, *дж̣у̣к̣*) 'вьюк, груз' и т. п.

Произношение гласных в некоторых основах в таких случаях не может быть обозначено, например: *уй* (*у̣й̣*) 'дом', *болу* (*б̣о̣лу̣*) — 'быть', 'бывание',

⁴ Здесь и в дальнейшем в скобках дается произношение слов, приводимых в качестве примера.

болу (*б̣о̣лу̣*) — 'делить', 'деление' и т. д. Предполагается, что произношение гласных в такого рода основах может быть уточнено контекстом и характером суффиксальных гласных.

Нетрудно видеть, что во всех перечисленных случаях каракалпакский алфавит учитывает явление гармонии гласных, характерное, за редким исключением, для вокализма всех тюркских и монгольских языков, где в основах и суффиксах регулярно противопоставляются гласные заднего ряда (обычно *а*, *о*, *у*, *и/у/и*) и переднего ряда (обычно *э* или *е*, *ё*, *й*, *и*). Следует напомнить, что каракалпакский алфавит не имеет знаков для обозначения характерных каракалпакских редуцированных кратких гласных *і*, *і̣* / *и̣*, а орфография не распространяет правил правописания гласных на заимствования. Например, на такие слова, как *роль*, *волт*, *тушь*, *гудок*, *тюбик*, *тюль*, *барьер* и т. п., не распространяются правила, предусмотренные для слов каракалпакского происхождения. Все это делало каракалпакский алфавит неудобным для пользования и крайне усложняло каракалпакскую орфографию.

В результате этот алфавит не выдержал испытания. В 1953 г. был обнародован новый проект каракалпакского алфавита и орфографии. Согласно этому проекту в алфавит включены все знаки русского алфавита и шесть дополнительных знаков, в том числе знаки для различения гласных переднего ряда *э*, *е*, *е/э̣*, *й* и заднего ряда *а*, *о*, *у*, *ы*, помимо йотированных *е̣*, *ё̣*, *ю̣*, *я̣*.

С большей последовательностью явление гармонии гласных использовано в киргизском алфавите. Киргизский алфавит включает в себя все тридцать три знака русского алфавита и три дополнительных: *у̣* (переднее мягкое *й̣*), *о̣* (переднее мягкое *ё̣*) и заднеязычный согласный *ң̣*. Таким образом, располагая соответствующими контрастными гласными *а*, *о*, *у*, *ы* (заднего ряда) и *е*, *е̣*, *у̣*, *и̣* (переднего ряда), киргизский алфавит ставит в зависимость от гласных произношение согласных: *кол* (*к̣о̣л̣*) 'рука', *кол* (*к̣о̣л̣*) 'озеро', *кыйын* (*к̣ы̣й̣ы̣н̣*) 'трудный', *кийин*, 'после', *калган* (*к̣а̣л̣г̣а̣н̣*) 'оставшийся', *келген* 'пришедший' и т. п. Долгие гласные в киргизском алфавите обозначаются удвоенными гласными: *тоо* 'гора', *суук* 'холодный', *соок* 'кость', *ээ* 'хозяин', *даам* 'пища' и т. д., причем в таких случаях йотированные гласные принимаются за согласный и гласный, например, *аюу* (*а̣й̣у̣у̣*) 'медведь', *боёо* (*б̣о̣й̣о̣о̣*) 'краска' и т. п. Правила правописания гласных и согласных на заимствования из русского и других языков не распространяются.

Различные методы применения русского алфавита не могли не сказаться на результатах. Например, чрезвычайно близкие в фонетическом отношении каракалпакский и казахский языки (практически их отличает одна фонема *h*, имеющаяся в каракалпакском и отсутствующая в казахском) весьма отличаются в письме: алфавиты в обоих языках различны, по-разному даются орфографические решения одинаковых явлений.

Известно, что и в каракалпакском и в казахском языках гласные подвергаются сильной редукции, в первую очередь это относится к узким гласным — *і̣*, *і̣̣*, *и̣̣*, *у̣̣*. Редукция выразилась в смещении этих гласных в сторону открытости, т. е. приближения к типу соответствующих полуузких (*е̣̣*, *ё̣̣*, *о̣̣*) и в количественном сокращении, т. е. в превращении в очень краткие гласные.

В каракалпакском алфавите редуцированные гласные не находили никакого отражения — в первом безударном открытом слоге двусложных и многосложных основ краткие гласные *і̣̣*, *і̣̣̣* опускались, например: *хси* 'человек', *жгит* 'юноша, джигит', *жпек* 'шелк'; во всех других случаях краткие *і̣̣*, *і̣̣̣*, *и̣̣̣*, *у̣̣̣* не отличались в письме от некротических и дифтонгов, например *тилмаш* 'переводчик', *бие* 'кобыла', *журек* 'сердце'

булак 'родник', жулдыз 'звезда', и т. п. По проекту 1953 г., краткие *и*, *ы* было рекомендовано обозначать и в первых безударных слогах.

В казахском алфавите для редуцированных гласных введены дополнительные знаки *і*, *ү*, *ұ*, например *kisi* 'человек', *jiğit* 'юноша, джигит', *жібек* 'шелк', *тілмаш* 'переводчик', *жүрек* 'сердце', *бұлақ* 'родник', *жұлдыз* 'звезда' и т. п., ср. *бие* (*біје*) 'кобыла' и т. д.

Всего в казахский алфавит для обозначения специфических гласных и согласных звуков введено девять дополнительных букв: *і*, *ү*, *ұ*, *ә*, *ө*, *қ*, *ң*, *г*, *һ*. Алфавит казахстанских уйгуров включает также все тридцать три знака русского алфавита и восемь дополнительных, т. е. состоит из сорока одной буквы. В современном узбекском алфавите тридцать один знак русского алфавита и четыре дополнительных, в бурят-монгольском алфавите три дополнительных знака и без исключения все знаки русского алфавита и т. д.

От общего количества букв и характера дополнительных знаков зависят возможности использования полиграфической техники, художественные достоинства и педагогические преимущества или недостатки алфавита. Прежде всего требует к себе особого внимания вопрос о дополнительных знаках к русскому алфавиту.

* * *

Потребность в дополнительных знаках возникает, естественно, тогда, когда в алфавите, принятом для данного языка, не хватает знаков для обозначения всех звуков-фонем, имеющихся в этом языке. Обычно дополнительные знаки создаются или путем новых сочетаний, т. е. диграмм (французский *ch* — русский *ш*), триграмм (немецкий *sch* — русский *ш*) и лигатур (сербский *љ* — мягкий *л*) и т. д., или посредством прибавления к наличным буквам диакритических значков (в турецкой латинице *ç* — русский *ч*, *ş* — русский *ш*). Существует возможность изобретения новых букв, но этот путь пополнения алфавита признается наиболее трудным.

Комиссия специалистов-тюркологов при выработке сводного алфавита для тюркских языков на латинской основе, учитывая то обстоятельство, что «диакритические знаки... осложняют и затрудняют процесс писания..., а также создают неудобства в деле печатания, но, с другой стороны, при чрезвычайной трудности изобретения новых букв для обозначения звуков, не предусмотренных латинским алфавитом, именно диакритические знаки дают простейший и удобнейший выход из положения и наглядно показывают соотношение между звуками...», склонялась к ограничению использованию диакритических знаков с тем, чтобы избежать введения в алфавит «малоупотребительных или вовсе не употребительных в данном значении букв» (например, *з* для обозначения русск. *ш*, как это имело место в азербайджанской латинице, или *ц* для обозначения аффрикаты *дж* и *ь* для обозначения редуцированного гласного в современном алфавите курдов Армении и т. п.)⁶.

Применение русского алфавита, как мы могли видеть из сказанного выше, потребовало использования некоторого числа дополнительных знаков в зависимости от фонетической базы различных языков. На отбор дополнительных знаков, несомненно, оказала свое влияние традиция латиницы. Не случайно в большей части тюркских, в монгольском и бурят-монгольском алфавитах сохранились дополнительные знаки для глас-

ных *э* (переднее *ä*) и *о* (переднее *ö*), заимствованные из латиницы. В азербайджанском и таджикском алфавитах для аффрикаты *дж* приняты знаки *ç* (азерб.) и *ž* (тадж.), т. е. производные от русского *ч*, как это было в латинице, где *с* — русское *ч* и *ç* — русское *дж*. Для обозначения переднего *й* в большинстве тюркских, монгольском и бурят-монгольском алфавитах принят знак *у* (в латинице *y*, параллельно латинскому *и* для заднего *y*), родственный по форме прописному ипсилону из латинского же алфавита. В азербайджанском, казахском, татарском, башкирском и бурят-монгольском алфавитах для глухого гортанного спираанта принят латинский *һ*, одинаковой формы и для прописной и для строчной букв (чтобы избежать совпадения прописного *һ* с формой русского прописного *Н*). В алфавите курдов Армении употребляются три латинские буквы: *q*, *h*, *w*.

Использование знаков латинского происхождения для пополнения русского алфавита вызывает законное возражение. Русский алфавит по форме отличается от латинского — буквы русского алфавита прямые, буквы латинского алфавита ориентированы вправо. Естественно, что последние нарушают стройность русского алфавита; сравните, например:

<i>həjəçan</i>	'тревога' (азерб.),
<i>əç ü dik</i>	'неосторожный' (каз.),
<i>z ü dx ü ü</i>	'старательный' (бур.-монг.),
<i>sh ü ü hə</i>	'сон' (бур.-монг.),
<i>t ü rl ü k</i>	'разный' (уйг.),

Это обстоятельство имеет не только чисто художественное значение. Механическое чтение вырабатывается в процессе выделения слов в контексте, наши глаза скользят по верхней части строки и привыкают охватывать отдельные слова. Если слова внутри «рассредоточены» буквами, различными по форме, выработка навыков механического чтения затрудняется, искусственно затормаживается.

Дополнительные знаки со всякого рода диакритическими значками имеют свои особенности. Надстрочные и подстрочные диакритические значки могут быть обособлены (*ä*, *ö*, *ü* и т. п.) или в той или иной форме связаны с буквами. В действующих алфавитах, за редким исключением (тадж. *ä*, *ü*, узб. *ü*), приняты дополнительные знаки второго типа: *ж*, *ң*, *қ*, *к*, *г*, *х*, *ч*, *з*, *ү*, *з*, *с*.

Прежде всего обращает на себя внимание несогласованность в отборе дополнительных знаков: для аффрикаты *дж* в туркменском, татарском, уйгурском принят *ж*, в азербайджанском — *ç*, в таджикском — *ž*, для глубокозаднеязычного *к* — в узбекском, казахском, таджикском и других — *қ*, в азербайджанском — *к*, в башкирском — *к*, в алфавите курдов Армении *q* (в кумыкском *кэ*), для одного и того же типа закрытого *о* — в узбекском *ü*, в таджикском *ü*, для гортанного спираанта два знака — *һ* и *х* (в кумыкском *гэ*). Все это усложняет полиграфические процессы и вызывает большие и необоснованные затраты.

С другой стороны, буквы со связанными с ними диакритическими знаками, особенно вертикальные и горизонтальные черточки (например, в азербайджанских знаках *ç*, *ж* и в казахском *ү*) представляют большие неудобства также и тем, что они трудно различимы, особенно в мелких шрифтах. Весьма несовершенными являются диакритические знаки в случаях *қ*, *х*, *ж*, *з*. Не говоря уже о трудностях различения такого рода знаков, следует обратить внимание и на то, что во всех случаях «хвостики» выполняют различные функции.

В педагогическом отношении идеальным является обозначение каждого звука-фонемы особой, легко отличимой буквой. С этой точки зрения наи-

⁶ См. 1-е приложение к протоколу 3 заседания ОИФ Российской Академии Наук от 23 июля 1924 г. (§ 239), стр. 44.

более рациональным решением проблемы дополнительных знаков был бы самый трудный путь — именно, изобретение новых букв, органически связанных с буквами русского алфавита. Однако, как это показал опыт, легче и проще использовать для дополнительных букв диакритические знаки. Какой бы путь ни был принят, во всех случаях следует учитывать возможности не только русского, но и украинского и белорусского алфавитов, где имеются некоторые дополнительные к русскому алфавиту буквы.

* * *

Без коллективного обсуждения трудно определить круг вопросов, связанных с совершенствованием алфавитов, которые разработаны на основе русской графики. Однако совершенно бесспорна необходимость продумать все возможности унификации, особенно в случаях, когда для одинаковых по природе звуков используются разные буквы. Такое положение не может быть оправдано никакими научными соображениями.

Опыт прежней латиницы убедительно показал, что унификация тюркских, монгольских и некоторых других алфавитов вполне возможна и целесообразна. Пишущая машинка «Яналиф» и печатные типографские машины были стандартизованы в такой мере, что могли удовлетворять одновременно почти все национальные республики и области, пользовавшиеся унифицированной письменностью. В настоящее время положение настолько усложнилось, что при сравнительно небольших различиях в алфавитах необходимо почти во всех случаях варьировать клавиатуру пишущих машинок и печатных машин. Затруднено также чтение литературы на родственных языках.

По существу унификация должна касаться небольшого количества случаев использования дополнительных букв. Однако было бы разумным рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с усовершенствованием алфавитов, созданных на основе русской графики. Трудностей встретится в этой области много, но они, разумеется, преодолимы.

Для большинства тюркских и монгольских языков первостепенное значение представляет вопрос о дополнительных знаках для гласных, если учесть, что гласных в этих языках от восьми до одиннадцати, с неизменным фонематическим различием гласных мягких, переднего ряда, и твердых, заднего ряда, в контрастных по составу гласных основах и суффиксах. Комиссия специалистов-тюркологов в свое время отмечала неудобство диакритических знаков, которые «осложняют и затрудняют процесс писания, особенно в турецких языках, в отношении букв, обозначающих гласные, ибо при наличии гармонии гласных букв с диакритическими знаками повторяется в известных случаях и весьма часто в одном и том же слове несколько раз (например, киргизское *köldördö* — «на озерах»)»⁶.

Однако «процесс писания» отнюдь не является моментом, определяющим отношение к форме дополнительных букв и к использованию диакритических знаков. В 20-х годах уделялось чрезмерно большое внимание оценке алфавитов с точки зрения удобства для письма. Совершенно неправильно полагалось при этом, что алфавиты для народов, в прошлом не имевших письменности или пользовавшихся арабским алфавитом, необходимы в первую очередь для ликвидации неграмотности. Не случайно одно время в некоторых национальных алфавитах были упразднены прописные буквы под тем предлогом, что двойные формы — прописных и строчных —

букв излишне загромождают память при изучении письменности. Возможно также, что вначале сильно преувеличивалось значение «процесса писания» под влиянием традиции арабского алфавита, «рукописного» по своей природе и, действительно, удобного для скорописи.

Ставить в связь достоинства алфавита только с обучением письму никак нельзя уже потому, что мы бесконечно больше читаем, чем пишем. Современный алфавит является орудием разносторонней культуры и должен удовлетворять главным образом требованиям печати, сложной полиграфической техники.

В отношении тюркских и монгольских гласных наиболее целесообразным решением могло бы быть такое, которое давало бы максимально убедительное противопоставление контрастных гласных — переднего ряда (мягких) и заднего ряда (твердых). Использование диакритических знаков здесь как раз наиболее уместно. Это можно представить, примерно, в следующем виде: *ä//a, ö//o, ü//u, u//y*. Если согласиться с таким решением и учесть возможность обозначения редуцированных кратких гласных посредством *i* и *ü*, то наиболее сложный состав казахских и каракалпакских гласных передавался бы полностью буквами — *i, u, y, ü, e, ö, o, ä, a*. Для других тюркских и монгольских языков потребности в таком большом количестве знаков для гласных нет.

Русский алфавит, в отличие от латинского, практически в очень небольшой мере испытывал нужду в диакритических знаках. Диакритическими знаками пользовались ограниченно русская академическая азбука для транскрипции, и некоторые алфавиты, например чувашский. Поэтому особую трудность представляет вопрос о дополнительных буквах для согласных. Принятые в настоящее время диакритические знаки, связанные с буквами, — вертикальные и горизонтальные черточки и «хвостики» — во всех отношениях неудобны. Лучшим остается способ использования исходных букв с органически связанными с ними диакритическими знаками — примером может служить буква *К, к*, принятая в башкирском алфавите для обозначения глубокозаднегоязычного *к*. Другие дополнительные буквы этого типа могли бы выглядеть примерно так.

Ж ж	(аффриката <i>дж</i>)
Х х	(глухой гортанный спирант <i>h</i>)
К к	(глубокозаднегоязычный <i>k</i>)
Г г	(глубокозаднегоязычный <i>g</i>)
Н н	(заднегоязычный <i>ng</i>)

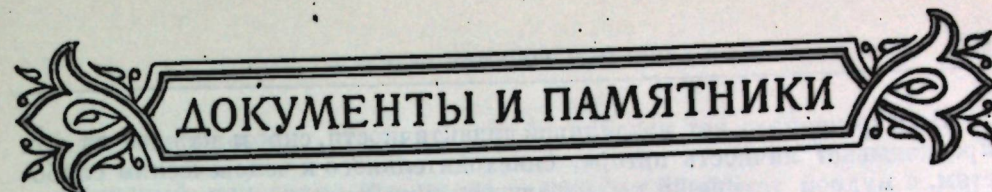
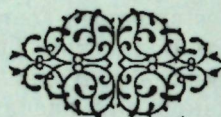
Рукописные формы этих букв могут сохраняться в том виде, в каком они употребляются и сейчас в перечисленных случаях. В педагогическом отношении и это, строго говоря, не является идеальным, поскольку преимущество остается за знаками, принципиально различными для разных звуков-фонем, но это более легкий путь.

Все сказанное здесь весьма приблизительно и никак не претендует на решение вопроса. Работа над унификацией алфавитов требует участия широкого круга языковедов, специалистов полиграфической промышленности, художников и педагогов. Не исключено, что при обсуждении вопроса об унификации алфавитов вновь будет подвигнута аналizu проблема отношения национальных алфавитов к системе русской письменности. Строго фонетический принцип имеет свои преимущества (например, казахский алфавит на латинской основе состоял из тридцати одного знака, в современном казахском алфавите сорок два знака), но и свои трудности. Принципиально вопрос заключается в том, что целесообразнее с педагогической

⁶ 1-е приложение к протоколу X заседания ОИФ Российской Академии наук от 23 июня 1924 г. (§ 239), стр. 44.

точки зрения — известная обобщенность навыков чтения и письма или, напротив, законченные и контрастные приемы, выработанные в процессе усвоения родного языка и противопоставляемые русской системе письма (деление согласных на твердые и мягкие, функции йотированных гласных и знаков мягкости и разделительности и т. д.). Соображения о финансовой стороне дела не должны быть препятствием, поскольку унификация алфавитов сама по себе даст колоссальный эффект. Что же касается нежелательности частых изменений в алфавите, то это законное требование и должно быть окончательно разрешено разумной и стабильной унификацией алфавитов.

Было бы чрезвычайно своевременным просить Совет Национальностей Верховного Совета СССР взять на себя руководство этим большим и сложным делом.

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ» ЛИ ШАН-ИНЯ

О. Л. ФИШМАН

Известный поэт, прозаик и ученый средневекового Китая Ли Шан-инь (Ли И-шань, 813—858) жил в конце периода правления династии Тан (618—906), давшего Китаю ряд замечательных писателей и поэтов, творения которых составляют драгоценную часть культурного наследия китайского народа.

Поэты и писатели этой эпохи понимали, что волновало умы их современников, отзывались на важнейшие события общественной жизни, стремились к выражению простых человеческих чувств, к изображению реальной человеческой жизни. Мировой славой пользуются поэты танского Китая — Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, но для истории китайской культуры и литературы не менее важна и художественная проза этого времени — новелла, расцвет которой падает на вторую половину VIII — первую половину IX вв.

Порвавшая со старой схоластической литературой танская новелла по жизненности своего содержания, по реалистичности творческой манеры стоит в одном ряду с поэзией.

Особое место в прозаической литературе того времени занимают «Изречения» Ли Шан-иня¹. Это произведение представляет большой интерес при изучении китайской повествовательной литературы вообще и танской новеллы в частности, так как Ли Шан-инь, современник крупнейших танских новеллистов, затрагивал те же темы, что и они, но излагал их в форме коротких заметок, афоризмов.

В одной фразе Ли Шан-инь воспроизводит то, что у другого автора стало бы сюжетом отдельной сценки или даже целой новеллы. Жизненный опыт, поэтическая наблюдательность помогли ему выразить в форме лаконичных, часто парадоксальных высказываний всю пестроту мира, изображаемого в танской новелле. Здесь напряженная жизнь больших городов средневекового Китая, подробности семейной и общественной жизни; здесь столичные чиновники и бедные студенты, буддийские монахи и шарлатаны-алхимики, слуги из знатных домов и школьные учителя; здесь множество бытовых заметок: о сердитых женах, болтливых служанках, о порочных монахах, об азартных играх и пирушках, о похоронах и траурных обрядах, словом, вся многообразная жизнь человека той эпохи.

¹ 義山雜纂 (Ли Шан-инь. Изречения). Шанхай, «Саоешаньфан», 6 г. «Изречения» очень популярны в Китае, оказали несомненное влияние и на японскую повествовательную литературу в жанре «дзуйхицу» (записки). Ярче всего, пожалуй, это влияние прослеживается в «Записках у изголовья Сэй Сэнагона», частичный перевод которых опубликован в сборнике «Восток», вып. I, Литература Китая и Японии. 1935.

В «Изречениях» нет назойливой дидактичности, сквозь каждое из них проглядывает личность автора, снисходительного к человеческим слабостям, с мудрой усмешкой наблюдающего китайские «приятности» и «неприятности».

«Изречения» Ли Шан-иня собраны в серии, каждая из которых имеет свое заглавие. Заглавие серий является ударным словом, под которым группируются обычно разнообразные афоризмы.

Например, под заголовком «Обидно» сгруппированы такого рода изречения:

(Обидно) сидеть на пиру рядом с врагом; если вещи дешевы, но нет денег, чтобы купить их и т. д. Сопряжение этих бытовых жанровых ситуаций с отвлеченным обобщающим заголовком создает эффект неожиданности, на котором и держится ирония «Изречений». Но этим далеко не исчерпывается значение «Изречений». Знаменитый китайский писатель и историк литературы Лу Синь, высоко ценивший произведение Ли Шан-иня, писал, что «Изречения» в большинстве случаев «говорят о вещах самых обыденных; но хотя речь идет о мелочах, они касаются самой сокровенной сути мирских дел, и знание этих афоризмов выходит далеко за рамки простого анекдота или шутки»².

Всего в оригинале у Ли Шан-иня 389 изречений, расположенных под 41 заголовком. Из них мы отобрали 173 изречения, наиболее характерных для творчества писателя.

* * *

1. Ни за что не вернется:

гость, укравший что-нибудь у хозяина;
прихлебатель, посланный в княжеский дом;
собака, если ее звать, держа в руке палку.

2. Несоответствия:

учитель, не знающий грамоты;
мясник, молящийся по буддийским книгам³;
сельский староста, который ездит в открытом паланкине⁴.

3. Не пренебрегают:

грубой пищей, когда голодны;
клячей во время пешего перехода;
жалким местом для отдыха после долгого пути;
маленькой лодкой, когда спешить;
убогой лачугой, если внезапно польет дождь.

4. Не следует:

в самое жаркое время года отправляться на сборища;
бить своих детей, не говоря за что;
усердствовать до пота, оказывая кому-либо знаки почтения.

² 鲁迅. 中国小说史略 (Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной литературы). Пекин, 1926, стр. 99.

³ В буддийских книгах запрещается отнимать жизнь.

⁴ В открытых паланкинах полагалось ездить военным чиновникам.

5. Сходства:

столичный чиновник, что тыква — растет скрыто;
печать [чиновника], что малый ребенок, — всегда ее таскаешь с собой⁵;
уездный чиновник, как тигр: что ни сделает, все во вред [людям];
буддийские монахи — что крысы: уходят жить в глубокие норы.

6. Глупо быть умным [потому что]: —

женщина, разбирающаяся в поэзии, вызывает пересуды;
буддийский монах, знающий толк в вине, нарушает обеты;
жалкий слуга, знающий грамоту, совершает проступки;
юноша, разбирающийся в алхимии, становится нищим.

7. Досадно:

увидеть вкусное блюдо, когда желудок не в порядке;
рыть колодец и нарваться на выгребную яму;
если находишься на аудиенции у вельможи, а у тебя вдруг спина зачесалась;
никак не отделаться от назойливого бедного родственника.

8. Перестает быть самим собой:

школяр, не выучивший экзаменационных тем;
плакальщик, не вопящий на похоронах;
старая служанка, которая не прибирает посуды и не трещит постоянно о делах своих хозяев;
хозяин, провожающий гостя не дальше дверей;
учитель, не проверяющий упражнений и знаний своего ученика;
подчиненные, не ссорящиеся между собой;
глава дома, не проверяющий с утра до вечера своего имущества.

9. Слово расходится с делом:

если говоришь, что сделал кому-то хороший подарок, то он наверняка нехорош;
если новобрачная говорит, что была предназначена судьбой, то она наверняка уродлива;
если говоришь, что Тай-гун в восемьдесят лет встретил Вэнь-вана⁶, значит, ты не продвигаешься по службе;
если в семье без конца говоришь о вежливости, то наверняка не очень вежлив с гостями;
если поносишь предков, значит сам плохо ведешь дом.

10. Признаки богатства и знатности:

опływ с восковых свечей;
кожура от каштанов;

⁵ Женщины носили младенцев привязанными за спиной; печать чиновника висела у него на поясе.

⁶ Как передает китайская традиция, император Вэнь-ван (XII в. до н. э.) встретил Тай-гуна и пригласил его занять место первого советника при дворе, когда Тай-гуну было восемьдесят лет.

личики ⁷;
чтение вслух ⁸;
золотые цветы, упавшие с женской головки.

11. Обманешь людей, если скажешь:

что алхимия приносит богатство;
какой доход ты получаешь с своего имени;
что в бедном уезде честные чиновники.

12. Не по душе:

резать тупым ножом;
принимать ветер на прорванный парус;
когда деревья заслоняют пейзаж.

13. Будничное убивает красоту:

когда, сидя среди цветов, вдруг слышишь крики: «Очистить дорогу!»;
когда смотрят на цветы сквозь слезы;
когда вырубают плакучие ивы;
когда сушат одежду среди цветов;
когда весною идут с тяжелой ношей;
когда разводят огонь при луне;
когда сажают капусту в фруктовом саду;
когда, поднявшись на башню, поворачиваются спиной к горам;
когда кормят кур и уток на цветочных клумбах;

14. Непереносимо слышать:

грязную рыночную болтовню;
плач молодой жены по мужу;
плач старика-отца по сыну;
крик сороки после провала на государственном экзамене ⁹;
звуки музыки в период траура;
весть о скоростной смерти человека, только что прошедшего первым на экзамене.

15. Пропадает понапрасну:

цветочной сезон для тяжело больного;
разговор о погоде, когда у тебя неприятности;
красивый пейзаж, если его не воспели в стихах;
хорошее здание, не посещаемое людьми.

16. Нестерпимо:

жаркое время для толстяка;
прийти домой к сердитой жене;
столкнуться с алчным и жестоким чиновником;

⁷ Личики — плоды, растущие на юге Китая и ввозившиеся прежде в другие районы Китая как редкое лакомство.

⁸ Заниматься чтением и музыкой в старом Китае могли только богатые люди.

⁹ Крик сороки, по китайским поверьям, предвещающий удачу, явно не гармонирует с настроением человека, провалившегося на экзамене, дающем право на чиновничью должность.

сослуживцы с дурными привычками;
долгое общение с грубияном;
грязь и сырость в бедной лачуге.

17. Непростительно:

жалкому молокососу задирать нос перед почтенным человеком.

18. Ассоциации:

зимою наденешь зеленое платье и вспомнишь, что холодно;
войдя в храм доброго духа, как будто бы видишь злого;
опущенный тяжелый полог заставляет думать, что за ним кто-то спря-
тался;
увидишь сливу, и во рту нежный вкус.

19. Дурные образцы

поссориться, находясь в гостях;
вмешиваться в чужой разговор;
ложиться в обуви на чужую постель;
ничего еще не успел рассказать, а сам первый смеешься;
петь непристойные песни при тесте или теще;
выплевывать рыбные и мясные кости на тарелку.

20. Неуместно:

рассуждать о классиках перед ничтожеством;
узнав, что другой богат и знатен, набиваться к нему в родственники;
заслуживать благосклонность людей угощением за чужой счет;
приводить на пир своих детей;
хвастаться способностями своих детей;
учась через силу, делать вид, что «привязываешь себя за волосы»¹⁰;
задерживать хозяина, оставаясь сидеть после еды;
спрашивать хозяина о цене угощения;
присвоить взятую в долг вещь;
находясь в чужой комнате, брать вещи и рассматривать их;
рвать фрукты в чужом саду;
приглашать других туда, где сам являешься гостем.

21. Обидно:

если пригласил почетного, знатного гостя, а он не пришел;
если придет незванный, неприятный посетитель;
если вещи дешевы, но нет денег, чтобы купить их;
сидеть на пиру рядом с врагом.

22. Глупо:

иметь деньги и не отдать долга;
знать свои ошибки и не уметь их исправлять;
грубо критиковать чужие произведения;
не замечая своих ошибок, резко осуждать чужие;
широко жить, если беден.

¹⁰ Так делал ученый древности, чтобы не заснуть, поздней ночью за книгой.

23. Н е р а з у м н о:

осуждать человека за его синной;
 рассуждать о чужих семейных делах;
 говорить с посторонними о недостатках своих родственников;
 требовать раздела имущества при жизни родителей;
 причинив человеку неприятность, ждать от него прощения;
 сделав добро человеку, ожидать от него благодарности.

24. П р о т и в о е с т е с т в е н н о:

любить родителей и не любить сына;
 любить сына и не любить сноху;
 любить дочь и не любить зятя;
 иметь деньги и не уметь их тратить;
 любить одеваться и не уметь носить наряды;
 иметь дорогую одежду и не надевать ее;
 любить наложницу и принуждать ее к тяжелой работе;
 болеть, жалеть деньги на лечение;
 иметь дома коллекцию книг и не читать их;
 держа в руках власть, не сделать ничего хорошего;
 в молодости любить безделье и ничему не учиться.

25. К н е с ч а с т ь ю:

кушать лежа;
 вздыхать без повода;
 петь, лежа в кровати;
 бранить людей, стуча кулаком в грудь;
 сесть на циновку, на которой лежал труп.

26. О б я з а т е л ь н о о б е д н е е ш ь:

если имеешь ленивую жену;
 если рано ложишься и поздно встаешь;
 если любишь азартные игры и пьянство;
 если в погоне за удовольствиями забрасываешь дела;
 если любишь пересезжать с места на место;
 если азартно покупаешь дорогие вещи.

27. О б я з а т е л ь н о р а з б о г а т е е ш ь:

если всему ищешь применения;
 если, увидев прекрасное, стараешься подражать ему;
 если не имеешь долгов;
 если твоя жена не верит в Будду;
 если все женщины в доме живут в согласии;
 если не презираешь грубого;

28. У м е н и с п о с о б е н т о т, к т о:

умеет сдержат себя;
 умеет хранить тайну;
 общается с умными людьми;
 приступая к делу, вспоминает ошибки;
 не разбалтывает все, напившись пьяным;

понимает древность и знает современность;
 не хвастается;
 почитает добродетель;
 приехав куда-либо, расспрашивает об обычаях;
 спрашивает, когда сомневается в чем-нибудь;
 не спорит с дураками.

29. Н а у ч и с ы н а:

изучать дела предков;
 не брать обратно своих слов;
 знать обрядность и долг, бескорыстие и стыд;
 совершенствоваться в шести искусствах¹¹;
 уметь с достоинством войти и выйти;
 учиться широте взглядов;
 быть твердым;
 взявшись за дело, изучать его.

30. Н а у ч и д о ч ь:

изучать женскую работу;
 ласковости и почтению;
 чтению и счету;
 осторожности и мягкости в речах;
 блюсти свою чистоту;
 не передавать слухов;
 уважать подчиненных людей.

31. О т к а ж и с ь о т т о г о, ч т о б ы:

вертеть дыру в стене, чтобы подглядывать за соседями;
 входить в чужой дом, не постучавшись;
 не дожидаясь приглашения, войти и усестся;
 открывать чужие ящики и письма;
 поднимать палочки для еды, когда хозяин еще не начал есть;
 опускать палочки для еды, когда не все еще поели;
 тянуться через весь стол, чтобы достать что-нибудь.

32. Б е с с м ы с л е н н о:

не разобравшись в сущности дела, сразу ругать другого;
 не выяснив причины поступка, подражать ему;
 пустить воспитание детей на самотек;
 дать детям волю.

¹¹ Шесть искусств: этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия и математика.

О ПОЯВЛЕНИИ КИРГИЗОВ НА ТЯНЬ-ШАНЕ В IX—X вв.*

А. Н. БЕРНШТАМ

Среди множества вопросов, встающих перед исследователями киргизской культуры и киргизского эпоса Манас, последнее место занимает вопрос об имени героя, по которому назван эпос, — батыра Манаса.

С нашей точки зрения, вопрос об имени эпического героя тесно связан с вопросом о переселении (мы имеем в виду массовое переселение) киргизов на Тянь-Шань.

Наша статья посвящена частным вопросам — двум новым проблемам — роли алтайских племен в этногенезе киргизов и значению племен Восточного Туркестана в период переселения киргизов на Тянь-Шань.

В литературе уже отмечалось, что имя Манас — не киргизского происхождения и что самому Манасу приписывалась ногайская генеалогия.

Трудно полагать, чтобы в народном эпическом памятнике герой эпоса и его имя были иного, а главное, более позднего происхождения, чем сам народ, который он возглавил в борьбе за независимость. С известным правом можно сказать, что такие предположения — своеобразное проявление той идеологии, которая породила норманскую теорию возникновения древнерусского государства, окончательно похороненную новыми фактами науки и правильным методологическим осмыслением исторического процесса.

Исторические взаимоотношения с высококультурным соседом-завоевателем не могли не порождать версии вроде «призвания варягов», основанные, по сути дела, лишь на временном культурном воздействии и разной степени восприятия культуры более развитых соседей. В отношении нашей темы ограничусь указанием, что ононим «Ногай» известен не только в западной части Дашт-и-Кинчака, но и далеко на востоке, и не только для XV в., но и для конца V в. Так назывался дядя кагана Дэулуна жуужанского (аварского) каганата в Монголии IV—VI вв. н. э. Государство жуужаней — древнемонгольское государство Центральной Азии — занимало степи Монголии и Алтая и доходило на западе до Тянь-Шаня. Не исключая поздней (хотя и трудно допустимой) версии о происхождении героя эпоса, мы обращаем внимание на возможность наличия этнонима «ногай» на Алтае и в сопредельных районах, откуда Манас ведет свое происхождение. Эта алтайская генеалогия известна в ранней (радловской) версии эпоса Манас, но говоря уже о тексте Сагынбая Орозбакова, исторические свидетельства которого, пожалуй, наиболее сомнительны, так как в его варианте эпоса очень много книжности.

Имя Манас отсутствует в киргизской ономастике и существует только в эпосе.

Где же истоки его происхождения? Сначала этот вопрос пытались разрешить прослеживая распространение имени главным образом в топонимике (Азиз Ипалло). Это может привести исследователей от реки Манас в юго-восточных склонах Тянь-

Шаня к Северному Кавказу, где встречаются топонимические названия «Манас», к реке Манас в северо-восточной Индии (приток Брахмапутры), истоки которой начинаются в Бутане (к западу от Камарупы).

Но распространение слова «Манас» в качестве географического названия не может объяснить его происхождения, тем более, что эти исследования не опирались на датировку указанных аналогий и, следовательно, ничего не могли предложить для объяснения его возникновения. Другим путем был путь «этимологический»: пытались вскрыть символическое значение слова (числительная семантика слова в арабском написании *ماناسا*), что также не привело ни к каким результатам. Пытались также связать имя «Манас» с историческими именами или этнонимами (предложения П. Н. Беркова: индийское Ману¹, калмыцкое мангус и т. д.). Без исторической опоры такие сопоставления результатов не дают и происхождения имени не объясняют.

В свое время мы предложили выводить имя Манас из сирийского Мани — «учитель» *gesp*, «вождь», объясняя наличие этого имени-титла среди киргизов широким распространением манихейства в Центральной Азии еще с середины VIII в. Влияние манихейцев на киргизов отмечено надписью из Суджи (Монголия, Селенга), сирийским термином «мар» — «учитель», «наставник»², имеющим в манихейской литературе большое значение³.

Труды Шаванна и Пеллио⁴, Проспера Альфарика⁵ и Гренара⁶ свидетельствуют о широком распространении в Центральной Азии манихейства, а Гренару принадлежит заслуга сопоставления сюжетов эпических сказаний народов Центральной Азии с манихейскими легендами. Вклад центральноазиатских народов в эпическую трилогию киргизов настолько ясен, что вряд ли это вызовет теперь у «манасоведов» возражения, особенно в отношении цикла об Огуз-кагане, как отмечал еще Радлов⁷. Вслед за ним этот вопрос (о связи эпоса Манаса с монгольскими и калмыцкими сказаниями) был снова поднят академиком Б. Я. Владимирцовым⁸, незаслуженно забытым «манасоведами». Относительно недавно эта мысль была вновь высказана и подробно разработана Котвичем⁹.

Не ссылаясь своего предложения о генезисе имени Манас¹⁰, мы обращаемся в на

¹ Отмечу попутно, что в законах Ману неоднократно фигурирует термин «Манас», например: «ум» (гл. 12, § 4), «внутреннее чувство» (гл. 1, § 14), «внутренний орган» (гл. 1, § 92). См. С. Д. Эльманович. Законы Ману. «Труды Общества русских ориенталистов», М.—СПб., 1913.

² G. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. «Journal de la Société Finno-Ougrienne». Helsinki, 1913.

³ A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. I. Anhang zu der Abhandlung. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1911. Berlin, 1912; F. Müller. Handschriftreste in Estrangelo Schrift aus Turfan. Chinesisch-Turkestanische Abhandlungen. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1904, S. 54.

⁴ Ed. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. «Journal Asiatique», 1911, novembre, decembre; 1913, mars, avril.

⁵ Prosper Alfarié. Les Écritures Manichéennes. Paris, 1918.

⁶ F. Grenard. La Légende de Satok Boghra Khan et l'histoire. «Journal Asiatique», 1900, t. XV, IX série.

⁷ W. Radloff. Proben der Volksliteratur der nördlichen Türkischen Stämme, 1866, T. V.

⁸ Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойротский героический эпос. Сб. «Всемирная литература». М., 1923, стр. 19.

⁹ Мнения Котвича по этому вопросу публикуются акад. С. А. Козиним.

¹⁰ Ср. А. Н. Бернштам. Эпоха возникновения великого киргизского героического эпоса Манас. Альманах «Киргизстан». Фрунзе, 1946; А. К. Бороваков. О народности киргизского эпоса «Манас»; Л. И. Климович. Об изучении эпоса «Манас». Альманах «Дружба народов», 1952, № 5, стр. 230—265; О. Резник. «Киргизстан». «Советская

* С глубокой благодарностью посвящаю эту статью М. М. Дьяконову, который прочитал и исправил текст по «Худуд ал-Алам» для этой статьи.

стоящей статье к другой стороне вопроса — к первому документальному появлению этого имени.

В изданной В. В. Бартольд¹¹ еще в 1930 г. безымянной рукописи конца X в. — «Худуд ал-Алам» — было одно важное место, которое осталось исследователями незамеченным и неразобранным.

В индексе к этой рукописи на стр. 44 В. В. Бартольд дает географическое название مانسا, трижды упомянутое в оригинале.

В 1937 г. В. Минорский издал английский перевод этого текста, снабдив его исчерпывающими примечаниями. Он интерпретировал слово¹² «Маниса», являющееся названием горного хребта, вернее совокупности горных узлов, тянущихся с юга на север в меридиональном направлении — от Тибета до Киргизского Ала-Тау.

В подлиннике имеются сведения об этом хребте.

«3. С угла этих гор (Сарандиб) начинаются другие горы, примыкающие к первым пределам между концом Хиндустана и началом Чинистана. Их называют горы Маниса. Они следуют в северном направлении, до тех пор, пока места Хиндустана кончатся и Тибетские начнутся. Он продолжается (с другой стороны) в северном направлении между Тибетом и Китаем вплоть до крайних пределов Ранг-ронг, относящейся к Тибету. Он поворачивает со стороны запада и идет между Китаем и страной Назран, относящейся к Тибету, в северо-западном направлении вплоть до крайних пределов Тибета, затем между пределами Тусмат и Чина¹³ и концом пустыни конца Чинистана, далее он тянется между областями (šahr) Мавераннахра и областями Туркестана вплоть до пределов (Hudud) Тараза и Шельджи, и здесь края гор расходятся.

4. Однако там, где конец пределов Хиндустана и начало Тибета, отрог Маниса берет начало, размером в 50 фарсахов, и идет с востока к Чинистану. И оттуда, где конец Тибета, также множество отрогов берут начало и распространяются на восток и запад.

А там, где пределы Мавераннахра, отроги берут (начало) во множестве, и из каждого из этих отрогов еще многие отроги берут начало. И в каждой области Мавераннахра распространяются эти отроги. И это те отроги, в которых есть рудники серебра и золота, равно как в обилии свинец и железо и другие ископаемые.

5. В провинции Чинистана имеется 18 горных хребтов, малых и больших, отделяющихся друг от друга. И в каждом отдельном из них некоторые хребты рассеяны в различных направлениях. В четырнадцати из них находится золотые рудники.

6. Потом другие хребты в далеких пределах тюрок токуз-огузов, где они подходят к Китаю. Есть гора в 40 фарсахов длиною, и ее называют Тафкан.

7. И, следовательно, в соседстве с Тафканом в токуз-огузской стране горы распространяются в западном направлении между токуз-огузами, ягма, и там различные стоянки войлочных хижин (Khatgob) до тех пор, пока начинаются горы Маниса.

В соседстве с рекой Хулан-гун эти горы называются Иградж-Арт, и каждая часть этих гор имеет много имен, так как каждая часть этих гор называется по имени той или иной страны (pahuat), которая вблизи их.

8. Другие горы распространяются от начала пределов токуз-огузов с озером Иссык-Куль. Они продолжают до соседства конца тухси и карлуков, где горы поворачивают, и отдельные стороны их направляются в страну киргизских племен. Эти горы называются Тулас, и в них находится много черных куниц (samur), серых белок (sanjub) и мускусных быков, и в этих странах, которые тянутся вплоть до Киргизской страны находятся мускусные быки (хуту), серые белки и черные куницы»¹⁴.

книга», 1946, № 10—11, стр. 107—111; Л. Климович. «Манас». Киргизский эпос. Великий поход, стр. 90—96; «Советская книга» 1946, № 12; С. Малов. «Манас». Киргизский эпос. Великий поход. «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, 1947, IV т. вып. 2, стр. 171.

¹¹ В. Бартольд. Худуд ал-Алам. Л., 1930.

¹² V. Minorsky. Hūdud al'-Ālam. London, 1937.

¹³ Вероятно, Хотан. — А. Б.

¹⁴ V. Minorsky. Указ. соч., стр. 60—61, 70, 73.

Позволим себе привести еще некоторые данные.

В разделе «Описание рек» указывается, что река Кисау берет свое начало на востоке в горах Маниса и простирается до Тибета. Наконец, при описании реки Хатлам (Нарына) говорится, что она течет в горах Маниса, является пределом карлуков и области (var) ягма Хатлама (Кетмень-Тюбе). Далее она течет до соседнего Папа и впадает в узгенскую реку (Кара-Дарью).

Проанализируем приведенный выше текст. Не составляет особого труда проследить направление гигантского горного хребта, носящего название Манис. Как справедливо показал В. Минорский в комментариях к этому тексту, речь идет о мощном горном поднятии, начало которого древние географы связывали с Малайским архипелагом и Цейлоном. Эта горная гряда делилась на пять частей. Первая часть, от южной границы до Тибета, именовалась Сарандиб, далее начинались отроги хребта Манис. Первый отрезок хребта Манис проходит вдоль юго-восточного Тибета; второй, протягивающийся с юга на север, который мы предположительно можем читать «Н. Зван», соответствует Наньшаню и отделяет Гань-Су от Куку-нора и Цайдама; третья часть — Тусмат, Алтын-таг и Куэнь-Лунь, отделяющие Тибет от пустыни Такла-макан; четвертая — хребты западный (Ферганский) и северный (Тянь-Шань) — включали Киргизский Ала-Тау. Центральный и восточный Тянь-Шань являются ответвлениями хребта Манис. Тафкан соответствует Восточному Тянь-Шаню, Иградж-Арт — Центральному.

Река Хулуидгун принадлежит к бассейну Тарима, так же как реки Музарт, Хатлам, как мы уже указывали, и река Нарын (в области Кетмень-Тюбе). Северные части хребта Манис были заняты племенами токуз-огузов, т. е. племенами Семиречья и Тянь-Шаня — уйгурами, ягма, тухси, карлуками. Коренная страна киргизов была расположена к северо-востоку от гор, окружающих Иссык-Куль.

Однако крайне любопытно, что в этом тексте, наряду с племенами, населяющими Талас, упоминаются и киргизские племена, живущие в Семиречье. Пребывание киргизов в этих районах отмечается и в других местах «Худуд ал-Алам», причем неоднократно упоминаются киргизы и токуз-огузы как соседние племена¹⁵, а также, что на севере и востоке киргизы и кимаки соседят по Иртышу. При описании главных мест их расселения указано, что киргизы на востоке доходят до Китая и Восточного океана, на юге граничат с токуз-огузами и частично карлуками, на западе — с кимаками, на севере — с необитаемой землей. Один из карлукских городов — Пенчул (Вэнь-Су — современное название Уч-Турфан), где сидел правитель токуз-огузов, «теперь занят киргизами», — говорит источник (стр. 98). С киргизами на севере граничат и чигили, от которых они получали продукты производства; жили же чигили в районе оз. Иссык-Куль. Весьма важно указание, что чуйские и кеминские племена тухси — кочевники и земледельцы — также граничат с группами киргизов на западе. Наконец, последнее важное указание источника — что в районе города Qrqrkhan «другое расположение кимаков, в котором обитатели имеют обычаи киргизов». Точное местоположение этого города (или области) установить нам сейчас не представлялось возможным, но несомненно, что он находился в Семиречье. Из этих данных следует, особенно при сопоставлении с данными Гардизи, что киргизы, кроме Енисея, обитали на Алтае, в Восточном Туркестане (Пенчул), в Семиречье, в Чуйской долине между тухси и чигилими у Таласа и к северу от Семиречья в степях кимаков. Местность Qrqrkhan мы читаем «Кыргыз хан», учитывая написание в рукописи В. Бартольда قرقخان.

Таким образом, кроме Енисея и Алтая, еще в трех местах имелись отдельные группы киргизов: непосредственно в Семиречье и вблизи него — к юго-востоку и к северу. Сообщения эти не одиноки. Напомним, что китайский источник «Вэй-линь» помещал киргизов-гэгунь к северу от Семиречья¹⁶. Эти указания, которые В. В. Бартольд склонен был считать ошибкой китайского летописца¹⁷, теперь подтверждаются упоминанием в тексте «Худуд ал-Алам» кимацкой группы киргизов в этом районе.

¹⁵ V. Minorsky. Указ. соч., стр. 53, 62, 80, 82, 84.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

¹⁷ В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1942, стр. 16.

Напомним не использованные в науке факты: в тибетских документах из области восточно-туркестанских саков у Лобнора, относящихся к концу VIII — началу IX в., имеется упоминание о киргизах¹⁸; напомним о киргизах, атаковавших столицу саков в Дантохуне (Притибетские районы)¹⁹; укажем, что тибетские хроники под 724 г. отмечают киргизов в районе к северу от Куку-нора и на северо-востоке Тибета среди племен туюхунь в местности Хаза²⁰, — и тогда восточнотуркестанские киргизы выступят не как случайная, а как издавна бытующая в этих районах группа племен. Следует вспомнить также наши выводы о первом и втором этапах заселения Тянь-Шаня киргизами и, наконец, упоминание о них у Истахри, автора X в. В. В. Бартольд лишь частично учел эти факты, ему остались неизвестными указания тибетских источников, но и он был вынужден признать, что «киргизы в эпоху своего великодержавия, несколько расширили свои владения в сторону юго-запада...»²¹. Аналогичную мысль В. В. Бартольд высказал намного раньше, заявив, что «теперь (VIII—IX вв. — А. Б.) киргизы выступили в качестве союзников карлуков против токуз-огузов и заняли часть Семиречья, своей теперешней родины»²².

Появление киргизов на Тянь-Шане В. В. Бартольд относит только к X в. и предполагает, что киргизы вынуждены были уйти, в частности из Пенчула (Уч-Турфана), уже в том же X в. Так, он заявляет по поводу занятия Пенчула киргизами: «Едва ли это известие может относиться ко времени автора; его можно отнести только ко времени киргизского великодержавия в конце IX, начале X века; оно могло быть как у Ибн-Хордадбега, так и у Джейхани»²³. Но если, действительно, с первой трети X в. начинается спад могущества киргизов, то это отнюдь не устраняет возможности наличия в этих областях, т. е. в Восточном Туркестане и Семиречьи, киргизов, с давних пор знакомых с территорией и разбросанных вдоль горных хребтов от Тибета до Дешт-и-Кипчак, которые носили название Манис. Они не могли не знать местного названия величественных хребтов, один из мощных пиков которого, Музтагата, и поныне обожествляется синьцзянскими и памирскими киргизами. Данное название и могло стать основой имени киргизского батыра, возглавившего их борьбу в IX в. Этот киргизский вождь на енисейском этапе походов, по нашему мнению, именовался Яглакаром²⁴. Такое имя-прозвище среди западных групп киргизов могло быть рождено в результате сравнения батыра с мощными хребтами гор, вдоль которых эти киргизы были расселены.

Другой вопрос — о происхождении названия Манис, не известного в более поздних мусульманских источниках, правда, за малым исключением, вообще содержащих незначительные сведения об этом районе. Имя Маниса (Манас) могло быть создано манихейцами, для которых районы Восточного Туркестана и Семиречья были территорией распространения их вероучения. Оно не исчезает со временем; упадок манихейства вызывает только сужение ареала распространения названия Манис. Но выходя из его смыслового значения, киргизы сохранили это имя в своем эпосе. Сохранилось оно и в топонимике, например в наименовании одного из оазисов Восточного Туркестана, известного и китайцам в XVIII в. под названием «Манасе» (瑪納斯) и прежде всего в названии горы Манас на границе Чаткала и Таласа.

Очевидно, однако, что название горного кряжа Маниса исчезает после X в. Если оно действительно манихейского происхождения, то исчезновение его понятно, так как широкое распространение ислама с начала XI в. в связи с установлением власти Кара-

¹⁸ F. W. Thomas. Tibetan documents concerning Chinese Turkestan. 11, «Journal of the royal Asiatic society», 1928, p. 96.

¹⁹ Там же, 1927, октябрь, стр. 817.

²⁰ Там же, 1927, январь, стр. 55.

²¹ В. Бартольд. Киргизы, стр. 32.

²² В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 24—25.

²³ В. Бартольд. Худуд ал-Алам, стр. 22.

²⁴ См. А. Н. Вернштам. Эпоха возникновения великого Киргизского героического эпоса Манас; С. Малов. Манас. Киргизский эпос. Великий поход.

ханидов не могло не вытеснить предшествующие ему названия «еретического» происхождения.

Учитывая, что В. В. Бартольд возводит «Худуд ал-Алам» по времени к источникам не позже начала X в., вернее к IX в., становится понятным, почему автор XI в. — Махмуд Кашгарский, писавший на столетие позже, чем анонимный автор текста «Худуд ал-Алам» и прекрасно осведомленный в делах и событиях этой территории, не упоминает термина «Маниса»²⁵. К тому времени этот термин во всяком случае не имел столь широкого распространения и не относился ко всему величественному и несокрушимому «горному меридиану». Следовательно, только до середины X в. этот термин мог иметь особенное значение, тогда он и мог привлечь внимание кочевников-киргизов, которые присвоили его в качестве имени-прозвища для своего предводителя, обеспечившего столь большие успехи киргизскому войству.

Отмечу, что в это время киргизы завоевали в Восточном Туркестане, в районе Тучена, город Бэйтин-Бешбалык, известный у них позднее в эпосе Манас под именем Бэйджин. О знакомстве киргизов с другими районами Синьцзяна свидетельствует тот факт, что они пользуются его топонимическими названиями для обозначения персонажей своего эпоса, например Мальгун, и т. п.

Киргизы стараются сохранить имя Манас не только в эпосе, но и в топонимике, переносят его в места своего расселения от горы Манас на границе Чаткала и Таласа до оазиса Манас в Восточном Туркестане, а также в другие места в связи с упоминанием этих мест в эпосе, так же как, например, случилось с гумбазом Кеннзек-хатун.

Следует обратить внимание и на то, что имя Манас не становится истоком образования этнонимов киргизов, хотя эпические имена, как показал С. М. Абрамзон²⁶, широко представлены в этнонимах, например имена сорока богатырей Манаса — Кырк-чоро. Исключение составляет (как и у киргизов) этническое название родового подразделения рода тобукты у казахов, посящее имя Манас²⁷.

Отметим попутно, что народный герой Манас выступает и под другими именами, например: Джауджигер, Серда, Аширбек и т. д., являющимися также эпитетами, широко распространенными на Востоке (особенно второе и третье имя).

Может возникнуть вопрос, возможно ли сопоставление названия Маниса и имени Манас в чисто лингвистическом плане. Нам кажется такое сопоставление вполне допустимым и с историко-филологической и с лингвистической точек зрения. Автор «Худуд ал-Алам» не был сам в Чиннистане. В. Бартольд полагает, что текст этого сочинения восходит к сочинениям Ибн-Хордадбега или Джейхани, которые при описании этих областей также опирались на информаторов и лично их не посещали. Эти информаторы могли передать название в китаизированной форме. Китайцы и по настоящее время могут передать название в китаизированной форме. Манасе, т. е. с гласным на конце. Наличие узкогласного «и» в суффиксе (Маниса), а не «а», по нашему мнению, соответствует манихейскому «Мани» и варьирует в двух формах в манихейско-уйгурских текстах, о чем мы говорим ниже. На взаимозаменяемость узкогласных открытогласными обращал внимание Лекок, замечания которого мы учли в другой нашей работе²⁸.

Любопытно, что имя «Манас» прослежено нами в памятниках только начиная с X в. Кроме разобранного выше термина «Манис», отмечу и другие.

Ваньлиньдэ, китайский путешественник X в. (981—983 гг.), т. е. времени «Худуд ал-Алам» (напомню, что текст «Худуд ал-Алам» составлен в 982—983 гг.), посетивший страну Гаочан (Турфан), указывает, что «в первую весну обитатели собираются в груп-

²⁵ Ср. К. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Leipzig, 1938.

²⁶ С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов. «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 131.

²⁷ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897. «Живая старина» вып. III и IV, 1896, стр. 104 (Отд. отт.).

²⁸ А. Вернштам. К вопросу об усунь || кушан и тохарах. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 41—47.

ны и совершают экскурсии для того, чтобы посетить эти храмы (в Турфано. — А. В.) Эти различные всадники вооружены луками и стрелами, которыми они пропизывают все на своем пути; они называют это также «отращением от болезней». Они имеют несколько собраний декретов империи, сохраняющихся в закрытых на ключ ящиках. Один из декретов написан рукой императора Тайцзуна династии Тан (правил с 627 по 650 г.). Находится он в храме, называемом Ма-ни-се, т. е. в «храме Жемчужин» (по-санскритски — «Мани»), обслуживаемом религиозными персами, которые считают буддийские книги еретическими (вай-тао).

Это сообщение, переведенное Ст. Жюльеном из энциклопедии Мадуанлиа — XIV, в., как уже указал Бретшнейдер²⁹, является выдержкой из китайского источника «Сун-ши», т. е. относится к X в.

Отрывок этот имеет для нас особый интерес, так как ясно показывает манихейский характер термина «Манас», чего не понял Жюльен. Ошибку его исправили Пеллио и Шаванн³⁰. Нельзя в этой связи не отметить, что данный термин наличествует и в манихейских рукописях из Хочжо, изданных Лекоком.

В одной из этих рукописей имеется форма *manistanlar*, которой Лекок придает значение *Anfentholstoriën*, т. е. «местопребывание» в значении «святое обиталище»³¹. Фраза с этим термином взята из колофона манихейской рукописи, посвященной Арслан Илтаргюг, али Бурчуган, али Тархан Бег, владетелю городов Капу, Яганкента, Ордукента и Чигилькента, племен Аргу и Таласа. Упоминание исторического имени дало возможность датировать рукопись серединой VIII в. — временем начала манихейской пропаганды в этих районах.

Другие упоминания содержатся в манихейских молитвах например в честь некоего Ялгуна (Ялгу?), или, как предлагает читать Ф. Мюллер, «Ванхуа» (из Китая), и в других молитвах, обращенных к последователю учения Мани (*ni josaq*) — Арслан Менгу, в форме «*manstar xirza*». Они остались неперебеденными Лекоком как молитвенные восклицания. Такие восклицания, встречающиеся и в других текстах, например в покаянной молитве Хуастуанит³², и свидетельствующие о большом значении термина, хотя и не понятые киргизами, не могли не привлечь их внимания и были заимствованы ими в качестве имени.

Уже из приведенных примеров ясно, что термин «Манас» восходит к манихейской терминологии и был известен еще в VIII—IX вв., а к X в. широко распространился — хотя и не надолго — как топонимический. Во всяком случае для VIII—X вв. современные нам топонимы «Манас» не всегда имели место. Как следует из китайского географического сочинения «Си юй шуй дао цзи», составленного Сю Суном (по прозвищу Син бо) в 1223 г., река Манас во времена танской династии носила название «Ли-и-дэ-цзинь» и только позднее стала именоваться «Манас»³³. Точнее нам известно, что

²⁹ E. Bretschneider. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, «Trübner's Oriental», t. I. London, p. 244.

³⁰ Ed. Chavannes et P. Pelliot. Указ. соч., 1913, стр. 270. В тексте «Сун-ши» сказано, что в стране Гаочан «имеются Моники» (摩尼寺), т. е. кумирни Мони (ср.: «Сун-ши», гл. 490, л. 10а), и иранские монахи (波斯僧 босы сэн). Точно так же текст повторен и в «Вэньсянь тункао» (см. гл. 336, л. 19а—19б).

³¹ A. Le Coq. Указ. соч., стр. 29—30. К переводу этого места возвращается В. Банг (W. Bang. *Manichäische Hymnen*. «Le Museon. Revue d'Etudes Orientales», т. XXXVIII, 1925, p. 30—31).

³² W. Radloff. *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*. St. Petersburg, 1909, текст — S. 3, 4 и сл., перевод — S. 15, 16, 17 и сл. Здесь — это неперебедимое выражение в конце каждого раздела молитвы: «Манистан хирза!». Томсон, критиковавший попытку перевода Залемана (1912, 209), переводил это выражение как «The residence of the college of Taignen-tan — «Местопребывание Тайгульта» — манихейского пладыки. В. Банг подчеркивает священный характер этой резиденции.

³³ E. Chavannes. *Documents sur les Tou-kiue Occidentaux*, СПб., 1903, стр. 12.

Елюй Си-лян, сын знаменитого Елюй Чу цай'я, автор сочинения «Сиюйлу», в 1261 г. прибыл в Джанбалык, а летом того же года был на реке Манас³⁴. Во всяком случае, с этой поры термин «Манас» как топоним известен китайцам, что подтверждается и «Сиюйтучжи», сочинением XVIII в. (1762 г.), в котором также упоминается река Манас³⁵.

Следовательно, от упоминаний в «Худуд ал-Алам» (восходящего, как предполагает В. В. Бартольд, к IX в.), т. е. от X в. вплоть до наших дней прослеживаются топонимы «Манас», и, с другой стороны, только до X в. этот термин выступает как название религиозных и культовых помещений манихейцев. Отсюда, по нашему мнению, ясны пути появления и распространения этого имени в X в., в период наивысшего расцвета манихейства в этих районах, получившего тогда и свое наибольшее распространение. Но в это время были особенно активны и связи киргизов с населением и культурой Синьцзяна.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в манихейских текстах этого времени, как и в киргизских текстах Енисея, имеется ряд общих терминов, неизвестных в рунических текстах Монголии, например термин «кунчуй»³⁶. Укажем также, что в тех же манихейских текстах упоминаются Саян-Когменские горы (территория распространения киргизов), выступающие в манихейско-уйгурских текстах как обоженное начало³⁷. Несомненно, что если эти данные и не подтверждают киргизского происхождения текста, то во всяком случае свидетельствуют о местных культурно-исторических связях киргизов и уйгуров Синьцзяна. Учитывая всю совокупность исторических свидетельств, можно твердо говорить о проникновении киргизов в Синьцзян в это время.

В указанных областях Синь-цзяна киргизы-кочевники были в большей степени зачислены от той географической среды, где весьма почиталось имя Маниса — Манас и где этим именем назван величественный горный хребет. Это свидетельствует также о сближении киргизов с манихейством (о чем уже было сказано выше), импонирующим кочевникам своей философской системой, примиряющей шаманизм с такими религиями, как зороастризм, христианство и буддизм.

Наконец, все приведенные выше факты свидетельствуют также о заселении киргизами как южного, так и северного Тянь-Шаня. В совокупности с ранее высказанными в литературе данными, они с несомненностью подтверждают предположение, что тянь-шаньская ветвь киргизов сложилась к X в. В согласии с этим находятся и те археологические данные, которые были нами обнаружены в 1949 г. в урочище Аламышик³⁸.

³⁴ «Юань ши», гл. 180, л. 26. В примечании указано, что иероглиф 斯 «се» может читаться 斯 «сы». В «Юань-ши» топоним «Манас» имеет то же начертание, что и в современной китайской географической литературе. Ср., например, «Чжунго гу цзинь», стр. 1109; см. также: E. Bretschneider. Указ. соч., т. I, стр. 110.

³⁵ «Циндан хуан юй Сиюй тучжи», гл. 21, л. 46.

³⁶ A. Le Coq. Указ. соч., 1912, стр. 34. P. Pelliot. «Journal Asiatique», 1912. («Kao Tsh'ang Qofo, Houo-Tcheou et Kara Khodja»)

³⁷ A. Le Coq. Указ. соч., стр. 7.

³⁸ См. «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 26, стр. 81 и сл.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БИРМОЙ В XIX в.

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

Первые сведения о Бирме появились в России в XV веке. Афанасий Никитин, побывавший в Индии в 1466—1472 гг., оставил в своих «Хождениях за три моря» краткое описание области Пегу¹ (принадлежавшей в то время Монскому королевству), которое прочно вошло в историческую науку² как одно из ранних свидетельств европейцев о Бирме.

Первые сведения о России дошли в Бирму, повидимому, несколько позднее через армянских купцов, которые в XVI в. основали в индийском городе Агра свою колонию³, совершая оттуда поездки в Бирму. Известно, что армянские купцы впервые появились в Рангуне в 1612 г.⁴ и даже построили там свою церковь. Они быстро освоились в Бирме и были приглашены на ряд ответственных административных должностей.

В XVIII в. сведения о Бирме встречаются уже во многих трудах русских географов⁵. В начале XIX в. основные сведения о Бирме включаются в России и в школьные учебники⁶. Несмотря на некоторую неполноту содержащихся в этих книгах сведений, надо отметить, что молодежь в России уже со школьной скамьи получала в основном правильное представление о географии Бирмы, ее государственном строе и торговле.

В связи с первой англо-бирманской войной 1824—1826 гг. в русской прессе появился ряд статей о положении в Бирме, в большинстве своем переводных. Характерно, что эти статьи заимствовались, обычно, из французской или немецкой прессы, которая освещала события более объективно, чем английская печать. Заслуживает внимания статья под заголовком «Статистическое описание бирманского государства», перепечатанная в «Русском инвалиде» за 1827 г. из французской «Journal des Sciences Militaires». В ней рассказывалось об истории и государственном строе Бирмы, о причинах войны с Англией. О бирманцах, в частности, говорилось, что они «отважны, тру-

долюбивы, веселы, услужливы, одарены большим присутствием духа, жады к знаниям и честны в отношении иностранцев»⁷. Подчеркивалось также, что бирманцы любят музыку и театр. Ответственность за войну автор упомянутой статьи резонно возлагал на Великобританию. «Англичане, — говорилось в статье, — не могли смотреть без зависти на независимость соседей своих Бирманов и соревнование по торговле скоро превратилось в неприязненное расположение»⁸.

Помимо статей по истории и торговле Бирмы, русские газеты и журналы публиковали статьи о бирманских законах, школах, религии⁹. Все это свидетельствует о проявлении значительного интереса русской общественности к Бирме, о стремлении ближе познакомиться с различными сторонами жизни бирманского народа.

Информацию о ходе первой англо-бирманской войны давал в своих донесениях в министерство иностранных дел русский посол в Лондоне Ливен. В частности, он отмечал, что англичанам пришлось намного тяжелее в Бирме, чем они рассчитывали. 18 (30) сентября 1825 г. он писал, что надежды в Англии на скорую победу над бирманцами рассеялись. По его словам, «дальнейшие известия о трудностях, испытываемых английскими войсками при их продвижении внутри страны, поражение полковника Коттона в Донабее, отступление дивизии генерала Кембелла, начинают причинять беспокойство»¹⁰. Ливен послал в министерство также официальный английский сборник «Материалы, касающиеся бирманской войны. Лондон, 1825».

Как известно, англичанам благодаря превосходству в военной технике все же удалось выиграть войну, несмотря на героическую борьбу бирманского народа. По мирному договору, подписанному 24 февраля 1826 г. в Яндабу, Англия отторгла от Бирмы ряд крупных областей, добилась права иметь при бирманском дворе своего резидента и получила контрибуцию в размере 1 млн. ф. ст. На этом, однако, экспансия Англии в Бирму не прекратилась. В период второй англо-бирманской войны (1852—1853 гг.), англичане, овладев богатой и важной бирманской областью Пегу, отрезали Бирму от моря¹¹.

Как же относились к этим событиям в России? Царское правительство, всецело поглощенное делами на Ближнем Востоке и не проявлявшее в то время особого интереса к Юго-Восточной Азии, занимало нейтральную позицию в англо-бирманском конфликте.

Иных взглядов придерживалась русская демократическая общественность. Революционные демократы, горячо сочувствовавшие национально-освободительной борьбе народов, разоблачали захватническую политику английских и французских колонизаторов. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов в ряде статей блестяще нарисовали яркую картину грабительской политики англичан в Индии, вскрыв корни захватнической политики Ост-Индской компании, направленной на порабощение азиатских народов, показав, что она несет неисчислимые бедствия и страдания этим народам¹². Они приветствовали народное восстание (1857 г.) в Индии, героическое сопротивление бирманцев, оказавшее англичанам, справедливо считая, что только борьба может прекратить английские захваты в Юго-Восточной Азии.

Интересно отметить, что среди части русского купечества намечалась в это время тенденция наладить торговые связи с восточно-азиатскими странами, в частности с

⁷ «Русский инвалид», 1827, № 290, стр. 1159.

⁸ Там же, № 282, стр. 1127.

⁹ «Азиатский вестник», ч. I, 1825 г.; «Московский телеграф», т. XIX, 1825; «Московские ведомости», № 4, 1828 г.; «СПб. ведомости», № 272, 1832 г.; «Северный архив», ч. 25, 1827 г. и другие.

¹⁰ «Архив внешней политики России» (в дальнейшем — АВПР), ф. Канцелярия, д. 6941, л. 25.

¹¹ В задачу автора не входило подробное рассмотрение англо-бирманских отношений и внутреннего положения Бирмы, поскольку эти вопросы освещены в советской и иностранной историографии.

¹² См. Н. Г. Чернышевский. Избранные философские произведения, т. II, 1951 г., стр. 197—198; Н. А. Добролюбов. Соч., т. III, 1936 г. стр. 45.

¹ См. «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» М.—Л., 1948, стр. 124.

² На труд А. Никитина, в частности, ссылается английский историк Харвей в своей книге «History of Burma». London, 1925, p. 121.

³ M. J. Seth. Armenians in India from the earliest time to the present day. Calcutta, 1937, p. 2.

⁴ G. Harvey. Указ. соч., стр. 346.

⁵ См. «Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света», СПб., 1795, стр. 73; «Полный географический лексикон Лангера», ч. I. М., 1791; «Новейшая всеобщая география», СПб., 1793.

⁶ См. «Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской империи», ч. II, СПб., 1804, стр. 76. Е. Заблоский. Всеобщее землеописание, изданное от главного правления училищ для употребления в гимназиях Российской империи, ч. II, СПб., 1814, стр. 155.

Бирмой. Известный московский купец Голубков, выдвинувший в 40-х гг. XIX в. план учреждения компании по торговле с Индией, писал: «Должно заметить, что компания может найти на тибетской границе пункты для прямой торговли с Индией загангскою и Бирманом, помимо зависимых от Англии владений»¹³. Осуществление этих намерений затруднилось, однако, отдаленностью Бирмы от России.

После захвата Пегу английскими колонизаторами над Бирмой нависла угроза полного порабощения. Было ясно, что англичане, не довольствуясь прежними завоеваниями, ставили своей задачей прибрать к рукам всю Бирму.

«Так называемый мирный договор с Бирмой, — писали Маркс и Энгельс, — о котором возвестила прокламация генерал-губернатора Индии от 30 июня 1853 г. и с которым королева (английская. — О. С.) сочла нужным поздравить парламент, есть на самом деле только перемирие... Англия вышла за этнографические, географические и политические пределы своих индийских владений, и теперь даже Небесная империя уж не составляет естественной преграды для ее завоевательного натиска»¹⁴.

Действительно, в 1855 г. новую столицу Бирмы Мандалай посетил английский эмиссар Файр, который пытался добиться от короля Миндона признания захвата Пегу и навязать ему ряд новых кабальных условий. Однако эта миссия окончилась провалом. Решение короля отклонить английские предложения прежде всего было вызвано давлением народных масс, стремившихся продолжать борьбу с английскими захватчиками. Было и еще одно веское обстоятельство, повлиявшее на решение Миндона, — надежда на поражение Англии в Крымской войне. По свидетельству английского историка Холла, один из армянских жителей Бирмы даже предложил отправиться с миссией в Россию от имени Миндона¹⁵. Дальнейшее обострение англо-русских противоречий и отсутствие у России захватнических планов в отношении стран юго-восточной Азии, вселяли в бирманцев веру в получение помощи от России для борьбы против англичан. Необходимо отметить, что правители Бирмы рассчитывали на такого рода помощь также со стороны Франции, Италии и Германии.

Первый шаг к сближению с Россией бирманцы сделали, по имеющимся у нас сведениям, в 1873 г., когда Бирму посетил русский путешественник Ушаров. Ему было передано письмо министра иностранных дел Бирмы на имя русского патриарха о желательности установления дипломатических отношений с Россией¹⁶.

В следующем году бирманцы предприняли новый шаг в этом направлении, присвоивший уже более официальный характер. 18 августа 1874 г. в Тегеран прибыл бирманский посланник. Через посредство иранского шаха он пытался получить разрешение на посещение Петербурга. Главная цель этой миссии, по словам иранского министра иностранных дел, заключалась в том, чтобы просить у России «помощи и покровительства против захватчиков-англичан, которые уже оккупировали целую часть Бирмы и стремятся оттеснить бирманцев к границам Китая»¹⁷.

¹³ «О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию, предлагаемом надворным советником Платоном Голубковым». М., 1848, стр. 10.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. I, т. IX, стр. 194—195.

¹⁵ D. Hall. Europe and Burma. London, 1945, p. 158.

¹⁶ Об этом интересном факте сообщает прежде всего известный русский путешественник П. И. Пашино в «Краткой записке о современном состоянии Бирмании», составленной в 1875 г. (см. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1875 г., д. 14, л. 40). Приезд Ушарова он относит примерно к 1871 г. В письме бирманского министра иностранных дел на имя Горчакова от 29 марта 1876 г. Ушаров именуется Упариним, а его пребывание в Бирме датируется октябрём 1873 г. (см. АВПР, там же, л. 18). Очевидно, последняя дата является более точной. На это указывает официальный характер упомянутого документа. К сожалению, обнаружить каких-либо других материалов по этому вопросу нам не удалось.

¹⁷ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 987, л. 8. Донесение русского посланника в Тегеране Бегера в Министерство иностранных дел от 25 августа 1873 г.; см. также: A. Bannerjee. Annexation of Burma. Calcutta, 1945, p. 240.

Хотя русское правительство не имело принципиальных возражений против установления дипломатических отношений с Бирмой, оно воздержалось от этого шага, так как не хотело обострять свои отношения с Англией, которые были в то время довольно напряженными в связи с ближневосточными и среднеазиатскими делами. К тому же в тот период Бирма выходила за сферу политической и торговой активности России¹⁸. Но правительство Бирмы продолжало попытки тем или иным путем установить контакт с русским правительством.

Когда в начале 1875 г. в Бирму прибыл Г. Ненюков, совершавший путешествие по Индии, бирманский король и министры постарались использовать его присутствие для осуществления своих планов. Г. Ненюков имел три аудиенции у короля и несколько встреч с министрами. В беседах затрагивались вопросы русско-бирманских отношений. Перед отъездом Г. Ненюкова бирманские министры обратились к нему с просьбой передать письмо русскому министру иностранных дел Горчакову. Хотя Ненюков согласился с этим, он выехал в Россию, не получив письма, так как его составление и утверждение королем затянулось в связи с наступлением буддийского поста¹⁹. Через несколько месяцев, будучи уже в Петербурге, он получил это письмо. Оно было подписано министром иностранных дел Бирмы и датировано 1 мая 1875 г.²⁰

В письме сообщалось о дружеских чувствах Миндона к Александру II и великому русскому народу. Далее министр иностранных дел писал: «Я горячо желаю процветания вашей родине и надеюсь, что недалек тот день, когда дружеское расположение, существующее между нашими нациями, приобретет конкретный характер и приведет к открытому установлению дружественных и обоюдно выгодных отношений. Я был бы очень рад узнать, что эти надежды разделяются Вашей светлостью».

В ответном письме от 28 января 1876 г., переданном Г. Ненюкову для доставки в Бирму, Горчаков сообщал, что он довел до сведения Александра II содержание письма Миндона и сообщил о приеме, оказанном Г. Ненюкову в Бирме, и что действия бирманцев были по достоинству оценены. Далее в письме выражалась надежда, что русские, которые в будущем посетят Бирму, найдут там такой же хороший прием, какой был оказан Г. Ненюкову. Одновременно была обещана «полная взаимность с нашей стороны в отношении подданных его бирманского величества, которым бы случилось приехать в Россию»²¹.

В марте 1876 г. в Бирме побывал армянский архиепископ Григорий, доставивший письмо русского патриарха министру иностранных дел Бирмы. Григорию было передано ответное письмо бирманского министра иностранных дел²².

Особенно большое значение в деле установления дружественных отношений между представителями двух стран сыграло посещение Бирмы в 1876 г. П. И. Пашино²³. Во время его кругосветного путешествия П. И. Пашино был близок к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову, с которыми одно время он вместе работал в журнале «Современник».

¹⁸ Телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России Шишкина Бегеру от 20 августа 1874 г. АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 987, л. 8.

¹⁹ АВПР, ф. Главный архив 1—9, 1875, д. 14, лл. 12—16, см. записку министерства иностранных дел от января 1876 г.

²⁰ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1875, д. 14, лл. 7—9. Подлинники писем на бирманском и французском языках.

²¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1875 г., д. 14, л. 10.

²² Там же, л. 18. Каких-либо других сведений об этих письмах обнаружить не удалось.

²³ Н. Халфин, автор заметки «Из истории русско-бирманских отношений (70-е годы XIX века)», неправ, утверждая, что эта поездка «не была описана русским исследователем в печати» (см. «Звезда Востока», 1955, № 12, стр. 91). Впечатления об этой поездке были опубликованы в журнале «Гражданин» за 1878 г. № 20—21 и 22 и в журнале «Колоса» за 1886 г., № 2. Отчет о поездке был также сделан П. И. Пашино на заседании Русского географического общества.

П. И. Пашино, как и другие прогрессивные русские востоковеды, относился с симпатией и уважением к азиатским народам, стремился глубоко изучить и узнать различные стороны жизни этих народов, понять их сокровенные думы и чаяния.

П. И. Пашино посетил ряд городов Бирмы и имел много встреч как с государственными деятелями, так и с рядовыми бирманцами. Во время этих встреч бирманцы неизменно проявляли дружеское расположение к России и русскому народу. Один из приближенных бирманского короля — француз Д'Авера, познакомившийся с П. И. Пашино во время пребывания последнего в Бирме, писал ему 31 марта 1876 г. «о глубоких симпатиях, существующих не только среди высших классов, но и среди всего бирманского народа в отношении правительства и русской нации»²⁴.

Пожалуй, самым интересным документом о поездке П. И. Пашино по Бирме является его неопубликованная краткая — «Записка о современном состоянии Бирмании» от 30 ноября 1876 г., составленная для министерства иностранных дел²⁵. В ней содержатся сведения об истории, государственном строе, географии и экономике Бирмы. Характеризуя некоторые черты бирманского народа, П. И. Пашино писал: «Нравственность бирманцев стоит на самой высокой степени, для доказательства этого укажу хотя бы на один факт: отсутствие в народе потребления спиртных напитков».

Из записки видно, что П. И. Пашино отнюдь не ограничивался ролью пассивного наблюдателя. Так он посоветовал Бирме восстановить сухопутную торговлю с Китаем. Это имело очень важное значение для Бирмы, поскольку англичане отрезали страну от моря и контролировали всю ее торговлю, запрещая ввозить некоторые товары, в том числе оружие. «В самом деле, — говорится в записке, — при открытии коммуникации с Западным Китаем и при отсутствии на китайской границе таможенной линии, они могли бы доставлять и чай и другие продукты в Кантон или через Ханькоу в Нанкин и Шанхай. С другой стороны, этот путь открыл бы им возможность сообщения с остальным миром». По словам П. И. Пашино, бирманцы с восторгом приняли это предложение.

В заключении записки П. И. Пашино высказывал соображения относительно выгод сближения России с бирманской империей. «Но основной факт и бросающийся в глаза каждому беспристрастному путешественнику состоит в том, что Россия, могущественная в глазах Европы, имеет сверх того еще какое-то особенное невероятное обаяние во всей внутренней Азии. Не знаю откуда и с каких пор у большинства народов Азии родилось поверие, что они будут освобождены Россией от чужеземного владычества. Бирманский император Миндун — один из горячих сторонников такого взгляда и даже приказал перевести для себя историю Петра Великого, изучил ее в совершенстве и во чтобы то ни стало желает походить на него. Недовольство бирманцев и индусов англичанами, при их политической системе управления колониями и торговом негизитизме, по моему мнению, совершенно естественно, но благодаря ему упование на Россию достигло ... колоссальных размеров»²⁶.

П. И. Пашино было вручено два письма от бирманского министра иностранных дел, датированных 29 марта 1876 г. В одном из них, адресованном Горчакову, вновь выражалось желание установить дружественные отношения с Россией и излагалась просьба прислать в Бирму русское посольство²⁷. Второе письмо, на имя военного министра Милюткина, содержало просьбу разрешить нескольким молодым бирманцам обучаться в русских военных училищах, а также прислать в Бирму военного инженера и офицера²⁸.

²⁴ АВВР, ф. Главный архив, 1—9, 1875, д. 14, л. 20.

²⁵ Там же, лл. 37—41. Подлинник записки П. И. Пашино. Выдержку из этой записки приводит и Н. Халфин в упомянутой заметке не называя, однако, архива, где она была обнаружена. Очевидно, речь идет об одной из копий записки.

²⁶ АВВР, ф. Главный архив, 1—9, 1875 г., д. 14, лл. 38—39.

²⁷ Там же, лл. 18—19.

²⁸ Там же, лл. 22—23.

В ответном письме Милюткина²⁹ от 30 августа 1876 г. говорилось: «Выраженная Вашей светлостью надежда, что молодые люди, посланные совершенствоваться в специальные области науки и техники, были бы радушно встречены в России, полностью отвечает просвещенным видам императорского правительства. Поэтому имею удовольствием заверить Вас, что если некоторые молодые люди его величества короля придут в Россию для специального обучения, они непременно будут встречены по дружески и вполне благожелательно»³⁰.

Письмо Милюткина являлось свидетельством того, что от прежних общих заверений в симпатиях к Бирме, был сделан шаг к сближению между двумя странами, выразившийся в согласии принять группу бирманцев в русские военные училища.

По словам Д'Авера, находившегося в переписке с П. И. Пашино, бирманский король после получения письма Милюткина был готов вступить с Россией в переговоры по вопросу об отправке бирманцев в Россию³¹. Однако, по неизвестным нам причинам, переговоры не состоялись.

В обстановке враждебных действий англичан против Бирмы правители последней стремились опереться, кроме России, и на другие страны, которые они рассчитывали противопоставить Великобритании. Отсюда их частые посольства во Францию и Италию в 70—80-х гг. XIX в. Необходимо отметить, что последние стремились использовать тяжелое положение Бирмы, чтобы навязать ей кабальные договоры. Так, франко-бирманский торговый договор 1872 г. носил такой неравноправный характер, что не был ратифицирован бирманским королем Миндоном. Тем не менее бирманцы продолжали искать себе союзников в Западной Европе, отнюдь не отказываясь от мысли договориться с Россией. В конце 70-х годов центр тяжести русско-бирманских переговоров переместился во Францию. Первый этап этих переговоров связан с именем великого русского ученого Д. И. Менделеева.

Д. И. Менделеев, занимавшийся, кроме химии, многими другими научными проблемами, в частности воздухоплаванием, приехал в декабре 1878 г. в Париж, чтобы изучить состояние этой тогда еще молодой области знания. Там он познакомился с французским ученым Гюро, автором ряда книг по теории полета птиц, являвшимся председателем французского общества воздухоплавания. Помимо чисто научной деятельности, Гюро занимался и политикой, состоял нештатным консулом Бирмы в Париже. В письме от 24 ноября (6 декабря) 1878 г. на имя великого князя Николая Александровича, Д. И. Менделеев, со слов Гюро, сообщил о прибытии во Францию бирманского сановника Монг Шуэ О, который «имеет от своего правительства явное поручение заключить торговый трактат с Францией и тайное поручение так или иначе войти в сношения с русским правительством и, если возможно, достичь торгового союза и отправки русских исследователей и посольства в Бирму»³².

Далее в письме говорилось: «В первых числах октября этого года умер Бирманский император, мечтавший сделать новым Петром Великим. Воцарившийся молодой правитель, руководимый прежними советниками, горячо стремится выполнить предначертания отца. В Мандалее, столице Бирмы замечается необыкновенная деятельность... Великая обязательность г-на Гюро, его расположение к России и желание, чтобы чрез мое посредство были сделаны первые шаги, заставили меня обратиться с бирманскими предложениями в наше парижское посольство. Ответ состоял в том, что теперь не время и что Бирма может повредить нашим отношениям к Англии. Вследствие настоятельного желания г. Гюро и Монг Шуэ О узнать предварительный взгляд Рос-

²⁹ Горчаков ответного письма не направлял.

³⁰ АВВР, ф. Главный архив, 1—9, 1875 г., д. 14, л. 24. Письмо Милюткина было передано русским консулом в Генуе Бахерахтом бирманскому посольству в Италию, о чем свидетельствует расписка на бирманском языке (см. там же, л. 30).

³¹ П. И. Пашино. Бирманский император Тибо. «Колос», 1886, № 2, стр. 334.

³² АВВР, ф. Среднеазиатский стол, д. 988, лл. 10—11. Копия письма Д. И. Менделеева. Последствия демарша Д. И. Менделеева нам неизвестны.

сии на сношения с Бирмой, я решил изложить положение дела в письме к вашему императорскому величеству»³³.

Приведенный факт, раскрывающий новую сторону жизни крупнейшего русского ученого, еще раз подтверждает, что передовые русские люди горячо сочувствовали справедливой борьбе бирманского народа против чужеземных захватчиков.

31 октября (12 ноября) 1879 г. русский генеральный консул в Генуе Бахерахт писал в министерство иностранных дел России, что, как ему стало известно, «Бирманское правительство много бы дало за договор о дружбе и торговле с Россией»³⁴.

В 1879—1881 гг. между бирманским министром иностранных дел и Горчаковым имела место переписка протокольного характера, связанная со смертью Александра II и императрицы Марии Александровны³⁵.

Между тем английские колонизаторы приступили к завоеванию остальной Бирмы. Известный русский востоковед М. Венюков справедливо писал: «Бирма дважды уже (1825 и 1853 гг.) после поражения от Англии и подверглась от нее уменьшению более, чем наполовину. Но она еще не вполне ничтожна, и это-то приводит англичан к настойчивому желанию покончить с ее самостоятельностью как можно скорее»³⁶.

В свою очередь усилилась и дипломатическая активность бирманцев, направленная на приобретение союзников из числа европейских стран. В январе 1885 г. Бирма подписала договор с Францией, в апреле — торговый договор с Германией. Одновременно бирманское посольство в Париже вступило в переговоры с русским послом Моренгеймом, который засвидетельствовал позднее, что бирманские представители были «очень умными и высокообразованными людьми». Первая беседа между ними и Моренгеймом, происходившая в русском посольстве, была довольно продолжительна. «Послы сказали мне, — писал Моренгейм министру иностранных дел России Гирсу 26 января (7 февраля) 1885 г., — что целью их прибытия является заключение с Францией договора о торговле и дружбе, а также визит вежливости к итальянскому королю, с правительством которого Бирма поддерживает правильные сношения... Они добавили, что им, кроме того, было поручено довести через меня до сведения Вашей светлости желание их правителя получить разрешение вступить в сношения с императорским правительством, чтобы завязать также и с Россией отношения торговли и дружбы, которым король придает большое значение и которые он считает бесполезными и для нашей страны, учитывая будущее развитие нашего флота на Тихом океане»³⁷.

Моренгейм обещал передать в министерство иностранных дел пожелания бирманцев. По его словам, во время разговора о различных текущих событиях проскальзывала ненависть бирманцев к Англии. Моренгейм нанес ответный визит бирманским представителям. И снова речь шла об установлении официальных отношений между Россией и Бирмой. Эта беседа носила более интимный характер. Моренгейм мог убедиться «насколько наш престиж был более высок среди этих людей, чем престиж англичан»³⁸. Он также узнал о растущем интересе к России в Бирме, где «даже периодически высказывалась одна русская газета»³⁹.

О дружественных чувствах бирманского народа к России говорит и то, что накануне захвата Бирмы англичанами там были организованы спектакли, на которых проявлялись симпатии и уважение к русским⁴⁰.

Неоднократные обращения бирманцев, а также действия передовых русских людей побудили царское правительство рассмотреть бирманский вопрос 31 января 1885 г. Гирс на докладе Александру III высказался за то, чтобы «войти в сношения с бирман-

ской империей»⁴¹, причем эти сношения должны были пока ограничиваться «сферой коммерческих интересов». Для этого можно было поручить, по мнению Гирса, кому-нибудь из командиров русских военных судов «зайти в один из бирманских портов и, при благоприятных обстоятельствах, посетить бирманскую столицу — Мандалай»⁴². Эти предложения были олобрены царем.

Таким образом, речь шла о признании Бирмы де-факто. Назревала необходимость установления дипломатических отношений между двумя странами. Однако быстрое развитие событий сорвало наметившееся русско-бирманское сближение. В ноябре 1885 г. английские колонизаторы спровоцировали войну с Бирмой. Несмотря на героическое сопротивление бирманского народа Англии удалось одержать победу. 1 января 1886 г. Бирма была присоединена к британским владениям в Индии. Начался самый тяжелый и мрачный период в истории бирманского народа — период чудовищного ограбления страны и насилий английских захватчиков над местным населением. «Особенно наглядно процесс грабежа туземцев европейскими странами, — подчеркивал В. И. Ленин, — выступает в положении *делесжа* Дальней Индии (Сям с британской «Бирмой» или Бирманией с запада и французским Индокитаем с востока)...»⁴³.

Яркую картину этого потрясающего грабежа нарисовал крупнейший русский востоковед И. П. Минаев, посетивший Бирму вскоре после захвата ее англичанами. «Возвеселились сердца победителей: потащил себе кто, что мог. Тащить было что! Золото и рубины, всюду блеск, наряды. Солдаты и офицеры — все двинулись ко дворцу на рекогносцировку: закладывались первые камни величественного здания, именуемого „Rax Britannica“. Грабили и искали скрытых богатств. Грабили и обыскивали»⁴⁴.

В то же время И. П. Минаев сделал в своем дневнике 24 января 1886 г. краткую, но выразительную запись о том, что бирманцы «хвалили французов и русских и при этом бранили англичан»⁴⁵.

В период третьей англо-бирманской войны в русской прессе подробно освещался ход военных действий и, что особенно важно, широкий размах партизанской борьбы бирманского народа, самый факт которой тщательно замалчивался англичанами⁴⁶. Некоторые газеты резко осуждали захватническую политику Великобритании⁴⁷. Следует указать на большую статью славянофила Н. П. Гилярова-Платонова «Бирманский вопрос и интересы России в Азии», опубликованную 11 октября 1885 г. в московской газете «Современные известия». В статье говорилось: «Англичане отняли у бирманцев их приморье, как и у абиссинцев. Под предлогом торговли и эксплуатации рудников и богатства страны, англичане давно стремятся забрать в свои руки всю Бирманию». Не ограничиваясь критикой англичан, автор ставил перед русским правительством и конкретные задачи — сообщить «тамошнему двору, что Россия желает всего хорошего Бирмании, желает, чтобы она возвратила себе свое приморье».

Превратив Бирму в свою колонию, английские империалисты не смогли, однако, покорить свободолюбивый бирманский народ, который ни на один день не прекращал борьбу с оккупантами. Русский путешественник Григорий де Воллан, посетивший Бирму в начале 90-х годов XIX в., отмечал широкий размах движения дайкотов — народных мстителей⁴⁸. «Англичане их называют разбойниками, — писал де Воллан, но, в сущности, это защитники отечества, ведущие партизанскую войну с англичанами...

⁴¹ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 988, л. 22.

⁴² Там же, л. 23.

⁴³ В. И. Ленин, Тетради по империализму. М., 1939, стр. 250.

⁴⁴ И. П. Минаев. Англичане в Бирме. «Вестник Европы», 1887, № 11, стр. 188.

⁴⁵ И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму. М., 1955, стр. 130.

⁴⁶ См. например, «Сын отечества» за 1885 г. от 12 и 20 декабря.

⁴⁷ См. «Новое время», 1885 г. от 9 октября и др.

⁴⁸ См. также Л. Журавлева. Партизанская война бирманского народа против английских захватчиков. Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена, т. 102, 1955.

³³ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 988, лл. 10—11.

³⁴ Там же, л. 13.

³⁵ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1875, д. 14, лл. 52—71.

³⁶ М. Венюков. Россия и Восток. СПб., 1877, стр. 235.

³⁷ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 988, л. 20.

³⁸ Там же, лл. 20—21.

³⁹ Там же, л. 21.

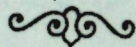
⁴⁰ «Колос», 1886, № 2, стр. 334.

Пока англичане не справятся с этими народными войсками ... о спокойствии в крае нечего и думать»⁴⁹.

В 1898 г. нештатным вице-консулом России в Рангуне был назначен германский подданный Фокке. Несмотря на то, что английское правительство, не желавшее развития русско-бирманской торговли, отказалось дать Фокке экзекватуру (т. е. признать его консулом), он все же выполнял свои функции, оказывая содействие капитанам русских судов, заходящих в Рангун, которые «нередко обращались к нему по своим делам»⁵⁰.

* * *

Со времен захвата Бирмы англичанами в мире произошли огромные перемены. Народы России сбросили в октябре 1917 г. цепи капиталистического рабства и успешно строят коммунизм. После второй мировой войны освободились из капиталистической кабалы и вступили на путь социалистического строительства народы великого Китая, Северной Кореи и Вьетнама, а также ряда стран Европы. Рухнула колониальная система, многие народы Азии и Африки добились свободы и независимости. Бирманский народ в результате героической борьбы освободил свою землю от английских колонизаторов и вновь обрел независимость. В наши дни между Советским Союзом и Бирмой сложились и неуклонно крепнут дружественные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЭКОНОМИКЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКИ

А. Ю. ШПИРТ

На втором этапе общего кризиса капитализма противоречия между Соединенными Штатами Америки и западноевропейскими колониальными державами, прежде всего Англией, проявляются с особой силой в борьбе за источники сырья, овладение рынками сбыта и сферами приложения капитала в Африке. Острота этих противоречий объясняется в первую очередь тем экономическим, политическим и военным значением, которое приобрел африканский континент в связи с продолжающимся сужением сферы приложения сил империалистических государств в результате убиствующего распада колониальной системы империализма и изменениями в экономике африканских колоний¹.

Отдельные страны и области Африки развиваются весьма неравномерно. По размерам и разнообразию добываемого минерального сырья ведущее место в колониальной Африке занимает Бельгийское Конго. В течение 1950—1954 гг. помимо резкого расширения добычи урановой руды, вывозимой в США, выросла добыча и других полезных ископаемых, необходимых для получения атомной энергии. Так, например, в 1954 г. продукция кобальта составила 8,6 тыс. тонн, т. е. почти в 4 раза больше, чем в 1950 г., тантала и колумбита 704 тонны — увеличение в 6 раз.

Увеличилось и производство меди, составляющей по стоимости почти половину продукции горнодобывающей промышленности Бельгийского Конго. Существенно расширилась и добыча технических алмазов, достигшая в 1954 г. 12 037 тыс. карат. На территории Бельгийского Конго размещены 5 крупных заводов по выплавке и рафинированию меди, олова, цинка и кадмия и 35 электростанций².

В Нигерии, располагающей крупными запасами минерального сырья, развивается только добыча олова и нет ни одного металлургического предприятия. Выработка электроэнергии почти в шесть раз меньше, чем в Бельгийском Конго. Основой экономики является сельское хозяйство, ведущую роль в нем играют культуры, продукция которых идет на экспорт (какао, земляной орех, пальмовые ядра).

Резко различаются и вошедшие в недавно образованную английским правительством Центрально-Африканскую федерацию — Северная и Южная Родезия и Ньясаленд. В Северной Родезии ведущей отраслью хозяйства является горнодобывающая промышленность, а нужды населения в значительной части удовлетворяются импортируемым продовольствием. В Южной Родезии продукция сельского хозяйства составляет

¹ В статье рассматривается экономика колоний, протекторатов и подопечных территорий западноевропейских государств, исключая владения этих государств в Северной Африке.

² «African world», December, 1955, p. 27; «Non-self-governing territories. United nations». vol. II. New York, 1953, p. 13—15.

⁴⁹ Г. де-Воллан. По белу свету (путевые заметки), ч. II. СПб., 1895, стр. 18, 20.

⁵⁰ АВПР, ф. Генеральное консульство в Бомбее, д. 67, л. 8. Вследствие противодействия Англии торговля между Россией и Бирмой была крайне незначительной. Вопрос о ней в настоящей статье не рассматривается.

по стоимости почти половину всего экспорта. В Ньясаленде вся экономика основывается на сельском хозяйстве. Столь же существенны различия в структуре экономики французских колоний в Тропической Африке.

Однако можно отметить и общие черты в экономическом положении стран колониальной Африки, превращенных в сырьевые придатки империалистических государств. В результате политики колониализма хозяйство этих стран развивается одностороннее. В сельском хозяйстве преобладают экспортные культуры, оттеснившие производство продовольствия для местного населения.

По сравнению с предвоенным периодом в 1953 и 1954 гг. во Французской Западной Африке резко сократился сбор манса, проса и сорго при одновременном увеличении продукции кофе и какао; в Бельгийском Конго наблюдалось увеличение посевных площадей и сбора технических культур (хлопка, каучука) за счет сокращения производства важнейших продовольственных культур.

В некоторых английских колониях изменения в структуре сельскохозяйственного производства стали подлинным бедствием. В Нигерии, где с 1937 г. по 1953 г. население увеличилось на 6,8 млн. человек, сбор основных продовольственных культур лишь незначительно повысился, но одновременно резко расширилась продукция экспортных: каучука (почти в 10 раз), арахиса (почти в 2 раза) и др. В Гамбии для расширения производства арахиса, идущего на экспорт, было сокращено производство продовольствия, предназначенного для потребления местного населения. В других колониях в меньшей степени сказывается политика монополий, приводящая к уродливому развитию отдельных отраслей сельского хозяйства за счет других отраслей, насущно необходимых коренному населению.

В послевоенный период вошли в строй или уже находятся накануне окончания строительства нескольких крупных предприятий: в Уганде — медеплавильный завод и текстильная фабрика; в Бельгийском Конго — цинкоплавильный завод. Однако количество таких предприятий невелико. В промышленности преобладает добыча минерального сырья. В большинстве африканских колоний обрабатывающая промышленность представлена лишь мелкими предприятиями по переработке местного сельскохозяйственного сырья.

В результате новых процессов в экономике колониальной Африки произошли и происходят серьезные изменения в классовом составе ее населения. Самым важным из них является рост пролетариата (см. табл. 1).

Таблица 1

Рост численности наемных рабочих (в тыс.)*

	1936	1948	1953
Бельгийское Конго	491,5	820,0	1100
Французская Западная Африка	178,9	232,0	—
Кения	213,7	394,9	499
Нигерия	227,5	272,4	309
Северная Родезия	76,7	127,5	235
Южная Родезия	254,3	376,9	539**
Танганьика	243,4	395,5	448

* Источник: Составлено по данным: «Le travail en Afrique Noire». Paris, 1952, p. 270—273; «Review of economic activity in Africa 1950 to 1954». New York, 1955, p. 13.

** Данные за 1951 г.

Увеличение численности наемных рабочих в большинстве рассматриваемых стран обусловлено широким развитием в послевоенный период добывающей промышленности (см. табл. 2).

Таблица 2

Добыча важнейших видов сырья в колониальной Африке (в тыс. тонн)*

Вид сырья	1937			1953		
	Капиталистический мир	Африка	Уд. вес Африки в продукции кап. мира в %	Капиталистический мир	Африка	Уд. вес Африки в продукции кап. мира в %
Марганцевая руда**	1510	284	18,8	2800	554	19,8
Медная руда**	2190	424	19,4	2440	594	24,3
Цинковая руда**	1824	22	1,2	2500	167	6,7
Олово (концентраты)	209	21	10,0	179	25	14,0
Бокситы	3700	—	—	11000	555	5,0
Кобальт**	3,5	2,4	68,5	12,0	8,8	73,3
Алмазы (в млн. карат)	9,6	7,1	74,0	20,0	16,3	82,5

* Источник: «Statistical yearbook. United Nations». New York, 1954; «World production of raw materials». London, 1953.

** По содержанию металла.

В течение 1954 и 1955 гг. абсолютно и относительно увеличилось производство оловянных концентратов, кобальта и алмазов. Добыча марганцевой руды, медной и цинковой руды была несколько ниже, чем в 1953 г., но выше, чем в предвоенный период. Иную картину можно наблюдать в отношении бокситов — несмотря на абсолютное увеличение производства — доля колониальной Африки в общей продукции капиталистических стран несколько снизилась. Таким образом, в годы второй мировой войны и после нее, наряду с абсолютным ростом производства сырья, увеличился и удельный вес колониальной Африки в производстве капиталистического мира. Существенно расширилась и переработка сырья на месте. Так, в рассматриваемых колониях Африки почти вдвое увеличилась выплавка меди и цинка, составившая в 1954 г. соответственно 570 тыс. и 59 тыс. тонн.

Увеличение значимости этих колоний в экономике капиталистического мира обусловлено также развитием новой техники, особенно атомной. По размерам добычи радиоактивных материалов колониальная Африка занимает ведущее место в капиталистическом мире. Наряду с интенсивной добычей урана в Бельгийском Конго с 1952 г. ведутся разработки урановых руд на территории концессии «Рокана корпорейшн» в Северной Родезии, а с 1954 г. — в Танганьике. Имеются указания на наличие урана и в других колониях Центральной Африки³. В португальской колонии Мозамбик в течение трех последних лет ведутся поисковые работы американской фирмой, начавшей эксплуатировать вновь открытое месторождение урана в Тете⁴. Найдено месторождение урана в другой португальской колонии — Анголе.

Быстрыми темпами развивается в Южной Родезии, Уганде и на Мадагаскаре добыча лития и бериллия, имеющих важное значение в современной военной технике. В Бельгийском Конго в 1954 г. началась добыча германия. Открыты в Нигерии месторождения пироксена (минерал, содержащий уран и ниобит), а в Сьерра-Леоне — тория⁵.

В послевоенный период заметно увеличилось производство топлива и электроэнергии. В 1953 г. добыча угля в Южной Родезии, Нигерии, Бельгийском Конго и Мозамбике составила свыше 3 млн. тонн, т. е. в несколько раз превысила довоенный уровень.

³ «Mining journal», May, 1956.

⁴ «African world», September, 1955.

⁵ «The Empire and Commonwealth yearbook 1954—1955». London, 1955, p. 487.

добычи. Английские и американские компании в последнее время развернули поиски нефтяных месторождений в Восточной Африке.

По сравнению с предвоенным периодом выработка электроэнергии в колониальной Африке увеличилась в несколько раз. Однако удельный вес Африки в выработке электроэнергии всего капиталистического мира оставался незначительным. Следует подчеркнуть, что в Африке, где сосредоточено почти 40% мировых гидроресурсов, их использование в качестве источника электроэнергии еще ничтожно⁶.

Некоторые иностранные авторы, отмечая строительство новых электростанций, пишут об электрификации Африки. В действительности, строительство новых электростанций, как и увеличение выработки энергии на старых, имело место лишь в нескольких районах Бельгийского Конго, Южной и Северной Родезии и производилось в интересах монополий. Расширение производства электроэнергии было вызвано в первую очередь развертыванием горнодобывающей промышленности, приносящей наибольшие прибыли иностранным монополиям. Значительная часть вновь строящихся электростанций в Бельгийском Конго и Северной Родезии принадлежит горнодобывающим компаниям. Хотя по темпам роста добычи минерального сырья колониальные страны Африки опережают западноевропейские государства и США, в отношении объема производства и особенно потребления на душу населения они остаются наиболее отсталыми странами мира. Душевое потребление электроэнергии и угля в этих странах в сотни раз меньше, чем в западноевропейских государствах и США.

Значительные сдвиги, происшедшие в структуре сельского хозяйства африканских колоний вызвали изменение их удельного веса в экономике капиталистического мира, а также повлияли и на структуру внешней торговли.

Поскольку подавляющая часть продукции сельского хозяйства вывозится и на местное потребление остается лишь незначительная часть даже пахотных необходимых для сельского хозяйства, в послевоенные годы растет импорт продовольствия. Особенно увеличился ввоз пшеницы и пшеничной муки в Бельгийское Конго, Южную Родезию, Мадагаскар, Золотой Берег; кукурузы — в Северную Родезию; риса — в Камерун и т. д.

При резком увеличении физического объема вывозимых продуктов экспорт Африки в 1954 г. в стоимостном выражении хотя и повысился по сравнению с предвоенным, но отставал по темпам от роста экспорта всего капиталистического мира. Одной из причин этого был широко применяемый неэквивалентный обмен, при котором иностранные капиталисты закупают в колониях сырье и продовольствие по монопольно низким ценам, а сбывают поставляемые ими товары по монопольно высоким ценам⁷.

Колониальная дань, взимаемая метрополиями через каналы внешней торговли, достигала крупных размеров. На долю Франции приходилось в послевоенные годы в среднем от 60 до 67% внешнеторгового оборота ее владений в Тропической Африке, на долю Англии и Бельгии свыше 50%⁸. Доля США во внешней торговле Африки после второй мировой войны резко увеличилась, однако в последние годы она сократилась в результате сопротивления западноевропейских государств.

По данным статистического ежегодника Объединенных Наций по международной торговле (1955 г.), импорт американских товаров во Французскую Западную Африку, в Бельгийское Конго и на Золотой Берег в 1948 г. был в несколько раз выше, чем в 1937 г. и продолжал увеличиваться на протяжении последующих лет. Однако в 1953—54 гг. ввоз из США в перечисленные страны снизился в полтора—два раза.

⁶ «Statistical yearbook. United Nations», 1955.

⁷ В ряде случаев экспортно-импортные операции сосредоточены в руках нескольких монополий. Так, «Юнайтед Африка компания» — дочерняя компания гигантского англо-голландского концерна «Юниливер» скупает примерно половину всей экспортной продукции Нигерии и Золотого Берега и поставляет около одной трети всех импортируемых в эти страны товаров.

⁸ «Review of economic activity in Africa...», p. 71—72.

В послевоенный период усилилось значение Африки, как сферы приложения капитала. Особенно значительно увеличился приток капиталов из США. В течение 1950—1954 гг. Международным банком реконструкции и развития были предоставлены займы ряду стран Африки: 28 млн. долл. — Южной Родезии на развитие транспорта и энергетики; 40 млн. долл. — Бельгийскому Конго на финансирование планов развития; 14 млн. долл. — Северной Родезии на расширение железнодорожной сети. Кредитные операции Экспортно-импортного банка США составили несколько десятков миллионов долларов.

По сравнению с 1949 г. американские прямые инвестиции в колониальных владениях западноевропейских государств в Африке увеличились к 1954 г. в полтора раза и составили примерно 130 млн. долл.⁹ Американская компания «Оливер майнинг К°» вместе с «Бюро минье де ля Франс д'утр мер» участвует в разведке месторождений марганца во Французской Экваториальной Африке. Крупнейший американский трест «Юнайтед Стейт стил корпорейшн» установил контроль над компанией, организованной в Габоне для разработки марганцевых месторождений «Компани миньер де л'Огуэ» («Комплог»). Банк Моргана и Международный банк реконструкции и развития предоставили долгосрочные кредиты на строительство железной дороги для вывоза добываемой руды. В Габоне французская компания «Ле буа дю Камерун», разрабатывающая лесные ресурсы колонии, после получения ссуды в 1,6 млн. долл. от американской компании «Прескотт корпорейшн» фактически контролируется этой компанией¹⁰. Американский капитал проник и в концерн «Юнион миньер де О'Катанга», в руках которого сконцентрирована добыча меди, кобальта и урана в Бельгийском Конго. До второй мировой войны концерн контролировался двумя компаниями: бельгийской «Сосьете жерераль» и английской «Танганьика консепиз лимитед». В 1950 г. 600 тыс. акций английской компании были проданы группе американских капиталистов. Таким образом монополистический капитал США ныне непосредственно участвует в контроле над добычей в Бельгийском Конго урановой руды, меди и кобальта. Стремясь получить доступ к минеральным богатствам Танганьики, США предоставили заем в 100 тыс. ф. ст. для развития добычи свинца¹¹.

В послевоенный период английские капиталовложения направлялись главным образом в горнодобывающую промышленность на производство стратегического сырья. Заметно увеличился приток английских капиталов в плантационное хозяйство (чай, кофе, табак, сизаль).

По оценкам специалистов ООН, капиталы компаний, действующих в Бельгийском Конго, увеличились с 218 млн. долл. в 1947 г. до 554 млн. долл. в 1952 г.¹² В Бельгийском Конго значительны вложения швейцарских монополий (главным образом в форме займов).

Необходимо отметить, что значительная часть капиталовложений западноевропейских государств и США в африканских колониях расходуется на военные нужды: строительство железных дорог и портов, имеющих стратегическое значение, а также военных баз. Расширение порта Момбаза в Кении, на которое затрачиваются крупные средства, обусловлено также в значительной степени стратегическим значением Момбазы¹³. В первой мировой войне этот порт являлся базой союзных войск, действовавших против германских вооруженных сил, а во второй мировой войне он был использован для снабжения войск, действующих против итальянских армий.

Отрывочные сведения, проникающие в иностранную печать, дают некоторое представление о масштабах военных затрат. По заявлению бельгийского министра обороны,

⁹ Подсчитано по данным «Survey of current business», August, 1955. p. 1611.

¹⁰ «Франция и тресты». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 279.

¹¹ «Tanganyika. Report for the year 1954». London, 1955.

¹² По данным «The international flow of private capital, 1946—1952», New York, 1954, p. 20—25.

¹³ «African world annual» 1955.

сделанному в начале 1955 г., стоимость военной базы в Камине составит 7500 млн. франков, а морской базы в Китоне около 1080 млн. франков. В конце 1955 г. было официально сообщено о продолжении, как и в предыдущие годы, работ по строительству военной базы в Камине¹⁴.

Норма прибыли на капиталы, помещенные в африканских колониях, значительно превышает норму прибыли не только от капиталовложений в метрополиях, но и норму прибыли от инвестиций во многих слабо развитых в экономическом отношении странах. В ряде случаев прибыли немногих лет, а иногда и одного года в несколько раз больше основного капитала.

Действующая в Северной Родезии британско-американская корпорация «Рокана»¹⁵ в течение 1945—1954 гг. получила чистую прибыль, которая почти в 14 раз превысила капитал, вложенный в 1945 г. Чистые прибыли компаний в Бельгийском Конго за шесть лет (1947—1952 гг.) составили 20,7 млрд. бельгийских франков (430 млн. долл.) и были в несколько раз выше их первоначального капитала¹⁶.

Буржуазные экономисты пытаются доказать, что высокие прибыли в экономически слабо развитых странах обусловлены природными условиями, богатством и благоприятным залеганием полезных ископаемых. Действительно, в США среднее содержание меди в добытой руде составляло в 1951 г. 0,9%; в Северной Родезии — оно было в четыре-пять раз выше. Однако не это обстоятельство играет решающую роль.

Основным источником громадных прибылей монополий являются низкооплачиваемый, зачастую рабский труд коренного населения Африки. Заработная плата африканских рабочих из коренного населения во много раз ниже не только заработной платы рабочих в Западной Европе или в США, но и работающих вместе с ними рабочих-европейцев. В Бельгийском Конго она меньше в 5—10 раз, в Северной Родезии — в 13—17 раз.

Широкое применение принудительного труда осуществляется монополиями при посредстве правительственных органов. Так, администрация португальской колонии Мозамбик по соглашению с правительством Южно-Африканского Союза поставляет ежегодно более ста тысяч рабочих для горной промышленности Южно-Африканского Союза, получая по 5 долл. за каждого человека¹⁷. В Анголе, другой португальской колонии, чиновники, по указанию губернатора через вождей племен и старост набирают нужное число рабочих. Вожди племен и старосты, не выполнившие разверстки, подвергаются телесным наказаниям. Система принудительного труда распространяется примерно на 379 тыс. человек, т. е. на 1/10 часть всего населения Анголы. Африканцы, доставленные по распоряжению властей, в принудительном порядке работают на строительстве правительственных дорог, а также на плантациях сахарного тростника, кофе и sisalа и на рудниках.

Наряду с прямыми формами насильственного принуждения в различных колониальных странах Африки применяется вербовка путем контрактации. Правовое и экономическое положение законтрактованных мало отличается от рабочих, доставленных путем принудительной разверстки. В ряде случаев условия труда работающих «по добровольному найму» были хуже условий труда принудительно работающих¹⁸.

Сотни тысяч африканцев, работающих на рудниках в Южно-Африканском Союзе и Бельгийском Конго, законтрактованы в Восточной Африке, Бечуаналенде, Ньясаленде и других колониях и находятся на положении заключенных. «Если единственной целью европейца является накопление богатства, — вынужден признать Гарруа, —

то арсенал находящихся в его распоряжении законодательных предписаний окончательно обрекает негра на состояние, близкое к рабству»¹⁹.

Насильственная экспроприация плодородных земель колонизаторами и выселение туземного населения в резервации является также и средством получения дешевой рабочей силы. В тех же случаях, когда это средство не достигает цели, как, например, в Кении, где согнанные с лучших земель африканцы все же отказываются работать на фермах переселенцев, колониальная администрация прибегает к насильственной вербовке. В некоторых колониях (например, португальских) погашение налоговых недоплат производится путем отработки по чрезвычайно низким расценкам. Налогообложение, как отмечает Гарруа, «принимает характер орудия средства восстановления рабства»²⁰.

В сельском хозяйстве Африки, наряду с крупным плантационным и фермерским хозяйством, основанном на принудительном труде, имеются и самостоятельные крестьянские хозяйства. Сохранение этих мелких хозяйств обусловлено различными причинами: сопротивлением местного населения попыткам экспроприации земли, неблагоприятными для европейских поселенцев климатическими условиями и т. д.²¹ Однако и в этих колониях большая часть продукта крестьянина присваивается монополиями, использующими местную буржуазию в качестве посредника. У африканского земледельца изымается продукт не только прибавочного, но и значительной части необходимого труда. Ограбление крестьянства достигается путем государственного регулирования цен, введенного под демагогическим лозунгом «защиты производителей» от колебаний мировых цен.

С 1939 г. в английских колониях стали создаваться специализированные государственные управления (торговые бюро). Важнейшей функцией их было установление закупочных цен на экспортируемые товары: какао-бобы в Уганде и на Золотом Берегу, хлопок — в Танганьике и Уганде и т. д. Фактически хозяевами в этих управлениях были крупнейшие монополии, для обогащения которых устанавливались цены в несколько раз ниже мировых. В отчете крупнейшего англо-голландского концерна «Юниливер» за 1952 г. отмечается, что «цены, выплачиваемые африканским производителям, были установлены на таком низком уровне, что, несмотря на падение мировых цен, торговые бюро в 1952 г. смогли сохранить прежние закупочные цены на нигерийские земляные орехи и хлопок»²². Именно благодаря столь низким ценам «Юнайтед Африка компани» — дочерняя компания «Юниливер», скупающая около половины всей экспортной продукции Нигерии и Золотого Берега, получает огромные прибыли.

Таким образом, регулирование цен, которое широко рекламируется буржуазной печатью, как средство защиты мелких производителей, является в действительности средством их ограбления монополиями.

* * *

Усиление эксплуатации народов и расхищения природных богатств Африки представляются в буржуазной прессе как подъем экономики и благосостояния масс. В 1948 г. в печати появился так называемый генеральный план развития французских колоний. Позднее были опубликованы «планы развития» Французской Западной Африки на 1947—1952 и 1953—1957 гг. В 1948 г. в Англии был издан «Акт о заморских ресурсах», который предусматривал создание двух специальных корпораций: по развитию колоний и по

¹⁹ Ж. П. Гарруа. Африка — умирающая земля. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 275.

²⁰ Там же, стр. 273.

²¹ На Золотом Берегу, в Нигерии и Уганде основная масса сельскохозяйственной продукции сосредоточена в руках местного населения.

²² «Английские монополии». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 120.

¹⁴ «African world», April, 1955; «African world annual», 1955.

¹⁵ «Рокана корпорейшн» контролируется финансовыми группами США — «Америкен металл» и Англия — Ротшильда.

¹⁶ «The international flow of private capital», p. 25.

¹⁷ «Народы Африки». М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 21.

¹⁸ B. Davidson. The African awakening. London, 1955, p. 202—208.

заморским продовольственным ресурсам. Началом деятельности первой из них была широкообещательная декларация о том, что ее задачей является повышение жизненного уровня колониальных народов.

В подтверждение эффективности этих мероприятий буржуазные экономисты ссылаются на рост промышленности и строительство новых предприятий, на расширение плантационного хозяйства и на вызванное этими процессами увеличение роли Африки в экономике капиталистического мира. При этом они умалчивают, какой ценой, за счет кого и в чьих интересах увеличивается продукция промышленности и сельского хозяйства.

Создание всевозможных правительственных и полуправительственных организаций по развитию колоний или для «помощи» слаборазвитым странам фактически подчиненных монополиям и действующим в их интересах, означает, что для ограбления колониальных и зависимых стран монополии все шире используют правительственный аппарат империалистических держав.

В Англии, по заявлению бывшего министра по делам колоний Крич Джонса, путем создания указанных выше корпораций «предпринимательству может быть оказана громадная помощь». В чем заключалась эта помощь, можно проследить на примере деятельности Корпорации заморских продовольственных ресурсов, которая была учреждена для реализации разработанного «Юнайтед Африкэн компани» проекта по выращиванию земляного ореха в Восточной Африке. Эта корпорация финансировалась, как и Корпорация по развитию колоний, английским казначейством. Корпорация заморских продовольственных ресурсов находилась в ведении министерства продовольствия, отдел растительных и животных жиров которого почти полностью состоял из бывших служащих «Юниливер», аккуратно получавших жалование от этого концерна²³. В результате деятельности корпорации прибыли «Юниливер» и других английских монополий увеличились.

Вместе с тем чрезвычайно низкие цены, по которым покупались сельскохозяйственные продукты у туземных крестьян, вызвали сокращение продукции некоторых важнейших культур. Так, в 1954/55 гг. сбор какао-бобов на Золотом Берегу и в Нигерии был на несколько десятков тысяч тонн ниже, чем в предвоенный период. Расширение посевных площадей под техническими экспортными культурами, проводившееся вышеуказанными корпорациями, сопровождалось отчуждением земли у коренного населения и привело к резкому ухудшению продовольственного положения. По данным «Выездной миссии Организации Объединенных Наций в подопечные территории Восточной Африки 1954 года» только в Танганьике было отчуждено около 3 млн. акров земли, большая часть которой передана европейским компаниям под плантации сизаля и других технических культур. О последствиях расширения этих плантаций можно судить по материалам, приведенным в докладе этой же миссии. В нем отмечается, «что производство пищевых продуктов в подопечной территории едва достаточно для удовлетворения нужд большинства населения даже при низких нормах питания»²⁴.

Изменения в экономике колониальных стран Африки, отражающие стремление монополий ко все большему превращению этих стран в сырьевые придатки метрополий, и военно-стратегическое строительство вызвали увеличение численности рабочего класса, усиление его роли в национально-освободительной борьбе народных масс против колониального гнета. Массовыми репрессиями и террором империалисты пытаются приостановить начавшийся великий процесс возрождения народов Африки. Антиколониальное движение, охватившее широчайшие массы в Азии, все больше начинает разворачиваться и в Африке, где, как и всюду, борьба с империализмом неразрывно связана с борьбой за мир.

Решения конференции 29 стран Азии и Африки в Бандунге, в которых была выражена воля народов этих стран к поддержанию всеобщего мира, и намечены пути и

²³ Р. Брейди. Кризис Британии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952, стр. 404.

²⁴ «Объединенные Нации. Совет по опеке. Пятнадцатая сессия. Официальные документы. Приложение третье». Нью-Йорк, 1955, стр. 33.

способы, с помощью которых может быть обеспечено более полное экономическое, культурное и политическое сотрудничество народов двух континентов, сыграли важную роль и для тех стран колониальной Африки, которые были лишены возможности принять участие в Бандунгской конференции.

Борьба народов колониальной Африки против империалистического гнета в послевоенный период отличается не только по масштабам, но и по характеру от движения предвоенных лет. Это можно проследить на примере забастовочного движения, являющегося частью общенародного движения за независимость и мир.

Стачки на отдельных предприятиях находят ныне поддержку не только у рабочих других отраслей народного хозяйства, но и у различных непролетарских слоев. Сплоченность рабочих все чаще вынуждает империалистов капитулировать, несмотря на широкое использование ими полицейских сил против бастующих.

Если в 1935 и 1940 гг. две стачки на медных рудниках в Северной Родезии были подавлены, то в 1952 г. после трехнедельной борьбы горняки добились удовлетворения большинства своих требований. Эта победа благоприятно сказалась и на увеличении численности членов профсоюза. Зимой 1955 г. стачка, продолжавшаяся 58 дней, также увенчалась победой горняков.

В марте 1955 г. в Кении забастовали десять тысяч докеров порта Момбаза, требуя повышения заработной платы. К ним присоединились рабочие нефтяной компании, электростанций и других предприятий. Войска и полиция не смогли подавить забастовку. По прошествии шести дней героической борьбы рабочие добились повышения заработной платы.

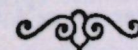
Систематически увеличивается число забастовок под лозунгом «Довольно с нас заработной платы рабов» и в других британских колониях (Сьерра-Леоне, Нигерия).

Осенью 1955 г. после 19-дневной забастовки 50 тыс. рабочих оловянных рудников Нигерии добились удовлетворения своих требований.

Под давлением трудящихся французской «черной Африки» в 1952 г. был издан «Кодекс законов о труде для заморских территорий». Хотя этот кодекс и не отразил многих справедливых требований рабочих, но содержит ряд важных статей, как, например, запрещение принудительного труда. Чтобы добиться проведения в жизнь кодекса и не допустить нарушения его статей монополистами и колониальными властями, трудящиеся провели две забастовки 3 ноября 1954 г. и 10—11 января 1955 г.²⁵

Наряду с экономическими требованиями бастующие выдвигают и политические. Так, шахтеры угольного бассейна в Сенегале провели 35-дневную всеобщую стачку, требуя восстановления на работе уволенного профсоюзного деятеля. На Золотом Берегу, после двухнедельной забастовки в 1955 г. горняки заставили администрацию компании «Ашанти гоулд майнз» пригласить на работу трех уволенных профсоюзных руководителей.

Отличительной чертой забастовочного движения последних лет является длительность стачек, свидетельствующая о более высокой организованности трудящихся колониальной Африки. Так, в 1955 г., по сравнению с предыдущим годом, в несколько раз повысилось число потерянных рабочих дней в связи с забастовками в Сев. Родезии, в Кении и на Берегу Слоновой Кости. Следует отметить создание в послевоенный период ряда профсоюзных центров, объединяющих большинство профсоюзов, как, например, Федерация труда Танганьики и Всенигерийская федерация профсоюзов, в которую входит 46 из 52 крупнейших профсоюзов.

²⁵ «Всемирное профсоюзное движение», июль 1955 г., декабрь 1955 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОБНАРУЖЕННОМ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ИНДИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ

И. М. ОРАНСКИЙ

Из индийских диалектов на территории Советского Союза отмечались до сих пор только цыганские. Однако в Средней Азии существует еще один бесписьменный индийский диалект, сохранившийся у небольшой группы оседлого сельскохозяйственного населения, называющей себя «афгон» (100—150 хозяйств). Они живут и работают в хлопководческих колхозах Таджикской и Узбекской ССР (Регарский, Гиссарский, Шахринауский, Денауский, Шурчинский, Сары-Асийский и некоторые другие районы). По этническому самосознанию и образу жизни эта группа резко отличается от встречающихся в тех же районах среднеазиатских цыган.

На территории Средней Азии группа «афгон» живет, по словам самих «афгонцев», по меньшей мере в третьем поколении; до переселения в Среднюю Азию предки их обитали более или менее продолжительное время на территории Афганистана¹. Наряду со своим родным диалектом все взрослые члены этой группы, мужчины и женщины, свободно владеют таджикским языком. Многие мужчины говорят также по-узбекски. Родной диалект (láfzi afḡonī, zabóni afḡonī) сохраняется в настоящее время только в семье и при общении с членами своей группы².

Естественно, что в этих условиях бесписьменный диалект, обслуживающий небольшую группу населения, живущую к тому же на протяжении ряда поколений в иноязычном окружении, не мог не претерпеть весьма значительных изменений. В сильнейшей мере этому должно было способствовать дву- и даже трехязычие членов описываемой группы. Значительным изменениям подвергся словарный состав диалекта; известные сдвиги произошли, вероятно, в фонетическом строе диалекта, возможно, и в других элементах его структуры. Тем не менее анализ основного словарного фонда и грамматического строя обнаруженного в Средней Азии диалекта группы «афгон» позволяет утверждать, что указанный диалект относится к семье индийских языков.

Приводимый ниже языковой материал записан автором в ноябре 1954 — июне 1955 г. в Регарском и Гиссарском районах Таджикской ССР, а также в Сталинабаде.

¹ О расселении группы «афгон» и этнографических ее особенностях см. И. М. Оранский. Индоязычная этнографическая группа «афгон» в Средней Азии. «Советская этнография», 1956, № 2.

² Но в семье этот диалект весьма устойчив. Важно отметить, что маленькие дети, отец и мать которых принадлежат к группе «афгон», начинают говорить именно на этом диалекте и лишь впоследствии, общаясь с соседскими ребятами, быстро овладевают таджикским или узбекским языком (иногда и тем и другим одновременно).

ЛЕКСИКА

Лексический состав изучаемого диалекта очень сложен. Он включает в себя несколько слоев различного происхождения, анализ которых может помочь проследить исторические судьбы этой группы населения. Сравнение основного словарного фонда изучаемого диалекта с лексикой хиндустани отчетливо выявляет принадлежность его к семье индийских языков, точнее, к центральной группе индоарийских языков³.

Изучаемый диалект	Хиндустани		Изучаемый диалект	Хиндустани	
āḡ	āj	‘сегодня’	git	gīt	‘песня’
āk	āg	‘огонь’	haḡi	haḡḡi	‘кость’
ando	andā	‘яйцо’	haṭ	hāṭh	‘рука’
ānk	āṅkh	‘глаз’	hunṭ	honṭ	‘губа’
bakəri	bakrī	‘коза’	jip	jībḡ	‘язык’
bāl	bāl	‘волос’	kalla	kal	‘вчера, завтра’
beṭa	beṭā	‘сын’			
biṭ/i/ya,	beṭī, biṭiya	‘дочь’	kalu	kālā	‘черный’
bita			kām	kām	‘работа’
billi, bēli	billī	‘кошка’	nāk	nāk	‘нос’
borḡo	baṛā	‘большой’	kar	ghar	‘дом’
buḡo	buddhā	‘старик’	kas	ghās	‘травы’
čān	čānd	‘луна’	kiṛa	kiṛā	‘червяк’
čiri	čirī	‘птица’	lakṛi	lakṛī	‘палка’
čuri	čurī	‘нож’			
dān/t/	dānt	‘зуб’	lal	lāl	‘красный’
daṛi	dārhī, dārhī	‘борода’	nin	nīnd	‘сон’
din	din	‘день’	ruṭi	roṭī	‘хлеб’
dija	dija	‘керосиновая лампа’	saḡ	saḡ	‘верно, правильно’
dut	dūdh	‘молоко’			

Некоторые слова в изучаемом диалекте не имеют соответствий в хиндустани и в других диалектах западного хинди, но могут быть объяснены на материале других индийских языков. Так, например, слова mundō ‘мальчик, парень’ и gaṇ ‘жена, женщина’ имеются в диалектах панджаби (muṇḡā, gaṇn), muṛs ‘муж, супруг’ — в диалектах лаханда, bald ‘бык’, nakro ‘плохой’ — в диалектах пахари (bold, bald, nakro), mangar ‘синяя’ — в диалектах джайпури и данги (в р-не Джайпура); pegar ‘волк’ (хинд. bheṛiyā, bheṛyā) следует, видимо, связывать с bighīār в мультапи.

Как уже говорилось выше, несколько поколений группы «афгон» живет в иноязычном окружении. Естественно, что в этих условиях в их родной диалект проникло весьма значительное количество слов из других языков, главным образом из таджикского или персидского:

barf ‘снег’ (хинд. barf, тадж. barf); bazar, bāzār, bozor ‘базар’ (хинд. bāzār, тадж. bozor); čar ‘левый’ (тадж. čar); čarx ‘колесо’ (хинд. čarx, тадж. čarx); dam ‘дыхание’ (хинд. dam, тадж. dam); daraxṭ ‘дерево’ (хинд. daraxṭ, тадж. daraxṭ); daš ‘степь, поле’ (хинд. dašt, тадж. dašt); fadṛa ‘завтра’ (хинд. fardā, тадж. fardo); fil ‘слон’ (хинд. fil, тадж. fil); gardan ‘шея’ (хинд. gardan, тадж. gardan); mayin ‘тонкий’ (тадж. mahin); yax ‘холодно’ (хинд. yax, тадж. yax) и т. д.⁴

³ По классификации Грирсона (Grierson. Linguistic Survey of India, vol. IX, part 1, стр. 614), в эту группу входят следующие языки: хинди (включая его диалект хиндустани, со времен Могольской империи являющийся lingua franca почти для всей Индии), раджастхани, гуджарати и панджаби. В настоящем сообщении для сравнения привлекается хиндустани как наиболее изученный из всех языков и диалектов этой группы.

⁴ По урду-русскому словарю В. М. Бескровного и В. Е. Краснодембского.

⁵ ṅ обозначает здесь назализацию предшествующего гласного (āṅkh-ākh).

⁶ Поскольку лексика таджикско-персидского и арабского происхождения широко распространена в языках и диалектах северо-западной Индии и Афганистана, многие

В составе таджикской (или персидской) лексики в словарь диалекта широким потоком вливались и слова арабского происхождения: *kalam* 'карандаш'; *kitāb* 'книга'; *dars* 'урок'; *maktab* 'школа'; *imkin* 'можно, возможно'; *paras* 'дыхание'; *rais* 'председатель'; *surat* 'рисунок, картина'; *tillo* 'золото'; и т. д.

Займствования из узбекского языка (многие из них проникали, вероятно, через посредство таджикского) сравнительно малочисленны. Отметим следующие: *bulut* 'облако, туча, облачный'; *kurbaka* 'лягушка'; *kurčay* 'кукла'; *koš* 'бровь'; *ukiš, okiš* 'учение, чтение'; *luğə* 'правда, правильно'; *tulki* 'лиса'; *ukuvči* 'студент'; *ugur* 'семья, род'; *yās* 'молодой'.

Последними по времени являются русские заимствования (и вошедшие через посредство русского языка международные): *karzinka* 'корзинка'; *kalhoz* 'колхоз'; *magazin* 'магазин'; *raiz* 'поезд'; *ručka* 'ручка'; *sumka* 'портфель'; *traktor* 'трактор'; *gazet* 'газета'; *mašin* 'машина'; *radio* 'радио'.

Афганское слово *dofo* 'хлеб, пища' известно носителям диалекта в форме *fofi*, но не употребительно (они считают это слово арабским). Афганским по происхождению является, очевидно, также слово *xoč* 'грязный'. Ср. афганское *xāča* 'грязь, глина'?, *xoč* 'мутный'.

Для некоторых слов нам не удалось пока найти соответствий ни в современных индо-иранских, ни в других языках. Например: *ayzo* 'женщины'; *be* 'дверь'; *čakar*, *čakar* 'грязный' (узб. *čirkini*?); *kadun* 'когда' (ср. скр. *kadā*, др.-иран. *kada*) и т. д.

Другие слова поддаются объяснению с известной долей вероятности; *Jonu* 'колено' следует, вероятно, связывать с хинд. *jāṅgh* 'бедро' (ср. др.-иран. *zānu*, тадж. *zonu*); *jāl* 'мешок' — с хинд. *jāl* 'сеть, сетка' (ср. афг. *jāla* 'плот из бурдюков'; возможно также *jāl* < тадж. *juvol* // перс. *jovāl* 'мешок'); *menju* 'мозг' стоит, возможно, в связи с хинд. *manjhlā* 'средний', *menđ* 'межа' (ср. также хинд. *bhejā* 'мозг'). Интересно, что слово *guč/č/ó* (ж. р. *guči*), по объяснению молодежи, 'мужчина' ('женщина'), по объяснению старших — 'узбек', 'таджик'. Как нам кажется, такое значение позволяет сопоставить это слово с украинско-цыганским *gač* (ж. р. *gači*) 'цыган(ка)'⁸, английско-цыганским *gorjo*, персидско-цыганским *gerze*⁹ с той же основной семантикой — 'представитель другой группы населения, чужак'¹⁰.

Любопытно, что некоторые слова (термины родства) представители старшего и младшего поколений употребляют в различных значениях. Например, *dā* — для

из перечисленных слов могут являться и старыми заимствованиями, проникшими в диалект еще до переселения его носителей в Среднюю Азию.

⁷ См. Ефимов. Афганский (пушту) переводчик. Ташкент, 1907, стр. 4; ср. П. Б. Зудин, Афганско-русский словарь, стр. 228. Слово это в форме *xit* 'скверный, плохой' зафиксировано в арго среднеазиатских цыган (люди) и в *abdoltili* — арго цеха музыкантов и бродячих актеров Средней Азии (см. А. Л. Троицкая. *Abdoltili* — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии. «Советское востоковедение», 1948, № 5, стр. 257). Вряд ли, однако, следует сопоставлять его с древнееврейским *xoč* 'грех'.

⁸ См. О. Баранников. Украинські та південно-російські циганські діалекти. Л., 1933, стр. 38. Из этой же работы извлечены приведенные ниже материалы по диалектам украинских и южнорусских цыган.

⁹ См. W. Ivanow. On the language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia). Separata from «Journal of the Asiatic Society of Bengal» (New Series), vol. X, 1914, № 11, p. 450; см. также А. Л. Троицкая. Указ. соч., стр. 270.

¹⁰ Нет ли связи между этим словом и этническим термином *gučar* (скр. *gurčara* *gučjara*)? Семантическое единство поддерживается здесь и фонетическим соответствием *č/ž* (ср. приведенное выше *čč* 'сегодня' // хинд. *ā*). Гуджары — название племени, проникшего в Индию с северо-запада и распространившегося в V—VII вв. н. э. до Гуджарата. Из последних работ см.: В. С. Воробьева-Десятовский. О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии. «Вестник ЛГУ», 1954, № 12, стр. 157; И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 88, 94 и др.

взрослых — 'старший брат', для детей — 'отец'; *ji* — для взрослых — 'старшая сестра', для детей — также и 'мать'¹¹.

Для характеристики лексического состава изучаемого диалекта весьма показательны числительные. В них наглядно отражаются многочисленные и разнообразные языковые воздействия, испытанные в течение многих веков его носителями.

Числительные первого десятка совпадают в общем с соответствующими числительными хиндустани и других диалектов центральной группы индоарийских языков:

Изучаемый диалект	Хиндустани ¹²	
ek	ek	'один'
do	do	'два'
tin	tīn	'три'
čār	čār	'четыре'
pañ	pañc	'пять'
še	šha	'шесть'
sat	sāt	'семь'
ač	āčh	'восемь'
nu	nau	'девять'
das	das	'десять'

Числительные второго десятка представлены двумя формами. Первая из них аналитическая, образуемая сочетанием числительного *das* 'десять' с числительными, обозначающими единицы. Сочетание образуется при помощи союза *ti*¹³: *dastiyeč* (*das-ti-y-ek*) 'одиннадцать'; *dastido* (*das-ti-do*) 'двенадцать'; *dastitin* (*das-ti-tin*) 'тринадцать'¹⁴ и т. д.

Другая форма для числительных второго десятка (*yārān* 'одиннадцать', *bārān* 'двенадцать', *terān* 'тринадцать') также не находит соответствий в хиндустани, но совпадает в общих чертах с соответствующими числительными языков панджаби, лахита и синдхи:

Изучаемый диалект	Панджаби ¹⁵	Синдхи ¹⁶	Лахита ¹⁷	Хиндустани	
yārān	yārā	yārāhā	yārāhā	giyārah	'одиннадцать'
bārān	bārā	bārāhā	bārāhā	bārāh	'двенадцать'
terān	terā	terāhā	terāhā	terāh	'тринадцать'
čavdān	terā	terāhā	terāhā	čaudah	'четырнадцать'
pan/d/rān	čaudā	čōdahā	čōdahā	pandrah	'пятнадцать'
savlān	pandrah	pandrahā	pandrahā	solah	'шестнадцать'
sārān	pandrah	sōrahā	solhā	satrah	'семнадцать'
ačārān	sōlā	sārahā	satārāhā	ačhārah	'восемнадцать'
unī	satārā	satārāhā	satārāhā	unnīs	'девятнадцать'
	ačhārā	arāhā	ačhārā		
	unnī	unthā	unvī		

Числительное 'двадцать' — *bis/t* — совпадает с соответствующим числительным хиндустани (*bīs*), но отличается от панджаби (*wīh*), лахита (*vīh*) и синдхи (*vīha*).

¹¹ Ср. хинд. *ji* 'старшая сестра'; *jijā* 'мать' (отмечено в повествовательном тексте, записанном А. И. Болдыревым в правобережном Гороне от зебака Партови. См. А. И. Болдырев. Бадахшанский фольклор. «Советское востоковедение», 1948, № 5, стр. 293).

¹² Здесь и дальше числительные хиндустани приводятся по кн.: А. П. Баранников. Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.

¹³ Ср. союзы *te*, *atē* в языках группы лахита; *te*, *atē* — в панджаби; *ta* — в цыганских диалектах.

¹⁴ Ср. аналогичную конструкцию в диалектах украинских цыган: *dešuyek* (*deš-u-yek*) 'одиннадцать' и т. д.

¹⁵ См. T. Gr. Bailey. *Panjabī grammar as spoken in the Wazirabad district*. Lahore, 1904.

¹⁶ См. E. Trumpp. *Grammar of the Sindhi language*. Lahore, 1872.

¹⁷ См. E. O'Brien. *Glossary of the Multani language*. Lahore, 1903.

Параллельная форма *bist* объясняется, очевидно, контаминацией с таджикским *bist* 'двадцать'¹⁸.

Числительные третьего и последующих десятков образуются по схеме: числительное, обозначающее десятки (*bis* 'двадцать', *tri* 'тридцать', *čall/i* 'сорок') + союз *ti* + числительное, обозначающее единицы: *bistiať* (*bis-ti-ať*) 'двадцать восемь', *tritiyek* (*tri-ti-y/-ek*) 'тридцать один', *čall/i/tido* (*čall/i-ti-do*) 'сорок два' и т. д.]

Такой тип числительных в доступных мне материалах по индоарийским языкам Индии не отмечен. Сравните:

Изучаемый диалект	Хиндустани	Панджаби	Синдхи	Лакхита	
<i>bistiyek</i>	<i>ikkīs</i>	<i>ikwī</i>	<i>ēkīha</i>	<i>ikkī</i>	'двадцать один'
<i>bistitīn</i>	<i>to'īs</i>	<i>trōī</i>	<i>trōvīha</i>	<i>trōvī</i>	'двадцать три'
<i>bistiať</i>	<i>aťha'īs</i>	<i>aťhāvī</i>	<i>aťhāvīha</i>	<i>aťhāī</i>	'двадцать восемь'

Такая конструкция возникла, очевидно, под влиянием таджикского языка, в котором числительные от двадцати одного и выше образуются аналогичным образом (*bist-u-yak* 'двадцать один', *bist-u-du* 'двадцать два' и т. д.). Правда, аналогичная конструкция встречается и в диалектах украинских цыган.

Привлекает внимание факт сохранения двадцатиричного счета¹⁹: *tinbis/ti* (*tin-bis*) 'шестьдесят', *tinbis/i/tiyek* (*tin-bis-ti-y/-ek*) 'шестьдесят один', *čārbis/ti* (*čār-bis*) 'восемьдесят' и т. д. Для выражения числительных 'семьдесят' и 'девяносто' к числительным, обозначающим 'шестьдесят' и 'восемьдесят', прибавляется соответственно частица *sare*: *saretinbisi* — 'семьдесят', *saretinbis/i/tiyek* (*sare-tin-bis-ti-y/-ek*) — 'семьдесят один', *sarečārbisi* — 'девяносто', *sarečārbis/i/tiyek* 'девяносто один' и т. д.²⁰ Любопытно, что указанные числительные для 'семьдесят' и 'девяносто' известны только лицам старшего поколения. Молодежь их не знает и употребляет соответствующие таджикские числительные (*haftād* и *navād*) или же, если речь идет о деньгах, сочетания *sat červon*, *nu červon* — 'семь червонцев', 'девять червонцев'.

ФОНЕТИКА

Преждевременной была бы попытка дать сейчас фонологическую картину изучаемого диалекта. Поэтому в данном разделе я ограничиваюсь указанием на некоторые характерные черты звукового строя описываемого диалекта и на отдельные историко-фонетические корреспонденции.

При первом же знакомстве с языком обращает на себя внимание наличие церебральных *č*, *t*, *g*, *n*: *tuća* 'кусок' (хинд. *tūća* 'сломанный, разбитый?'); *tođi* 'подбородок' (хинд. *thoṛi*); *ruči* 'хлеб' (хинд. *roṭi*), *reť* 'живот' (хинд. *reť*); *reñ* 'младшая сестра' (хинд. *bahin*, укр.-цыг. *phen*); *paṛ* 'гора' (хинд. *paṛāṛ*); *muṛs* 'муж' (лакхита *muṛs*); *buđo* 'старик' (хинд. *buđdhā*).

¹⁸ Эта контаминация поддерживается и числительными третьего десятка (*bis-ti-yek* 'двадцать один', *bis-ti-do* 'двадцать два'), где согласный *t* (входящий в состав союза) переосмысливается как последний звук числительного 'двадцать'. Ср. параллельные формы *bist-u-yek*, *bist-u-do*, где в качестве соединительного гласного использован уже таджикский союз *u*.

¹⁹ Это явление отмечается и в некоторых таджикских диалектах, например в дарвазских: *yakbist* 'двадцать' ('одна двадцатка'), *yakbist-u* *panj* 'двадцать пять', *dubist* 'сорок', *seḡist* 'шестьдесят', *seḡist-u* *dah* 'семьдесят', *seḡist-u* *dah-u* *hašt* 'семьдесят восемь' и т. д. (записано со слов Мухитдинова — уроженца кишлака Хумб-Вари, расположенного недалеко от Калаи-Хумба).

²⁰ Ср. хинд. *sāṛhe* 'с половиной', в данном случае 'с половиной двадцатки'. Самостоятельно это числительное не употребляется, и значение его посетителям диалекта не известно.

В звуковой системе диалекта безусловно наличествуют придыхательные звуки смычные и аффрикаты. Однако, как мне кажется, придыхание является в настоящее время факультативным: в речи представителей младшего поколения оно почти никогда не слышится, у взрослых оно тоже неустойчиво, даже у одного и того же лица. Ср. *maki* и *makhī* 'муха' (хинд. *makhī*); *dan muro dukhai* 'у меня болит зуб' и *kiljo muro dukai* 'у меня болит сердце'; *čō* и *čho* 'он был'; *čē* и *čhe* 'есть, имеется'.

В диалекте представлены назализованные гласные, например, *kō* 'кто', *me muallim čū* 'я (есть) учитель'; *me gal karūi* 'я разговариваю'; *me tarūi* 'я имею'; *mo*, *mō* 'рот' и т. д.

Обращает на себя внимание неотчетливость взрывных по степени звонкости: *bot//bod* 'очень, много'; *jak//jag* 'место' (но в интервокальном положении отчетливо — *jaga*²¹); *kas//gas* 'трава' и т. д.

Из фонетических корреспонденций, характеризующих изучаемый диалект сравнительно с литературным хиндустани, отметим следующие:

e // хинд. *ai*. Ср. *per* 'нога' // хинд. *paṛ*; *me* 'я' // хинд. *mai*; *beť* 'сидеть' // хинд. *bať* *lhnā*.

o-(*u*) // хинд. *au*. Ср. *kō* 'кто' // хинд. *kaun*; *duť* 'бежать' // хинд. *daunā*; *nu* 'девять' // хинд. *naṇ*²².

Исходное *-o* // хинд. *-ā*. Ср. *tago* 'нить' // хинд. *tāgā*; *mať/h/o* 'лоб' // хинд. *maťhā*; *kuṛgo* 'конь' // хинд. *ghoṛā*; *ando* 'яйцо' // хинд. *andā*²³.

p // хинд. *bh*. Ср. *ṛip* 'язык' // хинд. *ṛibb*; *pať* 'брат' // хинд. *bhať*; *reñ* 'сестра' // хинд. *bahin* (> **bhin*); *paṛo* 'тяжелый' // хинд. *bhāṛi*.

t // хинд. *dh*. Ср. *duť* 'молоко' // хинд. *dūdh*; *tup* 'солнце' // хинд. *dhūp*.

k // хинд. *gh*. Ср. *kuṛgo* 'конь' // хинд. *ghoṛā*; *kas* 'трава' // хинд. *ghās* (ср. *khas* у закавказских цыган боша); *kar* 'дом' // хинд. *ghar* (ср. *kar* // *gar* 'дом' у цыган боша).

Три последних ряда соответствий позволяют сделать следующий вывод, важный для установления диалектологического места изучаемого наречия: звонкие смычные придыхательные хиндустани (*bh*, *dh*, *gh*) закономерно соответствуют глухим смычным простым (*p*, *t*, *k*) в изучаемом диалекте²⁴.

Падение конечных носовых *m*, *n*: *nā* 'имя' // хинд. *nām*. В ряде случаев отпавший носовой оставляет рефлекс в виде назализованного гласного: *kō* 'кто' // хинд. *kaun*; *mo*, *mō* 'рот' // хинд. *mūn*.

Неустойчивость зубных взрывных *t*, *d*, (особенно в исходе слова): *nin* 'сон' // хинд. *n'nd*; *dān*, *dānt* 'зуб' // хинд. *dānt*; *čān* 'луна' // хинд. *čānd*; *ami* 'человек' // хинд. *admī*.

Падение *h* и стяжение слогов, включающих в себя *h*: *kai?* 'какое (есть)?' // хинд. *kuā hai?*²⁵; *bot* 'много' // хинд. *bahut*; *paṛ* 'гора' // хинд. *paṛāṛ*.

В ряде случаев *h* > *y*. Ср. *loyo* 'железо' // хинд. *lohā*.

Следует указать, что фонетические явления, отмеченные в последних трех пунктах, наблюдаются и в таджикском говоре группы «афган». Ср., например, падение *d*, *t* в словах *daš* 'степь, поле' (< тадж. *dašt*); *guš* 'мясо' (< тадж. *gūšt*, *gušt*); *ban*

²¹ Из *jāgah?*

²² Аналогичные процессы монофтонгизации дифтонгов *ai*, *au* широко распространены во многих диалектах центральной группы индоарийских языков.

²³ Исход на *-o* характерен для языков раджастан и гуджарати, а также для тех диалектов западного хинди, которые испытали их влияние (например, диалект бундели).

²⁴ Тенденцию к оглушению придыхательных звонких смычных можно наблюдать и в других индийских диалектах: ср. панджаби *kar* 'дом', *kōṛā* 'конь', *paṛā* 'сестра'; цыг. (украинское) *kher* 'дом', *phen* 'сестра', *pxal* 'брат', *pxaho* 'тяжелый'; пере.-цыг. *kur* 'дом'; цыг. (боша) *kar* // *gar* 'дом', *khas* 'трава' и т. д.

²⁵ Например, *turo nā kai?* 'как тебя зовут?' ('каково твое имя?') // хинд. *tērā nām kuā hai?*

‘закрытый’ (<тадж. band); падение h^{26} и переход $h > u$ в словах га ‘дорога’ (<тадж. roh, rah); mayin ‘тонкий’ (<тадж. mabin) и т. д. Эти особенности свойственны южным говорам таджикского языка²⁷. Вместе с некоторыми другими фонетическими признаками (например, отсутствие гласного $\bar{u}$: sum ‘рубли’, big ‘мел’, muza ‘сапог’; переход поствокального $b > w$: sew ‘яблоко’, bowo ‘дод’) они могут указывать на связь таджикского говора группы «афгон» с южнотаджикскими диалектами. «Акающий» характер приведенных таджикских слов (см. выше) дает известные основания предполагать связь с говорами типа «кабули», распространенными на территории Афганистана.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Имена существительные имеют категорию грамматического рода, что проявляется и в окончаниях, и в согласовании с прилагательными, например: kalo kurgu ‘черный конь’, но kali kurgu ‘черная кобыла’; me ek boggo mundo tarui ‘я имею взрослого (большого) сына’, но me ek boggi bitua tarui ‘я имею взрослую (большую) дочь’.

Отношения между словами в предложении выражаются при помощи развитой системы послелогов. Так, послелог -ma²⁸ обозначает место действия: me kal xoz-ma kam karui ‘я работаю в колхозе’; me kalla maktab-ma eo ‘я был вчера в школе’ и направление действия: o raiz Stalinobod-ma jova ‘этот поезд идет в Сталинабад’; me fadga maktab-ma jova ‘я пойду завтра в школу’.

Послелог -ta обозначает адресат действия: minja ragun muallim-ta ek | h | andi dino ‘я дал учителю в прошлом году котел’; ya daftar-ta m a - t a de! ‘дай мне эту тетрадь’ и объект действия²⁹: ham ka ran-ta bijai ‘мы сеем пшеницу’; na dar, me kuto-ta rugui ‘не бойся, я собаку держу’.

Послелог -nala обозначает орудие действия: me nak-nala napas lova ‘я дышу носом’, совместность действия³⁰: muallim rais-nala gal kara ‘учитель говорит с председателем (колхоза)’.

Послелог -na³¹ выражает субъект действия при переходных глаголах прошедшего времени: kalla maktab-ma ma-ta ek mundo-na maryo ‘меня побил вчера в школе один мальчик’.

Послелог -ko³² выражает притяжательность: is muallim-ko na kai? ‘как зовут этого учителя?’; (‘как имя этого учителя?’); me kal xozdi betai ‘я сын колхозника’; kol xoz-ko rais auo ‘пришел председатель колхоза’.

Личные местоимения

Прямая форма:	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	me	ham
2 л.	tu	tam
3 л.	o	o

²⁶ Падение h характерно также для афганского языка. Ср. афг. bāna ‘повод, предлог’ (<перс. bahāna).

²⁷ См., например, А. Н. Болдырев. Указ. соч., стр. 282—283.

²⁸ Ср. послелог -mei ‘в, внутри, внутрь’ в литературном хиндустани (А. П. Баранников. Хиндустани. Л., 1934, стр. 194—195), а также локативные послелоги в диалектах западного хинди: -mē, māi (брадж), -mā, -mē (канауджи), -maī, -mē (бунделл), в диалектах раджастанхи: -māi, -māi (марвари), -ma (нимадхи).

²⁹ Ср. послелог -te, -tai в диалекте бангару (зап. хинди), выполняющий эти же функции.

³⁰ Ср. послелог комитативности nāi в панджаби.

³¹ Ср. послелог деятеля -ne в литературном хиндустани (А. П. Баранников. Указ. соч., стр. 39), -nai, -nē, -nē в территориальных диалектах западного хинди, -nai в панджаби и -nē, -nai, -na в диалектах раджастанхи.

³² Ср. послелог -ka в литературном хиндустани (А. П. Баранников. Указ. соч., стр. 38); -kā, -ko, -ka в диалектах западного хинди, -ko — в раджастанхи.

Прямая форма личного местоимения служит для выражения субъекта действия при глагольных формах настоящего и будущего времени, а также для непереходных глаголов прошедшего времени: me xat likui ‘я пишу письмо’; tu kadun ova? ‘ты когда приедешь?’; me kalla bazra giyo ‘я ходил вчера на базар’.

Косвенные формы личных местоимений образуются из основы косвенной формы, к которой присоединяются соответствующие послелоги.

Основа косвенной формы:

1 л. ед. ч.	ma-
2 л. ед. ч.	ta-
3 л. ед. ч.	ue-

Если местоимение выступает в роли объекта действия, к нему присоединяется послелог -ta: tu kaine us-ta mara? ‘зачем ты его бьешь?’; kalla minja ta-ta maryo ‘вчера я побил тебя’; kalla tinja mata maryo ‘вчера ты побил меня’. Этот же послелог присоединяется, если личное местоимение выступает в роли адресата действия: euri (ta) ma-ta de! ‘дай мне пож!’; us-ta ke ‘скажи ему’.

Для выражения субъекта действия при прошедшем времени переходных глаголов служат особые формы: minja (1 л. ед. ч.), tinja (2 л. ед. ч.), usna (3 л. ед. ч.). Примеры: minja bozor-mata ek korgo molo linco ‘я купил на базаре коня’; kalla tinja ma-ta maryo ‘вчера ты меня побил’; us-na yāš kran ago ‘он взял молодую жену’.

Глагол

Повелительное наклонение для 2 л. ед. ч. совпадает с основой настоящего времени: lo! ‘возьми!’, de! ‘дай!’, dek (h)! ‘посмотри!’, ja! ‘уйди!’, gal kar! ‘говори!’.

Инфинитив образуется при помощи суффикса -no (ср. хинд. -nā), присоединяемого к основе настоящего времени: aynalīz kar nō darkōr ‘нужно сделать анализ (медицинский)’.

Личные формы настоящего времени образуются прибавлением к основе соответствующих окончаний³³:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-ūi, -ai	-ai, -āi
2 л.	-ai	-ai
3 л.	-ai, -ui, oi	-ui, -oi

Например: me xat likui ‘я пишу письмо’; me git gōva ‘я пою песню’; tu ka kam kara? ‘ты что делаешь?’; kurgu duja ‘лошадь бежит’; o mundo kalui ‘этот мальчик стоит’; bitua ruṭi koī (<kovai) ‘девочка кушает’; ham isi kal xoz-ma zindagoni kara ‘мы живем в этом колхозе’; ham ruṭi rakovāi ‘мы печем хлеб’; tam avkat kau ‘вы кушаете’; nagina kalui ‘мужчины стоят’; mundo ruṭi koī ‘мальчики обедают’.

Эта же форма служит для выражения будущего действия.

Прошедшее время выражается причастными формами: minja maryo ‘я ударил’; tinja maryo ‘ты ударил’; usna maryo ‘он ударил’. Ср. также: pai muro Stalinobod-ma giyo ‘мой брат (младший) уехал в Сталинабад’; minja kalla ek begona muallim rek | h | o ‘я видел вчера чужого (незнакомое) учителя’.

Приведенные примеры дают право утверждать, что исследуемый диалект принадлежит к индоарийской семье языков. Сложнее вопрос, к какому из многочисленных индийских языков следует его отнести. Ограниченность материалов на интересующем нас наречии, а также слабая изученность живых языков и диалектов Северо-Западной Индии заставляют воздержаться пока от окончательных выводов.

³³ Если основа оканчивается на гласный, то она претерпевает при этом различные фонетические видоизменения.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ В 1955 г.

В соответствии с планом научно-исследовательской работы восточного факультета его сотрудники в 1955 г. работали над рядом актуальных проблем. Большое внимание уделялось также разработке новых курсов и спецкурсов, призванных повысить подготовку квалифицированных востоковедов. В 1955 г. на факультете началось научение вьетнамской и индонезийской филологии, расширился круг изучаемых индийских языков. Большое место заняла подготовка к юбилейной научной сессии, посвященной столетию факультета, которая состоится в 1956 г. На сессии предполагается обсудить 32 научных доклада; 28 из них подготовлены научными работниками факультета.

Факультет уделяет большое внимание подготовке специалистов высшей квалификации. В 1955 г. были завершены три докторские диссертации. В настоящее время еще несколько сотрудников факультета пишут докторские диссертации. Научные работники факультета писали и рецензировали статьи по вопросам востоковедения для Большой советской энциклопедии; принимали участие в подготовке и издании ряда коллективных трудов, выпускаемых различными учреждениями.

В 1955 г. работниками факультета было опубликовано 65 научных работ.

В научной продукции филологических кафедр факультета важное место занимают исследования по грамматике, в том числе две крупные монографии: М. Н. Боголюбов (докторская диссертация) «Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследования и материалы» и Т. Е. Катенина «Очерк морфологии языка маратхи». А. И. Марков заканчивает грамматику тофаларского языка — первый опыт описания грамматического строя этого языка. С. Е. Яхонтов существенно переработал и подготовил к печати свою работу «Категория глагола в китайском языке» (1954 г.).

Исследованиям отдельных грамматических вопросов посвящены работы А. Н. Кононова¹ «О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке», освещающая одно из важнейших, но совершенно не изученных явлений синтаксиса турецкого языка, А. А. Холодовича «К вопросу о залоге в корейском языке (категория пермиссива)» и Г. Е. Рачкова «Времена в корейском языке», статья об условных деепричастиях в японском языке Д. П. Бугаевой, глава докторской диссертации Д. А. Алексеева об имени прилагательном в бурят-монгольском языке. Д. А. Алексеев подготовил к юбилейной сессии факультета доклад «Грамматическая категория отрицания в монгольских языках». Большой интерес для монголоведов представляют также три опубликованные им в 1955 г. грамматические работы².

¹ Им же в 1955 г. сдана в Издательство АН СССР «Грамматика турецкого языка».
² Д. А. Алексеев. Об имени прилагательном. «Вопросы языкознания», 1955, № 3; его же. О территориальных диалектах бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955; его же. Обогащение словарного состава бурят-монгольского языка в советский период. «Записки Научно-исследовательского института культуры, т. XX. Улан-Удэ, 1955.

Среди работ аспирантов-лингвистов привлекает внимание защищенная С. Н. Муратовым (кафедра тюркской филологии) диссертация «Сложные имена в системе башкирского словосложения». Аспирант той же кафедры С. Н. Иванов работает над диссертацией по синтаксису современного узбекского языка. Аспирант С. Н. Соколов подготовил для юбилейной сессии факультета доклад на тему диссертации «К истории каузатива в западноиранских языках». Диссертационная тема отражена и в докладе П. А. Баранникова «Взаимоотношение лексики хинди и урду». П. А. Баранников готовит к изданию «Учебник языка хиндустани», начатый акад. А. П. Баранниковым. На кафедре индийской филологии завершена работа над кандидатскими диссертациями: «Лексико-грамматическое значение образующих глаголов в индийском языке» (Н. И. Толстая) и «Простые и сложные послелогии в языке хиндустани» (Р. Г. Холева).

В последнее время повысился интерес лингвистов факультета к изучению фонетики восточных языков. Так, С. Г. Рудин подготовил к печати статью «Некоторые вопросы фонетики языка хиндустани». В. М. Наделеев закончил обобщающее исследование «Звуковая система современного монгольского языка» (доклад для юбилейной сессии). Н. Д. Андреев подготовил доклад для юбилейной сессии — «Система фонем вьетнамского языка». В. И. Завьялова закончила экспериментальную часть готовящейся ею «Фонетики современного персидского языка».

В числе новых учебных пособий, подготовленных на факультете в 1955 г., следует отметить своеобразную текстовую подборку типа хрестоматии, всесторонне документирующую употребление деепричастных форм в современном турецком языке (Н. И. Шампилова), а также хрестоматию по турецким диалектам (А. П. Векплов). О. П. Петрова закончила первый в нашей науке учебник китайского письменного языка в Японии — «Камбуна». Л. А. Липини окончил работу над третьим выпуском своей грамматики аккадского языка — «Вавилоно-ассирийский язык». Сдана в производство большая хрестоматия санскритских текстов, составленная В. И. Кальяновым.

В 1955 г. значительно продвинулась работа над учебниками, завершаемыми в текущем году. Так, учебная грамматика современного китайского языка С. Е. Яхонтова пополнилась двумя разделами — «Имя прилагательное» и «Дополнение»; исследование определения опубликовано³.

Сопоставительная грамматика русского и японского языков А. А. Бабищева пополнилась главой о придаточном предложении. Близка к окончанию работа над грамматикой древнеегипетского языка (Н. С. Петровский).

Следует отметить большую работу, проведенную лингвистами кафедры африканской филологии под руководством проф. Д. А. Ольдерогге. Так, в 1955 г. продолжалась работа над грамматикой амхарского языка (Т. Л. Тютрюмова) и языка зулу (Н. В. Охотина), велись исследования в области синтаксиса языков хауса (Н. С. Людвиговская) и суахили (Н. П. Яковлева), впервые поставлено преподавание языка геез (Т. Л. Тютрюмова). Под редакцией Д. А. Ольдерогге вышла в свет посмертная работа И. Ю. Крачковского «Введение в эфиопскую филологию».

Среди филологических тем, разрабатывавшихся на факультете в 1955 г., большой интерес представляет комментированный перевод сведений средневековых арабских географов о народах Советского Союза («Материалы по истории СССР в географической литературе на арабском языке»). Выполнены переводы из сочинений Абу Дулафа, Ибн ал-Факиха (П. Г. Булгаков) и ал-Казвини (О. Б. Фролова). Редактирование I тома «Материалов» заканчивается. Работа над текстами ранних географов позволила П. Г. Булгакову сдать интересную публикацию, уточняющую наши сведения о древних караванных путях Средней Азии⁴.

Работники факультета в этом же году приступили к описанию коллекции рукописей библиотеки факультета. Полное научное описание фонда персидских и таджик-

³ С. Е. Яхонтов. Определение в китайском языке. «Советское востоковедение», 1955, № 2.

⁴ П. Г. Булгаков. Маршрут Нипапур-Серахс в сочинениях ранних средневековых авторов. «Известия АН Туркменской ССР», 1955.

ских рукописей ведется А. Т. Тагирджановым. Над арабскими рукописями работают В. М. Беляев и П. Г. Булгаков. Для юбилейной сессии ими подготовлены доклады, характеризующие соответствующие фонды. Образцом текстологического исследования рукописных материалов является защищенная диссертация С. Г. Ганиевой «Маджалис-ун-нафанс» Алишера Навои (литературно-исторический анализ и критический текст III и IV маджлисов).

Значительное место в научной работе факультета за истекший год занимает история отечественного востоковедения. Особый интерес представляют работы В. А. Новиковой «Из истории русской индологии XIX в.» и В. И. Кальникова «Об изучении санскрита в Советском Союзе». Последняя работа будет доложена на юбилейной сессии факультета, вместе с двумя другими докладами по истории нашей науки — А. Н. Кононова «Столетие Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова» и Н. С. Петровского «Академик Дмитрий Егорович Ефимов — первый русский историк египетского искусства». Статья «Очерк истории изучения индийских языков в России и СССР» написана В. М. Бескровным. В 1955 г. были опубликованы статья В. И. Беляева «Русская арабистика до 1917 г.»⁵ и очерк А. Н. Кононова, посвященный деятельности безвременно погибшего советского тюрколога А. П. Поцелуевского (БСЭ).

Литературоведческие работы факультета в 1955 г. были направлены главным образом на изучение литератур народов Востока нового и новейшего времени. Среди законченных работ следует упомянуть статьи Г. Д. Ивановой «Л. Н. Толстой в Японии» и А. А. Долинина «Шолохов в Сирии и Ливане». В последней работе А. А. Долинина продолжает свои исследования по теме «Русская и советская литература в арабских странах», пополненные новыми материалами⁶.

Творчеству выдающегося индийского писателя Прем Чанда посвящена диссертационная работа В. И. Балина. В. И. Балиным сдана в печать статья «Прем Чанд и его романы „Обитель любви“ и „Воздаяние“». Интересная работа по новой литературе Индии — «Р. Тагор и современная бенгальская критика» — подготовлена В. А. Новиковой для доклада на юбилейной сессии факультета. В. А. Новикова подготовила также две статьи о журнале «Поричой», объединяющем прогрессивных писателей Индии, а также хрестоматию (со словарем) по бенгальской литературе XIX века. Т. А. Бурдукова закончила статью «Творчество современного монгольского драматурга Ойдова». Вопросам литературной жизни Советского Таджикистана посвящена защищенная диссертация Н. П. Рычковой «Возникновение и развитие жанра рассказа в современной таджикской литературе».

Новым и весьма полезным делом для литературоведов факультета является разработка тем теоретического характера, например доклад Л. К. Герасимович «Принципы построения курса поэтики монгольской литературы». Общее методологическое значение имеет также содержательная статья Е. М. Пипус «Новые задачи японского литературоведения в изучении классического наследия». Некоторые теоретические вопросы развития письменных языков в условиях феодального общества поставлены в двух работах А. Н. Болдырева⁷.

Подготовка учебников по истории литератур народов Востока ограничилась, к сожалению, лишь составлением конспектов, читаемых на факультете курсов. А. А. Долинина представила конспект курса «Русская и советская литература в арабских странах», Е. А. Серебряков — конспект курса «Из теории перевода поэтических произведений классической китайской литературы на русский язык». В 1956 г. должны

⁵ «Ат-Тарик», 1955, № 5.

⁶ А. А. Долинина. «Записки охотника» на арабском языке. Сб. «Записки охотника» Н. С. Тургенева. Статьи и материалы. Орел, 1955.

⁷ Одна из этих работ — «Из истории развития персидского литературного языка» напечатана в «Вопросах языкознания» (1955, № 5), другая представляет собой доклад для юбилейной сессии.

быть закончены конспекты курсов по современной монгольской литературе (Л. К. Герасимович), турецкой (В. С. Гарбузова), персидской и таджикской (А. Н. Болдырев).

Большое место в работе филологов занимают переводы с восточных языков, редакционная работа, рецензирование, составление статей для БСЭ и т. д. Е. А. Серебрякову принадлежит предисловие к изданию стихотворений Ду Фу (Гослитиздат, 1955). Две пьесы Го Мо-жо — «Тигровый знак» и «Цветы дикой вишни» — изданы в переводе В. В. Петрова, составившего также примечания к изданию избранных произведений Го Мо-жо. Под редакцией В. А. Новиковой опубликован новый перевод известного романа Р. Тагора «Крушение» (Гослитиздат, 1955). Ему же подготовлен перевод романа Тагора «Дом и мир». В настоящее время В. А. Новикова переводит и редактирует также собрание сочинений Р. Тагора. Первый том вышел в свет, сданы в производство второй и третий тома. Члены кафедры работают над подстрочными переводами для сборников бенгальской, маратской и пенджабской поэзии. Орган общества культурной связи Индии с СССР напечатал обзорную статью П. А. Бараникова «Произведения индийской литературы на русском языке».

Усилия историков факультета сосредоточены на исследовании проблем истории стран Востока. В 1955 г. акад. В. В. Струве опубликовал несколько глав по истории древнего Востока в первом томе «Всемирной истории», подготовил к юбилейной сессии доклад «Общественный строй эллинистического Египта» и продолжал работу по изучению исторических надписей Уруккины. На X международном конгрессе историков в Риме были оглашены два доклада В. В. Струве: «О значении хронологии Манефона для истории древнего Востока» и «Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея имени А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта». В. В. Струве сдал также в печать статью «Наблюдение над текстом „Рождение богов“».

Вопросам «Истории культуры народов Ближнего и Среднего Востока в средние века» посвящен цикл лекций акад. И. А. Орбели. И. П. Петрушевский опубликовал и сдал в печать несколько статей⁸ о социально-экономических отношениях в средневековом Иране, а также источниковедческие работы. На юбилейной сессии И. П. Петрушевский выступит с докладом о переписке Рашид-ад-дина как источнике для изучения аграрной истории Ирана.

Исследование истории государства исмаилитов в Иране ведет Л. В. Строева. К юбилейной сессии ею подготовлен доклад «К вопросу о классовой природе исмаилитского государства в Иране». А. Д. Новичев выступит на сессии с докладом «Кочевники и полукочевники в Турции в XV—XVII веках», А. Д. Новичев написал также несколько разделов подготовляемой им докторской диссертации, посвященной исследованию положения рабочего класса и крестьянства Турции в новейшее время. А. Д. Новичев опубликовал статью о Мемменском восстании в Турции в 1930 г.⁹ Д. И. Гольдберг подготовил для юбилейной сессии доклад «Характерные черты становления монополистического капитала в Японии». Прочитаны курсы «Экономика арабских стран» (А. М. Голдобин) и «Экономика Китайской Народной Республики» (Л. А. Березный). Г. В. Ефимов редактировал труд китайского экономиста Лю Юань-цзена «Экономические преобразования в Китайской Народной Республике», выпущенный в свет издательством ЛГУ, и написал к нему предисловие.

Кафедра истории Дальнего Востока одобрила кандидатскую диссертацию Ю. В. Петченко о национальном восстании в Индии в 1857—1859 гг. На научной сессии в 1955 г. были прочитаны доклады: М. С. Ивановым «Русская революция 1905—1907 гг. и революция в Иране в 1905—1911 гг. (энджумены и муджахидские организации)» и А. Д. Новичевым «Народные массы в революционном движении в Турции».

⁸ И. П. Петрушевский. О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв. «Советское востоковедение», 1955, № 5; его же. Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана. «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», т. V. Ашхабад, 1955.

⁹ См. «Вестник Ленинградского университета», 1955, № 12.

в 1906—1907 гг.»¹⁰. Истории египетского национально-освободительного движения в 1906—1907 гг. посвящена статья, подготовленная А. М. Голдобным. А. Д. Желтков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба турецкого крестьянства за освобождение страны в 1918—1920 гг.». К юбилейной сессии Г. В. Ефимов подготовил доклад «Сопротивление народных масс Китая империалистической агрессии и маневры Цинского правительства в 1898—1899 гг.». Л. А. Березный выступит на юбилейной сессии с докладом «Рабочий класс Китая в период первой гражданской революционной войны (по материалам китайской публикации документов)».

Исследованию проблем международных отношений на Дальнем Востоке посвящены докторские диссертации Г. В. Ефимова (о внешней политике Цинского правительства в конце XIX в.) и Д. И. Гольдберга (о внешней политике Японии в период второй мировой войны), завершённые в истекшем году.

Е. Я. Люстерник подготовила доклад для юбилейной сессии о русско-индийских экономических связях в конце XIX в. История экспансии Англии в Тибете в XIX — начале XX в. освещена в диссертации Р. Пубаева, защищенной в 1955 г. В начале 1956 г. вышла в свет монография Л. А. Березного об американской интервенции в Китае¹¹.

Кафедра истории Дальнего Востока опубликовала в 1955 г. том «Ученых записок», в который вошли следующие работы: «Происхождение и империалистическая сущность доктрины „открытых дверей“» (Г. В. Ефимов), «Манипуриское восстание 1891 г.» (Е. Я. Люстерник), «Катаяма Сэн — выдающийся деятель рабочего и социалистического движения в Японии» (Л. В. Зенкина), «Начало распространения марксизма в Китае» (аспирант Б. М. Новилов), «Из истории образования народно-освободительной армии Китая (1927—1931 гг.)» (аспирант Б. Г. Доронин)¹².

Сотрудники кафедры Древнего Востока участвуют в подготовке учебного пособия и хрестоматии по истории древнего Востока под редакцией В. В. Струве. Несколько глав по истории Передней Азии подготовлены Л. А. Липиным, по истории древнего Египта — Н. С. Петровским.

И. П. Петрушевский продолжал работу над большим курсом лекций по истории средневекового Ирана (XIII—XVII века), в котором будут освещены некоторые проблемы феодальных отношений, истории народных движений и идеологических систем средневекового Ирана. Курс содержит также и главы по источниковедению. В 1956 г. подготовка курса должна быть завершена.

Г. В. Ефимов подготовил первую часть курса «Историография Китая в новое и новейшее время» — «Историография новой истории Китая». Д. И. Гольдберг продолжал работу над учебным пособием по древней и средневековой истории Японии. Работу над учебным пособием по древней и средневековой истории Кореи продолжала Л. В. Зенкина.

Кафедры истории Ближнего и Дальнего Востока предполагает в течение 1956—1957 гг. подготовить двухтомное учебное пособие по новой и новейшей истории стран Востока.

В 1955 г. были изданы также и научно-популярные работы. Н. С. Петровский (совместно с литератором А. М. Беловым) опубликовал в Детгизе книгу «Страна Большого Хапи», удостоенную университетской премии за 1955 г. Л. А. Липин (также совместно с А. М. Беловым) подготовил новое, исправленное и дополненное, издание своей работы «Глиняные книги». В Детгизе вышла книга Г. В. Ефимова «Встречи с друзьями», написанная в связи с поездкой автора в Китай в 1952 г.

¹⁰ Ленинградский государственный орден Ленина университет им. А. А. Жданова. Научная сессия 1954—1955 гг. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук. Л., 1955.

¹¹ Л. А. Березный. Политика США в Китае в период революции 1924—1927 гг. Л., 1956.

¹² «Из истории Дальнего Востока и Индии». «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, 1955, вып. 5, № 183.

В течение 1955 г. сотрудники факультета подготовили три тематических сборника: «Антология корейской классической поэзии XV—XVIII вв.» (переводы выполнены А. А. Ахматовой, предисловие «О корейской классической поэзии» написал А. А. Холодович), сборник статей, в которых показано, как отразилась первая русская революция 1905 г. в истории и культуре стран Востока, и литографированный сборник студенческих работ¹³.

На факультете работает одиннадцать студенческих научных кружков: арабской, тюркской, иранской, индийской, корейской, китайской, японской филологии, африканистики, истории Древнего Востока, истории Ближнего Востока и истории Дальнего Востока.

Лучшие работы кружковцев выносились на конференции и помещались в сборник студенческих научных работ.

В 1955 г. были проведены две студенческие научные конференции: мартовская традиционная и конференция по дешифровке восточных письменностей (в декабре 1955). Из шестнадцати докладов, представленных на мартовской конференции, следует отметить доклады студента V курса Н. Пак «Применная морфема „не“ в корейском языке», студента V курса Е. Кычанова «Крестьянское движение в провинции Гуандун в 1924—1927 гг.» и доклад студентки V курса М. Васильевой «Глагольная система в языке хиндустани».

Тематическая конференция по дешифровке прошла с большим успехом. Были прочитаны доклады: «Происхождение письменности вав» (студент III курса В. Шараев); «Культура и письменность народа майя» (студент III курса А. Терентьев); «Протоиндийские письмена и их дешифровка» (студент III курса Н. Гуров); «Дешифровка хеттской письменности» (проф. В. В. Казанский). Особенный интерес вызвали доклады В. Шараева и Н. Гурова.

* * *

Критически оценивая работу Восточного факультета ЛГУ, надо признать, что в научной деятельности его имеются и существенные недостатки.

Разработка учебных пособий, особенно по филологическим дисциплинам, ведется все еще недостаточно. Мало изучается история культуры народов Востока. Только две кафедры — иранской и арабской филологии — приступили к описанию богатейшего собрания восточных рукописей, хранящихся в библиотеке факультета. Слабо ведется изучение истории идеологии в странах Востока. Мало издается книг по истории и культуре народов Востока, рассчитанных на широкого читателя.

Издательская деятельность факультета вообще не удовлетворяет современным требованиям. В издательском плане Университета востоковедные работы занимают незначительное место, к тому же намеченные планы реализуются неполностью. Факультет до сих пор, например, не получил возможности публиковать исследования с использованием восточных шрифтов, вследствие чего некоторые работы не опубликованы. Отсутствие необходимой полиграфической базы не дает возможности издать уже подготовленные учебные пособия, хотя бы на ротаторе.

Коллектив факультета, объединяющий 55 научных сотрудников, большинство которых плодотворно работает, несомненно, способен справиться с задачами повышения качества подготовки квалифицированных востоковедов и дальнейшего расширения научной деятельности.

Л. А. Березный и А. Н. Болдырев

¹³ Т. Никитина. Побудительная и страдательная конструкции в китайском языке; А. Шайдарова. Гоголь в японских переводах; Г. Пак. Изобразительные слова в корейском языке; В. Семанов. Пьеса Лао Шэ «Лунсюйгоу»; И. Бабица. Особые случаи употребления связки «ши» в китайском языке; О. Крестовская. Раннее творчество прогрессивного турецкого писателя Решада Эниса; Н. Поляк. Рассказы Кришна Чапра; О. Акимович. Путешествие Ибрагим-бека; Н. Шиманская. Музыкальное искусство Китая.

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР имеет отделы: истории стран Зарубежного Востока, археологии, древней и средневековой истории, новой истории, истории советского периода, публикации источников, этнографии и философии.

Ведущей проблемой является история Азербайджана. В настоящее время коллектив научных сотрудников института работает над созданием двухтомной «Истории Азербайджана». Труд содержит обширные и впервые систематизированные материалы по истории Азербайджана с древнейших времен до наших дней. После издания летом 1954 г. макета этого учебника, он был разослан для рецензирования в соответствующие институты и вузы страны. В настоящее время авторский коллектив занят устранением в учебнике недостатков и опечаток, указанных рецензентами.

Кандидат исторических наук И. Г. Алиев закончил большую монографию по древней истории Азербайджана «История Мидии». Крупный нумизмат, д-р ист. наук проф. Е. А. Пахомов подготовил две работы — «Общее описание монет Азербайджана» и седьмой выпуск труда «Монетные клады Азербайджана, других краев и областей Кавказа». В текущем году будет разрабатываться ряд новых тем по средневековой истории Азербайджана (например, социально-экономические отношения и политическая история в VII—IX вв., история Азербайджана в XV—XVII вв.).

В отделе новой истории существенное внимание уделяется разработке вопросов социально-экономической истории Азербайджана в XIX и начале XX в., особое место уделяется исследованию аграрной истории. Так, канд. ист. наук И. М. Гасанов завершил работу на тему «Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.», д-р ист. наук член-корр. АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде и канд. ист. наук М. И. Исмаилов завершили крупную монографию «Сельское хозяйство Азербайджана в XIX — начале XX вв.». Эти две работы существенным образом восполняют пробел, имеющийся в изучении ряда важных вопросов новой истории Азербайджана.

Процессу формирования азербайджанского пролетариата посвящена законченная монография канд. ист. наук И. В. Стригунова «Формирование бакинского пролетариата в конце XIX и начале XX вв.», которую автор построил на основании многочисленных архивных и литературных материалов.

Значительное место в работе института занимает изучение вопросов археологии Азербайджана. Сотрудники отдела археологии подготовили монографию «Археологические памятники Мингечаура», в которой обобщаются результаты многолетней археологической экспедиции в районе Мингечаура. На основе материалов Мингечаурской экспедиции создаются отдельные монографии. Так, Р. М. Вандов написал работу на тему «Средневековые поселения Мингечаура», в которой он исследует формы, характер и устройство поселений средневекового Азербайджана, Г. И. Поне — «Древние и средневековые керамические обжигательные печи» и Г. М. Асланов — «Катакомбные погребения — источник изучения раннесредневековой истории Азербайджана». Одновременно в отделе велась работа по созданию монографии «Археологическая культура Нахичевани эпохи бронзы» (автор О. А. Абибуллаев) и «Неполивная простая керамика из Орей-кала» (автор Г. М. Ахмедов).

Отдел истории зарубежного Востока завершил и сдал в производство сборник «Борьба народов Ирана и Турции против американо-английских империалистов, за свою независимость после второй мировой войны» (авторский коллектив — кандидаты исторических наук М. Х. Шарифли, З. З. Абдуллаев, Ш. А. Тагиева, Ю. А. Багиров и др.). В 1956 г. этот отдел работает над следующими темами: «Промышленность и рабочий класс Ирана в конце XIX — начале XX вв.» (автор З. З. Абдуллаев); «Аграрные отношения в Иране в конце XIX — начале XX вв.» (автор Ш. А. Тагиева) и «Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1941—1946 гг.» (автор М. Х. Шарифли). Сотрудниками отдела опубликовано ряд статей по новой и новейшей истории Ирана.

Среди проблем, над которыми работает институт, большое место отводится изучению и публикации источников по истории Азербайджана. Под руководством д-ра ист. наук, действ. члена АН Азербайджанской ССР А. А. Ализаде завершается издание труда средневекового автора Рашид-ад-дина «Джами-ат-таварих» (объем 75 авт. л.) и подготовка академического издания сочинения А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам» на русском и персидском языках. В 1956 г. будет начата работа по теме «Алем-Аран-Аббаси как источник для изучения истории Азербайджана» (автор — А. А. Рахмани).

За последнее время наблюдается заметное оживление в издательской деятельности института. В 1955 г. были опубликованы четыре тома «Трудов института», шестой выпуск труда Е. А. Пахомова «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа», М. М. Касумова «М. Ф. Ахундов и русская революционно-демократическая эстетика XIX в.», большая коллективная монография «Приращение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры» (авторы — А. С. Сумбатзаде, М. А. Исмаилов, Г. М. Мехтиев, М. М. Касумов и М. Д. Джафаров). Опубликована книга канд. ист. наук А. Н. Гулиева «Славянская победа бакинского пролетариата», посвященная декабрьской стачке трудящихся Баку в 1904 г. Издана также работа А. Наджафова «Формирование и развитие азербайджанской социалистической нации» и «Очерки по древней истории Азербайджана» (авторы — кандидаты исторических наук И. Алиев и И. Джафарзаде). Событиями первой русской революции посвящен специальный том «Трудов института».

Институт совместно с Архивным управлением Азербайджанской ССР издал сборник документов «Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции».

В ближайшее время выйдут из печати монография действ. члена АН Азербайджанской ССР А. А. Ализаде «Социально-экономические отношения и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв.» и другие работы. Подготавливаются к изданию работы на такие темы, как «Борьба против турецкой агрессии на Кавказе в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.» (автор — канд. ист. наук Ю. Сафаров), «Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1917—1920 гг.» (автор — канд. ист. наук Ш. А. Тагиева) и другие.

Ряд актуальных тем разрабатывается аспирантами института. Особое внимание уделяется социально-экономическим вопросам. Например, аспиранты работают над следующими вопросами: «Аграрный вопрос и выкупная операция в Азербайджане в 1912—1914 гг.», «К аграрному вопросу и положению крестьян Ирана в годы и после второй мировой войны». Докторантом М. М. Эфендиевым завершается интересное исследование на тему «Аграрные отношения в Азербайджане в 1801—1870 гг.».

З. З. Абдуллаев

О РАБОТЕ ВЕНГЕРСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В 1955 г. И НАУЧНОЙ ТЕМАТИКЕ 1956 г.*

Выдающимся событием венгерского востоковедения в 1955 г. было создание Комиссии по востоковедению при Академии наук Венгерской народной республики.

Комиссия по востоковедению в своем составе имеет пять рабочих коллективов: по туркологии; Центральной Азии, Индии и Сибири; Восточной Азии; древнему Ближнему Востоку; средневековому и новому Ближнему Востоку.

* Данное сообщение любезно прислано по нашей просьбе Комиссией по востоковедению Академии наук Венгерской республики для опубликования в нашем журнале (Ред.).

Компсией по востоковедению был подготовлен Первый съезд венгерских востоковедов, проходивший 24—26 ноября 1955 г. Съезд обсудил второй пятилетний план научной работы в области востоковедения и наметил основные принципы, которыми должны руководствоваться при создании научно-популярных работ и при переводах.

Съезд востоковедов принял также решения по научным и организационным вопросам: о плане разработки восточных источников венгерской истории, о расширении университетских занятий по древнему Востоку, о пополнении восточной коллекции Академии (особенно книжного фонда по древнему Востоку, языкам и истории грузинского и армянского народов, по современному Востоку) и о подготовке кадров востоковедов. Резолюции съезда востоковедов были одобрены соответствующими органами Академии наук.

В 1955 г. венгерские ученые-востоковеды начали работу по восстановлению при помощи фотокопий фондов турецкого архива в Буде. В прошлом такие работы предпринимались лишь при случае и по инициативе отдельных лиц. В течение 1955 г. чл.-корр. Академии наук Лайош Фекете изготавил множество микроснимков с рукописей, хранящихся за границей. Из них примерно тысяча снимков увеличены.

Канд. наук Карой Цегледи продолжал работать над своей книгой «Сирийские и магометанские источники о степных народах». Им же опубликован очерк об истории кавказских народов («Kaukázusi hunkok, kaukázusi avarok». *Studia Antiqua*, II).

Вышел сборник по древней истории венгров «A magyar őstörténet kérdése» в пятом номере серии «Nyelvtudományi Értekezések». В сборнике помещаются статьи востоковедов (кандидатов наук Карой Цегледи, Янош Харматта и Вильмош Дюсегни). Особо следует отметить работу Дьюлы Ласло «Études archéologiques sur la société des Avars», имеющую большое значение для востоковедения. В ней обсуждаются археологические находки в Венгрии.

В течение года коллективом востоковедов велась разработка археологических памятников турецкого владычества в Венгрии. Оливер Шопрони закончил сбор корпуса памятников турецкой керамики Венгрии, кроме того, продолжалось восстановление корпуса египетских памятников.

Музей восточноазиатского искусства им. Ференца Хоппа выпустил труд Тибора Хорвата «Искусство Азии в Музее восточноазиатского искусства» на венгерском и английском языках, а также ряд небольших очерков в ежегоднике Музея прикладного искусства.

В рабочем коллективе по туркологии акад. Юлий Немец закончил работы по сбору материала для своего труда «Die türkische Sprachwissenschaft in der Sowjetunion», составляемого при участии советского профессора Н. А. Баскакова. Проведенный в этом году сбор материалов является большей частью результатом исследований Юлиа Немета во время его двухмесячного пребывания в Советском Союзе.

Вышла в свет работа чл.-корр. Академии наук Лайоша Фекете «Die Siyaqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung» в двух томах. Она имеет важное значение для исследования экономической истории турок, особенно турецкого владычества в Венгрии.

Акад. Юлием Неметом и аспирантом Дьёрдем Хазан были проведены диалектологические исследования турецкого языка в Болгарии, чл.-корр. Лайош Фекете провел там же архивные исследования.

Сузанна Н.-Какук защитила кандидатскую диссертацию на тему «Страницы из истории османско-турецких заимствований в венгерском языке».

Среди работ по Средней Азии и Индии надо отметить труд акад. Лайоша Лигети по тюркским и монгольским языкам Афганистана («О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана» — «Le lexique moghol de R. Leech». *Acta Orientalia*, Hung. IV). Отдельным вопросом тибетского языка и палеографии были посвящены статьи Гезы Уран («Duplication, Triplication and Geminatio in Tibetan». *Acta Orientalia*, Hung. IV; «On the Tibetan Letters Ba and Wa», *Acta Orientalia*, Hung. V).

Йожеф Векерди продолжал свои исследования по древнеиндийскому языкознанию («On Past Tense and Verbal Aspects in the Rgveda». *Acta Orientalia*, Hung. V). и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Изобилие форм настоящего времени в древнеиндийском языке».

В 1955 г. продолжались исследования в области истории китайского языка. Результатом этих исследований явились труды Б. Чонгора «Some more Chinese Glosses in Uighur Script» (*Acta Orientalia*, Hung. IV) и по истории древнекитайского общества Тёкеу «Sur le terme mong-fou dans le Chiking». (*Acta Orientalia*, Hung. V).

Лайош Лигети совершил плодотворную научную поездку в Китайскую Народную Республику и в столицу Монгольской Народной Республики Улан-Батор.

В рабочем коллективе по древнему Ближнему Востоку Йожеф Айстлейтнер занимался вопросами угаритской филологии. Он написал работу «Ein Opfertext aus Ugarit». (*Acta Orientalia*, Hung. IV). Канд. наук Аладар Добрович написал исследование «Réalité et critique sociale dans l'art égyptien». (*Acta Antiqua*, Hung. III), в котором освещены некоторые вопросы истории египетского искусства. Проф. Янош Харматта опубликовал статью по исследуемым им проблемам Элама — «Irano-Elamica. II». (*Acta Linguistica*, Hung. V). Дьёрди Надор напечатал статью о методах критики библии Спинозы (*Acta Orientalia*, Hung. V). Шандор Шейбер опубликовал еврейские папирусы из будапештских гениз Кауфманна (*Acta Orientalia*, Hung. IV).

Член рабочего коллектива по средневековому и новому Ближнему Востоку канд. наук Жигмонд Телегди продолжал свою работу по грамматике новоперсидского языка — «Beiträge zur historischen Grammatik des Neupersischen». (*Acta Linguistica*, Hung. V). Канд. наук Карой Цегледи опубликовал материалы о наследии Михая Кмошко, хранящиеся в архиве рукописей Академии наук, — «Monographs on Syrian and Muhammadan Sources in the Literary Remains of M. Kmosko». (*Acta Orientalia*, Hung. V).

По плану научных работ, намеченному на 1956 г., будет продолжено восстановление турецкого архива в Буде, изготовление фотокопий, а также составлены указатель и каталог собранного материала. Работами руководит Лайош Фекете.

Канд. наук Карой Цегледи должен подготовить к печати свою работу «Сирийские и магометанские источники о степных народах».

В течение 1956 г. венгерские ученые Эдит Эдьед, Геза Фехервар и Оливер Шопрони будут вести археологические раскопки и изучать памятники материальной культуры времен турецкого владычества в Венгрии.

В области исследования египетских памятников, находящихся в Венгрии, будут завершены работы по изучению амулетов (Ласло Какоши и Эдит Варга), начато изучение ушебти (Вильмош Вешенцки) и продолжено изучение памятников пластики (Аладар Добрович).

В рабочем коллективе по туркологии намечено собрать дополнительные материалы к труду акад. Юлиа Немета, выходящему на немецком языке под заголовком «Туркология в Советском Союзе». Ведется подготовка этого труда к печати.

Помимо этого, исследуются турецкие диалекты Балканского полуострова под руководством Юлиа Немета. Канд. наук Сузанна Н.-Какук и аспирант Дьёрдь Хазан изучают турецкие заимствования в венгерском и болгарском языках. Геза Фехер и Дьюла К.-Надь разрабатывают турецкие документы, относящиеся ко времени турецкого владычества в Венгрии. Канд. наук Ласло Рапошн продолжит свою работу по Ономастикон Турцикум (собственные имена в турецком языке).

Лайош Лигети ведет исследования в области алтайской филологии и истории монгольского языка. Лайош Бешо занимается вопросами современного литературного монгольского языка (халха). Оружие среднеазиатских кочевников изучает Екатерина У.-Кехальми. Фонетикой и морфологией тибетских диалектов занимается Геза Уран. Андраш Рона Таш изучает отдельные вопросы истории тибетского общества.

В 1955 г. началось исследование языка, этнографии и народной музыки цыган Венгрии. В этой работе участвуют канд. наук Йожеф Векерди, Андраш Хайду, Камилл Эрдьеш и Ласло Вайда. Сейчас ведется подготовка к опубликованию имеющихся материалов.

В 1956 г. продолжается также исследование проблемы образования китайского государства, философского и художественного отражения сопутствующих ему общественных процессов (Ференц Тёкей). Исследования в области истории китайского языка ведут Лайош Лигети и Барнабаш Чонгор. В этом году должны закончить и защитить кандидатские диссертации Ференц Тёкей — «Владельческие отношения в эпоху Чжоу» и Пал Миклош — «Страницы из истории китайского искусства нового века».

В рабочем коллективе по древнему Ближнему Востоку канд. наук Аладар Добрович изучает памятники египетских культов Паннони. Вопросами истории египетского искусства, религии и философии занимаются канд. наук Аладар Добрович, Ласло Кастильоне, Эдит Варга и Ласло Какоши. Венгерские египтологи приступают к контологическим исследованиям (Вильмош Вешшецки и Ласло Какоши).

Работают над своими кандидатскими диссертациями Ласло Кастильоне — «Общественные основы искусства Египта» и Вильмош Вешшецки — «Египетская книга и библиотека».

Пожеф Айстлейтнер продолжает изучать диалектологические вопросы угаритского языка, Антал Давид проводит исследования в области шумеро-аккадской филологии, Шандор Шейбер занимается исследованиями в области еврейской филологии, а также разработкой новых папирусов из будапештских гениз Кауфманна.

В рабочем коллективе по средневековому и новому Ближнему Востоку кандидаты наук Янош Харматта и Жигмонд Телегди закончат в 1956 г. разработку основных принципов новоперсидского этимологического словаря. Канд. наук Жигмонд Телегди и Ласло Гал продолжают изучать грамматику новоперсидского языка. Канд. наук Карой Цегледи исследует источники классической арабской и сирийской географической и исторической литературы, имеющий значение для истории степных народов. Берталян Чиллик готовит к печати третий том своих очерков об Омаре Хайяме.

Таковы кратко итоги и перспективы работ венгерских ученых-востоковедов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Всемирная история» в десяти томах, т. I. М., Госполитиздат, 1955. (АН СССР. Институт истории, Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры). XXIII, 747 стр., илл.

Выход в свет первого тома «Всемирной истории» следует приветствовать как существенный вклад в историческую науку.

В своем предисловии Главная редакция (стр. V—XXIII) указывает, что издаваемая Академией наук СССР десятитомная «Всемирная история» «задумана как первый в марксистской исторической литературе сводный труд, освещающий путь, пройденный человечеством с древнейших времен до современной нам эпохи». Далее говорится, что такой труд важен «не только для специалистов-историков. Интерес к прошлому всегда был связан с потребностью людей лучше разобраться в настоящем» и поэтому «вполне понятен ... возросший интерес к трудам, которые дали бы изображение всемирно-исторического процесса в целом, во всем многообразии форм материального производства, социальных отношений и политической борьбы, развития идеологии и культуры».

Таким образом, десятитомная «Всемирная история» Академии наук СССР, являясь итогом исследовательской работы советских ученых за много предшествующих лет, предназначена не только для ученых, и даже не столько для ученых, сколько для широких кругов советских читателей, для преподавателей, учащихся вузов и для всех интересующихся всемирной историей.

Издание «Всемирной истории» более чем своевременно. Уже давно не только в СССР, но и за его пределами ощущается потребность в обобщающей работе по истории человечества, которая была бы свободна от всяких ложных и реакционных концепций, вроде расизма, европоцентризма или циклизма, и вместе с тем не загромождена отдельными фактами, не подчиненными никакой закономерности. Необходимо создать труд, конкретно и наглядно показывающий, что всемирная история является единым процессом, развивающимся по своим законам, которым, независимо от расовых и этнических различий, подчинены все племена и все народы мира. Такой историей может быть только история, построенная на основах марксизма.

Характерно, что первый том «Всемирной истории» не озаглавлен историей Древнего Востока, как это обычно принято в общих трудах по истории человечества. Содержание тома гораздо шире по географическим и хронологическим рамкам — в нем рассматривается история почти всего человечества с глубочайшей древности до первой половины первого тысячелетия до нашей эры.

В Введении к первому тому сказано, что в нем «освещается древнейшая история человечества: возникновение первобытно-общинного строя, господствовавшего на протяжении многих тысячелетий, смена этой первой общественно-экономической формации рабовладельческим строем, возникающим сначала в немногих странах, тогда как большинство человечества еще продолжало жить в условиях первобытно-общинного строя, история рабовладельческих обществ и первобытных племен до середины I тысячелетия до н. э.»

В этих словах сформулирована задача, которую ставили перед собой при создании первого тома редакция и авторы¹.

Первый том состоит из четырех частей содержащих двадцать девять глав. Каждая часть охватывает историю различных народов и племен за определенный отрезок времени.

Интересно и живо написана первая часть тома, озаглавленная «Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытно-общинного строя». Особенно хорошо изложена история происхождения человека как биологического вида (питекантроп, синантроп, неандерталец) и его постепенного превращения в *homo sapiens*. Здесь читатель найдет также весьма важные данные о возникновении человеческой речи. Исходя из работы Ф. Энгельса о роли труда в очеловечении обезьяны и опираясь на данные антропологии и археологии, авторы тома сумели показать, что зачатки человеческой речи восходят к питекантропу и синантропу, а также кратко, но очень убедительно описать некоторые особенности древнейшей человеческой речи (стр. 37). В этой же части содержится анализ палеолитических стоянок в Азии, Африке и Европе и данные о заселении Америки и Австралии в конце верхнего палеолита. Кроме того, описывается постепенный переход человечества от палеолита к мезолиту и неолиту.

Все это является как бы введенным в историю древнейших классовых обществ, возникновение которых рассматривается во второй части тома, озаглавленной «Разложение первобытно-общинного строя и древнейшие рабовладельческие государства в долине Нила и в Двуречье (IV—III тысячелетия до н. э.)».

Здесь изложена история возникновения рабовладельческих обществ в Египте и Двуречье и прослежены первые этапы их исторического развития — история Египта до конца Древнего царства включительно и история Шумера и Аккада кончая III династией Ура. В восьмой главе этой части дан обзор состояния племен Европы и Азии в период развитого неолита и перехода к веку металла. Таким образом, вторая часть тома не только излагает историю возникновения древнейших классовых обществ в долинах Нила, Тигра и Евфрата, но и показывает, как подготовлялось всем ходом исторического развития возникновение новых рабовладельческих обществ Азии и Европы, за пределами Египта и Двуречья.

В третьей части — «Рост рабовладельческих отношений в Египте и Двуречье и возникновение других рабовладельческих государств (II тысячелетие до н. э.)» — излагается история Египта до конца Нового царства, история Вавилона до падения касситской династии включительно, а также начальные периоды истории Ассирии, Митании, хеттов, Палестины, Мидии, Китая, Индии и ранних рабовладельческих государств в бассейне Эгейского моря. Восемнадцатая глава третьей части посвящена истории тех обществ Азии и Европы, которые тогда оставались еще в условиях первобытно-общинного строя.

Наконец, в четвертой, и последней, части тома, в соответствии с ее заглавием «История рабовладельческих государств древнего Востока и Европы в первой половине первого тысячелетия до нашей эры», дана история Аравии, Палестины, Финикии, Сирии, Малой Азии, Ассирии, Ново-Вавилонского царства, Египта, Эфиопии, Мидии, Ирана, Индии, Китая, Италии, Греции.

Конечно, подобная структура несколько затрудняет усвоение материала, поскольку нарушается цельность изложения истории отдельных стран, но ее серьезное преимущество заключается в том, что она дает возможность излагать историю стран и народов в их тесном взаимодействии. В основу деления тома на четыре части легли важней-

¹ Редакция: Ю. П. Францев (отв. редактор), И. М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин, С. В. Киселев, В. В. Струве и авторы — Л. И. Думан, И. М. Дьяконов, Н. Н. Залесский, В. П. Зубов, Г. Ф. Ильин, Д. П. Каллистов, И. С. Кацнельсон, С. В. Киселев, Ю. К. Колосовская, О. В. Кудрявцев, Я. А. Лещман, М. А. Лифшиц, А. П. Окладников, Ю. Я. Перепелкин, Я. Я. Рогинский, В. В. Струве.

шие события и характерные для каждого периода черты экономической, социальной и политической жизни, а не только хронологические соображения.

Каждой части тома предпослана краткая характеристика социально-экономических отношений периода, в которой подчеркиваются общие черты развития стран и народов, типичные для данной эпохи. В кратком заключении, которым заканчивается каждая часть тома, даны итоги исторического развития рассматриваемого периода.

Такова структура первого тома, на наш взгляд, соответствующая тем целям, которые преследовали его редакция и авторы, — осветить древнейшие периоды истории человечества.

Переходя к анализу содержания, следует прежде всего подчеркнуть, что первый том «Всемирной истории» — результат серьезной и углубленной исследовательской работы большого коллектива советских ученых в области социально-экономических отношений и политической истории древнейших классовых обществ и государств. В этом его несомненное и большое достоинство. Было бы неправильным утверждать, что проблемы, рассматриваемые в рецензируемом томе, в буржуазной научной литературе не изучаются. Но в капиталистических странах в общих трудах в этой области, как правило, социально-экономические отношения обходятся молчанием, там же, где о них говорится, изложение дается крайне скупо, расплывчато и порой просто неверно. В результате такого положения читатели подобных работ не находят ответа на вопросы, что же представляли собой древнейшие классовые общества, какие были отношения в рамках этих обществ между людьми, как было организовано производство. Даже на страницах в общем богатой по содержанию камбриджской истории древнего мира читатель не найдет ответа на указанные выше важные вопросы; более того, нет даже и попыток к постановке подобных вопросов.

Первый том «Всемирной истории» выгодно отличается от упомянутой камбриджской истории и других аналогичных общих трудов (в том числе и выходящей в настоящее время в Швейцарии коллективной *Historia Mundi*) именно тем, что социально-экономическая проблематика занимает в нем ведущее место в соответствии с марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, в которой первенствующее место отводится учению о производительных силах, производственных отношениях и классовой борьбе. Важно отметить, что в первом томе эти проблемы не только поставлены, но в значительной мере и разрешены на основании анализа большого фактического материала. Читатель поэтому найдет на его страницах много новых, ранее неизвестных или мало известных фактов и выводов.

Следует оговорить, что ряд важных проблем, в особенности в области социально-экономических отношений, все еще остается неясным или спорным, тем более, что в ряде случаев наука не располагает пока необходимыми для установления истины источниками. Например, как известно, от доэллинистического Египта до нашего времени не дошел ни один сборник законов. Таким образом, перед исторической наукой остается еще необозримое поле деятельности, но первые и весьма существенные шаги в области изучения социально-экономических отношений на Древнем Востоке уже сделаны, что является заслугой советских ученых.

Большое принципиальное значение для советской исторической науки имела лекция В. И. Ленина о государстве, опубликованная в 1930 г. В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, указав на три основных периода в развитии классовых обществ — рабовладельческий, феодальный и капиталистический, и предшествующий им доклассовый первобытно-общинный строй, показал в ней, что каждая из этих формаций более прогрессивна по сравнению с предшествующей, что она предоставляла больший простор и возможности для развития производительных сил. В. И. Ленин дал в этой работе в сжатом виде марксистскую концепцию всемирно-исторического процесса.

Одним из пионеров марксистского изучения социально-экономических отношений на Древнем Востоке является акад. В. В. Струве. Перу ученого принадлежит ряд исследований, обобщенных впоследствии в курсе истории Древнего Востока (1936 г.).

Опираясь на указания классиков марксизма-ленинизма и на тщательный анализ исторических источников, В. В. Струве конкретизировал наличие рабовладельческой формации в странах Древнего Востока. Эта заслуга В. В. Струве общепризнана в нашей науке. Положения, выдвинутые ученым, развивались, углублялись как им самим, так и другими учеными в специальных исследованиях и учебных пособиях.

Советские ученые (В. И. Авдиев, Л. Н. Думан, И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, Н. М. Никольский, И. М. Лурье, М. Э. Матье, Г. Ф. Ильин, Ю. Я. Перепелкин, Б. Б. Пиотровский, С. П. Толстов, Ю. П. Францев, И. С. Кацнельсон, И. С. Петровский, Л. А. Липин и др.) конкретизировали тезис о рабовладении на Древнем Востоке в ряде специальных работ (см. список литературы и источников в конце первого тома) и тем самым в значительной мере подготовили почву для издания первого тома

Опираясь на предшествующие достижения советской науки, авторы вышедшего тома «Всемирной истории» сумели показать, что древнейшие классовые общества, возникшие в результате разложения первобытно-общинного строя, были рабовладельческими обществами на ранней стадии своего развития. Вместе с тем по сравнению с предшествующими советскими работами сделан шаг вперед: мы находим в этом труде гораздо больше конкретных данных о формах рабовладения в разные периоды и в разных странах.

Несомненный шаг вперед по сравнению с некоторой схематичностью в предшествующих исторических работах мы видим и в трактовке аграрных отношений в древнейших классовых государствах, что явилось следствием изучения большого, отчасти неиспользованного ранее исторического материала. Так, например, установлено, что в Египте (см. стр. 162) в эпоху Древнего царства «своей землей землевладелец распоряжался свободно. Уже на рубеже III и IV династий даже простые люди могли продать свою землю. Землевладелец мог также подарить или завещать землю родственникам... Таким образом, помимо царской земельной собственности, существовали земельные владения, которыми их владельцы могли распоряжаться».

В III тысячелетии до н. э. в Двуречье, в Аккаде «...царю для приобретения земли необходимо было покупать ее у общинной верхушки; отторгнуть ее безвозмездно он не мог. Это говорит о том, что власть царей была отнюдь не столь беспределной, как они это изображали в своих надписях, и что община, хотя и ослабленная в результате происшедшего внутри нее процесса дифференциации, продолжала оставаться силой, с которой царю приходилось все еще считаться» (стр. 213). Во II тысячелетии до н. э. в Вавилонии разложение общины зашло уже настолько далеко вперед, что «...земли могли сдаваться в аренду, передаваться в наследство и продаваться без каких-либо видимых ограничений со стороны общины» (стр. 293). В то же время частное владение землей в Вавилонии продолжало развиваться и «...по существу уже мало отличалось от частной собственности» (стр. 298).

Несколько иное положение в XII—VIII вв., отмечается в книге, было в Китае: «Верховным собственником земли являлся царь (ван). Он распоряжался земельной собственностью, жалая землей и отбирая ее» (стр. 609). Но частное землевладение с весьма большими правами владельца на землю существовало и в Китае. «Развивается крупное землевладение рабовладельческой аристократии... Рабовладельческая знать свободно распоряжалась своими владениями, и, повидимому, землю можно было отчуждать, сдавать ее в аренду или закладывать, о чем свидетельствуют надписи тех времен» (стр. 609).

Эти и подобные им факты и выводы рисуют нам аграрные отношения в древнейших классовых обществах в их конкретной, живой форме, выявляют разнообразие форм землевладения в зависимости от времени и страны, показывают, что в ряде случаев землевладение фактически перерастало в частную собственность на землю, что грань между разными периодами весьма относительна. Для изучения экономики и, в частности, аграрных отношений, особенно важны не априорные построения, а реальное изучение экономической и аграрной жизни, как она отражена в источниках. Время для решения этих вопросов во всех деталях, как и для окончательных суждений по этим вопросам еще не настало — преждевременно требовать от науки того, чего она

еще не в состоянии дать. Но первый том «Всемирной истории» свидетельствует о том, что советская историческая наука, развиваясь по правильному пути, уже добилась существенных результатов.

Авторы широко использовали достижения отечественной археологии и ввели в широкий научный обиход материалы советских археологических экспедиций (в Европейской части СССР, в Средней Азии, Сибири, на Кавказе и т. д.). Особенно важны для истории классовых обществ результаты раскопок, производившихся в Армении на территории древнего Урарту — раскопки холма Кармир-Блур совместной археологической экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа и холма Арип-Берд археологической экспедицией Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Академии наук Армянской ССР. Результаты этих известных раскопок широко использованы в первом томе. Они дали возможность внести в историю Урарту важные дополнения: пролили свет на экспансию Урарту в Закавказье, на новые, ранее неизвестные черты архитектуры Урарту, на повседневную жизнь населения, на военные столкновения Урарту с разными странами. Все это новый, свежий и яркий научный материал.

Отраден также тот факт, что на страницах этого труда отведено место ряду стран, о которых обычно или совсем не упоминалось в общих трудах по истории или же говорилось бегло. В частности, надо отметить, что специальный и интересный раздел посвящен Аравии. Подробно и обстоятельно изложена история Сирии, которая обычно изображалась на положении пасынка и механически присоединялась к Финикии и Палестине. Интересен и оригинален раздел об Эфиопии. Здесь впервые сделана попытка марксистской интерпретации внутреннего развития и древнейшего Судана.

Очень ценны в научном отношении блестяще написанные и обнаруживающие большую эрудицию автора — Ю. Я. Перепелкина — главы о древнем Египте. Они являются частичными результатами многолетних исследований автора, которые будут полностью опубликованы в его трудах, подготавливаемых к печати. В главах тома о Египте привлечены новые материалы и сделаны новые интересные выводы о социально-экономической структуре древнего Египта, и потому несколько странно звучат слова Введения (стр. 14): «В главах по истории Египта, написанных Ю. Я. Перепелкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнения в части общих выводов и некоторых частных характеристик. Разве редколлегия не вносила исправлений и дополнений в главы других авторов? И почему редколлегия тома не сказала ничего конкретного о своих разногласиях с этим крупным египтологом, если она сочла необходимым упомянуть о них в Введении?»

Интересна краткая, но содержательная двадцать четвертая глава, посвященная древнейшему Ирану. Изложение истории древнейшего Ирана совместно с историей Средней Азии — это новый и правильный подход к истории древнейшего Ирана, обычно излагавшейся в работах по Древнему Востоку без учета истории Средней Азии.

За отсутствием места невозможно остановиться на всех главах объемистого первого тома. Достаточно сказать, что как по использованному материалу, так и по его трактовке содержание первого тома «Всемирной истории» вполне отвечает всем основным требованиям современной науки. Конечно, в таком большом и сложном труде недостатки неизбежны.

Большое сомнение вызывает трактовка представлений первобытных людей об искусстве. Слишком большой акцент делается на эстетическое восприятие художников далекой древности. Так, на стр. 68 мы читаем: «Палеолитическое искусство доставляло людям того времени удовлетворение соответствием изображений природе, четкостью и симметричным расположением линий, силой цветовой гаммы этих изображений».

Обильные и тщательно выполненные украшения радовали глаз человека... Эстетический характер этих украшений нельзя отрицать даже и в тех случаях, когда такие украшения приобретали определенный религиозный смысл и магический характер».

Выходит, что практический (конечно, с точки зрения первобытного человека) характер искусства, служившего целям магического привлечения добычи, является

вторичным, а основными якобы были эстетические потребности охотников палеолитического периода. С такой постановкой вопроса трудно согласиться.

Вопросы идеологии и культуры изложены недостаточно полно и ярко. Этого следовало бы избегать, поскольку культура древнейших обществ Востока — в известном смысле источник и очаг всемирной культуры. Трактовка Библии — важнейшего культурно-исторического памятника — бледна и скудна. Можно отметить не совсем удачные формулировки (главным образом в характеристиках отдельных периодов), когда стремление авторов подвести под одну схему ряд стран привело к чрезмерной абстракции. Так, например, на стр. 263 сказано: «большие государственные объединения здесь либо вовсе не создавались, либо были эфемерными и совершенно неустойчивыми». Это правильно в отношении Сирии, Митании, хеттов, но неприменимо к Китаю и Ассирии.

На стр. 475 непонятна фраза: «Земледельцы, сидящие на царской земле, из независимых земельных собственников-общинников превращаются в зависимых, их эксплуатация усиливается». Неясно, кто же собственник земли — царь, община или земледелец?

Иногда некоторые явления и вопросы, заслуживающие большего внимания, затронуты только мимоходом. Так, например, в разных местах упоминается восточная деспотия, но не показано с достаточной полнотой, в чем заключается ее сущность.

На стр. 521, где повествуется о восшествии на престол ассирийского царя Тиглатпаласара III, ничего не говорится о том, что он пришел к власти в результате переворота. Проведенные им реформы в книге никак не связаны с ролью тех групп и слоев населения, опираясь на которые этот царь пришел к власти.

На стр. 424 слишком уж лаконично говорится о так называемой проблеме ариев, породившей целую научную литературу: читателю остается неясным, кто были арии, откуда и когда они пришли в Индию.

Кое-где имеются ошибки и несколько необоснованные утверждения. Например, на стр. 145 допущены две ошибки: утверждается, что Нил вытекает из озер центральной Африки, в то время как его истоки расположены южнее озер и он только протекает через них. Здесь же сказано, что вода в Ниле при разливах начинает прибывать в июле, в то время как это происходит в июне.

Сомнительно утверждение (стр. 421), что сопротивление микенского общества дорийцам было ослаблено наличием массы жестоко эксплуатируемых рабов и безземельных. Вряд ли для столь ранних времен можно допустить такую степень развития рабства.

Стремясь достигнуть максимальной простоты и доступности изложения, Главная редакция отказалась от ссылок на источники (подстрочные и вынесенные в конец глав или частей) и тем самым несколько снизила научную ценность издания. Нет необходимости особо доказывать, что ссылки не затрудняют понимания текста. Отсутствие ссылок на источники особенно досадно и в отношении истории древнейших классовых обществ, при изучении которой, так же как и при изучении истории в целом, необходима скрупулезность, точность и тщательность работы над источниками.

Несмотря на указанные отдельные недочеты, первый том «Всемирной истории», подводящий итоги работ советских историков и востоковедов в первую очередь, — ибо история древнейших стран Востока занимает в нем первенствующее положение, — является большим достижением советской науки и будет встречен с удовлетворением всей советской общественностью и передовой наукой за рубежом.

Редакция и издательство с большим вниманием отнеслись к оформлению первого тома, содержащего XXIII + 747 страниц. В книге много хороших иллюстраций (включая и красочные вклейки), среди которых многие публикуются в изданиях на русском языке впервые. Приложены синхронистические таблицы, список литературы, именной и географический указатели, список карт и иллюстраций.

М. А. Коростовцев и Д. Г. Редер

吳傳啓・過渡時期的階級與階級鬥爭. У ЧЖУАНЬ-ЦИ. *Классы и классовая борьба в переходный период*. Пекин, Жэньминьчубаньшэ, 1955, 137 стр.

С образованием Китайской Народной Республики для Китая начался новый исторический период — период постепенного перехода к социализму. Этот период характеризуется наличием различных хозяйственных укладов и соответствующих им классов. Решающее значение для переходного периода имеет то, что государственное руководство обществом осуществляет рабочий класс, большая роль принадлежит трудящемуся крестьянству, поддерживающего рабочий класс в его борьбе за построение социализма, известное значение имеет и буржуазия. Наличие в Китае различных общественных классов делает неизбежным существование в переходный период классовой борьбы, поскольку часть буржуазии не желает добровольно уходить с исторической арены и сопротивляется социалистическим преобразованиям.

Книга У Чжуань-ци посвящена рассмотрению экономического положения всех классов китайского общества в переходный период, закономерностей и конкретных форм классовой борьбы.

В первой главе книги — «Изменение соотношения классовых сил в нашей стране в переходный период» — рассматриваются классовая структура китайского общества до победы народно-демократической революции, изменение соотношения классовых сил после образования КНР, результат борьбы между социализмом и капитализмом в восстановительный период. Во второй главе книги рассказывается об особенностях классовой борьбы в Китае в переходный период. Третья глава — «Пути, методы и формы строительства социализма и уничтожения эксплуатации в условиях демократической диктатуры народа» — посвящена политике социалистической индустриализации с преимущественным развитием тяжелой промышленности и намеченной коммунистической партией программе кооперирования сельского хозяйства и социалистического преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли. В четвертой главе — «Обострение классовой борьбы в переходный период» — приведены факты подрывной деятельности оставшихся контрреволюционных элементов, поддерживаемых иностранными империалистами.

После победы народно-демократической революции, отмечает автор, для Китая являются характерными два основных противоречия: между рабочим классом и буржуазией — внутри страны и между Китаем и империалистическими государствами — вне страны. Противоречие между рабочим классом и буржуазией — главное внутреннее противоречие переходного периода (стр. 3). Преодолению этого основного противоречия подчинена вся политическая, хозяйственная и идеологическая работа народно-демократического государства, от условий разрешения этого противоречия зависит развитие всех других противоречий переходного периода. Вполне естественно поэтому, что условиям, формам и методам классовой борьбы между рабочим классом и буржуазией в книге уделено главное внимание. Разделы книги, посвященные этим вопросам, наиболее содержательны и интересны, и на них стоит остановиться более подробно.

Определяющим моментом в борьбе между рабочим классом и буржуазией в переходный период, указывает автор, является то, что эта борьба происходит в условиях демократической диктатуры народа. «Государство демократической диктатуры народа», — пишет автор, — является для китайского рабочего класса новым оружием продолжения классовой борьбы в новых условиях, оно играет решающую роль в социалистическом преобразовании общества и в классовой борьбе в переходный период» (стр. 46). Классовая борьба в переходный период не ограничивается только рамками государства, строящего социализм. Она простирается и за пределы этого государства, поскольку остатки разбитых эксплуататорских классов получают поддержку со стороны империалистических государств, которые всеми средствами, вплоть до прямой военной интервенции, пытаются помешать строительству социализма. Основная угроза Китайской Народной Республике исходит в настоящее время со стороны американского империализма. «Американские империалисты, — указывает У Чжуань-ци, — открыто захватили вооруженным путем нашу территорию Тайвань,

вступили в сговор с предательской кликой Чан Кай-ши, постоянно угрожают нам войной и пытаются осуществлять экономическую блокаду нашей страны, тратят огромное количество долларов на финансирование подрывной деятельности, засылают в нашу страну шпионов, диверсантов и предателей» (стр. 44). Поэтому, пишет автор, китайский народ должен всеми силами укреплять и совершенствовать народно-демократическое государство как главное орудие защиты завоеваний революции и социалистического строительства.

Рассматривая вопрос о новых формах классовой борьбы в условиях демократической диктатуры народа, автор устанавливает, что в переходный период в Китае имеют место в основном те же новые формы классовой борьбы, которые были отмечены В. И. Лениным в набросках для брошюры «О диктатуре пролетариата»: подавление сопротивления эксплуататоров, государственное руководство мелкой буржуазией, в особенности крестьянством, использование и перевоспитание буржуазных специалистов, воспитание новой дисциплины у всех трудящихся и в первую очередь у самого рабочего класса. Что же касается гражданской войны, то в силу исторических условий в Китае борьба с буржуазией осуществляется мирным путем.

Автор отмечает пять основных условий, обеспечивающих мирный путь ликвидации эксплуатации и построения социалистического общества в Китае: руководящая роль рабочего класса в государстве, прочный союз рабочих и крестьян, руководящее положение социалистического сектора в народном хозяйстве, единый фронт и, наконец, благоприятная международная обстановка.

Ввиду того, что в прошлом Китай испытывал на себе гнет иностранного империализма, который в значительной мере затрагивал и национальную буржуазию, говорит автор, последние в определенные периоды народно-демократической революции принимала известное участие в революционной борьбе, входя в руководимый рабочим классом единый народно-демократический фронт. Как указывает автор, «руководимый партией широкий единый народно-демократический фронт также является одной из новых форм классовой борьбы в условиях демократической диктатуры народа. Он является особой формой классовой борьбы в нашей стране в переходный период» (стр. 55).

Китайский рабочий класс проводит в отношении национальной буржуазии политику союза и борьбы как на народно-демократическом, так и на социалистическом этапе революции. Однако в период социалистической революции содержание этой политики коренным образом меняется: «Если на первом этапе революции рабочий класс вступил в союз с буржуазией, чтобы вести борьбу против империализма, феодальных сил и бюрократического капитала, то в новых условиях союз с национальной буржуазией существует не только для борьбы с внутренними и внешними врагами, но еще и для того, чтобы более успешно осуществлять социалистическое строительство и социалистические преобразования, чтобы завоевать все те капиталистические элементы, которые способны принять преобразования, и тем самым добиться окончательного уничтожения классов и перевоспитания личности» (стр. 74).

Политика коммунистической партии и народного правительства в отношении буржуазии включает в себя три момента: использование, ограничение и преобразование. Эта политика направлена на усиление социалистического сектора и последовательную замену капиталистического сектора народного хозяйства социалистическим, (стр. 58).

Автор характеризует политику использования, ограничения и преобразования капиталистического сектора как «процесс борьбы за переход от ограничения капиталистической эксплуатации к ее уничтожению» (стр. 127). Однако термину «ограничение» он дает широкое толкование, пользуясь этим термином для обозначения всех мероприятий, которые предпринимает народная власть по отношению к буржуазии. Например, автор утверждает, что «борьба между ограничением и сопротивлением ограничению есть главная форма классовой борьбы внутри нашего государства в переходный период» (стр. 25). Конкретизируя это положение, автор указывает, что политика народного правительства в отношении буржуазии меняет свои формы по мере углубления

борьбы между социализмом и капитализмом. «Если в период восстановления народного хозяйства борьба между ограничением и сопротивлением ограничению проявлялась главным образом в борьбе между руководством и сопротивлением руководству, то после этого борьба развертывалась главным образом в более сложной и более острой форме преобразования и сопротивления преобразованию» (стр. 37). Фактический материал, который приводит автор в книге, свидетельствует именно о такой тенденции. Соотношение между социалистическим и капиталистическим секторами в Китае непрерывно меняется в пользу социализма. Например, если в 1949 г., по данным автора, капиталистический сектор давал 63% валовой продукции промышленности, то в 1952 г. — только 41%, в 1953 г. — 38%, в 1954 г. — 29% (стр. 88). Эти изменения — результат политики использования, ограничения и преобразования капиталистического сектора. Однако если удельный вес частного сектора в промышленности за первые четыре года народной власти падал, то в абсолютных цифрах он вырос. В 1949 г. валовая продукция частного сектора в промышленности составила 6,38 млрд. юаней (в неизменных ценах 1952 г. с учетом денежной реформы 1954 г.), в 1952 г. она поднялась до 10,53 млрд. юаней, в 1953 г. — до 13,11 млрд. юаней. Но в 1954 г. продукция частного сектора промышленности резко сократилась до 10,34 млрд. юаней (государственный сектор в 1954 г. дал продукции на 24,49 млрд. юаней, кооперативный — на 1,60 млрд. юаней, а госкапиталистический — на 5,08 млрд. юаней)¹. Одновременно с этим в 1954 г. значительно увеличились продукция и объем операций смешанных государственно-частных предприятий в промышленности и торговле, их валовая продукция по сравнению с 1953 г. выросла в 2,5 раза (с 2,01 млрд. юаней до 5,08 млрд. юаней)², а торговый оборот еще больше — с 0,15 млрд. юаней до 2,20 млрд. юаней, т. е. почти в 15 раз³. Указанные изменения произошли вследствие ряда крупных мероприятий народной власти, проведенных в конце 1953 — в 1954 г. (введение плановых закупок и планового снабжения некоторыми продовольственными и промышленными товарами, активное поощрение капиталистов к созданию смешанных государственно-частных предприятий и т. д.). Преобразование частнокапиталистического сектора приняло особый размах во второй половине 1955 г. Это привело в январе 1956 г. к преобразованию в смешанные предприятия всего капиталистического сектора в промышленности и торговле таких крупных городов, как Пекин, Тяньцзинь, Сянь и другие. Таким образом, осуществился перелом в политике использования, ограничения и преобразования буржуазии и в порядок дня было поставлено полное упразднение частнокапиталистического сектора.

В связи с вопросом о путях преобразования частнокапиталистического сектора автор подвергает анализу содержание такой переходной формы, как государственный капитализм, получивший в Китае большое развитие. Опираясь на ленинские положения о сущности госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата и рассматривая госкапитализм как особую форму классовой борьбы между рабочим классом и буржуазией, У Чжуань-ци приходит к выводу, что госкапитализм в Китае есть своего рода выкуп средств производства у буржуазии: «В условиях демократической диктатуры народа рабочий класс выплачивает капиталистам определенный „выкуп“ в форме прибавочной стоимости, чтобы заключить известный компромисс с теми капиталистами, которые готовы принять социалистические преобразования, и тем самым стимулировать экономическую деятельность капиталистической промышленности и торговли, выгодной для благосостояния государства и жизни народа. Принятие буржуазией государственных преобразований обеспечит благоприятное осуществление социалистического строительства. Этот „выкуп“ есть также особая форма компенсации капиталистов за постепенно выкупаемые у них средства производства за счет прибавочной стоимости, производимой рабочим классом. С точки зрения про-

¹ 新華月報 «Синьхуаюэбао», 1955, № 11, стр. 182.

² Там же.

³ Там же, стр. 186.

ведения в будущем социалистической национализации, этот "выкуп" практически является также формой вознаграждения тех культурных капиталистов, которые пожелают принять преобразования» (стр. 123).

В заслугу автору следует поставить то, что он подробно анализирует смену форм борьбы между рабочим классом и буржуазией после образования КНР. Очень много места уделено в книге борьбе между рабочим классом и буржуазией в восстановительный период. Особенностью современного этапа классовой борьбы в Китае автор считает то, что враги социализма не решаются уже выступать открыто, а действуют скрытно и более осторожно. Они широко применяют в борьбе против народно-демократического государства двурушничество, засылку агентуры в ряды коммунистической партии, в государственные и хозяйственные органы, армию и т. д. с целью шпионажа, вредительства, подрыва народного государства изнутри (стр. 50)⁴. Автор при этом ссылается на факты разоблачения контрреволюционной группировки Ху Фына и антипартийного блока Гао Гана — Жао Шу-ши.

В книге убедительно доказывается, что, несмотря на мирные, бескровные методы борьбы против буржуазии, в Китае было палицо обострение классовой борьбы.

Автор подробно рассматривает также вопрос о кооперировании сельского хозяйства как основной форме классовой борьбы в деревне в переходный период.

Опираясь на ленинскую теорию социалистической перестройки деревни и опыт колхозного строительства в СССР, Коммунистическая партия Китая разработала и проводит в жизнь великую программу перевода на путь социализма китайского крестьянства. В книге эта программа подвергнута обстоятельному анализу.

Характеризуя классовую линию КПК в деревне, автор пишет: «Движение за кооперирование сельского хозяйства развивается в борьбе двух путей — в борьбе против сил капитализма, против кулацкой эксплуатации. Поэтому классовая политика партии в деревне в переходный период состоит в следующем: опираясь на бедняка (включая всех новых середняков, вышедших из бедноты), в прочном союзе с середняком осуществлять взаимопомощь и кооперирование, ограничивать и постепенно ликвидировать кулацкое хозяйство» (стр. 110). Как указывает автор, политика КПК в деревне отвечает интересам подавляющего большинства крестьянства, которое в основной своей массе «совершает великий поворот в сторону социализма» (стр. 22).

В китайской деревне происходят грандиозные изменения. Доклад Мао Цзэ-дуна по вопросам кооперирования сельского хозяйства (31 июля 1955 г.) и принятое по докладу решение 6-го пленума ЦК КПК от 11 октября 1955 г. помогли преодолеть правоуклонистские взгляды в вопросе кооперирования крестьянства и подготовили великий перелом, который наступил в китайской деревне во второй половине 1955 г. Если в июле 1955 г. в Китае насчитывалось около 17 млн. крестьянских дворов, вступивших в кооперативы, то в декабре 1955 г. их было уже 70 млн., а в конце мая 1956 г. — 110 130 тыс., т. е. 91,2% всех крестьянских хозяйств. Таким образом, «социалистическая революция в китайской деревне к настоящему времени уже одержала решающую победу».

Кооперирование сельского хозяйства шло в условиях классовой борьбы против капиталистических элементов города и деревни, в особенности против кулаков. Особенную ненависть кулаки питают, указывает У Чжуань-цзи, к сельскохозяйственным производственным кооперативам — главной форме социалистической организации трудящегося крестьянства. В ряде мест бывшие помещики и кулаки проникали в производственные кооперативы и подрывали их изнутри.

По призыву коммунистической партии в Китае были проведены необходимые меры по пресечению деятельности контрреволюционных элементов. Цель этих ме-

⁴ См. 和不法資本家堅決鬥爭 (Решительно бороться с капиталистами, нарушающими законы. Пекин, Гушэньчубаньшэ, 1955) 堅決，徹底，乾淨，全部地肅清一切反革命分子 (Решительно и до конца уничтожить все контрреволюционные элементы. Пекин, Вэйцзин-дачжун чубаньшэ, 1955).

роприятий — (обеспечить победоносное развитие «социалистического строительства и социалистических преобразований» (стр. 135).

В заключение надо сказать, что рецензируемая книга дает довольно полное представление о том, в каких условиях и формах протекает классовая борьба в Китае в переходный период, помогает понять закономерности борьбы и программу строительства социализма, намеченную Коммунистической партией Китая с учетом этих закономерностей.

В. И. Глазун

ЗАКОНЫ НОВОЙ ЖИЗНИ*

В результате огромных изменений, происшедших после второй мировой войны, около половины населения Азии живет в странах народной демократии, которые откололись от капиталистической системы и поставили целью строительство социализма.

Принятые в Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике и Демократической Республике Вьетнам конституции и другие важнейшие законодательные акты выражают и закрепляют исторические достижения трудящихся масс в борьбе за строительство новой жизни, в решении сложных и многообразных проблем государственного, хозяйственного и культурного строительства.

Опубликованные Издательством иностранной литературы на русском языке тексты конституций и основных законодательных актов КНР, КНДР и ДРВ представляют большой интерес для советского читателя. Они свидетельствуют о больших успехах народных республик Азии, выработавших новую систему подлинно демократического права, которое обеспечивает успешное осуществление социалистических преобразований. Многие законодательные акты, имеющиеся в этих сборниках, впервые публикуются на русском языке.

Наиболее полным является сборник законодательства КНР. И это не случайно. За короткий период своего существования Народный Китай накопил богатейший опыт государственного, хозяйственного и культурного строительства, получивший свое отражение и закрепление в многочисленных правовых актах.

В первый раздел сборника, содержащий законодательные акты и постановления по вопросам государственного строительства, наряду с уже известными у нас конституционными документами, помещены и не публиковавшиеся ранее в советской печати законы и постановления — Закон об организации Всекитайского Собрания народных представителей КНР (1954); Закон об организации Государственного Совета КНР (1954); Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов КНР (1954 г.); Положение об организации комитетов городского населения (1954); Временное положение об организации комиссий по охране общественного порядка (1952); Положение об организации отделений общественной безопасности (1954); Закон о воинской службе в КНР (1955) и ряд других.

Среди важнейших правовых актов этого раздела прежде всего следует выделить Конституцию КНР, принятую 20 сентября 1954 г. Уже в процессе создания Конституции ярко выявился ее подлинно народный характер. К разработке Конституции были

* «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955; «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952; Демократическая Республика Вьетнам. «Конституция, основные законодательные акты, документы». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955.

привлечены широчайшие массы трудящихся, воспринявшие новую конституцию как отражение исторических успехов, достигнутых КНР. Во всенародном обсуждении проекта конституции приняло участие свыше 150 млн. человек. Им были внесены более миллиона поправок, дополнений и предложений. Огромная роль народных масс в создании конституции и одобрение ее основных положений самим народом — свидетельство силы и жизнеспособности конституции и важнейшее условие ее успешного проведения в жизнь. Конституция КНР в законодательном порядке закрепила новое соотношение классовых сил, сложившееся в стране в результате всемирно-исторической победы китайского народа. В ней четко определена классовая сущность народно-демократического государства, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян. Политической основой КНР является система собраний народных представителей. Эта форма государственной власти, выдвинутая народными массами, проверена на опыте многолетней борьбы трудящихся Китая.

Документы сборника раскрывают глубокий демократизм системы собраний народных представителей, обеспечивающей решающее участие народных масс в управлении государством. Депутатами собраний народных представителей являются более 5670 тыс. человек. В этой связи представляют особый интерес Закон о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей КНР (1953); Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов КНР (1954); Временные правила о регистрации общественных организаций (1950); Устав Народного политического консультативного совета Китая (1954) и другие подобные им акты.

Важное значение имеют документы о решении в КНР национального вопроса (основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР, постановление Государственного совета об обеспечении равноправия всем разрозненно живущим национальностям, соглашение Центрального народного правительства КНР и местного правительства Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета и другие).

В настоящее время в КНР уже создано более 70 автономных национальных единиц (приравненных к уезду и выше), где созданы органы самоуправления и социалистические преобразования осуществляются с учетом особенностей быта и национального состава населения.

Опыт КНР показывает, что широкое развитие областной национальной автономии позволяет сочетать общие интересы китайского народа со специфическими интересами национальных меньшинств.

Особый раздел сборника составляют законодательные акты и постановления, показывающие успехи КНР в экономическом строительстве. Ряд документов знакомит читателя с тем, как шло создание единого общегосударственного продовольственного фонда, единой финансово-налоговой системы, как регулировались отношения, касающиеся частнокапиталистической промышленности и торговли.

Во Временном положении о частных предприятиях от 29 декабря 1950 г. определена политика, в силу которой в известных пределах допускалось существование частного капитала.

Наибольший интерес представляют те законодательные акты, в которых находит свое выражение генеральная линия Коммунистической партии Китая, направленная на осуществление глубоких социалистических преобразований страны. Прежде всего имеется в виду постановление II сессии Всекитайского совета народных представителей о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР.

Временное положение о смешанных государственно-частных промышленных предприятиях (1954) показывает конкретные формы, в которых осуществляется преобразование частнокапиталистических предприятий в государственно-частные. В Положении подчеркивается, что при учреждении смешанного государственно-частного управления капиталистическими предприятиями следует исходить из потребностей государства и вместе с тем учитывать желания предпринимателя. Социалистическим элементам в смешанных предприятиях отводится руководящее место. В настоящее

время, на основе завоевания решающих командных высот в экономике, народно-демократическое государство Китая успешно осуществляет курс на мирное преобразование частной промышленности и торговли и их постепенное превращение в составную часть социалистической экономики. Создание и функционирование государственно-капиталистических предприятий используются как средство постепенного социалистического обобществления средств производства, а также как метод перевоспитания капиталистических элементов.

Раздел законодательства по земельным вопросам содержит полный текст закона о земельной реформе от 28 июня 1950 г. и дополняющие его акты. На основе этого закона были проведены аграрные преобразования и созданы предпосылки для кооперирования крестьянства.

Публикуемое в сборнике решение VI (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая по вопросу о кооперировании является развернутой программой руководства в деле социалистического преобразования сельского хозяйства со стороны Коммунистической партии и народного правительства Китая.

Правовые акты о просвещении, культуре и труде наглядно показывают, как на деле осуществляются зафиксированные в конституции права граждан КНР на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности и другие. Особо следует выделить закон КНР о браке (1950 г.), постановление о реформе системы народного образования (1951 г.), закон о профсоюзах (1950 г.), о трудовом страховании (1951 г.), постановление о трудоустройстве (1952 г.). В специальных разделах (8 и 9) дан материал по вопросам организации суда, прокуратуры и уголовного законодательства.

К сожалению, в сборник не включены некоторые важные документы. В частности, в нем отсутствуют акты, регулирующие порядок организации и деятельности производственных кооперативов крестьян и кустарей, а также постановления по вопросам внутренней торговли.

Во вступительной статье Н. Г. Сударикова дается обзор законодательства, но не освещаются сколько-нибудь подробно общие вопросы, связанные с характеристикой китайской революции, нового китайского государства и своеобразия форм социалистического строительства в КНР.

Тексты законов, включенные в сборник, в ряде случаев не имеют необходимых пояснительных примечаний. Вызывает возражение и система расположения материала. Весь правовой материал следовало бы, по нашему мнению, расположить по отраслям права (государственное право, административное, гражданское, трудовое и т. д.).

* * *

В сборник «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики» вошли законы о государственном, хозяйственном, социально-культурном строительстве, суде, прокуратуре и акты первых лет освободительной войны против интервентов и лисынмановской клики. В конце книги даны приложения — акты о государственном строительстве Северной Кореи до провозглашения КНДР в 1948 г.

Документы, включенные в сборник, дают яркое представление об исторических изменениях в жизни корейского народа после освобождения страны в августе 1945 г.

В сборнике приведен текст конституции КНДР, принятой на I сессии Верховного народного собрания 8 сентября 1948 г. и отражающей особенности положения Кореи в тот период. В конституции закреплена завоевания народных масс Северной Кореи, а для Южной Кореи эта конституция стала программой борьбы против американских оккупантов и клики Ли Сын Мана.

В конституции КНДР говорится, что в Северной Корее существует несколько форм собственности на средства производства — государственная и кооперативная, занимающие господствующее положение, и частная собственность, принадлежащая мелкой и средней буржуазии.

Основными классами в КНДР являются рабочий класс и крестьянство — главные движущие силы революции. Государственное руководство обществом принадлежит рабочему классу. Нерушимый союз рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса составляет прочную основу народной власти.

Конституция закрепила демократические права граждан КНДР и наметила пути осуществления этих прав.

В сборнике помещены Закон о земельной реформе в Северной Корее (1946 г.), в силу которого около 1 млн. га пахотной земли было передано трудящимся крестьянам; закон о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков.

В целях экономического развития страны было принято Постановление об охране права частной собственности и о мерах поощрения частной инициативы в промышленности и торговле (1946 г.) и Положение о разрешении частным лицам вести внешнюю торговлю (1949 г.). Развитие частного капитала в КНДР находится под контролем государства. Экономическое развитие КНДР в целом идет на плановых началах.

В сборнике приведены итоги выполнения плана восстановления народного хозяйства КНДР на 1948 г. и закон о двухлетнем плане 1949—1950 гг.

Закон о равноправии женщин (1946 г.), законы о браке, о демократическом преобразовании школьной системы, о социальном страховании и обеспечении и другие свидетельствуют об исторических завоеваниях трудящихся КНДР в строительстве новой жизни.

Так как сборник вышел в период войны, то в него включены лишь акты, относящиеся к первому периоду войны в Корее, т. е. до 1951 г. Несмотря на это он представляет интерес для исследователей и читателей. Вместе с тем надо указать, что в сборник не вошли важные документы, в частности, законодательные акты о коренном преобразовании финансово-банковской системы (1946—1947 гг.), о ликвидации неграмотности, школьном строительстве и другие. Было бы желательно переиздание сборника с включением в него документов, отражающих те огромные изменения, которые произошли в жизни корейского народа за последнее время.

30 ноября 1954 г. VIII сессия Верховного народного собрания КНДР приняла новый закон о структуре местных органов власти. Если раньше единственным правомочным органом власти на местах был Народный комитет, то теперь таковым является Народное собрание. Народный комитет выполняет лишь функции исполнительного органа Народного собрания. Усовершенствовалась и система административно-территориального деления КНДР. Еще в начале 1949 г. II сессия Верховного народного собрания КНДР образовала из ряда уездов двух провинций — Пхенан-пукто и Хамген-намдо — новую провинцию Чаган с центром г. Кангге. После войны VIII сессия Верховного народного собрания разделила провинцию Хванхэ на две провинции: Хванхэ-пукто и Хванхэ-намдо и образовала новую провинцию Янгандо.

В КНДР принят ряд законов, направленных на коренное улучшение положения рабочих и крестьян-бедняков. Во время войны бедняцкие хозяйства освобождались от налогов, им оказывалась государственная помощь. 22 декабря 1955 г. Президиум Верховного народного собрания КНДР принял новый закон о натуральном сельскохозяйственном налоге, в силу которого более четко дифференцируется качество обрабатываемых земель, причем малоземельные и маломощные крестьянские хозяйства освобождаются от налогов. Был принят также новый закон о подоходном налоге: налог на рабочих и служащих понижен в среднем на 30% (см. «Минчжу чосон» от 23 декабря 1955 г.). Утвержден Трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства (1954—1956 гг.). Планом предусматривается значительное превышение довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства.

* * *

Сборник законодательства Демократической Республики Вьетнам включает конституцию ДРВ, ряд важнейших законодательных актов и постановлений правительства, программные документы Партии трудящихся Вьетнама и Единого нацио-

нального фронта, а также международные соглашения по вьетнамскому вопросу. Большинство из них впервые публикуется на русском языке. Сборник открывается документами, провозгласившими образование Демократической Республики Вьетнам, родившейся в огне национально-освободительной войны вьетнамского народа против империалистических колонизаторов.

В результате августовской революции 1945 г. было создано Временное народное правительство, император Бао Дай был вынужден отречься от престола, и 2 сентября 1945 г. была провозглашена Декларация независимости, объявившая Вьетнам демократической республикой. В сборник включены: акт отречения Бао Дая, текст Декларации независимости и другие законодательные акты периода возникновения ДРВ.

В исключительно трудных условиях, вызванных вооруженной интервенцией французских колонизаторов, Временное народное правительство подготовило и провело на подлинно демократических началах выборы в Национальное собрание — высший орган государственной власти, призванный от имени народа утвердить республиканскую демократическую конституцию Вьетнама, которая и была принята 8 ноября 1946 г. на второй сессии Национального собрания. Конституция 1946 г. заложила основы демократической государственности и обеспечила народу решающее участие в строительстве новой жизни; определила и закрепила основные права и обязанности граждан; она воплотила в жизнь мечты трудящихся Вьетнама, многие годы боровшихся за свободу и независимость родины. Большое место в сборнике уделено программным документам Партии трудящихся Вьетнама и Единого национального фронта.

Программа Партии трудящихся Вьетнама, принятая в 1951 г., — ее важнейший идеологический документ. В ней дана характеристика революции во Вьетнаме и определена политика партии, направленная на освобождение всего Вьетнама, на уничтожение феодальных и полуфеодальных порядков, на укрепление народно-демократического строя, создание независимого, единого, демократического Вьетнама, в целях развития страны по пути к социализму.

Партия трудящихся Вьетнама создала Единый национальный фронт, в который, помимо нее, вошли социалистическая и демократическая партии, крестьянский союз, рабочие и другие массовые организации (женские, национальных меньшинств, религиозных групп и т. д.).

Основанный на союзе рабочего класса и крестьянства Единый национальный фронт — широкое объединение всех прогрессивных сил страны.

Уже после выхода сборника в свет Единый национальный фронт Вьетнама был реорганизован в Отечественный фронт.

Весьма интересны акты об организации и порядке деятельности местных органов власти, декларация о правительственной политике по отношению к религии и декларация о национальной политике.

В декларации о национальной политике изложены мероприятия правительства, направленные на сплочение всех национальностей страны, организацию взаимопомощи между ними и создание условий для образования автономных национальных районов. В начале 1955 г. в северо-западной части Вьетнама был создан первый автономный национальный район.

Развивая национальную промышленность, Партия трудящихся Вьетнама и народное правительство своей политикой обеспечивают укрепление экономической независимости республики.

В сборник включены важнейшие документы по вопросам аграрной политики и экономического строительства. В соответствующем разделе приведены все важнейшие акты об аграрной политике, принятые с 1945 по 1953 г., а также текст закона об аграрной реформе и доклад Хо Ши Мина на III сессии Национального собрания о земельной реформе (декабрь 1953 г.).

Законом об аграрной реформе предусматривалась ликвидация помещичьего землевладения и передача земли трудящимся крестьянам в соответствии с принципом: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». Согласно действующему законода-

тольству, в Демократической Республике Вьетнам все природные ресурсы объявлены собственностью государства (декрет от 10 января 1950 г.).

Яркое представление об улучшении условий труда и быта рабочих дает декрет о труде (1947 г.), устанавливающий ежегодные оплачиваемые отпуска, пособия по болезни, социальное страхование, отпуска для беременных женщин, охрану женского и детского труда и т. д.

В сборнике помещен ряд декретов по судопроизводству и уголовному праву; приведены важнейшие международно-правовые акты по вьетнамскому вопросу (соглашения Демократической Республики Вьетнам с Францией, Декларация Женевского совещания по вопросу восстановления мира в Индо-Китае).

Кратко следует остановиться и на отдельных недостатках сборника. Прежде всего надо отметить, что в сборник не вошли некоторые важные документы. Так, например, нет раздела о законодательстве в области социально-культурного строительства. Поскольку к сборнику не дана вступительная статья, это привело к тому, что некоторые вопросы в нем не разъяснены (например, какое гражданское и уголовное законодательство действует в ДРВ в настоящее время). Перевод отдельных документов, включенных в сборник, был сделан с английского и французского языков, а не с вьетнамского. Это привело в отдельных случаях к неточностям в самих текстах документов. Встречаются в рецензируемом сборнике и отдельные фактические ошибки. Например, в примечании на стр. 9 говорится, что Бао Дай с марта 1949 г. возглавил марionеточное правительство «императорского» Вьетнама, в то время как Бао Дай вернулся во Вьетнам только летом 1949 г.

* * *

Появление рецензируемых сборников встречено советской общественностью с большим удовлетворением. Государственное Издательство иностранной литературы проделало плодотворную работу по подбору и переводу законодательных актов КНР, КНДР и ДРВ. Изданные книги имеют большое научное и познавательное значение. Они с интересом будут прочитаны не только специалистами, но и широкими кругами читателей.

Г. Ф. Ким и М. А. Шафир

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(역사과학 «Историческая наука», № 1-10, 1955 г.)

Крупным событием в истории корейской культуры явилось создание в 1952 г. Академии наук КНДР. В составе Академии были учреждены и два исследовательских центра по историческим наукам — Институт истории и Институт истории материальной культуры. С января 1955 г. Институт истории начал издавать журнал «Историческая наука» (역사과학 — «Ёкса квахак»), являющийся ведущим научным органом историков Корейской Народно-Демократической Республики¹.

Касаясь основных задач, стоящих перед историческим фронтом и его новым журналом, передовая к первому номеру указывала, что, несмотря на ряд успехов в работе историков, состояние исторической науки в КНДР еще не отвечает тем высоким тре-

¹ Ссылки на это издание даются в дальнейшем без упоминания названия, указываются только номер журнала и страница. Статьи по вопросам истории, кроме этого журнала, печатаются также в «Вестнике Академии наук» (과학신보) и других периодических изданиях КНДР.

бованиям, которые предъявляет жизнь²: мало книг, говорилось в передовой, трактующих историю Кореи с позиций марксизма-ленинизма, у некоторых историков не изжиты остатки идеалистических воззрений, и эти ученые рассматривают историю Кореи как историю царей и династий или трактуют ее с позиций буржуазного объективизма. В качестве наиболее важной задачи, стоящей перед историками Кореи, выдвигалась задача воссоздания истории Кореи как «истории развития производства, как истории развития производительных сил и производственных отношений, как истории самих производителей материальных благ, как истории трудящихся масс, являющихся главной силой в процессе производства — создателями материальных благ, необходимых для существования общества» (№ 1, стр. 2).

«Ёкса квахак» борется за овладение историками теорией марксизма-ленинизма, за умелое, творческое применение ее к условиям корейской действительности, за развитие корейской исторической науки на основе передовых достижений зарубежной, прежде всего советской, науки, против проявлений буржуазной идеологии, неизжитых еще остатков идеологического влияния иностранных колонизаторов. Журнал призывает историков КНДР глубоко изучать политику Трудовой партии, чтобы связывать свою исследовательскую работу с ее важнейшими решениями и с актуальными задачами народной революции.

Борясь за новый стиль в работе историков, «Ёкса квахак» пропагандирует идею коллективизма, взаимной товарищеской помощи в научно-исследовательской работе, чтобы в короткие сроки решить наиболее важные научные проблемы, имеющие государственное значение. Журнал пропагандирует и применяет критику и самокритику как главное оружие в борьбе с недостатками и как средство успешного движения вперед исторической науки.

* * *

Знакомство с содержанием вышедших в 1955 г. первых десяти номеров «Ёкса квахак» показывает, что корейские историки подняли ряд новых научных проблем и сделали многое для правильного освещения пути развития Кореи в различные периоды своей истории. Значительное место в журнале занимают статьи, посвященные вопросам древней и средневековой истории Кореи.

В статье То Ю Хо «О новой трактовке некоторых фактов истории каменного века в Корее» (№ 1, стр. 41—54) подводятся предварительные итоги археологических исследований неолита, проведенных в Северной Корее после ее освобождения. То Ю Хо считает, что раскопки неолитических стоянок на территории провинции Северный Хамгён позволяют сделать важные выводы об этногенезе корейского народа, в частности, о связях корейских племен с племенами древней Монголии и Сибири, о расселении северных племен и постепенном распространении их на юг Корейского полуострова. В ходе раскопок были обнаружены и орудия палеолитического типа (из обсидиана и кремня), но, как пишет То Ю Хо, еще нельзя сделать вывода об обитании человека в Корее в палеолитическую эпоху, поскольку орудия этого типа принадлежат к культурной среде значительно более позднего периода, в которой представлены, например, такие предметы, как зернотерка (№ 1, стр. 42). Работу То Ю Хо дополняют сведения о неолитических стоянках в северо-западной части Кореи, имеющиеся в предварительных сообщениях о весенних и летних раскопках 1955 г. (Чон Бэк Уна)³.

² Возможности для плодотворной деятельности прогрессивных корейских историков открылись только с освобождением Кореи в 1945 г. До создания Института истории их творческую работу объединяла учрежденная в 1947 г. Постоянная комиссия по составлению истории Кореи (Чосон ёкса пхёнчхан вивонхва). Постоянная комиссия издавала журнал «Ёкса че мунижю» (歷史諸問題 «Вопросы истории»), выход которого прекратился с началом войны в июне 1950 г. В журнале был опубликован ряд исследований по различным периодам истории Кореи.

³ Сообщение опубликовано в отделе «Научные известия», № 8, стр. 107—116.

В статье «О памятниках и предметах ханьского типа на побережье Тэдонгана и о так называемой проблеме „административного центра Лолана (Аниан)“» (№ 5, стр. 85) Ли Ё Сон старается разрешить дискуссионный вопрос о местонахождении четырех ханьских округов, в том числе и главного из них — Лолана, учрежденных императором древней Ханьской династии Уди в конце II в. до н. э. Ли Ё Сон считает, что находившееся в районе Пхеньяна ханьское поселение было не административным центром округа Лолан, а обычной для тех времен ханьской торговой факторией. Он полагает, что археологическими материалами нельзя опровергнуть показаний письменных источников и выводов корейских ученых, как это пытались делать некоторые японские реакционные историки.

До сих пор в числе нерешенных проблем в корейской истории остается вопрос о времени возникновения феодализма, а также связанный с этим вопрос о характере предшествующей ему формации. Длительное время корейские историки, вслед за проф. Пэк Нам Уном⁴, считали, что в Корее феодализм пришел на смену рабовладельческой формации, что период трех государств (до второй половины VII в. н. э.) был периодом рабства. Опубликованная в «Ёкса квахак» работа Ким Кван Чжинна «Процесс возникновения феодального строя в Корее. В связи с вопросом о том, существовала ли в Корее рабовладельческая формация» (№ 8, стр. 11—39; № 9, стр. 37—68) пересматривает это положение и относит возникновение феодальных отношений в Корее к более раннему времени.

Защищая тезис о зарождении феодальных отношений в период образования трех государств, автор статьи не считает все свои положения бесспорными и выдвигает их в качестве предмета для дискуссии. Ким Кван Чжинн считает, что общественный строй корейских племен до II в. н. э. был переходным, и подвергает критике мнение о наличии рабовладельческой формации в древней Корее. Свои доводы он иллюстрирует анализом общественного строя корейских племен. Все племена, по его мнению, до II в. н. э. сохраняли первобытно-общинные отношения, хотя у некоторых развитых племен уже появилось рабство, но поскольку оно носило еще начальные формы, родоплеменная общественная организация сохранялась в полной силе еще и в III в. (№ 8, стр. 21—22). Разложение первобытно-общинного строя и появление рабов, по Ким Кван Чжинну, подготовили условия для перехода не к рабовладельческой, а к феодальной формации. Критикуя взгляды тех ученых, которые признают наличие рабовладельческой формации в Корее, Ким Кван Чжинн говорит, что это мнение историков исходит лишь из факта наличия рабства, из упоминаний в источниках о рабах (ноби, сэнгю), а не из анализа всей экономической обстановки в целом. Поэтому становление феодализма представляется этим историкам не как скачок в новое состояние, а в виде незаметного мирного изменения старого рабовладельческого общества.

Ким Кван Чжинн приходит к выводу, что установлению рабовладельческой формации в Корее препятствовали следующие факторы: устоявшиеся традиции первобытно-общинного строя, что ограничивало возможности увеличения прослойки рабов; слабое развитие товарного производства, торгового и ростовщического капитала; крайняя ограниченность таких источников пополнения рабов, как войны, ибо, по подсчетам автора, в войнах трех государств потери пленными в целом были выше количества захваченных в плен; отсутствие крупных пригационных сооружений общегосударственного масштаба, обычно требовавших массового использования рабов (№ 8 стр. 26—33).

В статье Ким Кван Чжинна показаны специфические условия разложения первобытно-общинного строя, при которых стал возможным переход от первобытности к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Вследствие влияния Китая, развитого в экономическом и культурном отношении, разложение первобытно-общинного строя корейских племен произошло при более высоком уровне произ-

водительных сил, чем у ряда древних народов. Под влиянием Китая корейские племена от каменных орудий перешли непосредственно к применению железных (т. е. в Корее не было бронзового века; стр. 35—36). Применяя в отношении корейских племен понятие «варварские государства», Ким Кван Чжинн пишет, что и в Корее варварские государства, возникшие в результате развития противоречий внутри старого первобытно-общинного строя, сыграли активную роль в формировании феодальных отношений. Варварские государства, существовавшие в Когурё и Пэкче в первые века нашей эры, в Силла до конца V в., Ким Кван Чжинн считает политической надстройкой переходного периода от племенного союза к государственности, причем при сохранении общинного базиса эта власть служила для эксплуатации одних общин другими посредством взимания дани. Как он полагает, варварские государства, находившиеся под сильным влиянием феодального Китая, заимствовали у него методы феодального господства и учреждали в Корее сильную систему феодальной эксплуатации.

Ким Кван Чжинн указывает, что вожди племен и родовая аристократия для закрепощения общинников и умножения своего богатства превращали королевскую власть (власть военачальника) в орудие классового господства. «В обстановке того времени, — пишет Ким Кван Чжинн, — когда из-за коллективного сопротивления общин не было возможностей для развития крупной частной собственности на землю, они развернули ожесточенную борьбу за создание такого строя, при котором именем короля они могли владеть и управлять землей и народом всей страны. В форме «государственной собственности» они постепенно превращали и землю и народ в коллективную собственность объединенного господствующего класса. Это и был процесс зарождения в Корее верховной власти феодального государства на землю» (№ 9, стр. 43), т. е. государственной формы феодальной собственности на землю. Временем утверждения этих форм феодальных отношений в Корее Ким Кван Чжинн считает конец III — начало IV в., и три корейских государства — Когурё, Пэкче и Силла — он рассматривает как раннефеодальные. В статье определяется и приблизительная дата образования этих государств — IV в. для первых двух и начало VI в. для третьего из них (№ 9, стр. 61—62).

Особенностям развития феодализма в средневековой Корее, характеристике феодальной собственности на землю и различных форм землевладения посвящена дискуссия на страницах «Ёкса квахак». Первой была статья Пак Си Хена «О феодальной собственности на землю в Корее» (№ 2, стр. 70—103). По мнению автора этой работы, государственная собственность на землю, пришедшая на смену общинной собственности, в средневековой Корее включала в себя разнообразное содержание. Поэтому важно определить, в какой степени государство непосредственно распоряжалось землей, обрабатываемой самими производителями — крестьянами, в частности, означал ли принцип государственной собственности периодическое перераспределение государством земельных участков, находившихся в руках отдельных владельцев. Пак Си Хен считает, что наделная система в Корее была подражанием танским образцам, не имевшим основания в корейской действительности. В Корее не было условий для непосредственного государственного контроля над крестьянскими хозяйствами и, следовательно, не было и надобности наделять крестьян земельными участками, так как они (за исключением рабов) имели свою землю. Пак Си Хен полагает, что при различных формах чиновных держаний (чонспква, купчжон и квачжон) не было реальных земельных раздач, а что они означали лишь предоставление держателям права собирать налоги с этих земель. Подчеркивая условный характер этих держаний, автор статьи в примечании к стр. 102 критикует тех историков, включая и советских⁵, которые по его мнению, ошибочно отождествляют чиновные наделы квачжон с реальными раздачами типа бенефиций. Пак Си Хен считает, что принцип государственной собственности на землю, начиная с периода троестарствия, означал лишь:

⁴ 自南雲，朝鮮社會經濟史，東京，改造社，（Пэк Нам Ун. Социально-экономическая история Кореи). Токио, изд-во «Кайдзо», 1933.

⁵ Г. Д. Тягел. Крестьянское восстание в Корее в 1893—1895 гг. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 7.

право государства собирать налоги со всех земель, а в фактической собственности государства даже в XIV—XV вв. находилось лишь около 100 тыс. кёль. Большая часть земли была частной собственностью крестьян или крупных землевладельцев.

Статья покойного историка Чон Хён Гю — «Характер частновладельческих полей в феодальной Корее XIV—XV вв.» затрагивает те же вопросы, что и работа Пак Си Хена. Автор статьи, как и Пак Си Хен, отрицает реальное значение государственной собственности на землю, признавая государственными только те земли, которые находились в распоряжении королевского дома, государственных учреждений и являлись государственными поместьями. Все остальные земли он считает частной собственностью крестьян и феодалов. По мнению Чон Хён Гю, с захватом крестьянских земель крупными землевладельцами и с возникновением крупной частной собственности и начинаются феодальные отношения, возникает категория феодальной ренты (№ 4, стр. 66). Чон Хён Гю не видит особых различий в становлении феодальных отношений в Корее и в европейских странах. До тех пор пока феодальные отношения не стали господствующими и не возникла феодальная рента, существовали, по его мнению, лишь налоги, сохранившиеся и в феодальный период.

В статье дается градация земель по характеру собственности (государственная и частная, феодальная и крестьянская) и по характеру сбора налогов (государственные земли, освобожденные от налогов; земли, налог с которых присваивает государство, и земли, налог с которых взимают частные лица, обычно из числа чиновников). В начале периода Корё имелось много крестьян-собственников, плативших налог, а не ренту. По мнению Чон Хён Гю, процесс закрепощения свободных крестьян и превращения их в зависимых от феодалов (феодалами являлись государственные учреждения или наследственная феодальная аристократия) крепостных происходил лишь в XIII—XIV вв. Но здесь наблюдается, по нашему мнению, явная недооценка значения государственной формы феодальной собственности на землю в Корее.

По-иному ставит вопрос о сущности феодальных отношений в средневековой Корее Цой Бён Му в статье «О некоторых особенностях феодального строя в Корее, выявляемых на основе законов об отработках (пук), подворных списках (хочжук) и именных таблицах (хонхэ) в начальный период правления династии Ли» (№ 4, стр. 40—65). Важнейшей задачей в изучении феодализма в отдельных странах Цой Бён Му считает выяснение конкретных особенностей его развития. Автор статьи отмечает большую роль государства в осуществлении феодальной эксплуатации в Корее. Если для развития феодализма в странах Европы характерно было наличие сеньориальной (поместной) системы, то в ряде восточных стран, в том числе и в Корее, она не получила большого развития. В феодальном обществе Кореи, пишет Цой Бён Му, могучим фактором господства над крестьянством являлось централизованное бюрократическое государство. Оно «непосредственно противостояло народным массам, устанавливая и взимая в различной форме дань, а также и используя принудительный труд» (стр. 41). На основе изучения общегосударственных принудительных работ, выполняемых крестьянством, которое было занесено в подворные списки и прикреплено к земле, автор статьи показывает, что это была крепостническая система, учрежденная государством по отношению ко всему крестьянству. Эта эксплуатация крестьянства государством существовала в периоды роста его централизации, когда большая часть лично свободных крестьян находилась в распоряжении государства. Зависимость крестьян от государства становилась меньше при усилении местных феодальных землевладельцев, закрепощавших в свою очередь крестьян. При слабости экономических связей между отдельными районами страны существование государственной централизации и общегосударственной системы эксплуатации крестьян в Корее автор считает явлением исключительным, полагая, что причина этого кроется в том большом значении, какое имела сельская община в средневековой Корее (стр. 64—65).

В связи с изучением проблем социально-экономического развития Кореи «Екка квахан» подвергает критике недостатки изданных книг по истории Кореи древнего и средневекового периодов. В передовой пятой номера отмечалось, что в изданной

в 1951 г. «Древней истории Кореи»⁶ авторы, вместо анализа исторических условий, вывод о существовании рабовладельческой формации в Корее сделали лишь на основе догматического применения цитат из работ классиков марксизма-ленинизма (№ 5, стр. 6). Историк Лим Гон Сан в рецензии на эту книгу (№ 1, стр. 89—94) отмечал также и другие недостатки ее: смешение различных исторических категорий (племя, союз племен, государство), отсутствие анализа социально-экономических условий, предшествовавших формированию государства, недооценку роли свободного населения при анализе классовой структуры древнего общества в Корее, подмену истории народа и классовой борьбы историей королей, отсутствие органической связи истории культуры с общим ходом исторического развития, отсутствие вопроса о переходе к феодализму и т. д.

На страницах журнала критиковалась также и «История Кореи в средние века» (часть I)⁷, освещающая историю Кореи с VII в. до конца XIV в. В журнале были опубликованы рецензия Ким Се Ика на эту книгу и отчет об ее обсуждении в Институте истории. В рецензии на книгу и во время обсуждения ее в Институте истории работа была подвергнута всестороннему рассмотрению. В выводах указывается, что книга не удовлетворяет возросшим требованиям читателя. В журнале, в частности, говорится, что в «Истории Кореи в средние века» (часть I) нет полной характеристики закономерностей общественного развития и классовой борьбы в стране, не доказан тезис о возникновении феодальных отношений в Корее в VII в. н. э.; нет картины развития общественных отношений в соответствии с уровнем развития производительных сил, ненаучно излагается связь между базисом и надстройкой, причем изложение вопросов о характере надстроечных явлений предшествует характеристике экономики. История Кореи, говорится в журнале, преподносится не как история народных масс (ибо в ней не уделено должного внимания описанию их положения и их выступлений), а как история царствовавших династий, деяний королей. Роль исторических деятелей не показана в ней в тесной связи с историческими условиями, определявшими их действия.

Мало уделено места в книге и истории борьбы народа против помещичьих захватчиков. Главное же это то, что в книге неудовлетворительно освещен вопрос о сущности феодализма в Корее, не показан характер феодальной собственности на землю, составляющей основу феодализма, не дана ясная характеристика форм феодального землевладения и крестьянских держаний, в частности не показано различие в положении государственных и частновладельческих крестьян, которые сведены в единую массу эксплуатируемых, не показаны различия крестьян в зависимости от их сословной принадлежности и не охарактеризованы классовые прослойки феодального общества. Наконец, отмечается в журнале, в книге не учтены новые работы корейских историков о народных движениях в средние века. Встречаются также отдельные ошибочные положения, например, заявление о том, что внутренний рынок в Корее сложился в XI в.⁸ Кроме названных работ по истории средневековой Кореи, опубликованы также статьи Ли Чхун Со на о жизни и деятельности флотоводца Ли Сун Сина (№ 4, стр. 76—93) и О Чан Хвана об экономической роли буддистских монастырей в феодальной Корее при династии Ли (№ 6, стр. 44—58).

В журнале печатаются статьи о прогрессивных представителях общественной мысли нового и новейшего времени, об экономической политике японского империализма в Корее, об освободительной борьбе против японского империализма, а также по важнейшим проблемам истории Кореи после освобождения.

В статье Син Гу Хёна «Взгляды Елама Пак Чн Вона» дается характеристика мировоззрения виднейшего демократа и гуманиста XVIII в., одного из крупных представителей сирхакского течения общественной мысли (№ 4, стр. 11—27). В статье

⁶ 조선고대사 («Древняя история Кореи»). Пхеньян, 1951.

⁷ 조선중세사상편 («История Кореи в средние века», ч. I). Пхеньян, 1954 г.

⁸ Рецензия Ким Се Ика опубликована № 1, стр. 95—101; отчет об обсуждении книги в Институте истории — в № 9, стр. 109—112.

показано, что, несмотря на историческую ограниченность мировоззрения Пак Чи Вона, он близок корейскому народу как мыслитель, жестоко бичевавший феодальный деспотизм и реакционную конфуцианскую идеологию, проповедовавший передовые для своего времени естественно-научные и философские идеи и призывавший к облегчению участи угнетенного крестьянства. В статье Ли Хён Ира «Философские идеи Чон Дасана» рассматриваются философские взгляды другого выдающегося представителя сирхакского движения — Чон Як Ена (псевдоним Дасан), прогрессивные идеи которого содействовали подрыву философских основ официальной идеологии неоконфуцианства. В статье подчеркивается наличие определенно выраженных материалистических элементов в мировоззрении этого философа, хотя он и оперировал конфуцианскими философскими категориями. Огромное значение имела деятельность Чон Як Ена не только в области развития естественно-научных знаний — его общественные идеи о врожденной свободе человека и независимости человеческой личности служили делу борьбы против реакционных феодальных порядков. Чон Як Ен показан в статье как мыслитель, в идеях которого отразились революционные настроения крестьянских масс.

Истории общественного движения конца XIX — начала XX в. посвящена работа Ли Кан Сона «Просветительное движение и новая корейская пресса» (№ 7, стр. 39—62). Автор статьи дает анализ идейного содержания либерально-просветительной периодической печати конца XIX — начала XX в. Влиятельные органы того периода — «Хвансон синмун» («Столичная газета»), «Тоннип синмун» («Газета независимости»), «Чаганхва вольбо» («Ежемесячник Чаганхва»), «Тэхан мэиль синбо» («Корейская ежедневная газета») — выступали за буржуазное преобразование Кореи, причем после 1905 г. прямо стали высказываться за установление парламентарного политического строя в стране. В статье показана не только прогрессивная роль этой прессы, но и классовая ограниченность либерального движения, которое оказалось неспособным поддержать решительную вооруженную борьбу народа против иностранных захватчиков.

Статья Ким Хан Чжу «О колониальной аграрной политике японского империализма в Корее» (№ 2, стр. 1—34; № 3, стр. 41—62) прослеживает влияние политики колонизаторов на корейскую деревню с начала XX в. до второй мировой войны. Наряду с интересными фактами о японском землевладении в Корее до ее аннексии, в статье показывается аграрный характер партизанской борьбы «Армии за правое дело» (Ыйбен) в начале XX в. Далее показана аграрная политика японских колонизаторов после захвата Кореи. Так называемое земельное обследование, проведенное колонизаторами, говорится в статье, привело к узаконению на основе норм буржуазного законодательства средневековой системы феодальной эксплуатации крестьянства, т. е. явилось средством превращения корейской экономики в колониальную и полуфеодальную. Захват земли монополиями, организации кредитно-финансовых⁹ и пригационных обществ рассматриваются в статье как важнейшие средства ограбления корейских крестьян японским империализмом. В статье указывается, что сохранение колонизаторами средневековых феодальных порядков в деревне обусловило медленное развитие капиталистического уклада в сельском хозяйстве, описывается процесс разорения крестьян, изъятия их земельных участков, а также сделана попытка определить классовый состав населения деревни по количеству обрабатываемой земли. Кроме того, показаны застой и упадок производительных сил в сельском хозяйстве Кореи, сказавшиеся в непропорциональном развитии отраслей сельскохозяйственного производства (рост производства риса для вывоза и резкое сокращение или свертывание производства других культур), в сокращении посевных площадей, в упадке животноводства и т. д. Ким Хан Чжу разоблачает политику колонизаторов, стремившихся создавать самостоятельные крестьянские хозяйства, и вскрывает полную несостоятельность этой политики.

⁹ Число японских кредитных учреждений возросло со 120 в 1910 г. до 909 в 1943 г. а капитал — с 800 тыс. пен до 540 млн. пен (см. № 2, стр. 26).

Весьма интересна и содержательна статья Чон Сок Тама «Колониальная односторонность корейской промышленности в период господства японского империализма» (№ 5, стр. 17—56). В статье отмечены два периода в промышленной политике колонизаторов: 1) с 1910 по 1929 г. и 2) с 1930 по 1945 г., причем в каждом из этих периодов даны подпериоды (с 1910 по 1919 г. и с 1920 по 1929 г., с 1930 по 1936 г. и с 1937 по 1945 г.) как рубежи в изменениях этой политики. Поскольку, пишет автор, роль промышленности как средства колониальной эксплуатации корейского народа японскими империалистами усиливалась, рос и объем капиталовложений в промышленность. На всех этапах промышленность Кореи продолжала сохранять ярко выраженный колониальный характер, что проявлялось в диспропорции между добывающей и обрабатывающей промышленностью и в общем несоответствии между отраслями промышленности, в ее низком техническом уровне и т. п. В статье приведены данные об удельном весе национального капитала в промышленности — компраторского, среднего и мелкого, их роли в отраслях промышленности, а также материалы о возникновении рабочего класса, его составе и положении.

Формы и методы финансового ограбления Кореи японскими монополиями показаны в опубликованной в журнале (№ 9, стр. 69—95) статье Цой Юп Гю, где рассматриваются налоги, государственные займы и инфляция в Корее при господстве японского империализма (после 30-х годов).

Проблемы освободительной борьбы корейского народа против колониального гнета освещены в статьях Ли Чен Вона. В первой статье — «Первомартовское движение и национально-освободительное движение в Корее» (№ 3, стр. 1—40) автор анализирует идейное влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России на подъем национально-освободительного движения в Корее, описывает возникновение и развитие мартовского движения 1919 г., характеризует его движущие силы и сущность, враждебное отношение к нему империалистов США, а также причины поражения движения, дает оценку его исторического значения. В статье на интересном материале показывается предательская тактика лидеров буржуазных националистов, использовавших недостаточную политическую зрелость народных масс и давших в начале движения свои лозунги, но затем позорно предавших его. «Если национально-освободительное движение в прошлом, — пишет автор, — шло под знаменем буржуазного национализма, то в мартовском движении 1919 г. наметился крах буржуазного национализма, поворот к революционной идеологии пролетариата» (№ 3, стр. 31).

В статье «Борьба за гегемонию пролетариата в антияпонском национально-освободительном движении» (№ 9, стр. 1—36; № 10, стр. 1—40) Ли Чен Вон пишет, что при изучении этой проблемы главным спорным среди историков вопросом является вопрос, к какому времени можно отнести начало осуществления гегемонии рабочего класса в национально-освободительном движении в Корее.

Автор статьи полагает, что гегемония пролетариата в национально-освободительной борьбе корейского народа осуществилась уже в 30-х годах. Особенностью борьбы за гегемонию пролетариата в национально-освободительном движении Кореи, по мнению Ли Чен Вона, было то, что борьба рабочего класса за гегемонию началась в период, когда он только начал формироваться и не представлял еще по своему удельному весу большой силы в обществе. Росту революционной сознательности и активности корейского пролетариата способствовал ряд обстоятельств, главными из которых были могучее влияние Великой Октябрьской социалистической революции и распространение в Корее идей марксизма-ленинизма. Факт руководства коммунистами вооруженной борьбой крестьянских масс означал, по мнению Ли Чен Вона, не только союз рабочего класса с крестьянством, но и гегемонию корейского пролетариата в национально-освободительном движении (№ 10, стр. 9—10). При посредстве широкого национального фронта, основой которого был союз рабочего класса и крестьянства, и осуществлялась гегемония пролетариата. Ли Чен Вон отмечает, что в силу особых исторических условий развития революционного движения осуществление гегемонии рабочего класса в Корее стало возможным при наличии лишь коммунистического ядра, стоявшего во главе партизанского движения. Партизанские отряды представляли

собой не просто военную организацию, стремившуюся к уничтожению военных сил врага, а проводили агитационно-пропагандистскую работу в массах, организовывали и вооружали их, ведя борьбу за установление народной власти. Партизаны вели большую работу по организации коммунистических ячеек и подготавливали создание марксистской партии пролетариата.

Освобождение Кореи от ига японских колонизаторов открыло новую эпоху в освободительном движении страны. Демократические силы корейского народа создали на севере оплот и базу революции — Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Проблема образования и укрепления демократической базы в Северной Корее и ее роли в национально-освободительной революции корейского народа освещена в статье Ли На Ена — «Борьба корейского народа за создание и укрепление демократической базы» (№ 1, стр. 69—88) и Цой Ен Хвана — «Демократическая база корейской революции на Севере после освобождения» (№ 10, стр. 41—65). В первой из них, опубликованной в дискуссионном порядке, освещается вопрос об этапах борьбы за создание и укрепление демократической революционной базы на севере страны. Автор отмечает, что до 1947 г. на севере Кореи в основном были разрешены задачи буржуазно-демократического этапа революции, т. е. задачи первого этапа народно-демократической революции (№ 1, стр. 75). В статье указано также на значение революционной базы на севере страны для установления Корейской Народно-Демократической Республики, для дальнейшей борьбы против иностранной интервенции во время Отечественной войны за независимость и единство страны. Далее в статье освещается вопрос о характере современного этапа революции и задачах укрепления КНДР, являющейся «материальной гарантией независимости и единства родины, важнейшим условием развития и окончательной победы корейской революции» (№ 1, стр. 88).

Цой Ен Хван дал также анализ исторических условий, стратегии и тактики при создании революционной базы, оценку ее значения и характеристику особенностей современного этапа революции. В статье показано, что империалистическая политика США была направлена на превращение части Кореи в военно-стратегический плацдарм и фактическую колонию США. Для защиты своей родины корейский народ создал на севере независимую республику — КНДР. Это было единственным путем для обеспечения победы национально-освободительной революции в Корее. «Демократическая база в северной части страны, — пишет автор, — будучи не только средством достижения победы революции, но и олицетворением самого развития ее, является решающим фактором дальнейшего развития и окончательной победы корейской революции» (№ 10, стр. 51). Для строительства и укрепления КНДР как надежного оплота революции решающее значение имело создание единой марксистско-ленинской партии. В острой борьбе против фракционеров, сектантских элементов и замаскировавшихся провокаторов — иностранных агентов, говорит автор, в Северной Корее был создан руководящий центр коммунистической партии и в результате обеспечено торжество марксистско-ленинских идеологических и организационных принципов партии. Трудовая партия, возникшая на основе принципов марксизма-ленинизма, возглавила демократические преобразования в Северной Корее и создала прочную основу для победы революции в общенациональном масштабе. Особенностью революции в Корее после ее освобождения была неравномерность революционного развития на севере и юге страны. Если в масштабе страны в целом, пишет автор, и теперь стоят задачи национально-освободительной демократической революции, то в Северной Корее после осуществления задач демократической революции, подобно другим странам народной демократии, идет строительство основ социализма. Эта созидательная работа началась еще до интервенции против КНДР американских империалистов и лисымановской реакционной клики.

Истории освободительной войны корейского народа в 1950—1953 гг. посвящены статьи Ки Сок Пока — «Историческая победа Корейской Народной армии и вторая годовщина со дня заключения соглашения о перемирии» (№ 7, стр. 1—14) и Ким Кван

Суна — «Экономическая политика Трудовой партии Кореи и правительства республики в период Отечественной освободительной войны» (№ 6, стр. 10—23). В обеих статьях показано, что война, явившаяся серьезным испытанием для КНДР, обнаружила жизнеспособность и прочность ее нового общественного, экономического и государственного строя. Уверенные в победе над врагом и в мирной перспективе развития КНДР, Трудовая партия и правительство уже в 1952 г. разработали план послевоенных восстановительных работ. За период войны укрепились социалистические элементы в сельском хозяйстве КНДР — увеличилось число государственных хозяйств и машино-прокатных станций, развернулось широкое движение по кооперированию крестьянских хозяйств. Трудовая партия и народное правительство вели борьбу по устранению недостатков в государственной и кооперативной торговле, уделяли большое внимание подъему жизненного уровня трудящихся. Могучим фактором укрепления КНДР в годы войны была бескорыстная помощь Корейской Народно-Демократической Республике со стороны Советского Союза, КНР и других стран народной демократии.

Иное положение в Южной Корее. Она ограблена монополиями США. В статье Цой Мён Со «Политика американских империалистов по разрушению и закабалению промышленности Южной Кореи» (№ 6, стр. 24—43) освещена история разорения промышленности Южной Кореи в результате экономической «помощи» США и засилья американских монополий на южнокорейском рынке после второй мировой войны. Американские капиталовложения в Южную Корею, сделанные под видом «помощи» за период с 1945 по 1954 г., выросли до 1200 млн. долл. (№ 6, стр. 31). Вся экономика Южной Кореи, говорится в статье, носит типично колониальный характер. Продукция машиностроения составляет всего лишь 6,8%, а металлургии — 4,6% общей промышленной продукции. Колониальный характер экономики Южной Кореи иллюстрируется и структурой экспорта. В 1953 г. из общей суммы экспорта в 3 987 200 тыс. хванов 93,94% составляли руда и другое сырье и 5,18% — полуфабрикаты, причем 70% экспорта падало на вольфрам (№ 6, стр. 32, 39). В статье раскрывается кабальный характер соглашений между лисымановским правительством и американскими монополиями, в результате которых утвердилось полное господство США в экономике Южной Кореи. Новый этап в ограблении Южной Кореи американскими монополиями, пишет автор, открывается установлением так называемой «свободной экономической структуры» по «Проекту изменения конституции» (от 29 ноября 1954 г.). Эти изменения предусматривают свободу для прямых американских капиталовложений в Южную Корею, что должно привести к полному подавлению национального капитала.

На страницах «Ёкса квачак» освещаются также история культуры, прогрессивные традиции прошлого, особенно развитие корейской литературы.

В статье Лю Чхан Сона «Исторический анализ формы и содержания песенной поэзии («каэ») эпохи Корё» (№ 6, стр. 59—81) дается анализ произведений этого жанра и устанавливается историческое место корёской «каэ» как дальнейшего развития народной поэзии эпохи Силла («хянга») и предшественницы классической поэзии «сичико» («строфы») периода династии Ли. В статье прослеживается народный характер поэзии «каэ», выражавшей типичные черты народной жизни и правды эпохи Корё (X—XIV вв.), раскрываются художественные особенности этого жанра. В статье Хон Ги Му «Объяснения к сборнику „Литература корейцев“» (東人之文) (№ 7, стр. 63—76) содержатся комментарии к антологии корейской литературы, составленной Цой Хэ в XIV в. Характеру и значению создававшейся на китайском языке корейской литературы посвящена статья Цой Ин Хана «Литература на китайском языке и история корейской литературы» (№ 1, стр. 9—40). Идеологи помещиков и буржуазии внесли много путаницы в трактовку этой проблемы. Если реакционные помещики, как и все защитники феодальной старшины, сводили всю старую корейскую литературу лишь к литературе на китайском языке, то буржуазно-националистические теоретики литературы в XX в. отрицали всякое значение ее для развития новой корейской литературы, утверждая, что новая литература является лишь результатом влияния буржуазной литературы Запада. Рассматривая созданную в Корее литературу на

китайском языке как неразрывную часть всей корейской литературы, автор отмечает огромное значение ее прогрессивных традиций, особенно литературы сирхакского направления, для всего дальнейшего развития корейской национальной литературы.

Характеристике значения и исторического места корейской литературы, зародившейся в конце XIX в. в связи с началом буржуазно-национального просветительского движения, посвящена статья Ан Хам Гвана «Исторический анализ литературы корейских просветителей конца XIX, начала XX вв.» (№ 1, стр. 55—58; № 2, стр. 54—69).

Исследованию истоков современной (после освобождения Кореи) литературы социалистического реализма посвящена статья Хан Хё — «История современной корейской литературы и прогрессивная литература периода до освобождения» (№ 3, стр. 63—84). В статье прослеживается преемственность между прогрессивной литературой до освобождения Кореи и литературой народно-демократической Кореи. При этом подчеркивается, что литература освобожденной Кореи — новый этап в идейном и художественном развитии корейской литературы.

В статье разоблачается фальсификация истории новой корейской литературы буржуазными националистами (Ли Гван Су, Цой Нам Сон и другие), стремившимися выдать за нее свои реакционные произведения. Разоблачаются также «теоретики», как Ли Хва и Пак Чхор (оказавшиеся агентами американского империализма), отрицавшие общественное значение и классовый характер литературы, проповедовавшие космополитизм и отрицание национальных традиций. Они утверждали, что новая литература Кореи «по содержанию и по форме» следует западноевропейским образцам. Возникновение группы нового направления — «Сингёнхяпха» 신경향파 (1923 г.) и Корейской ассоциации пролетарского искусства (КАП, 1925 г.) в действительности являлось началом формирования новой прогрессивной литературы. 1927—1930 гг. ознаменовали серьезный перелом в идейном развитии прогрессивной литературы. Наряду с глубоким теоретическим изучением марксизма-ленинизма (что нашло отражение в работах по эстетике, помещенных на страницах журнала «На фронте искусства») революционные писатели Кореи в своих произведениях стремились воплотить марксистские идеи («Вонбо» — 1927 г., «Поселок бумажной фабрики» — 1930 г. Ли Ги Ена, «Перелом» Хан Сер Я и другие). В обстановке революционного подъема 30-х годов, несмотря на репрессии японских колонизаторов (арест около 200 деятелей КАП в 1934 г., а затем и роспуск КАП), были созданы выдающиеся произведения прогрессивной литературы — «Родина», «Сохва» Ли Ги Ена, «Сумерки» Хан Сер Я, «Завод азотных удобрений» Ли Бук Мёна, «Проблема человечества» Кан Гён Э, поэтические произведения Пак Пхар Яна, Ким Хэ Гона, Ан Ён Мана, сатирические песни Квон Хвана и другие сочинения.

В рассматриваемых номерах «Ёкса квахак» печатались статьи и по некоторым другим вопросам истории культуры. Статьи Ким Ён Чжуна по истории корейской живописи — «Об изобразительных средствах и содержании корейской живописи» (№ 2, стр. 35—53) и «Прогрессивный художник-реалист XVIII в. Тамхон Ким Хон До» (№ 4, стр. 28—49) — дают анализ творчества замечательных мастеров корейской живописи, в частности, художника Ким Хон До, ярко отобразившего в своих произведениях многие стороны народной жизни. Великий художник оставил нам не только изображения явлений природы, но увековечил социальные типы (торговцев, танцоров, музыкантов и т. д.) феодального общества. В статьях Ким Ён Чжуна отмечается и влияние западноевропейской живописи на корейских художников реалистического направления, на Ким Хон До и других. В статье Ким Му Сама (№ 8, стр. 66—87) «О трудах Ким Чон Хи» (Чхуса) дан анализ деятельности ученого и поэта XIX в. — основателя научной эпиграфики в Корею.

Все названные выше статьи составляют содержание основных отделов рецензируемого журнала — «Статьи», «Дискуссии», «Рецензии», «Идеи и личности», «Научные известия». В отделе «Материалов» журнал дает сообщения и публикации источников. Так, там помещены сводки фактических сведений о крепостях Корё в нижнем течении реки Амноккан, построенных для борьбы против киданей и других захват-

чиков с севера (сообщение Цой Чин Суна в № 5), данные о борьбе партизан против японских захватчиков в конце XVI в. в провинции Хамгёдо (сообщение Кан Сон Чжуна в № 8), проекты реформ землевладения сирхакистов Ли Ика и Пак Чи Вона (№ 6 и 10), подборка материалов о Вонсанской всеобщей забастовке 1929 г. (сообщение Ли Сон Тхэ в № 1). К пятидесятилетнюю первую русской революции в этом отделе опубликованы материалы из корейской прессы 1905—1907 гг. Редакция отмечает, что, несмотря на классовую ограниченность либеральных изданий (газеты «Тэхан ильбо», «Хвансон синмун», «Тэхан Мэйль синбо»), на неточность получаемой ими информации, сведения этой прессы дают все же возможность судить о всемирно-историческом значении русской революции, о влиянии ее на национально-освободительную борьбу корейского народа. В статьях «Тэхан Ильбо» и «Хвансон синмун» сообщается о важнейших событиях 1905—1907 гг. Значительный интерес представляют, например, сообщения «Хвансон синмун» о восстании моряков Тихоокеанской эскадры во Владивостоке (ноябрь 1907 г.), основанные на сообщениях собственного корреспондента газеты, находившегося во Владивостоке. Материалы этой прессы указывают на огромный подъем крестьянского движения в Корею с начала 1905 г. (№ 10, стр. 106—107).

Журнал «Ёкса квахак» ведет большой отдел «Переводов». Здесь публикуются переводы статей по идеологическим вопросам и по вопросам истории, появляющихся в журналах Советского Союза, Китайской Народной Республики и других стран народной демократии.

Ознакомление с содержанием первых десяти номеров журнала «Ёкса квахак» дает представление о разнообразных и сложных проблемах корейской истории, над которыми успешно работали в 1955 г. корейские историки.

М. Н. Пак

ЖУРНАЛ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

«NOVÝ ORIENT» (1953-1955 гг.)

Институтом востоковедения Академии наук Чехословакии, наряду с научным журналом «Archiv Orientalní» (Восточный архив), издается научно-популярный журнал «Nový Orient» (Новый Восток), выходящий десять раз в год.

Задача журнала — популяризовать достижения востоковедения. «Nový Orient» освещает, главным образом, политические проблемы, вопросы истории и культуры стран Востока, а отчасти и проблемы экономики. В журнале публикуются переводы поэтических и прозаических произведений писателей Востока — классических и современных, сопровождаемые очерками их жизни и творчества; помещаются репродукции произведений изобразительного искусства и архитектуры.

Главное внимание журнал уделяет Китаю, Индии и странам Ближнего Востока.

Широко освещаются различные стороны истории и жизни современного Китая, изучению которого в Чехословакии уделяется большое внимание. В 1953 г. весь десятый номер журнала был посвящен Китаю. В номере были напечатаны очерки о жизни и деятельности Мао Цзэ-дуня и статья крупнейшего чехословацкого синолога Я. Прушека «Председатель Мао Цзэ-дун и новая китайская литература». Прушек анализирует литературу новодемократического Китая, рассматривая ее как результат изменений в жизни Китая, происшедших после революции, как яркое отражение борьбы китайского народа за свое национальное и социальное освобождение.

Особенностям китайского языка посвящена статья О. Шварны «Китайский язык — язык тонов» (№ 4, 1953). Автор на ряде примеров односложных и двусложных слов показывает, что в китайском языке слог, произнесенный иным тоном, приобретает

новый смысл, тогда как в других языках — лишь другую эмоциональную окраску. Автор подчеркивает, что эта особенность, вопреки распространенному мнению, не делает изучение китайского языка недоступным.

Я. Прушек дал большую статью о поэте-патриоте III—II вв. до н. э. Цюй Юане (№ 1, 2, 1954). Прежние исследователи усматривали в борьбе Цюй Юаня только индивидуалистический бунт. Прушек, на основании анализа творчества Цюй Юаня, характеризует поэта как посетителя древнекитайских гуманистических идеалов, как борца против порабощения человека эксплуататорским государством. Прушек в своей трактовке Цюй Юаня присоединяется к мнению Го Мо-жо.

В четвертом номере за 1954 г. опубликованы любопытные выдержки из вышедшей в Праге в 1800 г. книги Яна Рулека «Путешествие чешского дворянина Ирки Драховского из Москвы в Китай в сопровождении русского посла Избранда через Устик, Сибирь, Таврию и Монгольскую Татарию, совершенное в 1693 году». Книга Рулека вышла из печати в Гамбурге в 1698 г. Рулек использовал книгу Адама Бранда, бывшего секретаря миссии, направленной в 1692—1695 гг. в Китай Петром I. Многие в работе Рулека является его измышлением, в частности личность самого Драховского, которого он считает секретарем миссии. Посольство было действительно послано Петром I и возглавлялось Избрандом, но секретарем миссии был Адам Бранд. Рулек называет автором использованной им книги «Novissima sinica» не Лейбница, а чешского позунта Залеского, и описывает его встречу в Пекине с Драховским. Залескому Рулек приписывает также работу «Tractatus de christiana expeditione apud sinas». Из этой книги и заимствовал Рулек материалы, приведенные в журнале. Фальсификацию Рулека разоблачил Франтишек Курфюрст в своей работе «К чешско-русским отношениям в конце XVII и начале XVIII в.». Несмотря на многие ошибки книги Рулека, сведения о Китае, сообщаемые в ней, представляют интерес. Он дает описание природных богатств, культуры, обычаев, одежды, религии, городов страны. Кроме книги Рулека в статье назван ряд других старейших чешских работ, посвященных Китаю, в том числе одна из первых книг в Европе о китайской философии, напечатанная в Праге: «Neolo, Sinensis imperii libri classici sex...».

Интересен очерк происхождения и развития манихейства, написанный О. Клима по материалам раскопок в Синьцзяне, «Из истории китайского манихейства» (№ 7, 1954). Статья Я. Прушека «История одной легенды о любви» (№ 4, 1955) является изложением старинной китайской легенды, положенной в основу пьесы «Пролитая чаша».

В статье М. Велингера «Дунь хуань — сокровищница древнекитайского искусства» описана история открытия, исследования и популяризации фресок пещер Дунь хуань (Западный Китай) в Народном Китае. К статье приложены репродукции фресок (№ 4, 1954).

В статье «По музеям Китая» Л. Гаек (№ 6, 1955) описывает богатые собрания древних памятников, сосредоточенные в китайских музеях. Изобразительному искусству современного Китая посвящена статья Б. Кребсовой «Китайский живописец Сюй Бай-хун», иллюстрированная репродукциями картин художника (№ 1, 1954).

А. Палат в статье «Китайская классическая опера и ее реформа» дает характеристику принципов китайской классической оперы, основных направлений, по которым идут ее реформы, в результате которых она освободилась от стереотипных тем, положений, персонажей-масок и т. д. (№ 5, 1954). А. Палат описывает мероприятия китайского правительства по созданию экспериментальных сцен и строительству театров. Автор отмечает, что показателем достижений нового китайского оперного искусства являются итоги пекинского фестиваля в конце 1952 г. В обзоре «Условия возникновения и развития движения за новую китайскую музыку» Ян Либал (№ 2, 1955), кратко описав музыкальную культуру Китая, начиная с X в. дает картину ее бурного развития после 1920 г.

В статье «Революционная партия Тунмэнхой» З. Грдличка и В. Грдличкова (№ 5, 1955) излагают историю возникновения и деятельности этой партии и объясняют, в чем сущность ее программы. В очерках «Человек нового Китая» (№ 1, 1955),

«Путешествие по следам Лу Синя» (№ 2, 1955), «Ландшафт Китая» (№ 4, 1955), «Лоян» (№ 6, 1955) Б. Кребсова делится своими впечатлениями о поездке в Китай.

В обзоре «Шесть лет культурного обмена между Чехословакией и Китаем» (№ 8, 1955) Э. Карминкова дает очерк развития культурных связей между обеими странами и перечисляет имевшие место за последние шесть лет виды культурного обмена: выставки, делегации ученых и писателей, организация фестивалей, поездки отдельных музыкантов, музыкальных коллективов, театров и т. д.

В журнале публикуются переводы произведений как классической, так и современной китайской литературы с библиографическими справками и характеристикой творчества авторов. Материалы этого характера были помещены о Цюй Юане, Бо Цзюй-и, Гао Юй-бао, Дян Лян, Го Мо-жо, Ба Цзине, Вэнь И-до, Лу Синя и других.

И. Сневак (№ 2, 1953) излагает биографию Гао Юй-бао, в прошлом неграмотного крестьянина, который вступил в Народно-освободительную армию, участвовал во всех ее походах, самоучкой усвоил грамоту и написал большой автобиографический роман, отражающий борьбу и духовное развитие простого человека.

В шестом номере за 1954 г. была опубликована положительная рецензия на книгу Я. Прушека «Литература освобожденного Китая», а в восьмом номере за тот же год — рецензия на большую и богато иллюстрированную книгу К. Н. Гаечка «Китайское искусство».

Экономике и рабочему движению Китая посвящен ряд статей и очерков. В том числе: «Китайская пятилетка» П. Каутского (№ 6, 1953), «О стройках нового Китая» (№ 2, 1953) и «Строительство нового Китая» (№ 5, 1954), А. Палата «Решение аграрного вопроса в Китае» (№ 3, 1953), «Начало рабочего движения в Китае» З. Грдлички (№ 10, 1953), «Солнце счастья над Тибетом» (№ 5, 1954) и другие.

С 1952 до конца 1954 г. в журнале печатались уроки разговорного китайского языка.

Большое внимание журнал уделяет Индии. В статье крупного чешского индолога, редактора журналов «Archiv Orientalni» и «Nový Orient» Ольдриха Фриша, умершего в 1955 г., «Рабство в старой Индии» (№ 4, 1953), дан анализ юридического и социального положения рабов в Индии и причин длительного сохранения рабства. В статье «Тамильские песни и поговорки» К. Звелебила приведены малоизвестные материалы о фольклоре на юге Индии, где он сохранился хуже, чем на севере (№ 7, 1953).

В пятом номере за 1954 г. Е. Герольд на основе анализа сборников древних индусских религиозных песнопений поместил очерк «Магическая медицина древних индийцев», в котором рассказал о представлениях древних индийцев, о болезнях и способах их лечения.

В статье В. Гамперта «Старейшая цивилизация древней Индии» (№ 10, 1954) на основании изучения сохранившихся остатков двух городов — Хараппа и Мохенджо-Даро, обнаруженных во время раскопок, автор статьи воссоздает картину высоко развитой культуры, существовавшей в Индии за 2500—1500 лет до н. э. Статья иллюстрирована фотоснимками со скульптуры, обнаруженной при раскопках.

Богатый материал по истории храмов в Кхаджурахе содержит очерк М. Краса (№ 3, 1955). Л. Гаек в статье «Индийская культура» подробно описывает рельефы буддийских ступ, начиная с II—I вв. до н. э. и кончая средневековьем.

В статье «Золотой храм в Амритсаре» (№ 7, 1955) В. Лесной дает описание этого храма, заложенного сикхами в XVI в., когда Амритсар являлся центром религиозной жизни сикхов и торговли с Афганистаном, Белуджистаном, Бухарой и Тибетом.

Проблемам современной Индии посвящены: статья Б. Мергаута «Национальный вопрос в Индии» (№ 9, 1953) и краткий историко-экономический очерк К. Звелебила «Андрха — первое государство Индии, основанное на национальном принципе» (№ 1, 1954). В статье этого же автора — «Кург и кудаг — эпопея борьбы за свободу» (№ 1, 1955) описывается героическая борьба народа маленькой горной области Кург (Юго-Западная Индия) против английских колонизаторов.

В связи с пятидесятилетием раздела Бенгалии П. Душек опубликовал статью «Разделенная страна» (№ 7, 1955), в которой подчеркивает, что индийские патриоты ответили на этот акт созданием первых боевых организаций и выступлениями против британского владычества.

В девятом номере за 1954 г. помещен историко-политический очерк Б. Мергаута о французских колониях в Индии. В очерке истории возникновения португальских колониальных владений в Индии И. Фишер описывает тяжелое положение местного населения (№ 2, 1954).

М. Краса напечатал краткий очерк рабочего движения в Индии до 1953 г. (№ 5, 1954). Статьи М. Мукарджи «Проблемы индийского сельского хозяйства» (№ 8, 1953) и Л. Жижки «К столетию индийских железных дорог» (№ 6, 1954) посвящены экономике Индии.

Большое внимание на страницах журнала уделяется индийской литературе. О. Фринн в своей статье об одном из крупнейших поэтов и драматургов древней Индии Калидасе «Калидаса» (№ 8, 1953) дает анализ его творчества, устанавливает влияния, которые можно в нем проследить, опровергает предположения некоторых историков, что Калидаса жил в VIII в. до н. э. и считает, что время его жизни следует отнести к IV—V в. н. э.

О важнейшем современном малаялийском поэте, литературном критике и журналисте, борце за дело мира и национальное возрождение своего народа Нараяне Менане Валатхале написал статью К. Звелебил, им же даны в приложении к статье стихи Валатхола (№ 2, 1954).

Биографию и очерк творческого пути Прем Чанда дает О. Смекал в статье «Прем Чанд — великий писатель индийского народа» (№ 1, 1955). Крупному пенджабскому драматургу Балванту Гарги посвящен биографический очерк, написанный М. Грюбмановой (№ 5, 1955). В том же номере помещен очерк самого Балванта Гарги «Плут идет», посвященный народным песням и танцам Пенджаба.

В девятом номере журнала (1953 г.) Я. Марек поместил биографию и очерк творчества Мухаммада Икбала — одного из крупнейших поэтов, пишущих на урду.

В восьмом номере за 1955 г. опубликован перевод рассказа С. Рамазани «Вода». Автор ее — лауреат премии Союза прогрессивных писателей (1954 г.)

На страницах журнала печатаются переводы с санскрита, с тамильского, бенгальского, урду и других языков. Были опубликованы отрывки из произведений Калидасы, Рабиндраната Тагора, Бхоумика, Прем Чанда и других.

В седьмом номере за 1955 г. О. Смекал в статье «Средневековый народный индийский театр» описывает три различных типа средневековых индийских народных зрелищ и выясняет их истоки.

Богато иллюстрированную статью «О яванском кукольном театре» опубликовал (№ 8, 1955) М. Оплт.

Интересными снимками сопроводил статью «Японский скульптурный портрет» Л. Гаск (№ 7, 1955), давая историю японского скульптурного портрета с 600 г. до XIII в. Автор отмечает при этом большое влияние китайского изобразительного искусства на развитие этого жанра.

Используя интервью с японской художницей Тасико Амацу, получившей золотую медаль Всемирного Совета Мира за серию «Картины об атомной бомбе», В. Воячкова в статье «Японская художница Тасико Амацу» (№ 2, 1955) пишет о творчестве Тасико Амацу, иллюстрируя очерк рисунками художницы, разоблачающими ужасы атомной войны, свидетельницей которых художница была в Хиросиме.

Помещен ряд статей, посвященных древнему Востоку. К их числу относятся работы крупнейшего специалиста в этой области акад. Б. Грозного (умер в 1952 г.). Б. Грозный, ученый с мировым именем, является создателем новой отрасли востоковедения — хеттологии. В своих работах он обобщает материалы по древнейшей истории Ближнего Востока, Индии и Крита. Последние его работы «Inscriptions cuneiformes du Kultebré» — описание и расшифровка найденных им двадцать пять лет назад при раскопках городища Кюль-Тепе каппадокийских клинописных таблиц, представ-

ляющих собой документы и письма ассирийских купцов, которые создали свою торговую колонию Канес на Анатолийской возвышенности в государстве хеттов, существовавшем за две тысячи лет до нашей эры.

Расшифровав эти таблицы, Грозный сделал возможным изучение социально-экономического строя хеттского государства. О положении женщин у хеттов написал статью И. Клима (№ 1, 1953). Перу И. Климмы принадлежит также интересная статья «Древнейший в мире сборник законов» (№ 8, 1953), в которой описываются клинописные таблицы с текстом законов шумерского царя Урнамму, правившего в середине XXI в. до н. э. Автор дает сведения об истории открытия этих таблиц и их содержания. В статье И. Климмы сообщается, что найденные таблицы являются копией древнейшего сборника законов, оригинал которого пока еще не найден.

Интерес представляет статья И. Климмы «Из месопотамских тарифов» (№ 8, 1955). На основании анализа надписей на обелиске, установленном аккадским правителем Маништусу (XXIII в. до н. э.), законов города Эшнунна (XX в. до н. э.), законов шумерского владыки Син Гашида (XIX в. до н. э.) и ассирийского владыки Шамаши-Абазы (XVII в. до н. э.) автор дает очерк экономического положения Месопотамии той эпохи.

В статье «Хеттские международные договоры» (№ 1, 1955) В. Соучек на основании анализа найденных в столице государства хеттов Хаттусе клинописных табличек показывает большую роль государства хеттов, не уступавшего по своему значению даже Египту в период его расцвета. Следует отметить статью Л. Черного «Шумеро-аккадская религиозная литература» (№ 4, 1955). Автор дает характеристику этой литературы, начиная с клинописных табличек из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии (VII в. до н. э.), и подробно описывает два ее величайших произведения: эпос о герое Гильгамеше и эпос о сотворении мира «Когда ветер...».

На основании текста клинописных записей В. Чигарж в своей статье «Формулы заговоров и заклинаний у древних хеттов» (№ 8, 1953) пишет о заговорных формулах и заклинаниях хеттов. Из текста законов хеттов А. Соучек в статье «Рабы в обществе хеттов» (№ 3, 1954) сделал выводы о положении рабов в государстве хеттов. В. Чигарж (№ 3, 1954) описывает образцы хеттского искусства — архитектуру, скульптурные памятники, барельефы, найденные при раскопках. Он прослеживает связь хеттского искусства с творчеством других народов Малой Азии. Статья иллюстрирована репродукциями хеттской керамики.

В очерке «О библиотеках, архивах и школах писцов древнего Востока» (№ 5, 1953) В. Чигарж описал клинописные таблички Ассирии и Вавилона — учебники, по которым обучались писцы. Автор рассказывает далее о библиотеке мецената и библиофила — царя Ассирии Ашшурбанапала, которая насчитывала 20 тыс. клинописных глиняных и, главным образом, деревянных табличек и о методе их хранения.

Л. Матуша в статье «Обучение писцов в Шумерии 4000 лет тому назад» (№ 5, 1953) описывает найденные при раскопках Ниппура остатки учебных табличек, на одной из которых рассказывается о жизни учеников ниппурской школы писцов.

В очерке «Университеты средневекового Египта» (№ 9, 1953) З. Поликова рассказывает о средствах, на которые создавались университеты, о том, как их строили, об обучении в них и контингенте слушателей. В университете находили убежище беглецы из стран, изнывавших под монгольским игом, а также мусульмане, бежавшие от преследований инквизиции в Испании.

Статья И. Грбека «Сообщения арабов о славянах» (№ 4, 1955), написанная по материалам арабских легенд, приводит арабские упоминания о славянах, начиная с IX в. В пятом номере за 1955 г. опубликован арабский вариант легенды о царе Соломоне и царице Савской, заимствованный из книги арабского писателя X в. Ас-Салаби «Повествование о Сулеймане и царице Савской».

К. Петрачек в статье «Арабская наука и философия» (№ 9, 1953) пишет, что под арабской наукой следует понимать творчество передовых людей многих стран, тех ученых, которые пользовались арабским языком в Иране, Сирии, Хорезме и других странах.

Интересный материал содержит статья В. Кубичковой «О книге в странах ислама» (№ 3, 1953; № 1, 8, 1954). Подчеркивая важную роль, которую играл арабский алфавит в литературе стран Востока, автор статьи делает попытку установить периодизацию развития арабского письма. Она пишет о художественном оформлении арабских рукописей и о древнейших книжных памятниках многонациональной арабской культуры. В частности об арабских книгах VII—X вв., а также о найденном в Египте фрагменте Корана VIII—IX вв. с иллюстрациями багдадской школы (VIII в.). Автор также дает характеристику замечательного гератского художника-миниатюриста Бихзада, стоявшего во главе тавризской библиотеки, основанной в 1522 г. Статья иллюстрирована снимками с рукописей и книг.

Во втором номере за 1954 г. К. Петрачек, анализируя арабскую поэзию VI и последующих веков н. э. дает очерк быта бедуинов. Тот же автор в статье «О возникновении древнеарабской поэзии», анализирует форму древнеарабского рифмованного, перитмичного стиха и причины возникновения ритма в арабском стихосложении. К вопросу об общественном положении и влиянии поэтов в VII—VIII вв. Петрачек возвращается в статье «Арабская поэзия во время династии Омейядов» (№ 7, 1954), приводит образцы творчества поэтов.

В ряде статей освещается история и современное положение в других странах Ближнего и Среднего Востока. Наиболее интересными являются статьи «Народ Ирана продолжает сражаться» (№ 10, 1954) Шахина, О. Клима «Древнейший период иранских литератур» (№ 8, 1955), в которой автор описывает творения Заратустры, книги Гаты и Ясны и анализирует их язык, И. Кубичковой «О персидских тканях» XVI—XVIII вв. (№ 9, 1955), исторический обзор «Исламские секты», в котором И. Грбек рассказывает о борьбе мусульманских сект и ее политической основе, начиная с 657 г. (№ 4, 1954); «Турецкая керамика» Е. Турковой (№ 5, 1954), посвященная развитию керамического искусства в Турции, начиная с XI в. до современности. К статье приложены фотографии лучших образцов этого искусства, относящиеся к XVI и XVIII вв.

В статье С. Зегерта «Письмо Бар Кохбы» (№ 5, 1954) анализируется обнаруженное в 1952 г. при раскопках неподалеку от Вифлеема письмо Бар Кохбы, вождя израильтян, восставших в 132 г. против Рима.

В девятом номере за 1953 г. помещена интересная иллюстрированная статья Я. Брожовой о способах изготовления и росписи стекла в XI—XVII вв. в странах Востока.

На страницах журнала печатались произведения Са'ди и других классиков восточной литературы.

И. Проуха в статье «Три периода монгольской истории» (№ 2, 1953) делает попытку периодизации монгольской истории. К первому периоду он относит создание монгольской империи, а также завоевания Средней Азии, Руси, вступление в Восточную Европу, покорение Ирана и Тибета. Второй период — от распада империи (раздел ее между потомками Чингис-хана, междоусобицы, освобождение Руси и уничтожение Золотой Орды (XVI в.)). Третий период до признания советским правительством самостоятельности Монголии.

Интересный материал приведен в статье Л. Згустки «Древний торговый путь из Северного Черноморья в Среднюю Азию» (№ 7, 1953). Автор на основании сохранившихся отрывков из произведения Аристееаса, жившего более чем за сто лет до Геродота, и данных Геродота, описывает торговый путь от северного побережья Черного моря в Среднюю Азию, к Алтаю, где добывалось золото, за которым и ездили греческие купцы; был кочевых племен Поволжья, селения скифов и монгольские племена Тянь-Шаня.

О борьбе между империалистами Англии и США за влияние на Среднеафриканскую федерацию и о социально-экономическом и политическом положении внутри этой федерации журнал напечатал статью В. Шмидт «Среднеафриканская федерация — новый доминион Британской империи» (№ 5, 1953). Борьбе народов Кении за свободу и независимость посвящена статья этого же автора в шестом номере за 1953 г.

К. Ружичка в статье «Знаменитый зулусский полководец Шака» (№ 9, 1955) пишет о завоевательных войнах этого вождя, жившего в 1787—1828 гг.

Опубликована любопытная негритянская народная легенда «О гибели страны Каш» (№ 6, 1955).

Интересный и обильно иллюстрированный материал дан в очерке Л. Гаека «Люди, демоны и абстракции» (№ 2, 1953), посвященном народному изобразительному искусству стран Африки и бассейна Тихого океана. Влияние религии и быта на оформление народных игрушек в Азии и Африке показаны в богато иллюстрированной статье Э. Герчик «Народные игрушки Азии и Африки» (№ 7, 1954). В номере шестом за 1953 г. был помещен перевод стихов прогрессивного поэта Западной Африки Салимата.

Среди библиографических материалов, помещенных в журнале, представляет интерес перечень чешских оригинальных и переводных книг по востоковедению, вышедших в свет в 1952—1953 гг. (№ 1, 1954) и в 1954 г. (№ 1, 1955). В журнале напечатаны очерк жизни и творчества индолога-лингвиста акад. В. Лесного; очерк, посвященный лингвисту-востоковеду Р. Ружичке; рецензия на книгу В. Гильского «История и культура японского народа» (№ 10, 1954); рецензия И. Грбека на переводы из «1001 ночи» (№ 1, 1955).

Впервые журнал опубликовал перевод письма Яна Амоса Коменского (№ 2, 1954), которое написано по-латыни в 1667 г. и представляет по содержанию как бы вариант предисловия к переводу Библии на турецкий язык. Перевод Библии на турецкий язык готовил для султана Лев Вернер.

Журнал освещает работу по востоковедению не только в Чехословакии, но и в других странах народной демократии. Поэтому, наряду с обзором «10 лет чехословацкого востоковедения» (№ 5, 1955), его сотрудники рассказывают о результатах своих научных командировок в эти страны. Так, в номере пятом за 1955 г. помещен очерк П. Проуха «О состоянии венгерского востоковедения», а в шестом номере статья «10 лет польского востоковедения». В каждом номере журнала за 1955 г. печатались уроки индонезийского языка.

Журнал «Nový Orient» представляет большой интерес не только для востоковедов, но и для широких масс читателей, и свидетельствует о высоком развитии востоковедческой науки в Чехословакии.

Р. П. Разумова

豊田武・日本の封建都市・東京

ТОЁДА ТАКЭСИ. Феодалыные города Японии. Токно, 1954. 303 стр.

До недавнего времени японские историки почти не разрабатывали проблему феодального города. Те немногие монографии и статьи, которые были опубликованы до войны, касались, как правило, частных вопросов и не решали всей проблемы в целом.

Правда, до войны была опубликована известная книга Оно Хитоси (近世城下町の研究・東京, 1928), но она посвящена главным образом описанию так называемых приамковых городов.

Однако за последние 10—15 лет появился ряд серьезных исследований, которые дают основание утверждать, что проблема феодального города начинает занимать важное место в японской исторической науке. И это не удивительно, ибо без решения этой проблемы трудно понять ряд сложных вопросов исторического развития Японии, в том числе такой важный процесс, как разложение феодализма и возникновение и развитие капитализма, что имеет большое значение для правильного понимания особенностей экономического и политического развития современной Японии.

Автор рецензируемой книги Тоёда Такэси — известный историк-медиевист. Им написаны работы: «История торговли Японии в средние века» (中世日本商業史の研究), «Развитие городов и гильдий» (都市及座の發達) и другие, а в 1955 г. — третий том истории Японии, посвященный средним векам (新日本史大系・中世社會).

Основное достоинство рецензируемой книги состоит в том, что в ней собран и обобщен большой фактический материал. Автор использовал и многотомные истории городов, префектур, и хроники, и архивные документы, и записи современников. Однако этим не исчерпывается достоинство книги. Заслуга автора состоит в том, что он проблему феодального города решает исторически.

Отмечая, что до последнего времени изучением города занимались главным образом географы, которые происхождение и развитие города объясняли лишь географическими факторами, Тоёда высказывается за необходимость исторического подхода к изучению города. Он пишет, что «город есть понятие историческое» (стр. 3). Исходя из этого, он и к классификации городов подходит исторически. Автор делит города на древние (古代都市), феодальные (封建都市) и города нового времени (近代都市).

Несмотря на то, что у Тоёда нет ясного понимания того, что город как историческая категория обусловлен социально-экономическим строем общества, и что поэтому при классификации городов надо исходить из той социально-экономической формации, в которой они развивались, а именно рабовладельческой, феодальной, капиталистической или социалистической, все же сама попытка исторически подойти к изучению города весьма важна и заслуживает большого внимания.

Тоёда пытается дать определение понятия «город». При этом он считает несостоятельными определения, дававшиеся некоторыми западноевропейскими историками (Зомбарт, Вебер и др.). Приводя одно из них, в котором под городом понимается «поселение, которое потребляет большое количество продовольствия и зависит от снабжения продовольствием извне», автор справедливо замечает, что «места расквартирования войск... тоже снабжаются продовольствием извне, но можно ли, в самом деле, называть их городом» (стр. 2).

Автор правильно считает, что нельзя основным критерием для определения понятия «город» брать численность населения.

Однако в трактовке понятия «город» Тоёда недостаточно последователен. Если, с одной стороны, он правильно предлагает рассматривать город как историческую категорию, а отсюда следует логический вывод о том, что одинакового определения города для всех общественно-экономических формаций дать невозможно, то, с другой стороны, Тоёда все же пытается дать определение, которое было бы применимо для всех городов. Автор выдвигает два положения, которые, по его мнению, являются общими для всех городов:

«1. Город возникает тогда, когда люди могут производить больше, чем это необходимо для воспроизводства их собственной жизни; развитие городов основывается на отделении ремесла от сельского хозяйства;

2. Город отличается от деревни не только тем, что он является местом сосредоточения большого количества населения, но и тем, что является центром, объединяющим политическую и экономическую деятельность. Только тогда можно говорить о городе, когда он становится самостоятельным единым целым, отличным от деревни» (стр. 2—3).

Несмотря на всю неполноту и недостаточность этого определения, в нем налицо положительный момент — признание [того бесспорного факта, что города возникли в результате общественного разделения труда — отделения ремесла от сельского хозяйства.

Исследование начинается с рассмотрения процесса становления феодальных городов. Автор описывает древнейшие города Японии Хэй дзёкё (Нара) и Хэйанкё (Киото). Эти города, пишет автор, являлись административными центрами. Они не были городами в полном смысле этого слова и мало чем отличались от деревни.

В этом отношении Тоёда прав. Действительно, существование этих древних японских городов не было еще тогда связано с общественным разделением труда.

Рассматривая условия становления феодальных городов, автор развитие городов связывает с процессом отделения ремесла от сельского хозяйства. Процесс этот представляется ему следующим образом. Происходил рост производительных сил в сельском хозяйстве. Этот рост производительных сил автор видит в развитии интенсивного земледелия, в распространении системы двух урожаев в год, в расширении системы орошения, в осуществлении работ по укреплению берегов рек и т. д.

Рост производительных сил обусловил появление излишков сельскохозяйственных продуктов, которые шли на рынок. Так возникают рынки. Автор пишет, что это были так называемые периодические рынки, которые функционировали сначала три, а затем шесть раз в месяц и более, Тоёда перечисляет товары, которые обращались в то время на рынках: рис, сака, рыба, соль, бумага, лакированные изделия, мечи, мотыги, ткани и т. д.

На этих рынках, помимо товаров сельскохозяйственного производства, были представлены и изделия ремесла, которое еще не отделилось окончательно от сельского хозяйства. Ремеслом в этот период занимались крестьяне в свободное от сельскохозяйственных работ время. И лишь «развитие рынка привело к выделению ремесленников из крестьян и способствовало тому, что они становились самостоятельными». Это, по мнению автора, было «самым важным условием становления города» (стр. 15—16).

Такова точка зрения Тоёда на проблему происхождения города. Положительным моментом является то, что при решении этой проблемы он исследует экономические предпосылки [возникновения города, хотя и несколько преувеличивает роль рынка в образовании города.

Хорошо показана в книге торговля в феодальном городе. Автор правильно отмечает, что товарное производство в ранних феодальных городах было развито слабо. Об этом говорит существование так называемых периодических рынков, которые фактически были единственным местом торговых сделок. Торговля на них строго регламентировалась. За каждым кварталом города закреплялись определенные базарные дни. Определялись даже виды товаров, подлежащих продаже в тех или иных кварталах.

Автор пишет, как с дальнейшим разделением труда между земледельцем и ремеслом постепенно развиваются товарно-денежные отношения и феодальный город превращается в центр товарного производства.

К сожалению, производственная основа феодального города — ремесло, освещена значительно слабее. Особенностью ремесленного производства являлось, как известно, то, что ремесленники объединялись в особые корпорации — цехи, представлявшие собой феодальную форму организации ремесла. В Японии такие корпорации назывались дза (座).

Дза в большом количестве появляются в XIII—XIV вв., но зародились они значительно раньше. Данные, которые приводятся в книге, говорят о том, что дза были уже в начале XII в. Так, например, Тоёда упоминает о дза кузнецов, образованной в 1118 г. при храме Тодайдзи, о дза по производству хлопчатобумажной ткани при храме Гюно-ясино, возникшей в 1135 г. и о дза маслоделов, созданной в 1183 г. при храме Кангодзи (стр. 49—50).

Однако вопрос о характере и структуре дза еще не решен японскими историками. Объясняется это, вероятно, отсутствием необходимого исторического материала. Говоря о дза, Тоёда ставит вопрос о том, в какой мере можно сравнивать их с европейскими цехами и гильдиями. При этом он отмечает, что проблема эта до сих пор еще не решена японской исторической наукой. Сам автор считает, что дза напоминает организации европейских средневековых городов, но у дза, подчеркивает он, не было той самостоятельности, какую имели европейские цехи и гильдии, поскольку дза находились в сильной зависимости от феодалов. Тоёда считает, что европейским цехам и гильдиям больше соответствуют так называемые кабунакама (株仲間), которые появились много позднее.

Можно согласиться с автором в той части, что зависимость дза от феодалов была значительно сильнее, чем в европейских средневековых городах, но вряд ли можно сводить все лишь к стеной зависимости ремесленных корпораций от феодалов. Для того, чтобы решить этот вопрос, необходимы дополнительные исследования, тем более, что автор не приводит необходимого исторического материала, в частности по внутренней структуре самих дза.

В предисловии к книге Тоёда пишет, что особенно много труда он вложил в разработку проблемы так называемых вольных городов (自由都市) и в изучение административного устройства феодального города. Действительно, эти вопросы освещены в книге очень обстоятельно и представляют большой интерес. Тоёда, пожалуй, впервые так подробно излагает административное устройство феодальных городов Японии. По существу речь идет о типах городского самоуправления. На большом фактическом материале автор показывает, как складывалось и развивалось городское самоуправление в феодальных городах Японии. Автор отмечает, что типы городского самоуправления были различны. В одних случаях города добивались полного самоуправления, как, например, город Сакаи, в других случаях города имели право неполного самоуправления. Характер самоуправления, как правильно считает автор, зависел от уровня экономического развития города и той борьбы, которую вел город против феодала.

Весьма ценна попытка автора показать роль городов в объединении страны. Тоёда правильно отмечает, что в XVI в. происходил большой рост феодальных городов Японии. В этот период появилось много новых городов. По данным японского историка Харада, за 80 лет XVI в. (с 1501 по 1580 г.) в Японии возникло 184 города¹.

Немалое значение для развития японских городов, как указывает автор, имела внешняя торговля, особенно торговля с Китаем, которая в этот период приобретает широкий размах. Хотелось бы видеть более глубокие причины столь широкого развития японских феодальных городов в XVI в., но, к сожалению, эти причины в книге не указаны.

Феодалная раздробленность, непрекращающиеся междоусобицы войны, существование таможенных барьеров между отдельными феодальными владениями, — все это тормозило создание единого внутреннего рынка, что отрицательно сказывалось на деятельности ремесленников и торговцев. Вот почему города выступают за объединение страны. В этом состояла прогрессивная роль городов.

Тоёда подчеркивает, что как в Европе, где города выступали в качестве союзников королевской власти в борьбе с феодальной раздробленностью, так и в Японии города содействовали установлению единой политической власти в стране. Правда, пишет автор, процесс этот в Японии происходил позже, чем в Англии и Франции, но раньше, чем в Германии. К сожалению, эта очень важная проблема только поставлена в книге. Автор ограничился тем, что привел общие теоретические положения и не показал на конкретном историческом материале те особенности, которые были присущи этому процессу в Японии.

Большой интерес представляют те разделы книги, в которых автор рассматривает классовый состав и численность городского населения. В книге приводится подробная таблица численности населения в различных городах Японии. Из таблицы видно, что в XVII в. в Японии была относительно высокая численность городского населения. Не говоря уже о таких крупных городах, как Эдо, Киото и Осака, которые насчитывали более 300 тыс. жителей, было немало городов с населением свыше 60 тыс. человек, например, Ногоя, Канадзава и другие (стр. 148—150, 159—160).

Автор отмечает, что вначале ремесленников в городах было значительно больше, чем торговцев. На примере города Вакамацу он показывает, что соотношение между ремесленниками и торговцами в конце XVI в. составляло 7 : 3, но затем по мере развития товарно-денежных отношений росло число торговцев и соотношение между ними и ремесленниками соответственно менялось.

¹ См. 原田伴彦・中也における都市の研究 *Харада Томозико. Средневековые города, Токио, 1942, стр. 236.*

Заслуживает внимания попытка автора показать классовую структуру города. Тоёда отмечает, что японская историческая наука до сих пор почти не занималась этой проблемой. Хорошо показано в книге возникновение нового общественного слоя — купцов-скупщиков и их роль в экономике феодального города. Что же касается положения и борьбы городских низов, то об этом в книге говорится мало. Автор не показывает дифференциацию внутри дза, недостаточно раскрывает характер эксплуатации ремесленников и торговцев со стороны крупных купцов.

Содержателен раздел книги, посвященный городским восстаниям. Надо сказать, что этот вопрос также слабо освещен в японской исторической литературе. Автор не только перечисляет наиболее крупные городские восстания, что тоже очень важно, но и пытается проанализировать их. Автор совершенно прав, говоря, что основной движущей силой этих восстаний было беднейшее население городов, которое выступало против увеличения налогов, против повышения цен на товары, главным образом на рис, и т. д. Восставшие бедняки нападали на лавки и дома крупных рисоторговцев, купцов и ростовщиков, забирали рис и продавали его по низким ценам. В японской исторической литературе эти восстания получили название «утиковаси» 打ちわし.

Восстания проходили почти повсеместно, но больше всего их было в городе Осака. Особенно крупное восстание в Осаке произошло в феврале 1837 г. Восстанием руководил Осио. Автор говорит о том, что в некоторых случаях восставшим удавалось захватить управление городом в свои руки. Так, например, было во время восстания в Нингата в 1767 г. (стр. 271).

Тоёда правильно отмечает, что городские восстания были тесно связаны с восстаниями крестьян и имели антифеодальный характер. К сожалению, автор говорит лишь о городских восстаниях XVII—XIX вв. и не приводит данных о городских восстаниях более раннего периода. Правда, Тоёда упоминает о восстании 1532 г. в городе Нара, которым руководили Татибана Тономори, Кариганэ Тамибэ и Курая Хэя. Однако автор не показывает характера и движущих сил этого восстания.

В рецензии не ставилась задача детально рассматривать все вопросы, освещаемые в книге. В частности, в рецензии не рассматривается вопрос о внешнем виде феодального города, чему посвящена почти вся пятая глава, вопрос о городском праве и т. д.

Рецензируемая книга не лишена недостатков, о многих из них уже говорилось выше. Ряд проблем, как признает и сам автор, только поставлен и нуждается в дальнейшем исследовании, не всегда достаточно четко формулируются им выводы, не со всеми положениями автора можно согласиться. При всем этом рецензируемая книга содержит большой фактический материал, который поможет правильно понять одну из сложных и малоразработанных в исторической науке проблем — проблему феодального города Японии. Стремление автора исторически подойти к решению этой проблемы свидетельствует об усилении прогрессивных тенденций, которые развиваются в современной исторической науке Японии.

П. А. Искендеров

F. LÖKKEGAARD. *Islamic taxation in the classic period with special reference to circumstances in Iraq.* Copenhagen, Branner og Korch, 1950, XII, 286 p.

Серьезное изучение истории средних веков невозможно без глубокого исследования земельных отношений. В условиях, когда сельское хозяйство является основной отраслью экономики, производственные отношения в деревне определяют характер всего общества. В большинстве стран Востока, в частности Ближнего Востока, в сель-

ском хозяйстве до сего времени сохраняются сильные пережитки феодальных отношений. Поэтому нельзя понять экономическую структуру этих стран, не представляя хотя бы в общих чертах, историю развития феодальных отношений на Ближнем Востоке. Следует учитывать также, что в некоторых странах Ближнего Востока мусульманское право является и в настоящее время существенной юридической нормой жизни общества, что ведет к необходимости изучать условия, существовавшие в период становления и фиксации основных положений этого права.

История земельных отношений и развития форм податного обложения на Ближнем Востоке в VII — первой половине X в. была предметом длительного исследования, которым занимались крупнейшие востоковеды: В. Р. Розен, Н. А. Медников, В. В. Бартольд, Де Гуэ, А. фон Кремер, Ю. Велльхаузен и многие другие.

В этой связи для наших востоковедов представляет интерес одна из последних работ по истории арабского Востока — книга датского ученого Фреда Лёккёгора «Мусульманское податное обложение в классический период».

Во введении Лёккёгор обосновывает необходимость предпринятого им исследования и дает краткую историю изучения вопроса. Интересно, что автор мотивирует эту необходимость прежде всего тем, что лишь на основе исследования данного вопроса можно понять условия жизни простого народа, которые в работах мусульманских историков, говорит он, заслонены «романтическими рассказами о войнах и биографиями халифов и знати» (стр. 2).

Работа Лёккёгора базируется, в основном, на юридической литературе. Правда, автор подчеркивает, что теории мусульманских законоведов отражали реально существовавшие условия весьма приближенно. Однако критическое отношение Лёккёгора к источникам ничего общего не имеет с полным отрицанием их достоверности, которое проявилось у некоторой части востоковедов в странах Западной Европы¹. Лёккёгор отмечает, что он не может считать окончательными и непогрешимыми свои выводы и что необходимо дальнейшее изучение вопроса.

Первая глава рецензируемой книги называется «„Икта“ и „хима“ и посвящена вопросу о возникновении и развитии специфической восточной формы бенефиции — «икта» (إقطاع) и связи между «икта» и ранее существовавшей формой племенной земельной собственности «хима» (حماة). В главе рассматривается лишь одна из форм «икта», известная в юридической литературе под названием «икта тамлик» (إقطاع تمليك), т. е. земельное пожалование на правах собственности.

«Икта тамлик» долгое время существовал еще и в правление Аббасидов. Права владельцев таких «икта» были широкими (продажа «икта», в том числе, как пишет автор, и пожалованных Мухаммедом). «В этих случаях, — замечает автор, — было бы бессмысленно утверждать, что фактическое право собственности принадлежало государству» (стр. 15).

Однако в дальнейшем делаются попытки сузить права владельцев «икта». Прекращение территориального роста халифата ограничивало возможность роста частных земельных владений. В связи с этим и проявилась, по мнению автора, тенденция к ограничению прав владельцев «икта» в пользу государства. Стремление к сужению прав владельцев «икта» возникало в основном в кругах клиентов — «мавла» (مولى), стремившихся к уравнению в правах с арабами и требовавших раздела крупных имений знати. Следовало бы однако, отметить, что параллельно шел процесс ущемления прав владельцев мелких «икта» в пользу аристократии, стремившейся к расширению своих владений.

Вопрос о возникновении крупных «икта» на территории Аравийского полуострова Лёккёгор связывает с «хима» — крупной племенной земельной собственностью. Исследуя процесс развития «хима», автор подчеркивает многообразие ее форм. Однако пер-

вичной формой «хима» Лёккёгор все же считает коллективную (родовую. — Л. К.) собственность кочевых племен на землю.

Ко времени возникновения ислама, и особенно после его утверждения, характер «хима» претерпевает существенные изменения, в результате которых она превращается в частную земельную собственность. Ссылаясь на ал-Бекри, Лёккёгор указывает, что вождь племени Дыбаб (ضباب) в качестве условия своего обращения в ислам выдвинул требование передать ему в собственность местность Дарийя, являвшуюся прежде «хима» всего племени, и Мухаммед, как сообщает ал-Бекри, с этим условием согласился. Лёккёгор объясняет это развитием индивидуализма, порожденного исламом. Правда, он оговаривается, что в северных оазисах, поддерживавших торговлю с эллинистическими оазисами Сирии и Ирака, этот индивидуализм существовал уже длительное время. Правильнее было бы, конечно, сказать, что процесс феодализации арабского общества, продвинувшийся более всего в оседлых районах Хиджаза и северных оазисах, связанных с Византией и Ираном, получил с возникновением ислама наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития.

С переходом «хима» в собственность одного лица, пишет Лёккёгор, различие между «хима» и «катия» (قطيعة) исчезает. Государство зачастую конфискует племенные «хима» и передает их кому-либо из членов племенной аристократии на условии выплаты небольшой подати казне. Особенно серьезно ограничивались «хима» племен, отпадавших от ислама, так как отход от ислама давал удобный повод для проведения подобных мер. Все это привело к полному исчезновению «хима» как категории земельной собственности, хотя официальной отмены ее не было. Уничтожение «хима», говорит Лёккёгор, было произведено в интересах богатой части населения городов Хиджаза. Это подтверждается широко развившейся практикой продажи земель вокруг «хима» в целях сосредоточения всей земли в руках одного владельца, что Лёккёгор рассматривает как начало становления «капиталистической системы» (стр. 33). Это, конечно, модернизация, но тем не менее сам факт создания крупной феодальной земельной собственности несомненен.

В заключении главы рассматриваются формы «хима», существовавшие, по мнению автора, в Ираке. Лёккёгор отмечает, что и здесь «хима» являлись коллективной (общинной. — Л. К.) собственностью жителей селения. Но едва ли у Лёккёгора есть основания возводить происхождение таких земель к кочевой «хима». Общинные земли существовали в Ираке задолго до арабов. Общим между «хима», и этими землями является не происхождение, а то, что в обоих случаях мы имеем дело с коллективной собственностью общины². Развитие же феодальных отношений как на Востоке, так и на Западе шло, в основном, по линии захвата феодалами общинных земель. Лёккёгор не видит сущности этого процесса — отсюда и взгляд на общинные земли в Ираке как на одну из форм «хима».

Во второй главе «„Икта“ и „фей“», исследуются различные виды государственной земельной собственности и формы ее использования господствующим классом. Несмотря на то, что подзаголовок гласит: «Растущее влияние государства в определении понятия собственности», в самой главе говорится скорее о систематическом расширении прав крупных земельных собственников за счет государства.

Элементами, определявшими развитие халифата, автор считает «централизованную мощь государства, эллинистическую систему „locatio“ — аренды и откупов и персидский взгляд на землю подданных, как на принадлежащую в последнем счете государству» (стр. 38). Это, конечно, неправильно. В приведенном определении не отражена непрекращавшаяся в халифате ожесточенная классовая борьба. Между тем в источниках (ат-Табари и др.) содержится множество указаний на выступления крестьян и ремесленников против усиливавшегося феодального гнета. Эти выступления имели место в первые же десятилетия существования халифата не только в Ираке

¹ См. L. Caetani. *Annali dell'Islam*, V. Milano, 1912, p. 282.

² Об общине у кочевников см. Л. П. Потапов. Патриархально-феодальные отношения у кочевых народов Средней Азии. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 75—80.

и в окраинных областях, но и в относительно спокойных районах (Сирия). Кроме того, хотя перечисленные автором факторы играли важную роль в развитии халифата, все же нельзя, как это делает автор рецензируемой книги, преувеличивать роль эллинистических элементов в истории арабских стран.

Приступая к рассмотрению «фей'я» (فَيْء), автор отмечает, что теория этой формы собственности — явление относительно позднее, так как в окончательном виде «фей» был, вероятно, зафиксирован в правление Омара II (стр. 44). Эта теория оказала влияние и на административную терминологию времени Аббасидов. При Аббасидах подать, взимавшаяся с земель, захваченных силой, именовалась «фей», а подать, взимавшаяся с завоеванных земель, капитулировавших по договору, носила название «харадж» (خراج).

Из земель, входивших в «фей», четко выделялись государственные имения — «савафи» (صوافي; ед. ч. صافية). Они представляли собой ту часть добычи, которая теоретически была собственностью всей мусульманской общины в лице ее вождя и не подлежала разделу. В Ираке эти земли состояли, в основном, из округов, принадлежавших роду Сасанидов.

Наряду с государственными имениями и в отличие от них существовали частные владения — «дийа» (ضياع; ед. ч. ضيعة). Они принадлежали правителю, а также частным лицам. Имения халифа часто именовались ضياع السلطان или ضياع الخلافة; они образовывались путем покупки, конфискации и захвата пустующих земель. Ими управляло специальное ведомство.

Исследуя «вакф» (وقف), автор сопоставляет точки зрения различных толков мусульманского права на эту категорию земельной собственности. Представители всех правовых школ в исламе сходились на том, что лицо, получившее «вакф», не является собственником, а лишь имеет право пользоваться доходами («манфа'а» (منفعة)). Все захваченные земли рассматриваются как собственность завоевателей, передавших свои права государству; земля переходит в «вакф», крестьяне, сидящие на этой земле, признаются собственниками лишь части доходов.

Действительное положение несколько отличалось от того, какое определялось догмами права. Лёккегор указывает, что землями, включаемыми в «фей», могли распоряжаться тройным образом: либо их собственники оставались таковыми на условии выплаты налога (شئ مسمى) казне; либо казна брала управление этими землями в свои руки и выплачивала доход с них кому-либо (термин «вакф» чаще всего применяется именно в этом случае); либо земли могли быть отданы в «икта».

Особый интерес для нас представляет третий случай. Лёккегор считает его полной реализацией теории права использования доходов (стр. 58). Однако здесь, скорее, речь должна идти о захвате государственных земель крупными земельными собственниками, прикрываемом формой отдачи в «икта». Кстати, сам автор подчеркивает в дальнейшем, что «икта» давались лишь лицам, которые не работали сами на земле (стр. 59).

В главе рассматриваются различные формы «икта», существовавшие параллельно с «икта тамлик», «икта истиглаль» (إقطاع استغلال), основанный на праве получения доходов с земель, состоящих под государственным управлением; государственные «дийа» или земли, входящие в «фей» — «икта тадмин» (إقطاع تامين); позднее возникает «икта ирфак» (إقطاع ارفاق), включавший доходы от рудников, рынков, возможно — и от государственных монополий. Во всех этих случаях права владельца «икта» были шире, чем в теории.

Привилегированной формой землевладения был «игар» (اغار) — бенефиций, владелец которого платил по льготным ставкам налоги казне, минуя сборщиков. Крупный феодал этим путем освобождался от контроля со стороны властей и избавлял

себя от повышения повинностей, идущих вразрез с условиями установленных пожалований (стр. 62).

Особо останавливается Лёккегор на описании положения среднего слоя землевладельцев. Эта группа первое время состояла из представителей коренного населения, верней — из представителей его более зажиточной части, но затем в составе ее появилось много арабов. Средние землевладельцы представляли собой промежуточную прослойку между арендаторами и рабами — с одной стороны, и крупными феодалами, с другой, и могли выступать в качестве откупщиков налогов и низшего звена местной администрации. Однако, развитие крупной земельной собственности вело к разорению средних землевладельцев. «Типично, — пишет автор, — что чаще всего речь о собственниках дийа идет в связи с «пльджа»» (стр. 67).

«Пльджа» (الجباء) — коммendaция как земельная, так и личная, — имела место уже в доисламское время. Поскольку она была невыгодной для казны, государство пыталось ее упразднить. Это зачастую выражалось в том, что земли «пльджа» конфисковывались... и раздавались той же феодальной аристократии.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что по мере развития феодализма в халифате теория «фей'я» все больше превращалась в юридическую фикцию, прикрывавшую рост крупной частной земельной собственности за счет государственных земель, раздаваемых крупным феодалам или просто захватываемых последними.

В третьей главе «Земля хараджная и десятинная» исследуются принципы классификации земель при определении уровня податного обложения. При этом особо рассматривается такой случай, когда покоренная арабами область в силу обязательств, принятых покоренными, становилась «областью договора» (дар ал-'ахд (دار العهد)). Автор подчеркивает, что эти области нельзя считать четко ограниченными территориальными округами; хотя во вновь завоеванных и приграничных местностях это было именно так, самый термин обозначает лишь юридический статус населенного пункта внутри мусульманских областей. Положение покоренного населения в этом случае было менее обременительным. Оно сохраняло самоуправление, платило определенный годовой взнос, но не было подчинено налоговому аппарату мусульманской администрации. Лёккегор указывает на то, что общая тенденция в развитии земельных отношений вела к постепенной ликвидации подобных форм податного обложения. Во времена Аббасидов эта форма обложения уже не упоминается; в это время исчезают вообще все формы договорного обложения, размер которого в период его существования систематически увеличивался, что признавалось в том или ином виде законным. Общей тенденцией развития была замена этих форм «хараджем». При этом в эпоху Аббасидов широко распространяется продажа (или пожалование) разницы между двумя уровнями обложения — уровнем податей, выплачиваемых казне крупным землевладельцем, и уровнем податей, собираемых этим землевладельцем с сельского населения, подчиненного ему.

Лёккегор снова с этой связи ставит вопрос о положении мелких и средних земельных собственников так называемых «тунна» (تَنَاء). Теоретически они должны были платить десятину, но тенденция заставить их платить «харадж» существовала постоянно. Омар II проводил это в жизнь путем сгона с земель всех тех, кто отказывался платить «харадж». Арабская администрация в общем постоянно придерживалась политики повышения ставок обложения и перевода земледельческого населения в более тяжело облагаемые податные категории (стр. 83).

Вся система определения размеров податного обложения и взимания налогов была построена в интересах крупных земельных собственников и феодального государства³. На этот факт, равно как и на широкое развитие податных откупов (что рассматрива-

³ А. Ю. Якубовский. Об исполных арендах в Ираке в VIII в «Советское востоковедение», т. IV. М. — Л., 1947, стр. 179.

ется в четвертой главе книги) в свое время уже обращал внимание А. Ю. Якубовский⁴.

Исследованию форм передачи на откуп сбора податей и в связи с этим — общему обзору видов податного обложения посвящена четвертая глава «Кабала» (قبالة) и «даман» (ضمان). Оба термина означали как передачу на откуп, так и простое земельное держание.

По смыслу текста Абу Юсуфа очевиден характер налоговых откупов: те или иные представители покоренного населения, давая гарантию выплатить казне определенную сумму податей, сами собирали с населения «харадж».

Казна сдавала на откуп не только земельные подати. Широко практиковалась сдача на откуп налогов на рынки, гавани, публичные дома и т. д. Государство, подчеркивает Лёккегор, не могло осуществлять действительного контроля над деятельностью откупщиков, поэтому суммы, которые последние собирали с населения, зачастую больше чем вдвое превышали сумму, выплачиваемую ими казне. «В самом существе „дамана“, — пишет Лёккегор, — заключена возможность уйти из-под контроля» (стр. 98). При этом в качестве примера он ссылается на фатимидский Египет. Но это было характерно для всего процесса распада халифата на отдельные феодальные владения и было одним из неизбежных проявлений и следствий этого процесса.

Значительный интерес представляет исследование Лёккегором одной из форм торговых откупов — «истисна» (استيسنا). Эта форма состояла в том, что казна (или феодал) заключала договор с купцами о продаже зерна, затем зерно продавали откупщику по цене, ниже условленной с купцами, а откупщик перепродавал зерно купцам по установленной первоначально цене. Другая форма этого откупа — вступление должностного лица в компанию при продаже зерна. Лёккегор подчеркивает, что система создания искусственных цен весьма характерна для времени правления Аббасидов. От этого страдало не только сельское население, но и городская беднота, которая вынуждена была покупать хлеб по повышенным ценам.

Анализируя классификацию податей, Лёккегор подвергает критике точку зрения, которой придерживается в этом вопросе школа Де Гуэ. Ван Берхем⁵ считал, что «муджата'а» (مقاطعة) — ежегодная выплата фиксированной суммы — не зависела от того, пустует или обрабатывается земля, облагаемая этой податью, и по своему содержанию являлась такой же поземельной податью, как «харадж мукасама» (خراج المقاسمة).

или «ал-мисаха» (خراج المساحة). Лёккегор делает вывод, что термин «муджата'а» означал не поземельную подать, а общую сумму всех собранных повинностей, выплачиваемых фиску лицом, которое ведало податным обложением в провинции или крупном округе, хотя иногда этот термин мог применяться и по отношению к меньшим территориальным единицам, вплоть до отдельных «пкта».

Материал четвертой главы может в целом служить прекрасным подтверждением тезиса А. Ю. Якубовского о том, что «на Востоке, как и всюду при феодализме, завоеватели находили общий язык с господствующими слоями общества покоренной страны за счет трудящегося населения»⁶.

Характерно, что рассмотрев во второй, третьей и четвертой главах большое число фактов, Лёккегор ограничился простой констатацией и не попытался их обобщить. Он оказался в этом отношении (не говоря уже о советских ученых) намного позади В. Р. Розена, писавшего за шестьдесят лет до него и сумевшего уже тогда нарисовать

яркую картину социально-экономического состояния халифата, в основном не утратившую своего научного значения до наших дней⁷.

Формы податного обложения крестьян Лёккегор рассматривает в пятой главе. В первый период своего владычества арабы, как известно, сохранили все те формы податного обложения, которые существовали до завоевания. Те или иные различия в формах налогового обложения между отдельными областями халифата как раз объясняются теми условиями, которыми отличались эти области одна от другой в период, предшествовавший исламу⁸.

Лёккегор подробно рассматривает основные виды «хараджа» — мисаха и мукасама. По его мнению, разновидности «хараджа», в основном, сводятся к трем типам. 1. Обложение фиксированной податью всей обмеренной земли, независимо от того, обрабатывается она или нет (этот тип он именует «мисаха I»); подать взыскивается по официальному, т. е. лунному календарю; 2. Обложение фиксированной податью единицы земельной площади по ставкам, зависящим от культуры, выращиваемой на участке, плодородности почвы, условий орошения и т. д. (этот тип автор обозначает «мисаха II»); взимание налога производится по солнечному календарю; 3. «Мукасама», т. е. налог, составляющий определенную долю урожая, изменяющуюся в зависимости от условий орошения участка от 1/20 до половины (стр. 100). В период Омейядов, как и в последние десятилетия перед арабским завоеванием, обе формы мисаха были широко распространены, и повсеместно наблюдалась тенденция к замене «хараджа мукасама» «хараджем мисаха». Не случайно поэтому постепенный возврат к менее обремененной форме обложения — мукасама был одним из главных результатов крестьянских движений в прежних персидских владениях в конце правления династии Омейядов и в правление двух первых Аббасидов⁹.

Не лишено интереса предположение, высказанное автором рецензируемого труда относительно происхождения «мисаха I» из податной системы, принятой в бывших византийских областях, в частности в Сирии. Там единицей обложения было «jugum» — «ярмо». Вначале арабы сохранили этот византийский институт. Поэтому тип «мисаха I» для податной системы в прежних византийских областях сохранился, в то время как в Ираке применялся в основном тип «мисаха II». Лёккегор подчеркивает, однако, что тип «мисаха I» был заменен вскоре типом «мисаха II» (стр. 120), что, бесспорно, было проявлением ведущей тенденции в развитии податной системы в халифате — тенденции к повышению степени эксплуатации крестьянства, о которой автор упоминает лишь вскользь. Но эта тенденция выражалась не только в стремлении заменить наиболее тяжелым для налогоплательщиков «хараджем» типа «мисаха II» другие виды хараджа, но и в переложении на крестьян, невзирая на возражения юристов, издержек по транспортировке натуральных податей, причем эти издержки, как подчеркивает автор, превышали нередко сумму налога (стр. 119). Тенденция к усилению эксплуатации крестьян обнаружила себя также в широком распространении, опять-таки вопреки теории права, при «харадже аль-мукасама» оценки урожая на корню («тахмин») (تخمين) и в сборе податей по различным календарям. Это открывало широкие возможности для злоупотреблений со стороны представителей господствующего класса.

Пятая глава рецензируемой книги завершается экскурсом, в котором исследуются термины налогового обложения. Автор выдвигает интересное, но нуждающееся еще в дальнейшем подтверждении предположение, что термин «таск» (طسق) главным образом применялся для обозначения обложения по типу «мисаха», тогда как термин «харадж» был связан с системой «мукасама», возникшей одновременно с ним.

⁷ Рецензия на статью Kremer. Ueber das Einnahmehudget des Abbasidenreiches vom Jahre 306 (918—19), ЗВОРАО, IV. СПб., 1889—90, стр. 133—135.

⁸ См. например, Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII веков. М.—Л., 1946, стр. 225.

⁹ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 223—224.

⁴ А. Ю. Якубовский. «Ирак на грани VIII—IX вв. «Труды I сессии арабистов». М.—Л., 1937, стр. 42—43.

⁵ M. van Berchem. La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Geneve, 1886.

⁶ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв. стр. 28.

Более убедительным представляется мнение автора о том, что термин «ва. ифа» (وظيفة) обозначал либо налог, который в Византийской империи именовался «аннона» и являлся дополнительным сбором натурой на нужды армии, либо чрезвычайный сбор на определенные цели, что в византийском Египте называлось «extraordinaria».

В шестой главе «Подушная подать» автор критикует общепризнанные ранее взгляды Ю. Велльхаузена (стр. 27), не соглашаясь с ним ни в определении сути этой подати в халифате, ни с предполагаемой Ю. Велльхаузенем датой окончательного ее установления и фиксации. Следует отметить, что в вышедшей в 1950 г. книге Деннета¹⁰ также выдвинут тезис о необходимости пересмотреть точку зрения Велльхаузена и предпринята попытка такого пересмотра.

Автор рецензируемой книги полагает, что нельзя считать подушную подать — «джизья» (جزية) нововведением арабов. Подобная подать, по мнению Лёккёгора, существовала задолго до появления мусульманских войск в Сирии и в Ираке. В Сирии она была, например, непосредственно связана с податной реформой, проведенной императором Диоклетианом, в силу которой было установлено, что собственники имений облагаются единым земельным налогом, причем земельная подать взимается по обмеру земель, а уровень обложения изменяется в зависимости от числа колоннов, сидящих на этой земле. Второй налог именовался «capitatio» по термину «capitatio» нередко употреблялся и для обозначения налога в целом, исчисленного на этой двойной основе. Лёккёгор объясняет этим, что термины «харадж» и «джизья» употреблялись долгое время как синонимы, и лишь впоследствии стали обозначать соответственно поземельную и подушную подати.

Однако автор эту систему не считает единственным источником возникновения «джизьи» как подушной подати, налагавшейся на «зиммиев». Другим (в Ираке — основным) источником, из которого возникла эта подать, он считает существовавшее в Сирии, в Ираке и в Египте обложение особой податью лиц, не сидевших на земле, сопровождавшееся печатанием. При этом Лёккёгор делает интересное предположение, что печатанию подлежало не оседлое крестьянство, поскольку подобная мера по отношению к нему не вызывалась необходимостью, а бродячие элементы и иностранцы, т. е. те, кто не был непосредственно связан с земледелием.

Эта подушная подать, по мнению Лёккёгора, превратилась в специфическую подушную подать, налагаемую на «зиммиев». Для подтверждения автор ссылается на право «зиммиев» свободно передвигаться по стране, тогда как этого права были лишены жители покоренных районов и общин, с населением которых были заключены соответствующие мирные договоры. В Сирии этот процесс превращения был ускорен, видимо, влиянием Византии, где к исходу VII в. единая подать «capitatio — jugatio» распалась на две независимые подати — поземельную и подушную.

Возможно, что дальнейшие изыскания внесут исправления и дополнения в концепцию Лёккёгора. Однако его концепция подушной подати в халифате представляется в общем более близкой к истинному положению вещей, более историчной, чем концепция, предложенная в свое время Велльхаузенем.

В последней главе «Управление Ираком» подробно описывается административное и фискальное устройство Ирака в период халифата.

В целом труд Лёккёгора представляет очерк истории становления, развития и усиления крупного феодального землевладения в халифате и связанных с ним форм эксплуатации непосредственных производителей, в первую очередь — коренного населения завоеванных стран. Автор прослеживает процесс создания имений крупных феодалов, процесс захвата ими государственных земель и непрерывного усиления эксплуатации крестьянства феодалами. Однако политические результаты экономического развития выпали из поля зрения Лёккёгора, хотя он и высказывает много правительственных соображений и догадок. В книге ничего не говорится об упорной классовой

¹⁰ D. C. Dennett. Conversion and the Poll Tax in Early Islam. Harvard University Press. Cambridge, USA, 1950.

борьбе крестьянства и городских низов, тогда как она была главнейшим фактором, определявшим развитие халифата.

В книге только мимоходом говорится о наличии арендаторов. Лёккёгор совсем не касался вопроса об издольных арендах, несмотря на то, что для Ирака, на котором и было, в основном, сосредоточено внимание автора, этот вопрос, как не раз подчеркивал А. Ю. Якубовский¹¹, представлял первостепенную важность. Вызывает удивление и то, что в книге не использован такой источник, как хроника Дионисия Телль-Махрского, ценность которой неоднократно подтверждена работами советских востоковедов.

Проблемами земельных отношений в странах Ближнего Востока занимались В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, Н. В. Пигулевская, И. П. Петрушевский, Б. Н. Заходер и другие видные советские ученые, которые внесли значительный вклад в изучение этих проблем. Однако Лёккёгор не упоминает ни работ советских ученых, ни исследований крупнейших представителей русского дореволюционного востоковедения — В. Р. Розена и Н. А. Медникова, что является существенным недостатком книги.

Отмеченные недостатки снижают научную ценность труда. Тем не менее, исследование Лёккёгора заслуживает внимания наших востоковедов и всех прогрессивных востоковедов за рубежом. Собранный в книге материал может быть весьма полезен для широкой исследовательской работы.

Л. Е. Куббель

¹¹ А. Ю. Якубовский. Об издольных арендах в Ираке в VIII в., стр. 171; его же. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 40, 45—46.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Б. Ширендыб. О кооперативном движении в Монгольской Народной Республике	3
В. Ф. Касаткин. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике	16
М. И. Рубинштейн. Второй пятилетний план Республики Индии	28
Бэзил Дэвидсон. Борьба в Южной Африке	45
А. И. Леековский. Возникновение и характер деятельности английских и индийских банков в колониальной Индии	57
И. М. Рейснер. Выдающийся индийский патриот и демократ Бал Гангадхар Тилак	73
Л. И. Думан. Жизнь и деятельность Сыма Цяня	90
А. К. Боровков. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР	101

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

О. Л. Фишман. Из «Изречений» Ли Шан-ина	111
---	-----

СООБЩЕНИЯ

А. Н. Бернштам. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв.	118
О. Ф. Соловьев. Отношения между Россией и Бирмой в XIX в.	126
А. Ю. Шпирт. Некоторые данные об изменениях в экономике колониальной Африки	135
И. М. Оранский. Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте	144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л. А. Березный и А. Н. Болдырев. Научная деятельность Восточного факультета ЛГУ в 1955 г.	152
З. З. Абдуллаев. В Институте истории и философии АН Азербайджанской ССР	158
О работе венгерских востоковедов в 1955 г. и научной тематике 1956 г.	159

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Коростовцев и Д. Г. Редер. «Всемирная история» в десяти томах. Т. I.	163
В. И. Глушин. У Чжуань-цзи. Классы и классовая борьба в переходный период	169
Г. Ф. Ким и М. А. Шафир. Законы новой жизни	173
М. Н. Пак. Новый исторический журнал в КНДР	178
Р. П. Разумова. Журнал чехословацких востоковедов «Nový Orient» (1953—1955 гг.)	189
П. А. Искендеров. Тоёда Такэси. Феодалы города Японии	195
Л. Е. Куббель. F. Løkkegaard. Islamic taxation in the classic period with special reference to circumstances in Iraq.	199

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
 Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУВЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
 Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
 А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ
 Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
 В. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. Б-1-61-23

Т-05392. Подписано к печати 8/IX 1956 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₂
 Печ. л. 17,81 Уч.-изд. листов 18,6. Заказ 549. Тираж 3375 экз.
 2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10